РОМАНОВ Борис Александрович

ОЧЕРКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1895–1907)

Текст почерпнут на сайте «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/research/romanov_ba/index.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru), sdh (glh2003@rambler.ru)

Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Романов Б. А. **Очерки дипломатической истории русско-японской войны** (1895–1907). М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. — 496 с. / Тираж 5000.

Автор: Предлагаемая книга посвящена дипломатической истории русско-японской войны 1904–1905 гг. Она рассчитана не только на читателя специалиста, но и на широкий круг тех советских читателей, у которых интерес к вопросу о дипломатической подготовке войн особенно возрос, в годы Великой Отечественной войны. ...Работая над текстом моей книги ... я все время имел в виду вопрос: как и почему царская Россия и Япония пришли к этой войне именно в тот момент, который выбрала Япония, и как и почему царское правительство вынуждено было прекратить войну именно в тот момент, когда это было категорически необходимо для истощившей свои силы Японии. Мне хотелось ответить на этот вопрос — от начала до конца всем своим изложением.

Содержание

От автора [5]
Введение [9]
Глава первая. **Завязка русско-японского конфликта (1894–1895 гг.)** [13]
1. Захватническая программа японского империализма на Дальнем Востоке [13] — 2. Сооружение Великого Сибирского пути [19] — 3. Японско-китайская война 1894–1895 гг. [29] — 4. Японская «послевоенная программа» [34]
Глава вторая. **Первые успехи царизма на Дальнем Востоке (1895–18% гг.)** [40]
1. Дипломатические соглашения 1895–1896 гг. [40] — 2. Царизм в 1893–1896 гг. [47]
Глава третья. **Царизм в борьбе за «сферы влияния» в Китае (1897–1899 гг.)** [55]
1. Аренда Ляодуна [55] — 2. Борьба двух тенденций в аппарате царизма в 1898–1899 гг. [66]
Глава четвертая. **Царизм накануне боксерского восстания (1899–1900 гг.)** [73]
1. «Безобразовская шайка» [75] — 2. Международно-политические и экономические перспективы царизма в 1899–1900 гг. [81]
Глава пятая. **Временная оккупация Маньчжурии (1900–1901 гг.)** [92]
1. Царизм и боксерское восстание [92] — 2. Витте как представитель «военнофеодатьного империализма» [97] 3. Первая попытка «сепаратного» соглашения о Маньчжурии [104]
Глава шестая. **Подготовка Японии к войне с Россией (1895–1901 гг.)** [115]
1. Японский военно-феодальный империализм в 1893–1901 гг. [115] — 2. Дипломатическая подготовка выступления Японии против «сепаратного» соглашения о Маньчжурии (март 1901 г.) [126] [495]
Глава седьмая. **Англо-японский союз (1901–1902 гг.)** [136]
1. Англо-японские переговоры [136] — 2. Вторая русская попытка «сепаратного» соглашения с Китаем и миссия Ито [143] — 3. Значение англо-японского союзного договора 1902 г. [156] — 4. Николай II и Вильгельм II в Ревеле (лето 1902 г.) [162]
Глава восьмая. **Вопрос о вывозе капитала в политике царизма (1895–1903 гг.)** [172]
1. Русский империализм в Маньчжурии и Монголия в 1895–1900 гг. [172] — 2. Основное противоречие русской экономики начала XX в. [180] — 3. Вывоз русского капитала в условиях кризиса 1900–1903 гг. [185]
Глава девятая. **Царизм на распутье (1902–1903 гг.)** [193]
1. Раскол в аппарате царизма [193] — 2. Третья попытка «сепаратного» соглашения с Китаем в апреле 1903 г. [200] — 3. «Новый курс» в политике царизма (май — июль 1903 г.) [209] — 4. Японское предложение переговоров (28 июля 1903 г.) и торжество безобразовщины [225]
Глава десятая. **Дипломатическое развязывание войны (июль 1903 — февраль 1904 г.)** [233]
1. Дипломатические шансы сторон в переговорах [233] — 2. Переговоры в августе — декабре 1903 г. [243] — 3. Русская уступка и разрыв переговоров Японией (декабрь 1903 — февраль 1904 г.) [260] — 4. Лондон в последние дни переговоров [278] — 5. К вопросу о «виновниках войны» 1904–1905 гг. [281]
Глава одиннадцатая. **Перспективы царизма в войне** [301]
1. Международная обстановка [301] — 2. Настроения в господствующих классах [313] — 3. Состояние вооруженных сил царизма [317]
Глава двенадцатая. **Первый период войны** [331]
1. До 15 июля 1904 г. [331] — 2. Ляоян и Шахэ. [343]
Глава тринадцатая. **Второй период войны** [359]
1. Порт-Артур и Мукден [359] — 2. Цусима и Бьорке [369]
Глава четырнадцатая. **Политические итоги войны** [387]
1. От Портсмутского мира к Антанте [387] — 2. Японский агрессор после войны [397]
Приложения [409]
Именной указатель
Предметно-географический указатель
Примечания

«Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей к создать, тем самым, выгодное положение для своего флота...»

«Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение... Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции...»

*Из «Обращения товарища **И. В. Сталина** к народу» («Правда», 3 сентября 1945 г.). [4]*

От автора

Предлагаемая книга посвящена дипломатической истории русско-японской войны 1904–1905 гг. Она рассчитана не только на читателя специалиста, но и на широкий круг тех советских читателей, у которых интерес к вопросу о дипломатической подготовке войн особенно возрос, в годы Великой Отечественной войны.

Разбору хода военных операций 1904–1905 гг. и причин того или иного их исхода, с точки зрения военно-исторической, посвящена книга Н. А. Левицкого.{1} Мне же приходится касаться развития военных действий лишь в связи с основной темой моего исследования. Девятнадцать месяцев собственно войны — с момента разбойничьего нападения японцев 9 февраля 1904 г. до подписания Портсмутского мирного договора 5 сентября 1905 г. — занимают лишь две из четырнадцати глав моей книги, потому что я рассматриваю войну как «продолжение политики — только иными средствами». Очаг войны на Дальнем Востоке зажжен был Японией в 1894–1895 г. в войне с Китаем. Очаг этот с той поры тлел (не затухая и порой давая яркие вспышки, например, в 1900–1901 гг.) — и вокруг него-то и развивалась изучаемая мною дипломатическая борьба. Так определилась начальная дата моего исследования: я слежу за развитием русско-японского конфликта, начиная с 1895 г., когда Япония была остановлена Россией при ее первой попытке утвердиться в Корее и в Маньчжурии и подчинить себе Китай. Невозможно вести эта [6] изучение, не выясняя одновременно империалистическую природу политики борющихся сторон: этой природой определялся и самый конфликт и его особенности.

Покровский и его «школа» отрицали империалистический характер русско-японской войны. Детальное конкретно-историческое изучение русско-японской войны с международно-политической точки зрения воочию показывает, что эта война была империалистическая — в ленинском понимании империализма как высшей стадии капитализма.

В России, как и в Японии, в каждой по-своему, империализм был оплетен густою сетью отношений докапиталистических, был империализмом военно-

феодальным.{2} Конкретно-историческое изучение позволяет различить и во внешней политике этих двух стран борьбу двух тенденций, отражающую эту специфическую черту двойственности в военно-феодальном империализме. По состоянию опубликованного и изученного мною материала, естественно, оказалось возможным глубже и шире осветить здесь дальневосточную политику России и показать, как «к этой войне толкали царское правительство крупная буржуазия, искавшая новых рынков, и наиболее реакционные слои помещиков».{3} Такова первая задача моей книги.

Но «в своих захватах на Дальнем Востоке царизм столкнулся с другим хищником — Японией, которая быстро превратилась в империалистическую страну и тоже стремилась к захватам на азиатском материке, в первую очередь за счет Китая» и «так же, как и царская Россия, стремилась забрать себе Корею и Манчжурию».{4} Показать в цифрах и фактах десятилетия, предшествовавшего войне 1904–1905 гг., *планомерный* захватнический характер политики японского империализма — такова вторая, не менее существенная задача этой книги. [7]

Русско-японская война была, однако, только одним из актов международной борьбы за раздел Китая и за господство на Тихом океане. Именно «с конца XIX столетия империалистические государства начали усиленную борьбу за господство на Тихом океане, за раздел Китая».{5} Уже по одному этому ни одна великая держава (ни Англия, ни Германия, ни США, ни Франция) не могла не принять того или иного, прямого или косвенного, участия и в развитии русско-японского империалистического конфликта на всем его. протяжении, не говоря уже о войне 1904–1905 гг. непосредственно. Но ни происхождение, ни ход, ни развязку русско-японской войны нельзя конкретно и до конца понять вне связи ее и с генеральной линией развития мировых международных отношений, определявшейся год от году все явственнее назреванием англо-германского империалистического конфликта. И Германия, и Англия были заинтересованы в том), чтобы привлечь Россию каждая на свою сторону на случай мировой войны и не оставлять ее в роли «третьего радующегося». Этого же можно было достигнуть только ценой такого военного ослабления царизма, которое подорвало бы и его дипломатическую сопротивляемость. Предел политике подталкивания царизма к войне и поощрения Японии к агрессии был положен (весной 1905 г.) сочетанием поражений царизма на театре военных действий и нараставшего натиска сил революции. К моменту Портсмутской мирной конференции Англия и Германия, как и буржуазия других великих держав, направили свои усилия к прекращению войны — из страха перед возможной победой революции в России и чрезмерным усилением Японии. Показ этой сложной перекрещивающейся работы дипломатий всех шести упомянутых держав, работы, результатом которой явилось первичное оформление Антанты в 1907 г., — такова третья задача моей книги. Как ни тенденциозны и, часто, отрывочны послевоенные публикации английских, германских и французских дипломатических [8] документов, они все же дают возможность сделать попытку решить эту задачу на основании документов.

«Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу

страну черным пятном».{6} Вот почему, работая над текстом моей книги в плане указанных трех задач, я все время имел в виду вопрос: как и почему царская Россия и Япония пришли к этой войне именно в тот момент, который выбрала Япония, и как и почему царское правительство вынуждено было прекратить войну именно в тот момент, когда это было категорически необходимо для истощившей свои силы Японии. Мне хотелось ответить на этот вопрос — от начала до конца всем своим изложением. Все детали его должны показать, что «не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению» в русско-японской войне 1904–1905 г. и что самодержавие было именно «гробом повапленным» в области внешней защиты нашей страны.{7} Только благодаря Советскому строю тот же народ мог смыть это черное пятно разгромом фашистской Японии в 1945 г.

Читатель, вероятно, заметит, что в своей «дипломатической истории» я не раз и иногда надолго останавливаю его внимание на фактах из «внутренней» истории и жизни России и Японии, по возможности не нарушая хронологической последовательности изложения, в поисках связи и взаимодействия между столь «разнородными», на первый взгляд, сферами. В отличие от дореволюционной историографии, такая постановка «дипломатической истории» представляется мне обязательной в наше время и в нашей стране.

25 декабря 1946 г. [9]

Введение

В ночь с 26 на 27 января ст. ст. 1904 г. несколько японских миноносцев внезапно, без предварительного объявления войны японским правительством, атаковали русскую эскадру в Порт-Артуре.

Она стояла на внешнем рейде с непотушенными огнями, без предохранительных сетей и без паров. В результате два русских броненосца (Ретвизан и Цесаревич) и один крейсер (Паллада) оказались выведенными из строя, а эскадра в целом — обессиленной на долгий срок. В ту же ночь 3-тысячный японский отряд высадился на корейском побережье (в Чемульпо) и занял столицу Кореи Сеул. Утром 27 января эскадра адмирала Того обстреляла внутренний порт-артурский рейд и нанесла повреждения еще трем крейсерам (Диане, Аскольду и Новику) и броненосцу (Полтаве), а днем в Чемульпо, после короткого и неравного боя с эскадрой адмирала Урну, крейсер Варяг и канонерская лодка Кореец были затоплены самими русскими, чтобы не быть взятыми в плен.

Этот двусторонний маневр японцев явственно застиг врасплох русское командование в Порт-Артуре, хотя пресловутому адмиралу Е. И. Алексееву, наместнику на Дальнем Востоке, и было известно, что Япония разорвала дипломатические отношения с Россией еще 24 января, а все японские подданные вместе с консулом покинули Артур на английском пароходе в 5 часов вечера 26-го.{8} [10]

Адмирал С. О. Макаров специальным письмом предупредил морского министра о возможности неожиданного нападения японцев на русскую эскадру, однако никаких практических мер по усилению бдительности не было принято.

В Петербурге, в министерстве иностранных дел, с самого момента разрыва ждали, что «война может начаться без торжественного объявления ее». На дневном дворцовом совещании 26 января ст. ст. Ламсдорф, министр иностранных дел, выразил уверенность в том, что японцы «вероятно, на этих днях выкинут что-либо очень необычайное». Однако, «если японцы сами не начнут военных действий флотом», а предпримут оккупацию Кореи хотя бы до самой маньчжурской границы, решено было «не считать» это «за начало военных действий» и допускать высадку японцев всюду, кроме крайней северной береговой полосы Корейского залива, значительно севернее Чемульпо — до 38-й параллели. И Николай согласился телеграфировать в этом смысле Алексееву «категорично, к исполнению».{9}

Царское правительство готово было целиком отдать Корею Японии и по договору, в последнем проекте которого русская сторона настаивала только на неиспользовании японцами корейской территории в стратегических целях. Но и в случае разрыва дипломатических переговоров оно готово было предоставить Японии захватить Корею, а самому ограничиться затем платоническим протестом в дипломатическом порядке — лишь бы не ввязываться в войну.{10}

В данный момент в Петербурге, в числе других, и у царя являлось сознание, что «война безусловно невозможна», что «время — лучший союзник России», что «каждый год нас усиливает». Военный министр Куропаткин также мечтал «оттянуть» войну на 16 месяцев — до окончания постройки

Кругобайкальской ж. д. и усиления Китайской Восточной ж. д., [11] пока пропускавшей только 3 поезда в сутки, — или «хотя бы на 4 месяца», чтобы «послать все подкрепления».{11}

Между тем Япония, нанеся серьезные повреждения порт-артурской эскадре и захватив столицу Кореи, в одни сутки сделалась господином на море и открыла себе возможность ведения континентальной войны. Японское правительство, очевидно, не довольствовалось одной Кореей. Оно не довольствовалось и данным ему в декабре 1903 г. обязательством русского правительства уважать все права и преимущества, приобретенные Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем (в частности в Маньчжурии).{12} Оно стремилось к захвату не только Кореи, а и Маньчжурии, которую царизм пока не успел еще закрепить за собой. Оно открыло войну разбойничьим нападением, без объявления войны, в момент, когда учуяло опасность срыва своего военного плана посредством дипломатических маневров противной стороны — между тем как «каждый день, чуть не час промедления увеличивал шансы в пользу России».{13} По удостоверению Гаяси, японского посла в Лондоне, за месяц до нападения, японский кабинет хотел войны, ибо, «иначе Япония упустит последний благоприятный случай».{14} Но дело здесь было не только в том, что японский военно-феодальный империализм в 1903 г. полностью закончил свою подготовку к континентальной войне, а и в том, что военная развязка конфликта с русским военно-феодальным империализмом оказалась теперь желательной для некоторых «великих держав» (особенно Германии и Англии), ввиду быстро надвигавшегося мирового империалистического столкновения. [12]

Открытие военных действий на Дальнем Востоке в январе 1904 г. не могло быть и не было неожиданностью ни для кого — и меньше всего для царского правительства. Последнее десятилетие (1895–1904) Россия и Япония — обе неуклонно шли и каждая по-своему готовились к кровавому столкновению. Причины его определялись всем ходом внутреннего развития экономики и классовой борьбы двух соперничавших государств и были теснейшим образом связаны с перерастанием мирового капитализма в империализм. Русско-японская война является войной империалистической.

Застрельщиком и агрессором в русско-японском конфликте выступила Япония еще в 1894 г., когда она, предприняв «захватническую войну против Китая, дала толчок общему обострению дальневосточной проблемы».{15} [13]

Глава первая.

Завязка русско-японского конфликта (1894–1896 гг.)

1. Захватническая программа японского империализма на Дальнем Востоке

Русско-японская война была сплошным рядом неудач и поражений для царского самодержавия и решила в пользу агрессивного японского империализма важнейший вопрос о судьбе Маньчжурии и Кореи.

В силу Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября) 1905 г.. которым закончилась война, и вытекавших из него дальнейших русско-японских соглашений, Япония отвоевала себе рынки сырья в Корее и в южной Маньчжурии, получив возможность создать новую железо-угольную базу для японской промышленности. Она не меньше, чем вдвое, увеличила площадь для развития своего капитализма вширь и использовала вновь захваченную территорию в качестве плацдарма для развертывания своих армий как против России, так и против Китая. Иными словами, Япония вышла из войны «первоклассной державой» и стала в ряд старых империалистических хищников как крупнейший фактор международной политики.

Это была та программа, с которой Япония выступила на международную арену еще за 10 лет до того (в 1894–1895 гг.) в войне не с Россией, а с Китаем. Тогда, после [14] совершенно феерического разгрома отсталой китайской армии японскими войсками, хорошо обученными и укомплектованными на основе всеобщей воинской повинности (введена, почти одновременно с Россией, в 1873 г.) и вооруженными по европейскому образцу, 5/17 апреля 1895 г. в городе Симоносеки был подписан мирный договор, по которому Китай навсегда отдавал Японии все побережье южной Маньчжурии с Ляодунским полуостровом, а Корея, оккупированная японцами в ходе войны, начисто «освобождалась» из-под китайской зависимости и фактически поступала под японский протекторат.{16} Но дело тогда сорвалось. Под угрозой войны одновременно с Россией, Францией и Германией, выступивших о решительным протестом против такого, неожиданно и резко (для того момента) менявшего всю империалистическую конъюнктуру, захвата, Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова и ограничиться приобретением островов (Формозы и Пескадорских) на юге Китая. Имея в виду начавшуюся именно с этого покушения Японии на китайскую территорию эру империалистической борьбы за «сферы влияния» и концессии в Китае, Ленин еще в 1901 г. писал: «Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии».{17}

Но эта программа уже тогда, по мере развертывания японских успехов, в безудержной шовинистической агитации связывалась не только с кличем «на Пекин», а и с идеей «великой» Японии, которая должна была включить в свой состав Курильские острова, Сахалин, Камчатку, Формозу, Корею, Маньчжурию и большую часть восточной Сибири.{18} И в 1994–1895 гг. олигархическое, клановое правительство [15] графа Ито, спасаясь от внутренних затруднений в борьбе с молодым японским парламентом, открытым всего только в 1890 г.,

впервые приступало к реализации завоевательной программы, предвосхищавшей «потребности» всего будущего развития японского капитализма.

Так и расценил это выступление Японии Ленин, сделав в одну из своих тетрадей по империализму (с нота-бенэ и с пометкой: «к оценке войны 1894–5 г.») выписку из «Мировой истории современности» Вирта о том, что «вскоре после Симоносеки японские писатели сравнивали войну против Китая с войной Пруссии против Австрии», и приписав: «потом де союз против Европы. Этот взгляд выразил особенно резко принц Конойе, президент японской верхней палаты». То обстоятельство, что Ленин четырьмя чертами отчеркнул строки о принце Конойе и именно к ним сделал вышеприведенную пометку, указывает на то, что эта аналогия Пруссии 1860 г. и Японии 1894–1895 гг. обратила на себя внимание Ленина особенно тем, что была поддержана влиятельнейшим империалистическим политиком Японии, стоявшим в последующие годы во главе «Национального союза», с его агитацией по маньчжурскому вопросу в 1900-х годах. Зерно агрессии, которое было заложено в японском империализме уже в 1894 г., и дало непосредственный всход в русско-японской войне 1904–1905 г.{19} А в процессе подготовки второй мировой войны эта программа «великой Японии», практически заявленная впервые в 1894–1895 г., была развита во всем объеме в пресловутом меморандуме бывшего премьера Танака. «Для того чтобы завоевать Китай, — говорится в меморандуме, — мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сперва завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские сараны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушить наши [16] права... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы».{20}

Частичная неудача, постигшая Японию в 1895 г., ничего не меняла в том основном факте, что молодая капиталистическая страна, хотя и окутанная всяческими феодальными пережитками, перейдя (после так называемой революции Мейджи 1868 г.) на рельсы самостоятельного национально-буржуазного развития, сумела выставить 70-тысячную армию и проделала победоносную 8-месячную континентальную кампанию, приковавшую к себе внимание всего капиталистического мира. Эта неудача не только не умаляла, а даже увеличивала значение того факта, что новая свежая сила, выступавшая в лице Японии на восточноазиатском театре в момент обострения борьбы в империалистическом лагере за раздел мира, вынуждалась теперь отказаться от дипломатической самостийности в своих дальнейших выступлениях и искать поддержки третьей империалистической великой державы на началах взаимности. Последнее было тем легче, что японская буржуазия (как бы работая уже на всех империалистов) провела в мирные условия требование об «открытии» для иностранной торговли нескольких китайских портов и первая добилась разрешения открывать *промышленные* предприятия в Китае, пролагая путь *вывозу капитала* туда.{21}

Эта неудача, наконец, только укрепляла агрессивно-империалистические тенденции дальнейшего развития Японии, ибо оставляла у власти в полной

силе милитаристскую партию с генералитетом во главе, сулившую удовлетворить интересы как многочисленного феодального класса самураев, так и буржуазии.{22} Милитаристская партия и объединила интересы [17] обоих этих классов на путях агрессивной внешней политики, которая поставила, по терминологии Ленина, «монополию военной силы» на место «монополии современного, новейшего финансового капитала»,{23} тем самым восполняя сравнительную слабость капиталистической Японии, страны тогда по преимуществу легкой промышленности. И, наконец, чистые 125 миллионов рублей, оставшиеся японскому правительству от 350-миллионной контрибуции (за вычетом военных расходов) вливались теперь живою кровью в государственное хозяйство страны. Все это стимулировало капиталистическое развитие и накопление во всех отраслях народного хозяйства, обслуживавших военные потребности.{24}

После капитуляции перед натиском Германии, Франции и России Япония лихорадочно принялась всесторонне (в том числе и идеологически) готовиться к войне с Россией, в полном сознании того, что именно царская Россия явилась инициатором тройственного выступления и именно она является настоящим претендентом и на Маньчжурию и на Корею. Япония лихорадочно спешила закончить свои военные приготовления до окончания русскими постройки Великого Сибирского пути, начатой в 1891 г.

Япония, пережив в 1877 г. восстание 40 000 вооруженных самураев, под руководством клана Сатсума, на почве недовольства слабостью политики правительства в отношении к Корее, находилась с тех пор в состоянии лихорадочной подготовки китайской войны и модернизации всего своего политического, финансового и военного аппарата, рассчитанных на одного только отсталого китайского противника. В самый разгар этой подготовки, когда только что кончилась исполнением морская восьмилетняя судостроительная программа (с 1882 г., 32 корабля в 30 000 тонн водоизмещением, [18] 27 млн иен), ежегодный расход на армию подскочил с 10 до 15 млн иен (в 1890 г.), введен подоходный налог (1887 г.), на полном ходу была конверсия всех внутренних займов (на сумму в 120 млн иен), когда только что введен был свободный размен, — закладка во Владивостоке русской железной дороги должна была вызвать новый взрыв шовинистической агитации в самурайщине, а в 1892 г. японское правительство ответило на это внесением в парламент проекта постройки первого государственного сталелитейного завода.{25}

Никак дипломатически не подготовив своего торопливого покушения на китайский и корейский материк в 1894 г. и потерпев неудачу, японские милитаристы развивали в дальнейшем строго рассчитанные темпы технической подготовки новой войны, не упуская ничего и для крепкой политической ее подготовки.

Дипломатический урок, полученный Японией в 1895 г., выдвигал необходимость выдержанной дипломатической подготовки вторичного выступления, с учетом и использованием всех возможных шансов и гарантий в ходе международных отношений последующих лет.

Поэтому работа русской дипломатии, после того как ей удалось в 1895 г. сбросить Японию с материка, в дальнейшем, казалось бы, должна была

направиться на то, чтобы, любым способом оттянуть вторичное выступление Японии, пока не будет открыто движение по сибирскому пути в полном объеме, не говоря уже и о завершении чисто военно-технических мероприятий. Кроме того, казалось бы, работа русской дипломатии должна была стремиться и к политической изоляции врага. Между тем именно в этом пункте царское правительство обнаружило полное бессилие, поскольку осуществляемая им на Дальнем Востоке политика шаг за шагом сколачивала тот англо-американо-японский империалистический блок, который противостоял самодержавию до самого конца русско-японской войны. [19]

2. Сооружение Великого Сибирского пути

Если не считать прямых военных расходов 1904–1906 гг., то одно только выполнение плана Великого Сибирского пути до начала военных действий в течение десятка лет поглотило около 1 млрд рублей. О такой сумме, впрочем, и не заикались в 1891 г., и тогдашний первоначальный проект исчислял строительную стоимость дороги по русской территории (о проведении части ее через Маньчжурию тогда речи не было) в 350 млн. Проект рассчитан был на 12 лет. На этот срок в бюджете ежегодно должен был бронироваться расход, в среднем около 30 млн. Для тех лет это была неслыханная сумма, как неслыханной и бившей мировой рекорд была и самая протяженность железнодорожной линии в 7 с лишним тысяч верст. Ее мировая предшественница, Канадская Тихоокеанская ж. д., законченная постройкой англичанами в 1886 г., охватила всего ок. 4 1/2 тыс. верст. Ежегодные 30 млн. руб. на строительство Сибирской дороги увеличивали обыкновенный бюджет российского путейского ведомства (против, его 56 млн руб.) на 60%, а его «чрезвычайные» ежегодные расходы, если брать среднюю цифру за десятилетие 1881–1890 гг., расходовавшуюся не только на постройку новых путей, но и на выкуп в казну частных железных дорог, возросли бы вдвое.{26}

Вопрос о постройке железных дорог в Сибири во второй половине 80-х годов, когда он в последний раз был серьезно поставлен в Петербурге в правительственных и предпринимательских кругах, проходил, однако, в условиях только что достигнутой бюджетной бездефицитности и решительной приостановки отпуска средств на казенное железнодорожное строительство; на 1891 г. у царского правительства имелся всего 1 миллион для приступа к работам на западносибирском участке от Челябинска. Если тем не менее царское [20] правительство бралось теперь за осуществление своего грандиозного проекта и начало в этом году строительные работы сразу с обоих концов (от Челябинска и от Владивостока), да к тому же категорически отказалось от передачи дела в руки как своих, так и иностранных (американских и французских) частных капиталистов и принимало его всецело на средства казны, — то приходится думать, что делу этому придавалось исключительное политическое значение для самодержавия и имелось в виду довести строительство до конца не без некоторой помощи международного кредита. По всему видно, что со строительством дороги теперь даже спешили и, ради экономии, отказывались, от ряда необходимых технических условий постройки, открыто мирясь с близкою перспективой коренной переукладки полотна чуть ли не на протяжении всей линии.{27}

В первую очередь речь тут шла об *обеспечении обороны* далеких Приморской и Амурской областей. Действительно к изысканиям (в частности, на уссурийском участке) *впервые* было приступлено в 1887 г. по тревожным вестям от местных военных властей, а в 1890 г. Александр III потребовал «скорейшего» приступа к постройке уссурийской линии от Владивостока, как только узнал о том, что Китай с помощью англичан вознамерился подвести железную дорогу от Пекина к русско-корейской границе у г. Хунчуня, верстах в ста от Владивостока. Самые же тревоги эти явились после того, как в 1885 г. Россия сама покусилась предоставить своих военных инструкторов корейскому правительству для обучения корейских войск, а заодно и получить от него один из незамерзающих корейских портов для стоянки своего военного флота, — и отступила тогда только перед угрожающим [21] маневром английского флота, поспешившего занять один из островных портов у самого входа в Корейский пролив.{28}

В процессе постепенного расчленения Китайской империи, начатого по ее окраинам европейскими государствами во второй половине XIX в., англо-русское столкновение вокруг Кореи середины 80-х годов не было первым сигналом того, что очередь теперь дошла и до этого вассального владения маньчжурской династии, сидевшей в Пекине. Корея уже до того стала предметом интереса международного капитала, и не только — опередившая, правда, всех остальных — Япония в 1876 г., но и Америка, Англия, Германия, Италия. Россия и Франция с начала 80-х годов одна за другой спешили особыми договорами с корейским правительством, минуя Китай, открыть дорогу своей торговле в Корее.

Если для прочих государств эти акты были не более как предварительным политическим шагом, то для Японии Корея уже тогда была не только рынком, обороты с которым доходили (в 1886 г.) до 2 1/2 млн долларов (против 14 тысяч России), но и предметом политических вожделений самурайского шовинизма. Оформившееся с 1879 г. тайное общество «Черного океана» ставило своей задачей создание континентальной Японии и на первых же порах искало организационной опоры в использовании групповых противоречий в господствующем классе самой Кореи для политического переворота там в пользу Японии. Последняя попытка в этом роде, со вводом войск в Сеул, сделана была японским правительством в 1884 г. (ей предшествовали военные экспедиции 1875 и 1882 гг.). Кончившись неудачей, она повела, однако, к заключению японо-китайского договора о невводе в Корею тех и других войск без взаимного предупреждения. Уже это [22] соглашение обращало в призрак китайский суверенитет в Корее.{29}

Именно со стороны Японии, водворись она в Корее не только экономически, а и политически, угрожала бы единственная реальная опасность приморским владениям Росши, если бы они попрежнему были предоставлены самим себе и лишены железнодорожной связи с центром своей метрополии. Но тут уж не могло быть ничего среднего на данном этапе: или растущая, по мере военного и экономического усиления капиталистически развивавшейся Японии, уязвимость русских владений на берегах Японского моря, или, по соединении Владивостока с Европейской Россией железнодорожным путем, резкая перемена в соотношении сил на Дальнем

Востоке в пользу царизма, который получил бы возможность перекидывать сюда в сравнительно короткий срок любую вооруженную силу из общеимперской своей армии.

Таким образом, стратегическое, в *первую очередь* оборонное, значение Сибирского пути для России неоспоримо. Что в данный момент царская дипломатия (как и все другие) недооценивала значения «маленькой» Японии и заостряла свое внимание на Китай, за спиной которого отчетливо выступала тень Англии, — это не меняет дела.{30}

Но с постройкой Сибирского пути была тесно связана надежда правительства и российской буржуазии найти выход и из *экономических* затруднений: казалось, что здесь открываются широчайшие перспективы для развития русского капитализма. Вот, например, как защищали необходимость постройки Сибирского пути в 1889 г. представители русского купечества на Нижегородской ярмарке: «Этот паровой [23] путь будет иметь громадное значение для России и вызовет значительное *оживление русской промышленности;* он соединит через Россию с Европой 400 миллионов китайцев и 35 миллионов японцев. Упорные усилия, делаемые Германией для овладения рынками Тихого океана, усилия, которые были сделаны для прорытия Панамского канала, показывают наглядно, что вскоре разыграется в Тихом океане уже и теперь начавшаяся экономическая борьба. Теперь Канадская ж. д. отвлекла часть грузов (шелк, чай), которые до сих пор шли в Европу через Суэц. Несомненно, часть этих грузов двинется через Россию, когда переезд из Европы через Владивосток до Шанхая будет совершаться в 13–20 дней, вместо 45 дней через Суэц или ныне 35 дней по Канадской ж. д.».{31}

А вслед за представителями капитала и в правительственных кругах носились с мыслью (министр финансов Витте, в ноябрьском докладе 1892 г.), что предпринимаемый «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским востоком» последует в пользу России «не только как посредника в торговом обмене», но и как «крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока». В один Китай ввозилось тогда хлопчатобумажных и шерстяных изделий и металлов на 80–90 млн руб., между тем как весь ввоз из России туда не превышал 3 млн руб., при общем обороте по сибирской границе с Китаем не свыше 17–18 млн руб. Если же взять не один Китай, а и Японию и Корею, то будет видно, что, располагая 460-миллионным населением и делая оборот в международной торговле «в 500 млн руб.», эти страны «далеко еще не развили своих торговых сношений с Европой до предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис». И в Петербурге учитывали, что «по непосредственной своей близости» к этим странам Россия, с проведением сибирской магистрали, получит в этом отношении «важные преимущества перед всеми другими государствами Европы», [24] и склонны были приписывать своему железнодорожному предприятию значение «мирового события», «какими начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко *коренной переворот установившихся экономических соотношений между государствами*».{32}

В Петербурге отдавали себе полный отчет в том, что этот «коренной переворот» должен коснуться прежде всего Англии, которая владеет вывозом 2/3 товаров, отправляемых из китайских портов, и забивает китайскую чайную

промышленность конкуренцией своих остиндских и цейлонских чаев, и что сибирская магистраль посредством *«ветви в китайские пределы»* передаст России «роль Англии» в чайной торговле и откроет русскому капиталу «непосредственный» обмен с внутренними провинциями Китая. Но при этом были уверены, что, во-первых, железная дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах», и что, во-вторых, «с открытием дороги этот флот может быть значительно усилен и, в случае политических осложнений как в Европе, так и на азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах».{33}

Как видим, политические и экономические перспективы, связанные с Сибирской ж. д., хотя и придавали всему замыслу в далекой перспективе международно-боевой характер на арене мирового империализма, но это только в будущем. Пока же, во всяком случае, они не подразумевали никаких прямых территориальных захватов. Это было как бы вторичное присоединение к великороссийской метрополии или «экономическое завоевание» (Ленин, III, 463) громадной и многообещающей полосы Сибири в 1 420 000 кв. верст (считая [25] по 100 верст от дороги в обе стороны), равной тогдашним Германии, Австро-Венгрии, Голландии, Бельгии и Дании., т. е. колониальной территории, которой надолго хватило бы и не такому «средне-слабому» (Ленин) капитализму, как тогдашний русский. Здесь же, в самой Сибири, рассчитывали посредством планомерной переселенческой политики развить житницу дешевого хлеба на заграничный вывоз (через Пермь — Котлас — Архангельск), на широкую ногу поставить разработку ее богатейших недр и в ближайшее же время: *увеличить емкость рынка сбыта* для промышленной продукции центральной России не менее, как вдвое (с 50 млн довести до 100 млн руб.).

Таким образом, громадное прогрессивное, политическое и экономическое значение Сибирского пути бросается в глаза тоже с первого взгляда. Что в данный момент царизм, может быть, недооценивал, какой огромный резервуар политических и национальных сил, враждебных царизму, вскрывается этим предприятием, — это опять-таки не меняет дела.

Такова уж была диалектика развития российского царизма, как раз в 80-х годах (в «годы реакции») с неимоверным упорством работавшего над организационным закреплением своих глубоко-феодальных основ — крепостнических латифундий и средневековой крестьянской кабалы — в строго сословном стиле и искавшего выхода из создававшихся отсюда препятствий для развития отечественного капитализма «вглубь» — «в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее <России> окраинах», на громадной колониальной территории (в 17 млн кв. км.), по размерам второй в мире после Англии (22.5 млн кв. км).{34}

Достигнув возможного предела в расширении своих среднеазиатских владений и столкнувшись там с Англией в 1885 г. на р. Кушке (на афганской границе), царское правительство [26] закрепило завоеванный хлопковый район постройкой военной Закаспийской ж. д. и дипломатически оформило новое

«афганское разграничение» в 1887 г.{35} На Балканах, в Болгарии, где царское правительство после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пыталось в 80-х годах захватить в свои руки железнодорожное строительство и продолжить свою железнодорожную сеть в стратегическом плане вторичного наступления на Константинополь, — в Болгарии самодержавие также столкнулось, в конечном счете, с английской «интригой», вдохновившей, так наз. Филипопольский переворот 1885 г. Этот переворот болгарский князь Александр Баттенбергский произвел вопреки Александру III. И к концу 1886 г. оформился (на целое десятилетие) разрыв дипломатических отношений с Болгарией. Правда, тотчас же банковский капитал, сначала в лице петербургского денежного магната С. Полякова, потом французского Оттоманского банка, предлагал Александру III совершить биржевым путем скупку акций балканских железных дорог с последующей передачей их русскому правительству, но к удивлению биржевиков оно с истинно феодальным недоверием отнеслось к этому новому способу империалистического захвата и отклонило проект, так и мотивируя, что «если Россия завоюет Балканский полуостров, то и дороги будут в ее руках, в противном же случае и дороги эти для нее не представляют интереса». А воевать в данный момент на европейском театре Россия не была готова ни в военном, ни в дипломатическом отношении.{36}

Та же Англия стала на пути и банковско-железнодорожных планов относительно Персии, развившей свои торговые [27] «обороты с Россией к 1886 г. до 15 млн руб., а к 1888 г. и до 20 млн. Несмотря на то, что на этот раз о железнодорожной концессии от Каспийского моря до Персидского залива хлопотали не только французы через подставных русских (1889 г.), но и коренные московские тузы (1888 г.), проекты эти, после некоторых колебаний, из боязни осложнений с Англией, были захоронены и заменены обязательством правительства шаха (1890 г.) вообще не разрешать никому постройки железных дорог в Персии в течение ближайших 10 лет.{37}

Направляя теперь железнодорожное строительство *за Урал* в пределах *своих* собственных давних владений, самодержавие на первых порах не рисковало здесь никакими столкновениями, а тем временем параллельно шло бы и перевооружение его армии, на которое по пятилетней программе, принятой в 1890 г., отпускалось 132 млн руб. — и сделан был (в 1890 г.) заказ ружей во Франции. Пресловутое вынужденное «миротворчество» Александра III во внешней политике на европейской арене, подвергавшееся временами яростным нападкам со стороны российских шовинистов-империалистов в лице Каткова, могло рассчитывать здесь взять свой реванш в многократном масштабе.{38} [28]

Чрезвычайно характерно, что строительство сибирской ж. д. не претерпело даже и временной заминки вследствие постигшего страну как раз в эти (1891 и 1892) годы небывалого голода. Более того, можно думать, что именно голодные годы и послужили толчком к тому, чтобы Витте развернул первоначальный железнодорожный проект в большой экономический план в упомянутом выше ноябрьском докладе 1892 г.

Насколько, при этом, рискованный прыжок через подорванные, казалось бы, голодом бюджетные возможности требовался теперь для того, чтобы

двинуть вопрос о постройке сибирской дороги в полном объеме, можно судить по тому, на какой неожиданный финансовый трюк пустился тут Витте: он попросту предложил начать строительные работы на те кредитные билеты (ок. 90 млн руб.), которые поступили из государственного казначейства в Государственный банк для уничтожения. Но этот скрытый заем производился, можно думать, в расчете на могущественную финансовую поддержку Парижа, только что крепко связавшегося с российским самодержавием союзным договором (9–15 августа 1891 г.), тем более, что именно экономические перспективы и международно-политическое содержание зауральского плана самодержавия совпадали тогда с интересами французского империализма — в его соперничестве с империализмом английским.

План этот практически развивался на гребне начавшегося вскоре бурного промышленного подъема 90-х годов и на основе гигантских «хищнических» (Ленин, V, 55) успехов самодержавия, неудержимо втягивавшегося в «новейшую стадию развития капитализма» при благоприятно сложившейся для этого и международной конъюнктуре. Но план этот, как только он в своем империалистическом развитии дошел до русской государственной границы и перевалил за нее, оказался слишком громоздким и в руках зарвавшегося царизма совсем негибким и далеко еще не был закончен даже внешне, в чисто железнодорожной своей части, — как царскому правительству [29] и русскому капитализму пришлось иметь дело с совсем иной обстановкой.

3. Японско-китайская война 1891–1895 гг.

Постройка дороги на первых же порах пошла такими быстрыми темпами, что весной 1894 г. явилась возможность значительно сократить намеченные ранее сроки. Вместо 1903 г. теперь проектировали уже открыть движение по всей линии к 1901 г., а без амурского участка — даже к 1899 г. Однако «гроза разразилась на Дальнем Востоке раньше, нежели царское правительство успело закончить Сибирскую дорогу и явиться во всеоружии к своим дальневосточным рубежам».{39} В тот день, когда принимался в Петербурге этот проект, на юге Корейского полуострова поднялось движение под лозунгом «долой иностранцев», давшее повод ввести в Корею сначала китайские, а затем (автоматически, по договору 1885 г.) японские войска, и использованное японским правительством, после бесплодных переговоров с Китаем, как предлог для открытия войны против Китая, якобы, в защиту независимости Кореи (1 августа 1894 г.).{40} [30]

Япония шила тут совсем белыми нитками: восстание на юге на первых же порах было подавлено силами самого корейского правительства, и *формально* японо-китайское дипломатическое препирательство возникло вокруг непринятого Китаем предложения Японии совместно произвести административные реформы в Корее. На деле, как только японцы накопили в Сеуле достаточное количество войск, они «внезапно» арестовали и перевезли в свою миссию корейскую королевскую семью (11–23 июля), в тот же день, не объявляя войны, напали недалеко от Чемульпо на три транспорта с китайскими войсками, захватив один и пустив ко дну остальные, посадили регентом в Сеуле 80-тилетнего старца, отца арестованного короля и заставили его принять на корейскую службу 50 японских «советников», объявить (15–27

июля) от имени Кореи войну Китаю и обратиться к Японии за помощью для изгнания китайских войск. Упорно отклоняя всякие попытки дипломатического вмешательства со стороны европейских держав, японское правительство, очевидно, решило добиться политического оформления завоеваний, которые успел к этому моменту проделать японский капитализм, доведший цифру своих торговых оборотов с Кореей до 6 млн долларов и разбросавший по корейским городам до 20000 своих торговых агентов, заручиться промышленной монополией в Корее и поставить Корею полностью под свой контроль.{41}

На первых порах в Петербурге и приняли во внимание только вытекавшую отсюда возможную перспективу нарушения «неприкосновенности» и потери «независимости» Кореи в пользу Японии и намечали варианты компенсации, в таком случае, на корейской же территории в пользу России. Но. когда 70-тысячная японская армия (а о такой армии на Дальнем Востоке тогда ни у кого и речи быть не могло), заняв [31] всю Корею, погнала китайские войска по Маньчжурии чуть не до Пекина и заняла порты Вейхайвэй и Артур, залив его кровью мирного китайского населения, и когда затем в мирных переговорах японское правительство потребовало от Китая уступки всего южноманьчжурского побережья и признания «независимости» Кореи, — значение японских побед и дальнейшие перспективы для русского правительства предстали совсем в ином свете. И новое положение вызвало в Петербурге разногласия и колебания, как быть.{42}

Подписание японо-китайского мирного договора было назначено на 8/20 апреля 1895 г., мирные условия стали известны в Петербурге в середине марта и, при невыясненности позиций Франции и Германии, совсем определилась позиция Англии. С самого начала поведя двусмысленную игру закулисного подстрекательства то одной, то другой стороны, английская буржуазия теперь открыто в своей прессе приветствовала возможность противопоставить России сильную Японию и, разумеется, отклонила русское предложение о вмешательстве в ход японо-китайских переговоров.{43} И вот 25 марта князь Лобанов (министр иностранных дел) так поставил вопрос перед Николаем: надо выбирать между Китаем и Японией как возможными союзниками России в будущем, и «если настоящее наше положение на Дальнем Востоке нас удовлетворяет», и если Россия там не будет вести активной политики, то слабый Китай будет лучшим ее союзником. Но если Россия будет искать удовлетворения своих «насущных потребностей» на Дальнем Востоке посредством «наступательных действий», то необходимо соглашение с Японией. Таких «насущных потребностей» Лобанов указал две: 1) приобретение незамерзающего порта в Тихом океане и 2) присоединение части северной Маньчжурии, необходимой [32] для более удобного проведения Сибирской ж. д., — но «у Китая нет порта, который мог бы быть уступлен России», а части Маньчжурии он добровольно не отдаст. Иными словами, Лобанов предлагал отступить перед агрессором и приступить к дележу Китая совместно с Японией на основе полюбовного соглашения. И Николай согласился не требовать изменения японских мирных условий и высказался за *приобретение* (по соглашению с Японией) *незамерзающего порта на юго-*

востоке Кореи, который соединялся бы с русской территорией «полосой земли».{44}

Но в ближайшие затем дни положение круто изменилось. Германия, стремясь заручиться русской поддержкой в намеченном ею захвате какого-либо «опорного» пункта в Китае, заявила о своей готовности присоединиться к любому шагу, который Россия сочла бы нужным сделать, чтобы заставить Японию уйти из Маньчжурии. Франция же вызвалась «сообразовать свои действия с нашими». При этих новых данных вопрос о дальнейшем образе действий России перешел (30 марта) на обсуждение Особого совещания царских министров. Решительным противником соглашения с Японией и уступки ей южной Маньчжурии выступил Витте, представлявший буржуазную тенденцию в русском правительстве и искавший развязать и использовать теперь капиталистическую стихию на службе самодержавию, в частности на международной арене империализма на Дальнем Востока.

Он заявил, что настоящая война направлена *прямо против России,* что «если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской ж. д. потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами», — и потребовал предъявления Японии ультиматума об очищении южной Маньчжурии, так как «нам выгоднее решиться на войну теперь, [33] ибо иначе России придется в будущем нести гораздо большие жертвы».

Понятно, что такое убеждение в неизбежности, в будущем, столкновения с Японией делало для Витте неубедительным возражение (в. кн. Алексея Александровича, легендарного по части растрат и взяток, шефа морского ведомства), — что на этом пути Россия наживает себе «вечного врага» и заставляет японцев «силою обстоятельств быть заодно с англичанами». Для Витте вечного врага из японцев делал самый факт постройки дороги к Владивостоку. И в совещании министров Витте настоял на своем, пригрозив, что, «в случае неудачного решения этого вопроса, мы рискуем потерять все, что с таким трудом сделано для упорядочения наших финансов». Но стоило спустя каких-нибудь два дня французскому послу намекнуть на возможное ведь в таком случае и выступление Англии в защиту Японии, — и Николай (вопреки решению особого совещания) еще раз подтвердил, что он против изгнания японцев из Маньчжурии, ради приобретения теперь же незамерзающего порта в Корее. Потребовался личный нажим Витте на царя, чтобы тот, наконец, согласился свернуть с корейского курса на курс маньчжурский и пригрозить Японии войной с соединенными силами русско-франко-германской коалиции.{45}

Если бы при этом в расчет Витте входило во что бы то ни стало открыть теперь военные действия против Японии и довести дело до такого положения, которое вывело бы ее из игры на все время постройки дороги — это одно. Но расчет строился на то, что до войны-то дело как раз и не дойдет, а Япония откажется от занятия маньчжурской прибрежной полосы — и только. Так оно и случилось, и этот претерпевший жестокое дипломатическое поражение «вечный враг» остался при полной возможности на завтра же пустить в ход свою бешеную программу вооружений против России на колоссальную [34] (для

японского бюджета) сумму не менее 500 млн иен, так называемую post-bellum programme («послевоенная программа»), принятую японским парламентом в декабре 1895 г. с расчетом выполнить ее к 1902 г.{46}

Но и останься тогда Япония при своем маньчжурском захвате, — львиная доля китайской контрибуции, легшей в основу этой программы, была бы вложена немедля в такую железнодорожно-строительную программу на маньчжурско-корейской территории, которая обеспечила бы Японии непрерывное сообщение от Фузана на юге Кореи до самого Пекина и поставила бы японскую «монополию военной силы» в Китае вне конкуренции всех прочих империалистов. Об этом плане проскочили сведения в китайскую прессу накануне подписания первоначальной редакции Симоносекского договора.{47}

Такова была крупная веха, от которой и пошел уже сплошной, хоть и извилистый, путь подготовки к русско-японской войне. Теперь Япония сосредоточила все свои усилия на практическом осуществлении упомянутой post-bellum programme.

4. Японская «послевоенная программа»

В основе этой программы лежала колоссальная для тогдашней Японии сумма контрибуции, полученная к тому же с Китая только благодаря франко-русскому и англо-германскому займам, предоставленным Китаю в 1895 и 1898 гг. в течение трех ближайших лет — всего 364 млн иен (в англ. валюте 38 млн фунтов стерлингов). Можно сказать, что эта программа стала маховым колесом японской политики на [35] ближайшее десятилетие. Сумма эта значительно превышала издержки войны 1894–1895 гг., принимать ли их в 200 475 508 иен, по современному официальному отчету, или в 233 млн иен, как исчисляет их японский историк японских финансов.{48} Так как фактически эти расходы были покрыты из скопленного ранее военного фонда и бюджетных средств почти полностью, а из контрибуции было перечислено на погашение военных расходов только 54 млн иен, то японское правительство могло располагать совсем свободно в ближайшие годы (1895–1898), в течение которых Китай должен был внести всю контрибуцию, неслыханной в бюджетном обороте Японии суммой в 310 млн иен. Эта сумма почти в четыре раза превышала последний предвоенный расходный бюджет Японии 1893–1894 г. (84 млн иен), и уже это одно, по признанию знатока японской военно-финансовой истории, «чрезвычайно подействовало на умы как правительства, так и народа» и «было причиной финансовой и экономической встряски после японо-китайской войны», «события, сделавшего эпоху в истории мэйджийской Японии». Соответственно и расходный бюджет, державшийся в десятилетие 1886–1895 гг. на уровне около 80 млн иен, уже в 1897 г. вырос до 240 1/2 млн иен, дав «беспрецедентно громадное», «революционное по своей природе» увеличение в три раза.{49}

Искусственное происхождение этого скачка подтверждается уже тем, что, падая в иные годы, бюджет и в 1903 г., накануне русско-японской войны, дополз только до 250 млн [36] иен. Это не значит, что за указанные годы Япония не прибегала к повышению налоговых ставок и что ее империалистическое правительство не выжимало из народа всего, что можно было из него выжать.

Это значит только, что реальный постепенный рост налогового нажима скрыт был здесь неравномерностью в ежегодном расходовании экстраординарной суммы контрибуции, без задержек внесенной Китаем благодаря ревностному содействию международного финансового рынка. Займы, для этой цели предоставлявшиеся Китаю, стали даже предметом ожесточенной конкуренции и орудием китайской политики держав, в частности России и Англии, а вопрос о займе 1898 г. едва даже не привел к вооруженному столкновению между этими двумя странами. В результате, с точки зрения империалистических интересов царской России, получался парадокс: царское правительство косвенно содействовало «нажитому» себе в 1895 г. «врагу», Японии, в подготовке ею новой войны за ускользнувшие от нее континентальные позиции против России же.{50}

Уже в конце 1895 г. японское правительство приняло так называемую post-bellum programme — программу вооружений и ряда производительных расходов с календарными сроками, рассчитанными на то, чтобы быть готовым к нападению на Россию до окончания ею ее колоссального железнодорожного строительства (КВжд).

В основу этой программы положена была китайская контрибуция. Первоначальная редакция программы, принятая парламентом в 1895 г. (впоследствии не раз подвергавшаяся дополнениям и изменениям), включала расход на усиление морских и сухопутных военных сил в; 295 млн иен и на производительные, преимущественно железнодорожные, предприятия — в 136 млн иен, всего 431 млн иен (а к 1899 г. выросла и до 516 млн иен). Присматриваясь к военному разделу программы даже в первоначальной редакции, нетрудно [37] заметить, какие сроки в гонке вооружений ставило себе японское правительство уже в 1895 г.

Годы	Военно-сухопутн. программа (в иенах)	Военно-морская программа (в иенах)	Всего
1896/97	17250152	22 192 709	39 442 861
1897/98	21318653	60660965	81979618
1898/99	14 451 288	50 144 834	64596122
1899/1900	10 632 216	34 517 397	45 149 613
1896–1900	*63 652 309*	*167 515 905*	*231 168 214*
1900/901	7 923 867	21464692	29388559
1901/902	6883440	15 922 018	22 805 458
1900–1902	*14 807 307*	*37 386 710*	*52194017*

1902/903	2 643 206	5 181 409	7824615
1903/904	578005	2 410 660	2988665
1904/905	—	533 928	533 928
1905/906	—	72347	72 347
1902–1906	*3221201*	*8 198 344*	*11419555*

Как видно из приведенной таблицы, из общей суммы 295 млн (кругло) к 1900 г. предполагалось вложить в вооружения 231 млн. Следующие два года отмечены значительным снижением, и к 1902 г. программа выполнена была бы на 283 млн, т. е. на 95%.

На деле расходы на военно-морскую «экспансию» в 1890–1903 гг. по отчету «чрезвычайных» расходов превысили эту первоначально намечавшуюся сумму и поглотили до 355 млн иен.{51}

Не менее выразительна для характеристики лихорадочной *срочности* военно-морской подготовки Японии после 1895 г. и кривая ее военно-морского бюджета за 1896 — [38] 1903 гг. в целом (по обыкновенному и чрезвычайному разделам).

Годы	Расходы на армию (в иенах)	Расходы на флот (в иенах)	Всего
1896	35 235 931	18837197	54073128
1897	56 666 041	50097856	106 763 897
1898	53 186 747	58 547 130	11 1 733 877
1890	54 930 923	61 930 438	116861361
1900	60 621 754	52 854 939	113476693
1901	53 734 896	43 456 900	97 191 796
1902	50 475 254	36 830 517	87 305 77 L
1903	49114163	36 661 330	85 775 493
1896–1903	413 965 709	359 216 307	773 182 016

Как видим, и здесь после 1899–1900 гг. цифра военно-морских расходов заметно падает, отражая отмеченный нами перелом, связанный с исполнением экстренной программы. Чего стоило Японии это военно-бюджетное напряжение 1899 и 1900 гг., видно из того, что общий бюджет ее на 1899/ 1900 г. был сведен с значительным дефицитом (доходы 188 738 437, расходы 216 594 934), а военно-морской отдел его превысил 50% всех бюджетных расходов.{52}

В результате этой бешеной гонки в росте военных расходов к 1900 г. налоговые поступления бюджета были увеличены на 75600000 иен, что составляло половину обыкновенных доходов этого года (156 млн иен) и на 5 млн превысило весь бюджетный доход 1893 г. Между тем, по вычислению одного современного японского писателя, народный доход в Японии на душу населения в 1896 г. равнялся 3 фунтам против 44 в США и 36 в Англии, и «если бы в этих двух странах налоговое обложение было также тяжело, как в Японии, доходы там должны были бы равняться 287 600 000 фунтов вместо 89 664 000 и 231 360 000 вместо 104 800 000».{53} [39]

За всеми этими бюджетными цифрами стояла задача *утроить* численность сухопутных войск (до 13 дивизий состава 170000 чел. мирного времени и 600000 чел. военного времени) и *учетверить* тоннаж военного флота (60000 тонн 1895 г. — 278 900 тыс. тонн 1903 г.) — задача, целиком выполненная в намеченный срок.

Таково было маховое колесо политики японского империализма, пущенное на полный ход тотчас по окончании японо-китайской войны 1894–1895 гг. Post-bellum programme явилась военно-финансовой хартией японских милитаристских кругов, признанным вождем которых был уже и до японо-китайской войны и остался и впредь, до конца дней своих, маршал Ямагата, распоряжавшийся военным и морским портфелями в любом японском кабинете до самой русско-японской войны и целиком монополизировавший в своих руках всю исполнительную власть в моменты, критические для изображенного выше календаря этой программы.{54} [40]

Глава вторая.

Первые успехи царизма на Дальнем Востоке (1895–1896 гг.)

1. Дипломатические соглашения 1895–1896 гг.

Само собой разумеется, что выступление Германии, России и Франции против Японии имело целью отнюдь не охрану «неприкосновенности» Китая, а подготовку почвы для получения компенсации от «благодарного» китайского правительства. На этот раз речь пошла бы не о каких-либо торговых договорах, которые «открывали» бы новые «порты» для иностранной торговли, а о специальных соглашениях относительно ввоза в Китай иностранного капитала в промышленных целях.

Для Китая начиналась новая эра *империалистической* эксплоатации, железнодорожного и промышленного предпринимательства на основе широкого банковского участия и посредничества и национальных монополий — время борьбы великих держав за «сферы влияния» и за концессии. Отклоняя Николая от двух прямых аннексий (на крайнем севере Маньчжурии между Сретенском и Благовещенском и по северо-восточному побережью Кореи, как подсказывал Лобанов), лишь бы не уступить Японии Маньчжурию, и, очевидно, резервируя ее для русского капитала, Витте ввергал царизм в самое пекло этой империалистической борьбы.{55} [41]

Нет ничего удивительного в том, что это решительное выступление царской дипломатии предварялось и сопровождалось в России сочувственным хором воинствующих мотивов в официозной и рептильной реакционно-помещичьей печати, вроде «Гражданина», «Света», «Московских ведомостей» и «Нового времени». Не отставали от нее в этом вопросе и биржевые круги. Еще с января 1895 г. «Новости» ратовали за необходимость вмешательства держав с целью «парализовать» успехи Японии, и тут же заодно предлагали воспользоваться «вполне удобным случаем» — «разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными европейскими державами». Но ничем по существу, кроме разве крикливо-патриотической формы, не отличалось отношение к текущим задачам царской политики на Дальнем Востоке и буржуазно-либеральной «профессорской» прессы («Русских ведомостей» и «Русской мысли»). Трактуя, например, о желательности, в связи с Сибирской ж. д., «оживления» Сибири «своевременными реформами» в духе «законности» для охраны «частной предприимчивости», «Русская мысль» (в марте 1895 г.) находила «основания думать, что новорожденному японскому шовинизму не будет предоставлено широкое поле действия» — в «твердой и благоразумной политике нашего отечества». Прямо высказываясь за «желательность» вмешательства держав для ревизии Симоносекского договора, тот же орган (в апреле) пробовал оспаривать и оставленный в покое царской дипломатией пункт о «независимости» Кореи, ибо «в таком случае (т. е. если бы Корея была объявлена «независимой» и фактически подпала бы под влияние Японии, — *Б. Р.*) исчезла бы надежда приобрести незамерзающий порт на Великом океане». Это, впрочем, не помешало «Русской мысли» (в мае 1895 г.) приветствовать «полный успех» тройственного ультиматума,

«предоставлявший теперь возможность путем дипломатических переговоров [42] приобрести незамерзающий порт... и укрепить вполне наше политическое и военное положение». А из «Русских ведомостей», в продолжение той же мысли, достаточно будет прибавить аналогичное пожелание «поднять промышленные силы нашей тихоокеанской окраины и тем прочнее установить свой престиж в Азии и облегчить путь своей культурной задаче» (15 апреля 1895 г.).{56} Как видно из этой короткой справки, Витте добивался описанного решительного шага от царской дипломатии, имея за спиной достаточно разнообразную «общественную» поддержку — хотя бы и с оговоркой, что для того времени приходится в известной мере считаться с весьма условной «свободой» внешнеполитических высказываний в тогдашней периодической прессе.{57}

Однако ближайшую задачу в намеченном плане царская дипломатия видела пока не в поспешном приобретении порта, а в том, чтобы добиться от китайского правительства разрешения на прокладку железнодорожного пути до Владивостока, взамен трудного и пустынного тогда амурского участка, — по Маньчжурии. Задача эта была потруднее, чем у французов, добывших (в июне 1895 г.) согласие Китая на продолжение своих Аннамских ж. д. в провинцию Юньнань и монополию на рудники в Юньнани, Гуанси и Гуандуне; то было как никак на юге, вдали от Пекина, а здесь, в русском притязании, противники России могли увидеть угрозу самой столице Китайской империи.{58}

Витте предупреждали и свои — приамурский генерал-губернатор генерал Духовской и директор азиатского департамента министерства иностранных дел граф Капнист, — что он предпринимает неслыханный и связанный «с громадным [43] политическим риском» опыт «военно-этапной» дороги по чужой территории, что дело никак не обойдется без военного занятия Маньчжурии, что, наконец, оно никак не связано с экономическими интересами русского капитала сейчас и что последнему с Маньчжурией нечего будет и делать. Но подобные возражения, коренившиеся в феодальной ограниченности, не считавшейся с наступлением новой империалистической эры, Витте парировал, как истый империалист (в записке 31 марта 1896 г.), указаниями на то, что «между главнейшими европейскими державами, а также и Японией идет напряженное соперничество из-за экономического и политического влияния над странами Востока, и наши соперники (Англия, Франция, Германия и Япония) напрягают все усилия к тому, чтобы прочно утвердить свое влияние в Китае» посредством «получения от пекинского правительства различных привилегий», «железнодорожных концессий, а также подрядов на поставку железнодорожных материалов». Витге отсюда и делал вывод, что «при таком положении дела *Россия по необходимости должна следовать образу действии я своих экономических соперников*», во избежание того, чтобы в их руки не попали «главнейшие железнодорожные линии северных провинций Китая, не исключая и Маньчжурии».{59}

Витте отстаивал здесь превентивную политику, учитывавшую и предвосхищавшую будущие возможности и потребности русского капитализма в перспективе именно его *империалистического* развития. А на текущий день у него был уже и первый показательный пример, внушавший надежду, что аппарат крупнейших русских банков способен мобилизовать

капитал вслед строящемуся Сибирскому пути: как раз в мае 1895 г. образовалось Российское золотопромышленное общество с капиталом в 5 млн руб. на 60% из русских акционеров, с двумя крупнейшими банками (СПб.-Международным [44] и Учетно-ссудным) во главе, и на 40% из французских банкирских домов и контор — для работы по всему протяжению Сибири.{60} Почему бы не пошел русский капитал теперь на дешевый желтый труд по пятам и Маньчжурской ж. д.? И почему бы не организовать под эгидой самодержавия и иностранный капитал, и тем заинтересовать его в дальнейших политических успехах царизма на Дальнем Востоке?

Действительно, как состояние денежного рынка в мировом масштабе, так и обострение политической активности империалистических держав к моменту, о котором идет речь, оказывались весьма благоприятны для большой игры, которую в помощь официальной дипломатии самодержавия повел тут министр финансов.

Китайское правительство тотчас после Симоносекского мира вышло на берлинский, парижский и лондонский денежные рынки в поисках большого займа для уплаты Японии издержек войны. Именно антагонизм названных национальных рынков помог русскому правительству вмешаться в дело и облегчить французские условия займа предложением русской правительственной гарантии уплаты процентов Китаем. Уже в июне 1895 г. Китай имел французский заем в 100 млн руб. и, только благодаря русской гарантии, избежал учреждения интернационального контроля над своими финансами, как проектировали было (по образцу Турции и Египта) вначале заправилы французской, германской и английской групп.{61} А вслед затем сейчас же французские банки — участники займа — были вовлечены в Петербурге в дело организации Русско-Китайского банка, который должен [45] был развернуть работу на всем пространстве к востоку от Урала и особенно в Китае. Из основного капитала банка в 6 млн руб., 5/8 брали на себя парижские банки и 3/8 — СПб.-Международный банк, связанный с германскими банками. Руководство банком сохранялось, однако же, за русским правительством, так как французы получили только 3 из 8 мест в его правлении, а пятеро русских фактически были назначены министром финансов. Французам была обещана зато полная правительственная поддержка банку в случае каких-либо международных затруднений на территории Китая. Вместе с французским Индо-Китайским банком, действовавшим уже на юге Китая, Русско-Китайский банк, раскинувший сразу же свои отделения в Пекине, Шанхае и Ханькоу (центре русской чаеторговли), явился нешуточным орудием политического франко — и русско-английского соперничества в борьбе за восточные рынки.{62}

В первую очередь через Русско-Китайский банк только и оказалось возможным провести дело о маньчжурском звене Сибирского пути. Весна 1896 г., когда Витте удалось получить согласие приехавшего в Петербург Ли Хунчжана на проведение Китайской восточной ж. д., была вообще временем больших успехов русской дипломатии, не желавшей довольствоваться уже одним только «коридором» к Владивостоку. В одни и те же дни в мае — июне 1896 г. в Петербурге спешили закрепить все возможные исходные пункты программы-максимум относительно Дальнего Востока — в переговорах

одновременно с Китаем, Японией и Кореей — с тем, чтобы начисто исключить возможность вторичного появления Японии на материке.

С *Китаем* был подписан союзный договор (22 мая ст. ст.) о русской военной поддержке ему и Корее против Японии на условии предоставления Русско-Китайскому банку концессии на постройку железной дороги к Владивостоку по маньчжурской территории (о русской правительственной [46] ж. д. китайцы и слышать не хотели).{63} С *Японией*, при содействии французов, был подписан договор (28 мая ст. ст.) о совместном протекторате над Кореей, т. е. о лишении Японии преимуществ фактического военно-административного господства в Корее, доставшихся ей в 1894–1895 г., и о признании руссофильского корейского правительства, образовавшегося под давлением России в начале 1896 г.{64} С *Кореей* же состоялось секретное от Японии соглашение о введении русского военного инструктажа и русского руководства финансовым управлением страны (июнь).{65} Наконец, если на этот раз никак не было оформлено право на проведение ветви от магистрали КВжд к одному из южноманьчжурских портов, то не потому, что об этом и не заговаривали (Витте затрагивал этот вопрос с Ли Хунчжаном), а потому, что не захотели принять для нее узкую колею, как настаивали китайцы. Когда же вскоре в Корее кто-то из иностранцев получил концессию на узкоколейку, из Петербурга потребовали [47] не строить дорог с нерусской колеей и в Корее.{66} Было ясно, что царизм имеет в виду укрепить свое влияние в Маньчжурии и в Корее — в первую очередь при помощи сплошной железнодорожной сети и банков (для Кореи проектировался тогда тоже свой банк).

Русско-Китайский банк и образованное им Общество КВжд, работая параллельно, фактически и должны были осуществить «экономическую аннексию» (*Ленин*, соч. т. XIX, стр. 208) очерченного района. Русское правительство купило у банка все акции Общества (на 5 млн руб.) и в дальнейшем брало на себя все облигационные займы, выпускавшиеся Обществом для ведения постройки и эксплоатации дороги (до русско-японской войны казна, таким образом, вложила в КВжд до 400 млн руб.). Но банк оставался банкиром дороги, и между ними с самого начала установилась прямая организационная связь благодаря тому, что в правлениях обоих сидели в большинстве одни и те же люди, фактически назначенные министром финансов.{67} *Комбинат дороги и банка* составил на чужой территории как бы государство в государстве — со своими судами, военной охраной, населенными пунктами городского и сельского типа, денежными знаками, железнодорожными тарифами, школами, даже таможенной привилегией, в силу которой товары, следующие по ж. д., уплачивали в китайскую казну только 2/3 обычной пошлины. Развивая в любом виде свои подсобные предприятия и свое основное дело, этот созданный царизмом мощный экономический организм для борьбы с иностранной конкуренцией вооружен был всеми средствами экономического и внеэкономического принуждения.

2. Царизм в 1895–1896 гг.

Русское правительство, вовлекая в свои планы интернациональный финансовый капитал и переплетая его с русским, [48] казенным и частным,

выходило на восточный империалистический рынок в *империалистической* облицовке самого новейшего типа. Резко оборвав притязания японского военно-феодального империализма, покусившегося на территориально-политический раздел Китая, самодержавие вместе с европейскими империалистами приступило к экономическому разделу Китая во всеоружии «мирных» методов банковских соглашений и открыто отказавшись от каких-либо территориальных «грубых захватов». Однако, применяя методы финансового закабаления, царское правительство располагало возможностью в любой момент выступить здесь во всей красе своей феодальной природы, используя по смежности границы, наряду с финансовой монополией, и монополию своей военной силы.

Правда, это было время крупных успехов российского капитализма, вступившего в фазу бурного промышленного подъема и на путь структурных изменений империалистического типа. Это было время, когда под аккомпанемент помещичьих ламентаций по поводу безнадежного падения вывозных цен на хлеб, за все предшествующее пятилетие вынувшего из помещичьего кармана ок. 40 млн руб., и по поводу промышленно-покровителъственной тарифной политики министерства финансов, еще при Вышнеградском (1887–1892) ставшего, к великому ужасу русского помещика, «купеческим» органом, — в 1896 г. в дни всероссийской торгово-промышленной выставки в Нижнем-Новгороде газета «Волгарь» похвалялась, что теперь русское «третье сословие» — «единственно сильное в наше время» и что «оно все может».{68} Это было время, когда Витте (по оценке одного из [49] крупнейших и влиятельнейших представителей тяжелой промышленности) «начал в 1895 г. выходить на разумный финансовый путь», приступив к введению золотой валюты, и добился в самом начале 1897 г. окончательного решения этого вопроса, несмотря на тихий саботаж правого крыла тогдашнего Государственного Совета, а, наоборот, русские предводители дворянства подавали царю против Витте особую записку.{69} Это было время, когда при наличности 11 действовавших механических и металлургических заводов находилось в разгаре постройки еще 14 предприятий того же рода, из них 9 металлургических.{70} Тогда же и «Биржевые ведомости» (январь 1896), отмечая «расширение биржевого дела» и «увеличение барышей», банков, «несомненно хорошо» поработавших в 1895 г., подчеркивали, как новость, что банки, «занимавшиеся эмиссионной деятельностью», являются уже «не только восприемниками новых предприятий», а «уже отчасти фигурируют, отчасти еще только собираются фигурировать в роли банкиров вновь создаваемых предприятий».{71}

В это же время происходила энергичнейшая мобилизация средств в кассах царизма. Он, во-первых, располагал теперь 300 млн вкладов в сберегательных кассах (против 150 млн руб. — в 1891 г.). Он, во-вторых, довел свой бюджет к 1890 г. до полутора миллиардов (против неполного миллиарда [50] в 1891 г.). В-третьих, он дождался, наконец (в 1895 г.), первой чистой прибыли (в 2 млн) от эксплоатации железных дорог, потом возраставшей и дальше (13 млн в 1898 г.). Наконец, он уже начал пожинать первые бюджетные плоды от введения винной монополии, медленным темпом пущенной в ход в 1894 г. Не мудрено, что отмеченная выше пассивная позиция,

занятая царизмом в персидских делах в 1890 г., сменилась в 1895 г. приобретением от правительства шаха концессии на учреждение Учетно-ссудного банка Персии, начавшего успешную борьбу с английским Шахиншахским балком (работавшим там с 1889 г.), и от прежних опасений не осталось и следа.{72}

Правда, вместе с тем надо сказать, что и состояние сухопутных вооруженных сил царизма в данный момент не позволяло особенно выпячивать военно-феодальные его инстинкты в области внешней политики. На сессии 1896/97 г. в Государственном Совете открыто докладывалось о том, что в распоряжении военного ведомства нет еще переносных железных дорог, запасы продовольствия в приграничных местностях не превышали 1/2 всей потребности, запасы консервов были еще только в самом зачатке, походных кухонь не было вовсе, половина армии расположена была вне казарм на частных квартирах, налицо было только 50% необходимого унтер-офицерского состава и на перевооружение артиллерии (к которому на деле еще не было приступлено) требовалось не менее 5–6 лет.{73} [51]

Все это так. Но дальше — дальше шли уже всякие феодальные «но». Им, разумеется, «несть числа», и они полностью сохраняли свою силу и в данный момент. Из них отметим на выдержку три — из хроники тех же 1895 и 1896 гг.

За это время самодержавие, в лице только что занявшего престол Николая II, успело наглядно продемонстрировать всю свою сущность в двух публичных выступлениях.{74} Одно — относится к 17 января 1895 г. Оно произошло на большом приеме в Зимнем дворце, где среди прочих депутаций, собравшихся приветствовать молодого царя, были представители помещичьих земств, причем тверское земство позволило себе в своем адресе сделать совсем робкий намек на конституционные пожелания. Один из присутствовавших провинциальных помещиков так описал поведение царя на этом приеме: «вышел офицерик, в шапке, у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул: «бессмысленными мечтаниями!». Тут мы поняли, что нас за что-то бранят. Ну, к чему же лаяться». Таково было простецкое впечатление от этой первой речи царя по политическому вопросу, в которой утверждалась незыблемость исконной природы царизма. По-своему ту же позицию заняла на приеме и «молодая императрица»: она «держалась, словно аршин проглотила, и не кланялась депутациям». Если в таком именно виде записан был этот эпизод в дневнике графа Ламсдорфа, давнего служаки царского дипломатического ведомства и будущего (в 1900–1905 гг.) министра иностранных дел того же Николая, то можно думать, что эпизод этот не мог пройти незамеченным и в широком кругу иностранных дипломатических представителей при петербургском дворе. Глядя на все сквозь призму этого круга, Ламсдорф в своих записях болезненно относился ко всякий нарушениям дипломатического приличия.{75} [52]

Второй раз самодержавие показало себя в более крупном масштабе во время Ходынской катастрофы в майские дни коронационных торжеств 1890 г. в Москве. Задумав отпраздновать коронацию с небывалой помпой и отпустив на это дело 22 млн руб. (вместо 11 миллионов, истраченных на коронацию Александра III в 1883 г.), дворцовая клика пожелала продемонстрировать

всему свету преданность «простого народа» своему феодальному владыке — «царю батюшке», «Vaterchen», как иронически постоянно именовал Николая в своих пометах Вильгельм II. Для этого и были стянуты на Ходынское поле тысячные толпы приманкой зрелищ и «царских подарков», причем в образовавшейся давке, за отсутствием какой-либо толковой организации на месте, погибли десятки сотен людей. А когда давка кончилась — полиция ограничила свою задачу вывозом груд трупов полными возами в наскоро вырытые свальные ямы. Ничего не меняя в церемониале, весь царский сонм как ни в чем не бывало с утра присутствовал на ходынском «гулянье», а вечером в тот же день царь танцовал на балу у французского посла. Попытка самодержавия привлечь «массу» обнаружила только глубоко пренебрежительное, барское, крепостническое отношение к ней всей феодальной верхушки и кончилась срамом. В обоих описанных эпизодах «азиатский» стиль российского царизма выступил в неприкрашенном виде.{76}

Что этот режим, в целях самосохранения, попытается опираться не только на латифундии, но и на экономическую силу передового финансового капитала, этому налицо были признаки, как мы видели, и теперь. Но что он же попытается сохранить за собой, при этом, свободу действий и в традиционном феодально-империалистическом стиле, — и тому были признаки налицо в 1896 г.

В том самом заседании Государственного Совета (1896), [53] где докладывалось о состоянии сухопутных войск, обнаружилось, что морская программа, намеченная еще при Александре III, не только была количественно выполнена, но по некоторым статьям была номинально значительно и перевыполнена. Вместо намеченных к 1896 г. 24 новых судов первых двух рангов, было построено 48 судов и вместо 12 миноносцев — целых 62.{77}

Такова была морская материальная база царизма в момент, когда осенью 1896 г. «армянская резня» в Константинополе вызвала английское предложение передачи вопроса о реформах в Турции на разрешение конференции послов великих держав в Константинополе. 17 ноября 1896 г. Николай одобрил представленный русским послом Нелидовым проект захвата Босфора соединенными действиями десанта и флота, как только он, Нелидов, даст о том шифрованную депешу командующему черноморского отряда. Как видим, царизм готов был совершить этот решительный шаг, совершенно не считаясь с одновременно проводившейся громоздкой империалистической комбинацией на Дальнем Востока и вопреки явно выраженному тогда же неодобрению своего французского союзника. II если проект отпал, то дело было тут не только в возражениях, оставшихся лишь «отдельным мнением» Витте, а в технической неготовности морского ведомства к одновременной переброске всего назначенного для операции десанта в такой срок, чтобы опередить неизбежный контр-маневр со стороны английской средиземноморской эскадры. А рисковало здесь самодержавие не чем-нибудь, а европейской войной.{78}

При таких условиях и позиция, занятая к этому моменту Россией на Дальнем Востоке, была такова, что никто с уверенностью [54] не мог предсказать (да и в русских правительственных кругах, как увидим, не было

четкости в этом вопросе). — на какой грани там остановится Россия в своем движении.

Переход русского капитализма в империалистическую стадию, открывавший, казалось, царизму блестящие перспективы, отмечен грозными для них обоих (капитализма и царизма) первыми победами революционного марксизма под руководством Ленина — организацией славного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и знаменитым стачечным выступлением 30 000 петербургских рабочих, протекавшим под сильным организационным влиянием «Союза борьбы» и, после Ходынки, на три недели (24 мая — 17 июня) омрачившим политический горизонт самодержавия необычной организованностью и упорством. А дальше, нарастая из года в год, рабочие стачки принимают все более ярко выраженный политический характер. [55]

Глава третья.

Царизм в борьбе за «сферы влияния» в Китае (1897–1899 гг.)

1. Аренда Ляодуна

Когда в начале 1897 г. русский министр иностранных дел (Муравьев) лично побывал за границей, чтобы ориентироваться в европейской международной конъюнктуре, он нашел ее как нельзя более благоприятной для России как в европейских, так и в дальневосточных делах.

Босфорская затея, правда, была пресечена в Париже вежливой угрозой предупредить о ней Англию, под видом конфиденциального запроса, как та отнеслась бы к желанию царя занять Константинополь. Зато в остальном самодержавию предоставлялся полный простор. В Париже просто исходили из готовой мысли, что Россия теперь полная хозяйка как в Маньчжурии, так и в Корее, и просили только «о даровании некоторых льгот французской промышленности» в обеих этих странах. В Берлине сам Вильгельм II торжественно заявил Муравьеву: «если бы вам даже пришлось стянуть все ваши войска на Восток, преследуя политические, согласно с вашими интересами, цели, то я не только не нападу на Францию, но не допущу, чтобы кто-либо в Европе двинулся — вот, что я понимаю под обещанием своим обеспечить ваш тыл». А главное, как во Франции, так и в Германии, Муравьев «нашел одинаковую ненависть к [56] Англии» и «решение всеми силами противодействовать ее интригам».{79}

Естественно, что при таком расположении империалистских сил, надо было ждать, что на Дальнем Востоке выдвинется теперь на первую очередь вопрос, где и когда русское правительство возьмет себе незамерзающий порт: в Корее ли (и в Японском или Желтом море) или в Маньчжурии? Или, может быть, на Шаньдунском полуострове, например, Цзяо-чжоу, о котором шли слухи, что Китай собственно уже сдал его России в аренду на 15 лет? И будет ли Россия брать порт, как только подвернется тому удобный дипломатический случай, или педантически выждет окончания постройки магистрали КВжд, т. е. отложит вопрос приблизительно до 1902 г.?

Хорошо известна роль, какую сыграла Германия в выборе момента решения этого вопроса — своим захватом Цзяо-чжоу.{80} Вопрос этот решился даже до приступа к строительным работам на магистрали КВжд, в конце 1897 — начале 1898 г., и решился в пользу Порт-Артура — в отдаленнейшем уголке южной Маньчжурии на Ляодунском полуострове у самого входа в Печилийский залив. С точки зрения русско-китайского союзного договора 1896 г. выбор и времени и места был сделан безупречно: иначе и помыслить было нельзя защищать Китай от нападения японцев (а что они нападают «внезапно», показала минувшая японо-китайская война), как заслонив своими, русскими силами Пекин и с суши и с моря.{81} Какова была бы в противном случае роль русского флота, на 5 месяцев в году запертого во льдах Владивостока? [57]

В настоящее время отброшена уже простенькая легенда о том, что де Николай спасовал перед Вильгельмом при свидании летом 1897 г. и разрешил

тому занять Цзяо-чжоу в Шаньдуне, а когда в ноябре того же года Германия заняла этот порт, то царь, вместо того чтобы заставить Вильгельма уйти оттуда, взял да и испугался, как бы теперь не захватили Порт-Артур японцы или англичане, и приказал захватить Порт-Артур (а отсюда де и пошло дело к русско-японской войне, ибо только политика «захватов» и может повести к войне, как утверждал автор этой легенды, Витте, а за, ним и вся либерально-буржуазная печать, заметавшая впоследствии следы собственной прикосновенности к этому захвату в 1895–1896 гг.).{82}

Теперь известно точно, что, во-первых, Николай не мог разрешить или не разрешить Вильгельму занять Цзяо-чжоу, так как и прав-то на этот порт не имел никаких, и что, во-вторых, дипломатические попытки удержать Вильгельма сделаны были, но действия не оказали, так как Вильгельм попросту был уверен, что Россия, поставленная лицом к лицу, как он выразился, с «абсолютными фактами», не начнет войны с Германией из-за Цзяо-чжоу.{83} Далее известно теперь не менее точно, что, если Витте и удалось убедить Николая в 1895 г. отказаться от корейского порта и обеспечить себе свободные руки в Маньчжурии, то только благодаря поддержке Вильгельма, который тотчас же и заявил, что делает он это в расчете на «благодарность» Китая и России, сам имея в виду приобретение порта в Китае, — и с самого 1895 г. повел об этом переговоры в Пекине.{84} И вообще дело вовсе не стояло так, что де Николай, захватив Порт-Артур, неосторожно поднял [58] на дыбы англичан и японцев и расстроил дружеские отношения с китайцами, а что де Витте вел дело так, что никакими конфликтами тут и не пахло. Иными словами, будто «мирная» империалистическая линия политики Витте здесь была перебита воинствующей, «захватнической», «феодальной».{85}

На самом деле требование о передаче Ляодуна в аренду России (на 25 лет) не было еще даже и предъявлено, а между тем царская дипломатия — под давлением Витте и неподдельного представителя частно-капиталистических банковских интересов в правлениях Русско-Китайского банка и Общества КВжд, известного тогда банковского дельца А. Ю. Ротштейна, зятя Ротшильда. — уже успела, после весенних успехов 1896 г., проявить такую активность, что заявка на Порт-Артур, предложенная министром иностранных дел Муравьевым, явилась в данный момент лишь тем *минимумом*, на котором удалось добиться компромиссного соглашения всех заинтересованных держав. А что брать тогда и [59] этот минимум царскому правительству могло быть по стратегическим и политическим соображениям, с чисто империалистической же точки зрения, нецелесообразно или опрометчиво — это уже другой вопрос.{86}

В 1896–1897 гг. перед царской дипломатией стояли выдвинутые соглашениями 1896 г. вопросы об экспансии как в Корее, так и в Маньчжурии. Если бы — как думали в русском министерстве иностранных дел — не пугаясь некоторых затрат, энергично приняться за дело в Корее, то *политических* трудностей там встретилось бы меньше, чем в Маньчжурии. На пути и там стояли японцы, господствовавшие в торговле, и англичане, державшие в своих руках управление королевскими доходами. Корейское же правительство (после японско-китайской войны 1894–1895 гг.) полностью находилось под влиянием России, боялось возвращения японской диктатуры и

готово было передать военное и финансовое управление страной в руки русских и пустить против японских банков русский банк, а французские и американские компании, получившие концессии на железные дороги, готовы были перепродать свои права России. Однако *экономически* Корея не представляла тогда соблазна для русского банковского капитала, (за «ничтожностью русской торговли»), и Ротштейн, без которого Витте воздерживался предпринимать [60] там решительные шаги, не обнаруживал интереса серьезно ангажироваться в корейские дела.{87}

Зато в Маньчжурию углубляться остерегалось именно министерство иностранных дел, предвидя бурю со стороны китайцев и осложнения со стороны англичан. А наоборот, Ротштейн (а вслед за ним и Витте) склонен был форсировать и расширение прав и привилегий банка, и приобретение выхода для КВжд в Желтое море, и загиб проектируемой магистрали КВжд поближе к богатым районам на севере *южной* Маньчжурии. Наконец, Ротштейн же обнаруживал нетерпение заручиться согласием Китая на специальную ветвь от КВжд к Пекину. И вот, замедляя несколько темпы в Корее, Витте (через директора Русско-Китайского банка, кн. У. Ухтомского) на свой риск и страх, по секрету от Муравьева, летом 1897 г. поверг в величайшее волнение пекинское правительство предъявлением ему этой своей, банковской, «империалистической» маньчжурской программы и явственно нанес удар той видимости дипломатической «дружбы», под знаком которой шли пока что русско-китайские отношения после Симоносекского мира. Китайцы не только отказались на этот раз пустить русских дальше «двора» «в самые комнаты, где у нас жены и малые дети» (как говорил Ухтомскому Ли Хунчжан), но и бросились искать защиты у англичан, спешно предложив им принять участие в постройке железной дороги от Пекина в глубь Маньчжурии наперерез русским и допустив английский капитал (Причарда Моргана) к геологическим разведкам по всей южной Маньчжурии.{88}

Только оступившись таким образом на маньчжурском направлении, Витте решил (в октябре 1897 г.) поднажать на тихо двигавшиеся корейские дела: дал ход проекту учреждения Русско-Корейского банка, занялся исследованием [61] бухт на западном побережье Кореи и добился изъятия из рук англичан управления корейских таможен и передачи их в русские руки.{89}

Эта игра на реванш в Корее была уже в полном разгаре, когда подоспел эпизод с убийством христианских миссионеров на Шаньдунском полуострове, когда германский флот в порядке репрессалии (2–14 ноября 1897 г.) занял Цзяо-чжоускую бухту, а германское правительство решило использоватъ этот эпизод для захвата всего Шаньдуна.

Но не успел еще русский флот войти в Порт-Артур, а дипломатия Витте, между тем, уже готовилась вернуться к обсуждению в Пекине маньчжурских дел, обещая вмешаться в германо-китайский конфликт на стороне Китая. — как Ли Хунчжан обратился (2 декабря) лично к Витте с просьбой о займе в 100 млн руб. (для второго взноса по японской контрибуции).{90}

Наивно рассчитывая (неведомо, какими средствами) удалить немцев из Цзяо-чжоу и нажить тем самым политический капитал у китайского правительства для продвижения все тех же маньчжурских дел, Витте рвал и метал против задуманного (еще 14 ноября) Муравьевым ввода русской

эскадры в Порт-Артур. Но когда явилась вдруг возможность мирным путем пустить в ход *банковскую маньчжурскую программу* под залог просимого займа, Витте потребовал от Китая не только порта,{91} но и железнодорожной и промышленной монополии для русского капитала во всей Маньчжурии и в Монголии и контроля над всеми таможенными [62] доходами и соляным доходом в Маньчжурии. На языке того времени это означало захлопнуть «дверь» иностранному промышленному капиталу в названные области — начисто исключить их из мирового торгового оборота. Именно это-то требование и привело Англию, как тотчас же публично заявило ее правительство, к «твердому решению любой ценой и, если нужно, силою удержать китайский рынок открытым для себя». И в последовавшем затем англо-русском дипломатическом турнире предметом спора для обеих сторон был заем, из-за описанных его политико-экономических условий, а вовсе незанятые тем временем (3 декабря) русской эскадрой Порт-Артур и Далянь-вань.{92}

Но так как Япония тоже заняла воинственную позу в. эти критические недели декабря и января (1897–1898 г.), а англичане убеждали ее направить свое внимание не на, Ляодунский полуостров (не имея ничего против пустить, русских в эту ловушку), а на Корею, то в итоге, когда во избежание войны с Англией, в Петербурге решили итти на соглашение, оно состоялось на условии отказа России от китайского займа (т. е. от монгольско-маньчжурской монополии) в пользу Англии, и от экономического наступления в Корее в пользу Японии. И для царской дипломатии в обоих ее, «империалистическом» и «феодальном», вариантах очистилась возможность вырвать у всеми покинутого теперь китайского правительства, правда не без взяток, согласие на [63] уступку Ляодуна и на постройку к нему южной ветви КВжд, (15 марта 1898 г.).{93}

Как видим, в этой домашней стычке двух русских внешнеполитических линий — «мирной» и «захватнической» — верх взяла вторая; но спор решался здесь под давлением и при содействии заинтересованных империалистических держав (Германии и Англии), предпочитавших использовать грубое «ребячество» царя, чем дать сделать лишний «мирный» гигантский шаг в китайские рынки дипломатии русского капитала.{94} [64]

Это не означало еще в глазах Витте окончательного крушения его монополистической программы относительно Маньчжурии и тем более каких-либо ограничений за пределами маньчжурской зоны. Еще целый год после того Витте, повелительно ссылаясь на интересы Русско-Китайского банка и в частности французских его акционеров, протаскивал эту империалистическую линию — вопреки сопротивлению военных и феодальных членов правительства. Он решительно восстал против предложенного Англией (летом 1898 г.) разграничения русской и английской «сфер влияния» в Китае и считал «гибельным» ограничить русскую «сферу» линией «Великой Стены» (к *северу* от Пекина) под тем предлогом, что банк успел к тому времени уже ангажироваться в ряд предприятий в центральном Китае к *югу* от Стены. А это затянуло русско-английские переговоры на 9 месяцев, в течение которых англичане успели поставить русскую дипломатию перед «совершившимся фактом» вложения английского капитала в постройку железных дорог от

Пекина к южноманьчжурскому порту Инкоу и к городку Синминтин [65] вблизи от Мукдена (навстречу южноманьчжурской линии КВжд). И в конце концов царизму пришлось проглотить и эту пилюлю, лишь бы обеспечить себе полный покой — отказом Англии от каких-либо дальнейших нарушений железно дорожной монополии России в Маньчжурии в обмен на отказ России от железнодорожных домогательств к югу от Великой Стены (соглашение 16 апреля 1899 г.).{95}

Перед лицом необходимости немедленных колоссальных затрат на строительство КВжд протяжением в 2400 верст (с запада, востока и юга одновременно в кратчайший срок), на устройство крепости и военного порта в Артуре, на постройку торгового порта в Дальнем, на образование коммерческого пароходства в составе предприятий Общества КВжд и на усиление военного флота в Тихом океане — в Петербурге на некоторое время восторжествовала мысль приостановиться в дальнейшем движении и сосредоточиться целиком на освоении маньчжурской «сферы влияния», отбивая лишь какие бы то ни было покушения извне на преимущества, обеспечивавшие интересы русского капитала в Маньчжурии. Последовавшее осенью 1899 г. американское требование относительно отказа от железнодорожно-тарифных привилегий и принятия всеми государствами политики «открытой двери» в Китае было практически отвергнуто царским правительством (под прямую диктовку Витте, иначе и не видевшего смысла в продолжении своей маньчжурской игры).{96}

На другой день по подписании русско-английского соглашения Общество КВжд (по предписанию Витте) 17 апреля 1899 г. потребовало от китайского правительства концессии на железнодорожную линию к Пекину, и не получив ее, удовольствовалось пока обязательством Китая никому такой концессии не давать, с тем чтобы исподволь, при удобном случае, добиться своего к моменту окончания постройки основной магистрали. Это значило, что следующий «мирный» [66] шаг русской дипломатии откладывался не позднее, как на 1902 год.{97}

Как проговорился раз Витте, «из-за Маньчжурии не стоило и огород городить: мы историческим путем будем итти на юг, весь Китай — все его богатства находятся преимущественно на юге».{98}

Такова была не «захватническая», а «мирная», чисто империалистическая линия политики военно-феодального империализма, которую диктовала новая капиталистическая эра заживо гнившему царизму устами одного из самых сильных его слуг.

2. Борьба двух тенденций в аппарате царизма в 1898–1899 гг.

Расхождение этих двух социально-политических тенденций в аппарате царизма обнаружило явственный рост в 1898–1899 гг.

Из них «военно-феодальная», как только англо-русский конфликт из-за китайского займа разрешился по существу и России оставалось только оформить порт-артурскую сделку с Китаем, 28 февраля 1898 г. устами Куропаткина заговорила о военно-технической отсталости России. Куропаткин, только что назначенный военным министром, выступил с предложением о заключении с Австро-Венгрией соглашения об отсрочке на 10

лет перевооружения их армий «полевой скорострельной пушкой», которое должно было обойтись в 130 млн руб. России и в 100 млн руб. Австрии. Эта цифра исчерпывала весь сверхпредельный бюджет русского военного ведомства на текущее пятилетие (тогда как запрошено было еще его предшественником 560 млн руб.) и не поддавалась увеличению, так как и без того в этом году приходилось [67] экстренно отпустить еще 90 млн руб. на увеличение флота в Тихоокеанских водах. Между тем Франция и Германия уже приняли новые образцы орудий, а кроме того надо было увеличить расходы и по другим более мелким статьям, на что не оставалось уже никаких ресурсов, и Куропаткин предвидел, что через 5 лет «мы отстанем еще более».{99}

Министр иностранных дел граф Муравьев («придворный лакей в галунах», «не могущий словесно излагать свои мысли»),{100} «радостно» ухватился за этот пацифистский проект потому, что «именно теперь, когда мы делаем решительный шаг на Дальнем Востоке, весьма важно будет дать фактическое доказательство нашего миролюбия в Европе». С своей стороны Муравьев предложил «привлечь к приостановке вооружений на 10 лет все континентальные государства — Германию, Австрию, Францию, Турцию и славянские государства». Оба политических союзника учитывали здесь. и еще одну сторону дела, а именно, что «новейший милитаризм дает мощное орудие в руки растлевающей пропаганде социализма» («охватившей весь запад» предупредительно прибавлял Муравьев, отклоняя от царя всякие мрачные мысли pro domo sua), — мотивировка, которую повторил и Куропаткин, убеждая австрийского начальника штаба, что «Европе надо соединиться, чтобы бороться против анархизма и социализма».{101}

В конце концов, разумеется, из всего этого, слишком уж простоватого, замысла ничего не вышло, и Гаагская мирная: конференция 1899 г. не остановила работы неумолимой милитаристской машины. Но сопротивление, которое и Муравьев и Куропаткин дружно оказали банковским агрессивным аллюрам Витте во время англо-русских переговоров 1898–1899 гг., [68] вытекало не только из их формальной неувязки с демонстративно проводимым пацифистским проектом, а и из несоответствия их состоянию военно-феодальной экономической базы царизма. При этом ни псковский помещик средней руки (каким был Куропаткин), ни придворный шаркун с графским титулом, каким слыл Муравьев, никак не могли понять и разделить симпатий к банковским интересам, да еще с иностранной примесью, которой, главным образом, и стращал тогда Витте. Куропаткин прямо так и говорил: «защищать русские интересы в Маньчжурии, прилегающей на тысячи верст к России, — это я понимаю. Но быть вынужденным защищать русскою кровью интересы Русско-Китайского банка на Янцзы или вообще южнее Пекина — для меня представляется непонятным и гибельным для России делом».{102} Муравьев тоже сокрушался, что «из-за какой-то ничтожной железнодорожной ветви» «может загореться война» и язвительно называл банк не «Русско», а «Французско-Китайским». А Куропаткин вторил ему, что «мы слабы на всей азиатской границе и пока не имеем еще экономических интересов в Китае».{103}

На эту тему долгие месяцы 1898–1899 гг. шли, разумеется, споры и разговоры перед царем. И чем бессильнее был Николай против «иностранного

засилья», уже оформленного в уставе Русско-Китайского банка, намертво связавшего волю царя в крупнейшем международном деле, тем охотнее он дал теперь ход своему «квасному патриотизму» на внутреннем фронте. И на многочисленные, представлявшиеся ему тогда на утверждение, уставы новых иностранных компаний в пределах Европейской России, посыпались царские резолюции о «нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов». Резолюции эти вызвали, конечно, переполох в чиновничьем и деловом, грюндерском и промышленном столичном [69] мире, «и прилив иностранцев, ищущих дел в России, внезапно остановился» (рассказываем весь этот эпизод по дневнику Половцова). При том условии, что к этому времени, в русской промышленности было вложено иностранных капиталов ок. 700 млн руб. и что львиная доля их притекала, все нарастая, именно в 90-е годы, эта маленькая «революция сверху» могла дорого обойтись российскому самодержавию.{104} Это и было разъяснено царю в двух записках знаменитого Д. И. Менделеева и самого Витте. Так как было ясно, откуда тут подул ветер и что на сцену явился бунтующий против высокого протекционного таможенного тарифа помещик-аграрий, то царю и было разъяснено (в записке Витте), что, во-первых, только благодаря этому тарифу возможно «насаждение промышленных заведений, кои служат единственною твердою школою для полезных промышленных деятелей», что, во-вторых, школа эта хотя и обходится России до 500 млн ежегодно, но расход этот должен возместиться, когда «русские люди, постепенно вытесняя иностранцев и скопив сбережения, мало-помалу сделаются собственниками промышленных заведений» и что, в-третьих, «если ожидать, что промышленные заведения создадутся только путем национальных сбережений, то придется ожидать серьезных результатов, весьма долго, а между тем Европа будет продолжать все более и более опережать нас».{105} Это были как раз те февральские дни 1899 г., когда Витте согласился, наконец, снять свои возражения против англо-русского соглашения о разграничении сфер в Китае. Очевидно, он предпочел отступиться от своей открыто империалистической позиции в безнадежно затянувшемся международном споре и этой ценой вырвать у царя уступку на внутреннем фронте, — решающем в конечном [70] счете и для судеб внешней политики. И записка подействовала: Николай был готов ее «утвердить».

Но в условиях «азиатского» режима «равнодействующих» ведомств (объединения которых, как огня, Николай боялся всю жизнь) простого «утверждения» в таком капитальнейшем: вопросе было мало, и Витте «попросил обсудить записку в Совете министров», под председательством самого царя с тем; «чтобы для всех них (министров, — *Б. Р.)* сделать такое заключение», какое он предлагал в записке, — «обязательным». И вот тут-то и явно стало уже в лицах, через кого проложила себе путь военно-феодальная интрига в самый нерв российского капитализма. Вопрос был предрешен и, конечно, и на заседании (16 марта 1899 г.) решен в пользу иностранных капиталов. В заседании, кроме Витте, говорили только двое, и это были Куропаткин и Муравьев. Оба они и не возражали по существу вопроса в целом, только один просил, «чтобы подземные минеральные богатства ни в каком случае в руки иностранцев попадать не могли», другой, защищая казацкие

земли, готов был отступиться и от недр, «лишь бы поверхностная площадь оставалась в неприкосновенном пользовании казаков».{106}

Как видим, «помещик» взбунтовался, потом присмирел и, сохраняя только лицо, «предъявлял еще и резоны» — функция, которую и выполнили за царя эти два его министра. Империалистическая политика одержала верх — потому что действовала тут в своей чисто капиталистической сфере. Зато робкая попытка Витте проникнуть в феодальную цитадель самодержавия и извлечь на обсуждение, пока только в недрах бюрократических канцелярий, крестьянский вопрос, т, связи с необходимостью расширения внутреннего рынка, посредством устранения одних только формально юридических пережитков феодализма, кончилась полной неудачей.

В октябре 1898 г., когда описанная военно-феодальная интрига проделала уже половину своего пути, Витте обратился [71] к царю с письмом, самого высокого верноподданнического стиля, в котором уговаривал того «завершить» «освобождение» крестьян и сделать из крестьянина «персону». Речь шла о том, чтобы развязать буржуазно-капиталистическую стихию снизу. Витте описывал бедственное состояние платежных сил и низкий жизненный уровень крестьянина, этого «раба произвола, беззаконности и невежества», и манил Николая, в случае проведения реформы, невиданными цифрами бюджетного дохода (3–4 млрд руб.).

В противном случае Витте намекал не только на «ослабление роста» мощи России, но даже на полную остановку его и движение «назад». В заключение Витте продиктовал было и состав комиссии для разработки вопроса. Однако никакого ответа от Николая на письмо Витте не последовало. А затем идею крестьянской комиссии провалил у царя пресловутый крепостник Иван Дурново, «телячья голова» (tete de veau), возглавлявший махровое феодальное трио (он, Стишинский, Плеве), только что отработавшее в комиссии «по делам дворянского сословия» и теперь проводившее ее проекты через Государственный Совет.{107}

Впрочем, в данный момент не было еще и признаков «ослабления мощи» России; наоборот, капиталистическая конъюнктура шла в гору и в 1899 г. А проводить и через Государственный Совет даже такие невинные вещи, как полуотмена круговой поруки, освобождавшая от раскладки ответственности только вненадельные, покупные земли общинников, и передававшая выколачивание податей из феодальных рук «шайки благородных оборванцев, которых напустили на крестьян под именем земских начальников» (*Ленин*, Соч., т. II, стр. 520), в руки податных инспекторов самого буржуазного финансового ведомства, как предложил Витте в июне 1899 г. — протаскивать и такие робкие покушения на феодальные устои было не так то просто.{108}

И пока» Витте успокоился на мысли (записанной у того [72] же Половцова, стр. 128), что «картина бедственного состояния крестьянства очень преувеличена», что «крестьянское благосостояние со времени освобождения крестьян не понизилось, но, вследствие того, что крестьяне предоставлены самим себе, без помещичьей опеки, возникло между ними нечувствовавшееся прежде неравенство между богатыми и бедными» и что «прежняя прямая линия, таким образом, получила волнообразную форму и части ее, выражающие понижение, притягивают внимание критикующей публики». А

когда Половцов напомнил Витте его же собственное письмо о необходимости заняться крестьянским делом, Витте про себя лично сказал: «я не могу во все вмешиваться, меня уже и так слишком в том обвиняют» и прибавил, уже не только за себя, что и вообще сомневается в том, «чтобы нашелся человек, который решился бы произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному» (дело было тут, значит, не в его личной чиновничьей трусости).{109} Пока царизм стоял прочно, «капиталист-буржуа» не взбунтовался, а скромно и верноподданнически попросил, и, получив невежливый отказ, не стал «предъявлять и резонов».

Так обстояло дело с русским военно-феодальным империализмом к началу XX в., если присмотреться к скрытой в свое время борьбе внутри его руководства.

В том же 1899 г. в Петербурге, совсем на глазах у царских властей, пройдя через цензуру, вышла в свет замечательная работа Ленина «Развитие капитализма в России». А 29 января 1900 г. истек срок ссылки Ленина, и в июле он переехал границу с готовым планом создания общерусской политической газеты «Искры», как центра идейного, политического и организационного сплочения партии рабочего класса.

Оба эти исторические события были зловещи для русского империализма в свете только что описанных разногласий на самых его верхах. [73]

Глава четвертая.

Царизм накануне боксерского восстания (1899–1900 гг.)

Наступил 1900 год.

Восстание китайских «боксеров» застигло русский империализм в Маньчжурии на полном ходу колоссальных предпринятых им там строительных работ.

За два с небольшим года железнодорожные работы, начатые в 1898 г. одновременно с пяти пунктов (от Харбина на юг, восток и запад, и к Харбину — от Порт-Артура и Никольск-Уссурийска), охватили до 1300 верст, не считая станционных и временных обходных путей. На реке Сунгари начаты были работы по приведению ее в судоходное состояние для подвоза строительных материалов к Харбинской пристани, обращавшейся теперь из небольшой деревушки в крупный городской центр. На море заведено строительным управлением дороги свое пароходство из 13 больших пароходов и приступлено к капитальным сооружениям в портах Владивостока, Нючжуана (в Печилийском заливе) и Дальнего, используемых в первую очередь как складочно-приемочные пункты строительных материалов и громоздкого железнодорожного инвентаря. У Даляньваньской бухты на Ляодунском полуострове закончены работы по отчуждению ок. 30 кв. верст земель для нового города Дальнего с правами порто-франко, задуманного с целью стянуть к нему всю торговлю Маньчжурии и роскошно обстраиваемого на показ [74] всему миру. Заселение полосы отчуждения на КВжд не только русскими (служащими и охранной стражей, до 6 тысяч человек), но и частью местными, частью даже пришлыми уже из собственно Китая китайцами (до 60 тыс. человек) продвинулось настолько, что потребовало введения особых административно-судебных органов (Цзяо-шэ-цзюй), регулировавших взаимоотношения новых пришельцев и местного населения на территории дороги и содержимых на счет Общества КВжд. В Харбине, Гирине, Мукдене, Порт-Артуре, Нючжуане раскинулись отделения Русско-Китайского банка, вовлекавшие в свой оборот верхушки местной китайской буржуазии и внедрявшиеся в развитие местных рынков, с тем чтобы впоследствии слить их в один. Приступлено к разработке Яньтайских и Вафандянских угольных копей для нужд дороги и к проведению от них подъездных веток к главной южноманьчжурской линии. Можно сказать, громадный район зашевелился новой жизнью, бесповоротно, казалось, увеличивавшей с каждым днем шансы русского империализма в дальнейших судьбах Маньчжурии.{110}

Фактически бесконтрольно ворочая огромными суммами, которые щедрой рукой гнало туда из Петербурга царское министерство финансов, агенты этого ведомства, большие и малые, на зависть всем путейским строителям внутренней России, наживаясь и хватая взятки, торгуя и обзаводясь всем, чем можно, проматывая и сберегая, воспроизводили давно знакомый (по своим историческим предшественникам — щедринским «ташкентцам») тип «маньчжурца», на этот раз только не без либерально-буржуазного налета. Имея в виду этот русский Клондайк, поговаривали уже и

о «Желтороссии». [75] Там не спрашивали ни о национальности, ни о происхождении, ни даже о политическом прошлом, и пока «русские идеи» и «русский дух» не портили стиля и имели в будущем шанс в одной только точке — под эгидою военного ведомства в Порт-Артуре. Российская феодальная реакция искала побед пока что на фронтах внутренних и особенно заметно шло русификаторство на Кавказе, где с 1897 г. делал на этом свою карьеру кн. Гр. Голицын, и в Финляндии, где с 1898 г. ген. Бобриков проводил уничтожение финляндской буржуазной конституции всей силой унтер-офицерских полицейских приемов, ими и стяжавший себе смертельную пулю в 1904 г.

Но за эти годы все же обозначились в Маньчжурии на горизонте «мирного» империализма и тучки.

1. «Безобразовская шайка»

Одна — это образование вокруг царя в Петербурге так называемой «безобразовской шайки», так тесно связавшейся в традиции с русско-японской войной, что необходимо сказать о ней несколько подробнее. Она составилась в начале 1898 г. из самых ура-патриотических, шовинистических, феодальных элементов на предмет устройства акционерной компании для эксплоатации естественных богатств Кореи, — как раз в те дни, когда курс на Корею не был еще оставлен и банковской дипломатией и только что был организован дочерний Русско-Китайскому Русско-Корейский банк.{111} [76]

Кроме *в. кн. Александра Михайловича,* весьма предприимчивого царсрсого зятя, считавшегося моряком, но (при наличии еще в живых и в шефах морского ведомства дяди Алексея) никак не находившего себе достойного применения и постоянно искавшего создать себе какое-нибудь «дело», — тут было всего до полутора десятка персонажей, из которых далеко не все, однако, были активны. Тут был *граф И. Воронцов*, бывший министр двора и один из учредителей скандальной памяти «священной дружины»,{112} крупнейший землевладелец, богач и большой барин, державший себя запросто в романовской семье, впоследствии (с 1905 г.) проводивший вторичное «замирение» Кавказа, выделенного для него в особое «наместничество». Тут был *В. М. Вонлярлярский,* бывший гвардейский полковник, давно уже сменивший мундир на штатское платье, новгородский помещик-лесопромышленник, председатель тамошнего сельскохозяйственного общества, владевший, однако же, и золотыми приисками на Урале и возглавлявший две бумагопрядильни в Петербурге, заделавшийся и членом столичного общества для содействия русской промышленности и торговле, — типичный образец сочетания русского феодального духа с замашками натурального капиталистического предпринимателя, делец и грюндер, жадно устремлявшийся на всякое сверхприбыльное коммерческое дело, хотя бы оно находилось где-нибудь на Чукотском полуострове, лишь бы потом выгодно его перепродать. Вонлярлярский первый и ухватился за корейскую лесную концессию, вывезенную в Петербург владивостокским купцом Бринером для продажи, и сразу же возмечтал раздуть дело до масштабов английских привилегированных «харатейных» компаний (Chartered Company) и, окутав его густой феодальной идеологией, вовлечь в него «соседей по имению», начиная прямо с царя. Тут был *Н. Г. Матюнин,* лицейский товарищ

Вонлярлярского из разорившихся [77] дворян, служивший по министерству иностранных дел на Дальнем Востоке, по которому и был настоящим специалистом в составе «шайки». Он занимал в ней служебную и подчиненную роль то подставного лица, то подвижного агента, то делопроизводителя — на правах как, бы бедного родственника, — хотя он-то именно и прознал первый, что концессию сватают Ротштейну, как первое крупное дело для Корейского банка, и тут же испытал прилив «патриотизма», опасаясь, как бы оно не перешло в «иностранные» руки.

Далее шли — магнаты родового крупного титулованного землевладения, князья (*Юсупов, Щербатов, Козловский*), графы (*Гендриков, Орлов-Давыдов, Ностиц, Сумароков-Эльстон*) и будущие придворные чины, егермейстеры и камергеры: *И. П. Балашов,* впоследствии (в 1903 г.) с шумом и треском, сидя в Порт-Артуре, просадивший на лесозаготовительную операцию на р. Ялу несколько сот тысяч рублей казенных денег и не знавший, как уйти от своих кредиторов, — и всем известный *М. В. Родзянко,* екатеринославский и новгородский помещик, будущий «народный представитель» и председатель 4-й Думы, в февральские дни 1917 г. так и не пропущенный питерскими железнодорожниками на выручку к своему «венценосцу». Затем *А. М. Абаза,* племянник известного сподвижника Лорис-Меликова, А. А. Абазы, либерального первомартовского министра финансов и крупнейшего сахарозаводчика и биржевого игрока, тогда же снесенного волной реакции на весьма властный, но не столь доходный, пост председателя департамента экономии Государственного Совета. Племянник же его А. М. Абаза пошел по другому ведомству и вышел хотя и адмиралом, но совсем сухопутным моряком. На его имя должны были быть записаны царские паи Компании. Это был субъект необыкновенно важный и напыщенный, ревнивый к своему званию «управляющего делами» мифического комитета по делам Дальнего Востока, запроектированного в 1903 г., — «медный лоб», как окрестил его Витте. [78]

И, наконец, сам *А. М. Безобразов* — душа всей шайки, ее «идеолог» и говорун, часами способный услаждать своим урапатриотическим, безудержным, разухабистым красноречием своего «хозяина», как запросто между собой называли в «шайке» царя.

Безобразов — это настоящий прототип черносотенца, организатора банд, из тамбовских помещиков и однополчан Вонлярлярского, который и выпустил его в качестве агитатора в. высшие сферы. Знал его хорошо с этой стороны и Воронцов, у которого Безобразов был «правой рукой» еще по «священной дружине». Он слыл даже у своих близких за «полупомешанного»; его «своеобразный слог и привычка употреблять необыкновенные слова для выражения самых простых мыслей» даже их ставили просто «втупик». Он вечно что-нибудь «бескорыстно» изобретал и тут же проваливался, считая себя специалистом в любой сфере, в том числе и в области международной политики.

Классовый инстинкт — сбитого с толку, озлобленного агрария, искавшего реванша в сфере грюндерских комбинаций, — действовал в нем, при всем том, математически точно. В вопросах внутренней политики этот инстинкт находил у него выражение совсем в щедринском стиле в глаголах, вроде «разгромить», «раздавить», «повесить», «набить морду» — это был язык

общий всей военной касте, веками воспроизводимой феодальным классом. Особливо, когда шло дело об «инородцах». Эта манера вошла у него в быт. Но вот он попадает в чисто буржуазную сферу, в обстановку коммерческого предприятия (мы забегаем несколько вперед, в Маньчжурию уже 1903 г.), которым руководят он сам и такие же, как он, «соседи по имению», и дело разваливается, потому что идет в убыток, к великой радости русских же буржуазных конкурентов. Кто виноват? Конечно, не такой же, как он, Балашов, хотя именно Балашов, сидя в Порт-Артуре, «не умеет разобраться в причинах того, что заготовка товара обходится дороже, чем можно его продать». Нет, «в этой коммерческой несообразности безусловно наиболее ответственны», [79] по мнению Безобразова, простые агенты, двое подрядчиков — «инородцев», ведущих параллельно свое собственное подобное же дело, выросшие из ничего, в условиях разнуздавшейся в Маньчжурии капиталистической стихии, — и на Безобразова пахнуло «маньчжурцем», Китайским банком, и самим «Ноздрей», как звали в просторечии безобразовцы Витте за некоторый дефект в его носе. Против этих внутриклассовых врагов и конкурентов Безобразов признает только городового. Он грозит им «ответственностью в административном порядке», угрожает «взять на себя производство экзекуции виновных в злоупотреблениях, какой не бывало на Дальнем Востоке», руководствуясь только «личным убеждением», не прибегая к прокуратуре, «нагоняя спасительный страх на мошенников» и «не останавливаясь перед тем, чтобы стереть в порошок кого бы то ни было, обманувшего меня (Безобразова, — *Б. Р.*), как исполнителя предначертаний государя».{113}

Лютой, истошной была ненависть Безобразова (как и Вонлярлярского) к Витте, как представителю глубоко враждебной «системы», которая «тяжело ложилась на производительные силы страны» и «породила массу недовольных и обездоленных» и в то же время делала Витте «всесильным» в отношении царя. Эта «система» при полном единении между «шайкой» и ее «хозяином», магически, однако же, сковывала (через Витте) словесную «решимость» царя произвести собственный пробный опыт «завоевания малокультурных стран» (в данном случае пока Кореи) теми же «новыми способами», какими действовал теперь европейско-американский империализм, в том числе и Витте с Русско-Китайским банком, на всем востоке. Только этот опыт Николаю предлагали произвести не на основе «показной зависимости» от правительства и «интимно-финансовой зависимости от группы иностранных капиталистов», как то безобразовцы подозревали у [80] Витте с банком (и вообще во всей его «финансовой политике»), а на основе «умелого распределения имущественных прав и приобщения наиболее дружественных из числа иностранных претендентов к участию в тех материальных выгодах, которые достанутся на долю» проектируемой безобразовцами компании. Но компания эта должна была состоять из «безусловно преданных правительству» и готовых «сослужить службу русскому царю» «благонадежных» «только русских подданных христианских вероисповеданий» под руководством и покровительством самого царя. Представители феодальной линии в политике хотели, организационно и органически не сливаясь, поставить представителей империалистической

политики открыто себе на службу — пока только в Корее — для проведения «русского начала, а может быть даже для самого насаждения русских идей».{114}

Это был другой вариант нападения на «иностранные капиталы», окончательно разработанный в виде проекта устава Восточно-Азиатской промышленной компании к марту 1900 г., ровно на другой год после варианта, описанного выше, — на этот раз в сфере внешней политики.{115}

За всем этим, после аренды Порт-Артура и формального отказа, по договору (15 апреля 1898 г.) с Японией, от каких-либо политических преимуществ в Корее, возникла у безобразовцев и еще одна «конфиденциальная цель» обследовать и использовать площадь лесной концессии, протянувшейся по всей длине маньчжурско-корейской границы, для «организации операционной базы с ее коммуникационными линиями» с целью оградить Порт-Артур и его тыл от вторжения японской армии сухим путем из Кореи. На организацию разведывательной экспедиции и покупку концессии Николай отпустил 250 тыс. руб. из сумм своего «кабинета» (т. е. личных), которые и были благополучно истрачены к моменту представления устава этой «Восточно-Азиатской промышленной компании» на рассмотрение комитета министров (5 июня [81] 1900 г.). Долгожданный безобразовцами «психологический момент», наконец, настал, и Николай распорядился «внести» устав в комитет. Но боксерское восстание в Китае было уже в полном разгаре. Витте нажал — и получил от императора разрешение: «не вносить это дело в комитет покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке».{116}

Это не было еще, разумеется, решительным поражением безобразовцев. Но и Витте выиграл здесь только отсрочку — с помощью «служебной эквилибристики», — к великому негодованию главарей «штаба» «безобразовской шайки», открывших теперь бешеную травлю «господина Витте и его системы» в романовском дворце на политической почве.

2. Международно-политические и экономические перспективы царизма в 1899–1900 гг.

Вторая туча, разразившаяся в 1900 г. над плацдармом русского империализма в Китае, в виде боксерского восстания, надвигалась в те же годы параллельно с описанной сейчас первой, можно сказать, совсем на глазах у царской дипломатии.

Накануне боксерского восстания русский империализм, по вложенному в дальневосточные рынки капиталу, занимал третье место в ряду своих конкурентов. Им было вложено уже 144.2 млн руб. — против 379.8 млн руб., затраченных Англией (частью совместно с Германией, в лице Немецко-Азиатского банка, участвовавшего в английских займах), и 225.8 млн руб. французских вложений в китайские займы.{117} По одним только предприятиям общества КВжд это составляло не более половины всей суммы предусмотренных расходов. Возмещение же их, не говоря уже о чистом доходе, было еще очень далеко и стояло всецело в зависимости от того, каковы будут условия эксплоатации этих предприятий [82] в сложной международной обстановке, создавшейся во второй половине 90-х годов и никак не сулившей спокойного течения событий прежде всего в самой Срединной империи.

Никогда еще в таком виде и масштабе, как в эти годы, не вторгался империализм на китайскую территорию с такой последовательной настойчивостью и наглым пренебрежением к национально-политической «независимости» и «неприкосновенности» этой страны. Сотни тысяч квадратных километров отхватывались и попадали в новую кабалу к иностранцам, под предлогами «дружбы» и «компенсаций» на началах (безденежной) «аренды»: Формоза, Пескадоры, Корея, Ляодун, Вэй-хай-вэй, Шаньдун, Гуанчжоувань (1895–1898), не считая ряда «полос отчуждения» под железные дороги, городских и притом лучших участков — «концессий», на праве экстерриториальности, лесных участков и площадей горнопромышленной эксплоатации. Пекинское министерство иностранных дел обратилось в эти годы не то в биржевую, не то в нотариальную контору, где постоянно толпился дипломатический люд в сопутствии толмачей, часами, днями, неделями торгуясь и обсуждая всякие сделки, сверяя и подписывая договоры и соглашения, тарифные схемы и списки пограничных столбов и пунктов, повышая голоса, впадая в «возбуждение» и щеголяя оттенками «серьезных представлений», «категорических заявлений», «решительных требований» и всяких «угроз».

Даже Италия, с некоторым опозданием против других (в 1899 г.), сунулась туда с заявкой на уступку ей тоже особого порта (Санмунь), не имея чем ее поддержать, и это был едва ли не единственный китайский дипломатический триумф в национальном масштабе, когда пекинское правительство попросту не ответило на итальянскую ноту. Немудрено, что этот натиск «иностранных чертей» порождал панику и озлобление в феодальной верхушке маньчжурской династии, форсировал национально-буржуазное движение и поднимал грозное брожение в народных массах, дававшее себя знать в нарастании спорадических вспышек и отдельных террористических [83] актов и к весне 1900 г. принявшее характер подлинно народного восстания (так наз. «боксерского»).

Что касается, при этом, России, то здесь заметно все складывалось не в ее пользу. Основной факт, определивший положение, — это поворот японской политики всем фронтом на систематически проводимое, организованное «сближение» с Китаем: не только дипломатическое, а и политическое в широком смысле. В основу его японская сторона (в частности и Ито, виднейший политический деятель буржуазной Японии, премьер-министр эпохи китайской войны) уже тогда клала «расовую» идею — о соединенной самозащите «желтой расы» от европейской опасности и предлагала «помощь» в организации дела неотложно необходимых Китаю реформ, военной и финансовой. Но и в широкой культурно-политической сфере учрежденное в 1898 г. японское общество «Тоадобун», ставившее ближайшей целью «улучшение испорченных войною отношений между Китаем и Японией», немедля приступило к организации японских школ в ряде китайских городов и поставило дело приема и устроения приезжающих в Японию китайцев. Кроме школ, в Китае общество взяло на себя и издание нескольких газет. Делались первые шаги к введению японских офицеров в китайские войска в качестве инструкторов и японских советников в различные административные учреждения, а также к командированию японцев в Китай для изучения

языка.{118} Это было начало той программы широчайшего проституирования национального развития китайского народа, которую японский империализм клал в основу своей политики создания Азиатской империи на началах жесточайшей эксплоатации китайских масс — под лозунгом «взаимопонимания», «дружбы» и т. п.

А наряду с японским в эти годы росло и английское влияние в Пекине, в результате прежде всего ослабления позиций русской дипломатии. В этом смысле все три русские акта 1898–1899 гг.: 1) аренда Порт-Артура с отказом перед [84] лицом английских угроз от монголо-маньчжурской программы-максимум, 2) англо-русское соглашение о разграничении сфер с вынужденным признанием английских южно-маньчжурских железных дорог и 3) русское требование о концессии на железную дорогу к Пекину, вконец возмутившее китайцев и отвергнутое ими, — все это были гири на английскую чашу весов.{119}

Ничего идиллического не было и с постройкой маньчжурской, особенно южной, дороги: враждебные вылазки со стороны местного населения шли хронической чередой, при равнодушном в лучшем случае отношении китайских властей, а иные административные назначения в Маньчжурию из центра обнаруживали не лучшее настроение и самого пекинского правительства. Это значило, что за выбытием в 1898 г. из состава центрального правительства Ли Хунчжана, поплатившегося за проведенные им уступки Ляодуна и Шаньдуна, для России в отношении ее маньчжурского предприятия исчезла единственная верная точка опоры в Пекине и рвалась нить, в свое время связавшая судьбы дороги — посредством взяток — с покоями самой императрицы Цзы-Си, которая поддавалась теперь все больше японскому влиянию и завела даже особый шифр для непосредственных сношений с микадо. До формального союза, насколько известно, здесь не дошло. Но это совпадало теперь с первым империалистическим успехом известной японской пароходной и горнопромышленной фирмы Мицуи, получившей (1899) железнодорожную концессию и угольные копи в китайской провинции Фуцзянь, напротив. Формозы.{120}

Таковы были неблагоприятные симптомы для дальнейших планов русской империалистической, банковской политической линии на *Дальнем Востоке* к моменту организованного выступления ее домашних феодальных врагов в лице «безобразовской шайки». [85]

А каковы были ее перспективы на *мировой* арене империализма? Основной факт здесь — начавшаяся осенью (9 октября) 1899 г. в Южной Африке англо-бурская война, на долгое время выведшая этого главного противника из строя на всех прочих участках борьбы. Не говоря о единодушном бурофильском настроении широчайших общественных кругов на всем земном шаре, война эта возбудила аппетиты политических и деловых кругов всего империалистического лагеря английских конкурентов, пытавшихся использовать благоприятный момент в свою пользу.

Нечего и говорить, что и царь теперь впился в «английские газеты» (не веря своим), «ежедневно» «перечитывая все подробности» хода войны «от строки до строки» и затем делясь с другими за столом «своими впечатлениями» (интимное письмо Николая к сестре 21 октября 1899 г.). Его

увлекала перспектива: а что, «если поднимется восстание остальных буров... что тогда будут делать англичане со своими 50 тысячами... откуда Англия возьмет свои подкрепления — не из Индии же?». И ему было «приятно сознание *что только в моих руках* (подчеркивал сам он, — *Б. Р.)* находится средство вконец изменить ход войны в Африке. Средство это очень простое — отдать приказ по телеграфу всем туркестанским войскам мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все. Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там в наиболее уязвимом для нее месте». Это были его «самые излюбленные мечты» и он не мог «удержаться, чтобы не поделиться ими» с сестрой. Но пока (это писалось на 13-й день от начала военных действий) — «время для этого еще не приспело», так как «мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом, потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией». И ему оставалось только «всячески натравливать на англичан» германского своего собрата. Этим он при первом случае и занялся и потратил на это «целый день» — во время остановки проездом через Германию в Потсдаме (Вильгельм, [86] впрочем, и сам знал, что взять с англичан, и остановился на покупке Самоа в Тихом океане).{121}

Действительно, вопрос об Оренбург-Ташкентской дороге незадолго до того был выдвинут (не без поддержки французов, столкнувшихся с Англией в Африке, вокруг Фашоды) и не вышел еще из стадии споров о ее направлении (Оренбург — Ташкент или Александров-Гай — Чарджуй). Но это не могло помешать «излюбленным мечтам» искать себе выхода и на любом другом участке русско-английского фронта империализма, тем более, что наемные британские войска в Африке продолжали терпеть поражения. Мы видели, какую отдушину подобным мечтам готовили в это же время по адресу «английского» «пройдошества» безобразовцы. И собственно на бюрократический аппарат, на правительственную дипломатию больше оказывала давление теперь феодально-рептильная общая пресса и близкое к нему «общественное мнение» столичных «салонов», чем сам «хозяин», ублажавший себя конспирированием своего «анонимного» участия в корейском промышленном учредительстве даже от собственных министров. Но и аппарат не дремал и успел кое-что провести в интересах русского военно-феодального империализма в целом.

Положение, достигнутое царской дипломатией к январю-февралю 1900 г., рисуется в следующем виде. На *англоафганском* фронте (куда, и стремились «мечты») было ликвидировано данное Россией в 70-х годах обязательство не вступать в прямые, минуя Англию, сношения с Афганистаном, и сделано это простым односторонним заявлением в Лондоне через русского посла. На *турецком* — ввиду полученной немцами концессии на сооружение Багдадской ж. д., турецкому правительству предъявлено требование «об отграничении определенного района по южному берегу Черного моря, в пределах коего ни одной иностранной державе [87] не будет даваемо ни железнодорожных, ни иных концессий» (исполненное в том же году в форме специального обязательства султана) и предположено «заручиться обязательством Турции не укреплять Босфора». Это требование показалось «непонятным» даже русскому морскому министру, потому что оно могло

способствовать только укреплению этого заветного пункта. А так как Англия отступилась теперь от Багдадской дороги в пользу немцев, явно рассчитывая столкнуть в Турции Германию с Россией, — начаты дружественные переговоры в Берлине о признании русских претензий в будущем на «фактическое занятие Босфора», для которого сейчас, по единогласному мнению всех царских министров, у царизма попрежнему нехватало технических средств. В *Персии*, где русский империализм, обгоняя английский, последнее время выступал в банковской (1897) и акционерной форме (напр., русско-персидское горнопромышленное общество 1897 г. и персидское страховое и транспортное общество Л. С. Полякова с 1892 г.), наметился теперь переход к политике совсем дальневосточного типа. Возобновив, правда, и на следующее 10-летие (1900–1910) обязательство шаха не строить железных дорог, русское правительство получило разрешение (и уже командировало инженеров) производить изыскания на персидской территории, с целью сомкнуть свою закавказскую ж.-д. сеть с будущей персидской. А первый заем в 22 1/2 млн руб., предоставленный через банк персидскому правительству в начале 1900 г., обеспечивался почти всеми его таможенными доходами.{122} Как видим, Персия намечалась теперь, как сфера вывоза капитала, а для полноты параллели, намечалось и «доверительное предупреждение» правительству шаха, что если [88] Англия покусится на какой-либо порт в Персидском заливе, то и Россия не остановится перед «восстановлением своих интересов в Персии», т. е. тоже возьмет себе там порт.{123}

На *Дальнем Востоке* царская дипломатия заняла теперь позицию «полного воздержания» от каких-либо «решительных действий». Муравьев считал, что «только укрепившись прочно в Порт-Артуре и связав его железнодорожной ветвью с Россией, можно будет твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддержать их силой», а пока этот недавний успех сам по себе уже представляет «в области истории» достаточно «выдающееся, исключительное событие».{124}

Таковы были практические выводы и выгоды, извлеченные царской дипломатией из положения, создавшегося в международных отношениях вследствие англо-бурской войны.

* * *

Между тем *экономические* перспективы русского капитализма определялись тем фактом, что он вступал теперь в полосу жестокого финансового и торгово-промышленного кризиса. Еще в конце 1897 г. Ленин писал: «в настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности [89] «.{125} И вот в конце 1899 — начале 1900 г. «крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала».{126}

В интересующий нас момент налицо были только первые сигналы кризиса, в виде падения ряда дивидендных бумаг и вздорожания денег, да двух крахов (Дервиза и Мамонтова), на которые министерство финансов отвечало организованным вмешательством через аппарат государственного и частных банков, официально отвергая мысль об «общем торгово-промышленном кризисе». Здесь угрожало уже чем-то более серьезным, чем от деревенских голодовок, по поводу которых царские министры (напр. министр внутренних дел Горемыкин, в 1898 г.) позволяли себе отзываться: «охота вам думать о корме для этих скотов».{127} Здесь угрожало потрясением всей капиталистической экономики царской России, потрясением внешнего кредита и финансовой «мощи», угрожало приостановкой темпов и сужением масштабов капиталистического развития, взятых «системой» Витте, при которой «в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма»{128}, а судьбы самодержавия тугим узлом связывались с судьбами мирового империализма.

Что за всеми этими потрясениями скрывается громадный шанс революции, об этом речи пока не было. В борьбе против нее можно было пока ограничиться отпуском 500 тыс. руб. ежегодно на содержание (заведенной в 1899 г.) фабричной полиции из расчета 1 городовой на 250 рабочих, всего [90] 2500 полицейских.{129} Затем, можно было строить расчет на усиление регулирующей роли фабричной инспекции и обезвредить министерство внутренних дел, своим вмешательством грозившее перепутать карты этой хитрой политики министра финансов (в 1899 г. Витте и удалось провести в министры внутренних дел свою креатуру — Сипягина, скандального ресторанного пьяницу и всеми признанного тупицу, стопроцентного крепостника, которого Витте, однако, ничего не стоило крепко держать в своих руках, перейти с ним даже на «ты»).{130} Наконец, вырвавшемуся на улицу в 1899 же году массовому студенческому движению правительство противопоставило угрозу сдачи в солдаты — нелепая мысль, которую подал, кстати сказать, тоже Витте.{131} Но в области внешней политики уже первые, верхушечные, явления кризиса грозили затруднениями дальневосточным предприятиям царизма, поскольку они строились в расчете на вывоз туда капиталов и требовали бесперебойного финансирования для завершения их в срок.

* * *

Против всех перечисленных выше дипломатических шагов, предпринятых русской дипломатией во время англо-бурской войны, Витте не возражал — лишь поскольку они в близком будущем не требовали новых расходов. Но Англия все глубже увязала в африканских делах, петербургская биржа не отмечала никаких перемен к лучшему, окончательно выяснилась «невозможность пользоваться иностранными капиталами» в текущем (1900) году, и не было, конечно, никаких гарантий, что Индия и Босфор, на которых сходились «излюбленные мечты» Куропаткина и Николая, не [91] всплывут как-нибудь под угодливым пером «куртизана» Муравьева, как всплыл из-под него в свое время и Порт-Артур. Жалуясь на это в частном разговоре, в апреле 1900

г., с Половцовым, Витте ясно видел, что силы японцев «сегодня таковы, что в случае объявления нам войны мы не могли бы удержать Порт-Артура», и уповал только на то, что все та же бурская война «задерживает неприязненные в отношении нас действия японцев».{132}

Идеальным выходом из создавшегося положения для русского царизма было бы при полном штиле и при закрытом занавесе довести оборудование маньчжурского плацдарма во всех отношениях до конца.

Однако китайские события 1900–1901 гг., переплетаясь с развитием кризиса, спутали карты царской дипломатии и поставили петербургских дипломатов перед искушением «укрепить полное влияние» царизма в Маньчжурии и наглухо «закрыть дверь» туда иностранному капиталу. [92]

Глава пятая.

Временная оккупация Маньчжурии (1900–1901 гг.)

1. Царизм и боксерское восстание

В середине мая 1900 г. в Петербурге получилось известие о том, что весь дипломатический корпус и иностранная (европейская) колония, насчитывавшие в. Пекине не менее 1000 человек, оказались под непосредственной угрозой расправы со стороны восставших боксеров, что железнодорожное сообщение между Пекином и Тяньцзинем, куда легко было бы высадить международный десант, прервалось, что посланники обратились к своим правительствам с просьбой о «принятии мер к их освобождению», а английский посланник «доверительно ходатайствовал» даже о спешной высылке русского десанта из Порт-Артура, где Россия держала гарнизон в 12 000 чел.

Муравьев тотчас же предложил Николаю разрешить отправку в Тяньцзинь 4-тысячного отряда, «во избежание опасности вызова в охранительных целях японских или иных иностранных войск». Но ближайшие же дни показали, что дело не может свестись к тому, чтобы улучить момент и, под предлогом легкой и быстрой охранительной операции установить «монополию своей военной силы» в Пекине для подкрепления, как мы отметили, сильно пошатнувшегося политического положения царизма при богдыханском дворе. [93]

«События в Китае» разрастались и «принимали крайне опасный характер», на сторону боксеров переходили китайские войска, и перед иностранным вооруженным вмешательством явно выступала перспектива «подавления распространяющегося восстания, известного рода насилия и борьбы с правительственными войсками, что почти равносильно открытию военных действий против Китая». II (4 июня) Муравьев, исходя из «глубокого убеждения в том, что задача России на Востоке совершенно расходится с политикой европейских государств», склонил Николая к следующему решению: 1) «отнюдь не добиваться для России командования соединенным отрядом», который, кстати сказать, англичане предложили было попросту заменить 30-тысячным японским корпусом, но не получили согласия Германии, и который должен был составиться из войск всех империалистов, не исключал Японии и Америки, и 2) «не нарушая согласных действий с прочими европейскими отрядами», ограничить задачу русского 4-тысячного отряда «охранением безопасности миссии, ограждением жизни и имущества русско-подданных» и *«поддержанием законной власти в борьбе с революцией»* в расчете, что присутствие русского отряда «не позволит державам приступить к каким-либо политическим предприятиям без нашего согласия».{133}

Эта формула, отводившая России в пекинской операции роль рядового участника и зоркого наблюдателя, всецело была усвоена и преемником Муравьева (ум. 8 июня 1900 г.) гр. Дамсдорфом, который, впрочем, сам, в качестве товарища министра, и подсказал ее своему совершенно растерявшемуся шефу. Царская дипломатия и дальше ни в чем не хотела «связывать» свою «свободу действий» и ставила себе с самого начала задачей,

независимо от других империалистов, возможно скорее «возобновить добрые отношения» с правительством маньчжурской династии. Лично Николаю, при [94] этом, предоставляюсь вволю тешить себя мыслью (и писать в резолюциях), что «всего более способствовали возбуждению ненависти китайцев к европейцам», «вместе с коммерческими притеснениями», «миссионеры» и что «эти, господа — корень всего зла», как ширма для «бесстыдного эксплоатирования массы народа в Китае святым именем Христа». А дипломатический аппарат между тем неукоснительно работал над полным изолированием России, последовательно отклоняя германские, английские и даже французские предложения вступить в формальные соглашения о совместных действиях при ликвидации китайской войны.{134}

За всем этим у Витте и Ламсдорфа, которого он же и провел в министры иностранных дел, стоял не только страх за судьбу маньчжурских капитальных вложений, если бы восстание перекинулось и в этот район. Здесь был прямой расчет выйти из-под удара «мирными» средствами — подкупив местную администрацию и старого русского друга Ли: Хунчжана, вновь выплывавшего на поверхность в качестве уполномоченного по ведению переговоров с империалистами и первым делом лично обратившегося к Витте за помощью и указаниями, как быть. И, свято веруя в силу миллиона, дипломатия российского империализма поставила свою ставку целиком и полностью на испытанное корыстолюбие Ли Хунчжана, Это было испробованное уже средство, но оно должно было подействовать, конечно, не сразу, потому что было связано с посылкой в Китай, для личных переговоров и соответственных финансовых действий, директора Русско-Китайского банка князя Ухтомского, раз уже исполнявшего подобную миссию, при попытке Витте провести банковскую программу в Маньчжурии летом 1897 г. втайне от министерства иностранных дел, — и сроки здесь измерялись месяцами.{135} Как увидим, средство это оказалось не таким уж надежным, каким оно представлялось тогда в Петербурге. [95]

Ближайший расчет правительства не оправдался, и движение боксеров к середине июня перебросилось уже и в Маньчжурию, после чего железная дорога оказалась разрушенной чуть ли не целиком, и Витте самому пришлось просить о вводе русских войск на всю территорию дороги (26 июня). Это повлекло за собой мобилизацию до 150 тыс. человек и форменную оккупацию к осени 1900 г. всей Маньчжурии, — и тем не менее русская дипломатия не отказалась от занятой ею сепаратной позиции.

Был тут, правда, момент, когда военно-феодальное естество самодержавия чуть было не взяло верх и не испортило всей игры Витте. Легкие победы русских войск над маньчжурскими повстанцами перенесли «излюбленные мечты», увлекавшие недавно Николая и Куропаткина к Индии и Афганистану, в этот новый район. Оба они принялись обсуждать создавшуюся ситуацию в военном плане, и в результате тайком от Ламсдорфа и Витте отдан был приказ (1 августа) русскому отряду в Тяньцзине с боем итти на Пекин? чтобы не отстать от двинувшихся туда англичан, американцев и японцев.{136}

Это шло вразрез с принятым уже Николаем планом предоставить расправу в собственно Китае немецкому главнокомандующему (генералу

Вальдерзе), используя бешенство, в которое впал после убийства в Пекине германского посланника Вильгельм, рвавшийся «сравнять Пекин с землею» и придать делу характер «большого военного предприятия общего характера».{137} Но этот военно-феодальный проскок немедля был ликвидирован нажимом Витте и Ламсдорфа в двух принятых и официально объявленных (12 августа) решениях: 1) эвакуировать Маньчжурию, «как скоро в ней будет восстановлен прочный порядок» и 2) немедленно удалить из Пекина не только русские войска, но и русское посольство, и приступить к переговорам с законным китайским [96] правительством, «как только» оно «вновь примет бразды правления». И больше уже относительно собственно Китая в составе царского правительства разногласий не возникало, к выводу войск из Пекина было приступлено в августе же (к великому возмущению особенно немцев), и к приезду Вальдерзе (октябрь 1900 г.) на Пекинском театре не было русских войск для участия в той вакханалии международных карательных экспедиций, которая прекратилась только в апреле 1901 г.{138}

Это провозглашение отказа от захвата Маньчжурии и обещания вывести оттуда свои войска было безусловно торжеством политики Витте и поражением Куропаткина, пока, конечно, только принципиальным. В дальнейшем Куропаткин всегда неохотно соглашался на вывод войск особенно из северной Маньчжурии и до последнего момента стоял за присоединение северной Маньчжурии к России по стратегическим, в первую очередь, соображениям. Надо, однако, сказать, что реального значения это разногласие не имело ни на одном из этапов последующей политики, которую вел Витте, и даже затухало по мере того, как этот генерал «с душой штабного писаря», питавший «личную слабость» и даже «нежность» к «большой фигуре» Витте, по-своему поддавался, как «сын старого земца», эволюции, происходившей теперь в земской среде, и все больше втягивался сначала в «Витте-Сипягинскую группу», а потом и в «триумвират» (Витте — Ламсдорф — Куропаткин), как называли с ненавистью безобразовцы те суррогатные элементы «кабинетности», которые удавалось протаскивать в аппарат самодержавия под своим главенством «всесильному» Витте.{139} Фактически Витте в дальнейшем до самого дня своего падения и сосредоточивал в своих руках пружины и нити всей дальневосточной политики царизма — с момента безграничного подчинения себе ведомства иностранных дел в лице первоклассного [97] дипломатического техника, каким был Ламсдорф с его многолетним бюрократическим опытом и вышколенным при Александре III полным отсутствием вкуса к инициативе. А такие, казалось бы, противоречивые у Витте сближения, как с Сипягиным или Куропаткиным, или Победоносцевым или даже моментами с Плеве, возможны были здесь потому, что самый «империализм» Витте в сущности никогда и не скидывал бюрократического вицмундира.{140}

2. Витте как представитель «военно-феодального империализма»

Еще в 1894 г. Ленин со всей определенностью отмечал: «Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия*, которая de facto и правит государством

российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа».{141} И в 1903 г. Ленин не считал возможным «удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии»{142}. Также много позднее Ленин напоминал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии [98] «, от Николая II до любого урядника».{143} Ясно, что и «империалистическая» тенденция, ярким представителем которой в составе этой бюрократии был Витте, на деле никогда, конечно, не могла выступать в реальной политике в своем «чистом» виде, лишенная своего феодального прежде всего сплетения. А субъективно у Витте она всегда выступала на службе и в интересах текущего дня романовской монархии. Когда еще в 1889 г. Витте впервые появился в бюрократических кругах столицы, там отмечали, что «на вид он похож скорее на купца, чем на чиновника» и что будто он кому-то прямо сказал, «что неужели тот думает, что чины и ордена соблазнили его покинуть юг; нет не то, а то, что здесь можно нажить деньгу».{144} Нет спора, когда Витте менял независимое положение полновластного распорядителя крупнейшего частного общества Юго-западных ж, д., с 60 000 ежегодного дохода, на место директора железнодорожного департамента министерства финансов с 16 000 казенного жалованья, объективно это было уже вторым крупным шансом на усиление буржуазной тенденции в политике самодержавия, если первым считать управление предшественника Витте — Вышнеградского, великого умницы и наглого биржевого игрока из подлинных разночинцев. Вышнеградский же и ввел Витте в петербургскую бюрократию, как специалиста-железнодорожника. Всего с год (1891) пробыв министром путей сообщения, Витте за смертью Вышнеградского, занял пост министра финансов и пробыл им целых 11 лет (1892–1903).

Это была, конечно, вовсе не такая уже аристократическая фигура, но и вовсе не такой уже разночинец, как его предшественник. Заглянем в его «Воспоминания»{145} и увидим, что дело вовсе не в том, искренне ли Витте гордится или не гордится тем, что бабушка у него княгиня Долгорукая, или [99] правда ли, что к нему перешел, в качестве родовой реликвии, крест якобы кн. Михаила Черниговского XIII в. Факт тот, что бабушка его, действительно, была кн. Долгорукая и что крест передавался из поколения в поколение; что незаметный служилый дворянин Юлий Витте, его отец, совершенно ассимилировался в большой родне своей жены; что Сергей (будущий министр) вместе с братьями и сестрами росли и питались влияниями среды этой родни в широкой, привольной для господ обстановке русского правящего Кавказа и крепостного дома о 84 дворовых слугах; что они помнили, как за романическую историю русские жандармы в один миг могли выдворить за пределы дома и Российской империи гувернера-француза, или как сами они

безнаказанно на улице бросали грязью в своих гимназических учителей, ходивших учить их на дом. Столь же неоспоримо, что семья и Кавказ дали Витте, успевшему к университетским годам пережить материальное разорение семьи, довольно высокие связи (вроде Воронцова-Дашкова, Лорис-Меликова, ген.-губ. Одессы гр. Коцебу, или министра путей сообщения гр. В. Бобринского), к каждой из которых можно возвести непосредственно ту или иную кардинальную подробность жизненной карьеры Витте.

В столицу, а затем в бюрократическую среду Витте пришел (40 лет) отнюдь не в качестве выбившегося на поверхность своим упорством и трудом «проходимца», начавшего будто свою службу чуть ли не конторщиком мелкой железнодорожной станции.{146} Он пришел туда первым теоретиком тарифного дела, автором первого «Общего устава российских ж. д.», вошедшего с некоторым шумом в русское железнодорожное законодательство, управляющим крупнейшего частного железнодорожного общества, при нем впервые развившего коммерческое движение до высокой доходности, и, как никак, одним из инициаторов «Священной дружины» и [100] предсказателем (чуть не в глаза Александру III) технической неизбежности железнодорожной катастрофы при Борках, основательно перетряхнувшей Александра III со всей его семьей в 1888 г. В чопорный, кастовый «путейский» и вообще бюрократический мир столицы ворвалась глубоко штатская, головой стоящая выше его, самоуверенная и колючая, вполне сложившаяся и лично известная царю фигура крупного железнодорожного практика-дельца.

Барчук, считавший русский и французский языки одинаково родными, одинаково же владевший в совершенстве лошадью и «по-кавказски» и «по-кавалерийски», блестяще прошедший математический факультет в университетской атмосфере 60-х годов, и не чуждавшийся там юридических лекций, Витте был удержан роднею от профессуры — по «несовместимости» ее «с дворянством». Не будучи инженером, Витте 28–29 лет от роду, в качестве начальника движения в архаических технических условиях провел мобилизацию железной дороги и переброску войск к румынской границе в 1877–1878 гг., на свой страх удачно пустив тогда в ход «американскую» систему эксплоатации паровозов и отправку груженых поездов «пачками». Витте не переставал чувствовать себя барином, соприкасаясь по работе с целой армией подрядчиков, поставщиков, клиентов-грузоотправителей, банкиров и денежных тузов и воротил железнодорожного мира в масштабе всего богатейшего тогдашнего «юго-западного края» с Киевом в центре. Вместе с «славянофильской» идеей взятия Константинополя и туманной симпатией к «общине», от которых он уже эмпирически отделывался во второй половине 90-х годов, Витте благополучно пронес через свое «независимое» положение крупного буржуазного дельца, нутряную, еще сословную, преданность монархизму, немедленно давшую обильные свежие ростки, как только он попал в министерское положение и в личную близость к Александру III. Но еще и раньше, в Киеве, он отдавал дань своему династическому инстинкту служилого дворянина в жалком дворце полуопальной, полупомешанной [101] великой княгини (Александры Петровны), зачастую не видя ее и все же просиживая за картами целыми вечерами с ее фаворитом-попом (лишь бы во дворце) и изредка видал там ее сыновей (Николаевичей).

Зато «железнодорожные короли» для него были «пройдохами», и он «лучше пошел бы по миру», чем низкопоклонничать перед Блиохом так, как Выпшеградский: «и не потому, что он был еврей, а потому, что вся сила этих господ заключалась в кармане». Эта присказка о евреях встречается у Витте (в воспоминаниях) не раз в виде оговорки, что де в «самом» еврействе он не усматривает ничего «дурного»: оговорки, характерной для привычного ему круга мыслей его класса. Российский дворянин был все же ему ближе и больше по душе, чем российский же буржуа, особенно, новой формации 90-х годов. В интимной беседе на вершине своей карьеры (в 1903 г.) он как-то жаловался Куропаткину, «что ему вечно приходится возиться с кучей г... (золота) кругом все запачканные руки; в каждом деле, которое он проводит, он чувствует подозрительное к нему отношение: не хочет ли что сцапать». Он противополагает: с одной стороны, «мы, русские дворяне», «которым бог дал по самому рождению нашему особые привилегии», и, с другой — «русские буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца». Эти вторые, по мнению Витте, сравнительно с первыми, «в особенности» не заслуживают «покровительства монарха». И как российский же дворянин, Витте без внутренней ломки и труда, даже со вкусом, входит в роль «верного» и «прямого», несколько грубоватого на слова, «слуги своего государя» при Александре III, в обществе не чужаков, а и впрямь себе подобных.{147} [102]

Когда понадобилось, у него оказались налицо в высшей мере все данные овладеть всеми средствами той «служебной эквилибристики», которая в сочетании с громадным практическим чутьем, лишенным и признаков какой-либо «теории», делала его непобедимым на бюрократической сцене.{148} Когда он в 1893/94 г. открыл свою рискованную нашумевшую таможенную войну с Германией и одержал победу — это было практическое чутье, за которым стояла, однако же, прямая поддержка Александра III. Когда он заказывал кому-то свою знаменитую записку «о самодержавии и земстве», где собрав) все аргументы в пользу конституции, высказался за самодержавие, — это была «эквилибристика», чтобы свалить министра внутренних дел Горемыкина, вылезшего с ублюдочным проектом фальсифицированного земства для западных губерний, и посадить на его место своего — Сипягина. Когда он в частном разговоре (с упоминавшимся выше Половцовым), заявлял: «я враг по принципу, с детства мною усвоенному, враг всякого конституционализма, парламентаризма, всякого дарования политических прав народу» — ему, действительно, можно поверить.{149} Ему можно поверить даже тогда, [103] когда он, после своей отставки (август 1903 г.), — если правду рассказал в своих воспоминаниях известный Лопухин, б. директор департамента полиции, содействовавший разоблачению Азефа, — намекал Лопухину на желательность физического изъятия Николая с тем, чтобы посадить на трон послушного ему Михаила.{150}

А в 1905 г. он не связал себя ни с одной из буржуазно-либеральных политических партий, а весь свой авторитет, опыт и способности потратил уже на широком «политическом» поприще на то, чтобы спасти, что еще было

можно, для романовского самодержавия. Притворно укрываясь за Петра Дурново, на деле он руководил подавлением вооруженного восстания в Москве и других городах, посылал карательные экспедиции по всей стране и кончил тем, что заключил большой заем на иностранном рынке для «подавления революции», с необыкновенной настойчивостью проведенный и преподнесенный им самодержавию до созыва первой Государственной Думы.{151} А когда все это было кончено, и его опять отвели в резерв — оказалось достаточно одного слова того же Николая, чтобы он сел на свое «беспартийное» кресло в Государственном Совете и отказался от естественной мысли уйти в деловой банковско-промышленный мир, который принял бы его, разумеется, на любых условиях и в любой роли.{152} Регулировать этот мир на службе самодержавию, в стиле «государственно-монополистического капитализма»{153} — это было одно. Оторваться от самодержавия и перейти целиком в этот мир — это было другое. А все свое контрреволюционное дело в 1905–1906 гг. Витте проделал, на этот раз уже одинаково [104] «сочетая» в нем «интересы помещика и буржуа», в качестве «слуги царизма», как бы ни старался он тогда «прикрывать» эту свою «роль».{154}

Таков был истинный руководитель империалистической политики царизма в роковой для нее момент военной оккупации Маньчжурии и ликвидации чудовищной (для того времени) всеобщей войны с Китаем.

3. Первая попытка «сепаратного» соглашения о Маньчжурии

Как только Ленин получил возможность, по приезде за границу, подать свой голос в печати, в первом же номере «Искры», в декабре 1900 г. он посвятил «Китайской войне» особую статью. В ней Ленин, между прочим, писал: «Министр финансов Витте заявлял, что к 1 января 1900 г. в казначействе имеется свободная наличность в 250 милл. руб. — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний, — политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры».{155}

Здесь поистине заключалось пророчество. В тот момент, когда он писал, Ленин наверняка не знал содержания той ни с чем несравнимой по наглости и жестокости «коллективной ноты» держав, которая была передана китайскому правительству 9 декабря ст. ст. 1900 г. и послужила основой для знаменитого «заключительного протокола», над формулировками которого посланники в Пекине, в нескончаемых препирательствах, трудились до самого 25 августа (7 сентября) [105] 1901 г., когда он был подписан китайской стороной. Тем более не знал Ленин и результата петербургских обсуждений между тремя министрами программы для сепаратных переговоров России с Китаем относительно условий «возвращения» ему Маньчжурии, а условия эти в своем развернутом виде должны были обеспечить привилегированное положение России в Китае, а не только в Маньчжурии.{156}

Русская дипломатия вместе со всеми империалистическими державами проделала всю процедуру пекинских переговоров, и из 500 млн руб., которые Китай обязался уплатить империалистическим хищникам в возмещение «убытков», на долю России пришлось около 184 млн руб. (тут были: убытки КВжд — 70 млн руб., прямые военные расходы — 100 млн руб. и проценты на эту сумму — 14 млн руб.). Формально был прав Ламсдорф, хвастая потом, что это был «редкий пример вполне оплаченной войны». На деле вся эта сумма была рассрочена на длительный срок, а уплаты поступали впоследствии неаккуратно{157}. И прав был Ленин, утверждавший, что Витте тогда же пришлось искать займа во Франции, чтобы немедля покрыть всю сумму издержек этой войны.{158}

Также прав оказался Ленин, утверждая, что царизм пустился тут в политику, которая «грозит вовлечь в еще более опасные войны». Эту политику царизм открывал, пустившись [106] теперь в сепаратные переговоры с Китаем, на которых нам и надлежит несколько остановиться.

Как-то раз (это был 1899 год) Куропаткин, в присутствии Витте, доказывал царю «что все войны в настоящее время происходят от того, что европейские государства ищут сбыта своим произведениям, чрезвычайно умножающимся вследствие непомерного развития промышленности». А отсюда наш псковский помещик приходил к выводу: «а следовательно, в видах избежания войн, мы должны тормозить успехи своей промышленности». Это было его больное место: когда, вскоре после того, Витте выдвинул вопрос «о допущении в азиатские владения России иностранцев для образования компаний и учреждения фабрик и заводов», Куропаткин сознавался (Половцову), что он «долго думал, изучал и пришел к заключению о невозможности допускать устройства промышленных компаний в Средней Азии» (заметим, что емкость среднеазиатского рынка для промышленности метрополии тогда измерялась в 8 млн руб.). И оба собеседника Куропаткина, Половцов и Витте, только руками разводили: «вот что говорил очень умный человек, но лишенный надлежащего для государственного человека образования».{159}

Но и у самого Витте, восполнявшего такое же отсутствие «надлежащего образования» силою своей природной одаренности, «нюха» и наскоро составлявшихся для него учено-ведомственных «справок» и анонимных «записок», была тоже своя idée fixe, выраставшая десятилетиями в условиях эпохи «вооруженного мира» и грандиозных успехов и завоеваний капитализма. Он даже в 1912 г. по-настоящему не верил в возможность европейской империалистической войны, а уже в 90-х годах тем более не мог поверить, что войны могли [107] возникать иначе, как из-за грубых территориальных «захватов».{160}

Когда в критические дни января 1898 г. решался вопрос, чья возьмет: Муравьев ли со своим Ляодунским проектом, или он, Витте, со своей монголо-маньчжурской программой капиталистических монополий и банковских привилегий, — английский главнокомандующий лорд Уольслей, отвечая на шум, поднятый в прессе по поводу проекта русского займа Китаю, публично заявил о «полной готовности» британской армии на случай, «если грянет война». А Витте был убежден, что «легко поднятый шум столь же легко и

уляжется», так как «*немыслимо*, чтобы из-за вопроса о заключении займа у банкиров той или другой страны могло возникнуть серьезное столкновение», «реальное же столкновение может вызвать лишь политика *захватов*». И он в дальнейшем не уставал на каждом шагу твердить во всех случаях, когда вставала угроза войны, что нужно бросить мысль о «захватах» — «и все тут».{161} Итти тихой сапой банковских соглашений, глубоко скрытых дипломатических нажимов и «мирных» капитальных вложений казалось ему вернейшим средством избежать войны, лишь бы соглашения эти достаточно были оформлены двумя коммерчески связывающими себя сторонами.

В момент приступа к сепаратным переговорам с Китаем о дальнейших судьбах оккупированной Маньчжурии, перед Витте опять стал призрак ее «захвата». Последний становился бы тем более вероятным, чем больше хозяйничала бы там регулярная военная сила, никак не подчиненная интересам прежде всего того «треста» (Общества КВжд и Русско-Китайского банка), интересы которого и должна была теперь не упустить случай продвинуть царская дипломатия. Это не значило, что Витте не отдавал себе полного отчета в необходимости [108] военной силой ограждать сохранность имущества к привилегий предводимого им комбината. Но для этого, по его мнению, достаточна была и та «охранная стража» КВжд, которую Витте, в качестве ее «шефа», готов был раздувать до любого размера, способного исключить надобность в пребывании здесь русских войск — как «реальной» угрозы войны. В одной из последующих межминистерских дискуссий (1901) по поводу вывода из Маньчжурии русских войск, Куропаткин, как мальчик в известной сказке про короля без платья, просто так и сказал: «мы в сущности будем уводить одни войска, но заменять их другими... а для Европы, Америки и Японии дело *не в замазывании* и не в форме, для них несомненно лишь одно: полной передачи Маньчжурии Китаю мы не хотим делать, ибо оставляем железные дороги в наших руках, а на этих железных дорогах будем иметь довольно много русского войска».{162} Но своя доморощенная «теория» происхождения войн крепко сидела в голове Витте и руководила его дипломатической деятельностью, сужая ему поле зрения.

Приняв участие в общих переговорах с китайским правительством о возмещении убытков войны, русская дипломатия повела, кроме того, параллельные «сепаратные» переговоры относительно Маньчжурии, имея в виду отказаться от контрибуции в обмен на уступки, требуемые у Китая в Маньчжурии. Но расставляя эту сеть китайскому правительству, она сама здесь шла, в сущности, в плохо скрытую ловушку. Дело в том, что первый такую схему переговоров предложил Ли Хунчжан, только вместо Маньчжурии он первоначально предложил «отдать в безусловную эксплоатацию богатства смежных России Монголии и Кашгара с направлением туда параллельно русской волны переселения, маскируя концессии самому русскому правительству флагом нескольких мнимых частных компаний». На это ему было [109] отвечено, что речь пойдет не о Монголии и Кашгаре только, а и о «укреплении полного нашего влияния в Маньчжурии». Судя по тому, что ни минуты не торгуясь, Ли Хунчжан затем всю настойчивость вложил в то, чтобы поскорее получить из Петербурга дипломатически оформленное и подробное требование в этом смысле, это был ход, рассчитанный на то, чтобы иметь

возможность в любой момент *общих* пекинских переговоров внести разлад в среду держав-победительниц.{163}

Такая же игра пошла у царской дипломатии и с Германией: широким жестом предоставляя немцам (ген. Вальдерзе) неистовствовать по всему Китаю к югу от Великой Стены, она мечтала о максимальном, продлении экзекуции там, чтобы, дав увязнуть другим, выиграть время для своих переговоров о Маньчжурии.{164} Но и формальные заверения немцев, что они предоставляют России полную свободу в Маньчжурии, также рассчитаны были на то, чтобы Россия поглубже увязла в конфликте с прочими заинтересованными странами.{165}

Между тем у царской дипломатии были прямые предупреждения против этой опасной игры. Америка, выступая весной 1900 г. вместе со всеми против Китая, возобновила свой лозунг политики «открытых дверей», и это был, как и в 1899 г., кивок в сторону прежде всего именно Маньчжурии. А Япония, в ответ на русский запрос перед самым открытием сепаратных переговоров (в январе 1901 г.), сообщила, что она не вступит ни в какие полюбовные соглашения с Россией относительно укрепления Японии в Корее, как предлагала русская сторона, пока Россия не восстановит довоенное положение в Маньчжурии.{166} [110]

При таких сигналах, полагаться на обещание Ли Хунчжана держать дело в секрете, и предлагать Китаю то, что было предложено Витте — Ламсдорфом в январе 1901 г., — было в высшей степени легкомысленно. А потребовали они не более и не менее, как: 1) отказа Китая от предоставления иностранцам каких-либо концессий (железнодорожных и вообще промышленных) в Маньчжурии. Монголии и во всех пограничных с Россией провинциях Западного Китая, 2) согласия Китая на уплату убытков войны посредством предоставления «новых концессий» обществу КВжд, которые и имели быть предметом особого соглашения с обществом, 3) предоставления ему концессии на постройку железной дороги от КВжд к Пекину (требование, от которого с такой неохотой пришлось Витте и Ротштейну отступиться в 1899 г.), 4) вывода китайских войск из Маньчжурии впредь до полного окончания постройки КВжд и ограничения их числа после этого срока по соглашению с Россией, и 5) смены любых местных властей в Маньчжурии по первому требованию русского правительства. На этих условиях царское правительство соглашалось вывести свои войска из Маньчжурии только тогда, когда оно само признает, что там «водворилось спокойствие».{167}

И надо сказать, что это была последняя, наиболее скромная редакция, которою Ламсдорф убедил ограничиться Витте, и которою при этом даже рассчитывал «произвести весьма благоприятное... впечатление за границей». В первоначальном же проекте, на котором настаивал Витте, требовались удаление китайских войск из Маньчжурии навсегда, разрешение уплаты всех пошлин и податей русскими деньгами, передача всех таможен в Маньчжурии «в заведывание» общества КВжд, передача ему же всех казенных и частных земель в Маньчжурии с месторождениями золота, нефти, никеля, каменного угля, расширение полосы отчуждения по всей линии КВжд до 10 верст, отвод обществу участка в [111] 2 тысячи кв. верст «с хорошим строевым лесом» на корейской границе по р. Ялу с правом проведения там дорог, телеграфных и

телефонных линий (то, что потом требовал для себя Безобразов) и отвод участков земли для коммерческой эксплоатации в портах Цинь-вандао и Инкоу (в спорной с англичанами крайней юго-западной части Маньчжурии), а также в устье Ялу и на одном из островов близ этого устья (опять-таки на самой корейской границе) — и все это с правами управления и содержания военной охраны в этих землях. Вся эта программа-максимум, однако, вовсе не была отставлена, а только пока задержана предъявлением, чтобы не провалить всей описанной дипломатической затеи.{168} Ясно, что и в том и в другом виде, при данном положении вещей, это была империалистическая программа.

В Петербурге при этом так верили в магическую силу миллиона рублей, обещанного за проведение этой сделки Ли Хунчжану, что не приняли других мер и пустили дело на самотек. Там не ожидали, что содержание русских сепаратных предложений будет передано Ли Хунчжаном державам, что те (Англия, Япония, США, Германия и Италия) будут протестовать перед Китаем, что Китай, ссылаясь на это, откажется от подписания такого договора (11 марта 1901 г.), что за этим отказом будет стоять прямое обещание Японии «при всех случаях» «оказать Китаю содействие добиться своевременного очищения Маньчжурии от русских войск», и, наконец, что в самом Петербурге Япония выступит с открытым протестом против затеянного Россией нарушения прав иностранцев в Китае (12 марта 1901 г.), в такой форме, что Ламсдорфу придется отказаться официально принять этот протест от японского посланника. А, когда все это неожиданно для русских дипломатов произошло, Витте как-то пропустил совсем мимо ушей несколько даже удивившее русского посла в Вашингтоне заявление американского статс-секретаря Гэя, что они, американцы, ничего, пожалуй, не [112] имели бы против даже нарушения «неприкосновенности» (т. е. присоединения) Маньчжурии Россией, лишь бы непременно была сохранена туда американскому капиталу «открытая дверь». Нечего и говорить, что в Петербурге и не подозревали, что резкое дипломатическое выступление Японии опиралось на начатые (в январе же 1901 г.) Англией разговоры с Германией и Японией об открытом вмешательстве и даже о союзе против России втроем.{169}

Такова была первая неудачная попытка укрепить «полное влияние» русского правительства в Маньчжурии — до окончания общих пекинских переговоров. Урок, данный иностранными империалистами в этом отказе китайцев от сепаратных переговоров оставлял царской дипломатии на выбор: либо приступить к эвакуации Маньчжурии без всяких условий, либо попытаться договориться с Японией о каком-то разделе «сфер влияния», чтобы прочие империалистические конкуренты оставались в Китае без сколько-нибудь серьезной сухопутной военной силы; наконец, можно было пойти на продолжение оккупации Маньчжурии, заявив по американскому рецепту об «открытии дверей» для торговой и промышленной деятельности иностранному капиталу. Во всяком случае, «спокойно выжидать дальнейшего хода событий», как заявил Ламсдорф в публичном сообщении после полученного афронта, т. е. просто топтаться на месте, означало по [113] существу двигаться навстречу повторному афронту, — хотя бы потому, что, во-первых, в конце лета (1901) надо было ждать окончания общих переговоров и эвакуации Пекина, после чего России могло бы быть прямо

предложено от лица всех вывести войска и из Маньчжурии, а во-вторых, к концу 1901 г. ожидалось завершение перевооружения сухопутной японской армии, что грозило бы уже и войной.{170}

Наряду с описанным осложнением в области внешней политики, резко ухудшилась для правительства и внутренняя обстановка в стране. Дальнейшее развитие экономического кризиса, рост безработицы, политическое оживление в стране и начало больших демонстраций, получивших толчок в сдаче 183 студентов в солдаты в январе 1901 г., — мера, встретившая столь широкое осуждение, что к лету ее пришлось отменить, — убийство министра народного просвещения Боголепова (февраль 1901 г.), демонстрация петербургского студенчества на Казанской площади, кончившаяся дикой полицейской расправой (март 1901 г.), первомайские стачки в Петербурге, наконец, побоище на Обуховском заводе (7 мая 1901 г.), вошедшее в историю рабочего движения под названием «обуховской обороны» за то сопротивление, которое было тут оказано рабочими полиции и войскам, — все это свидетельствовало о назревании политического кризиса в стране. Даже «Новое время» тревожно напомнило правительству о своевременности «реформ сверху».

Витте отлично видел некоторые трудности, рожденные кризисом. «Время экономическое переживаем мы, — писал он Сипягину, — дурное... много крахов, а тут еще неурожай. На эту тему государю внушают, что, мол, нужно в корне переменить политику финансовую, — что вот, мол, результаты моей политики. А как переменить, конечно, не знают». Но «положением дела по существу» он «нисколько не тревожился»: «нельзя ожидать, чтобы всегда все слагалось благоприятно. [114] Теперь наступил вихрь, некоторые деревья будут сорваны, некоторые повреждены, но я глубоко убежден, — писал он Сипягину, — что, если мы будем держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму». Читатель, вероятно, догадывается, откуда подул здесь знакомый ветер. Это Безобразов просиживал теперь «не менее двух раз в неделю» у царя «по часам» и рассказывал ему «всякую чепуху и всякие эфемерные планы», в частности, что Витте «нужно с Востока совсем удалить». Витте беспокоило, что Николай с ним «ничего не говорит» («отбарабаню доклады, и баста»), что «у него бродят какие-то мысли», «что он пребывает в каких-то смущениях».{171}

Пока что, таким образом, дело сводилось к тому, чтобы устранить этого внутреннего, дворцового врага средствами бюрократической «эквилибристики» — а все остальное было не страшно. [115]

Глава шестая.

Подготовка Японии к войне с Россией (1895–1901 гг.)

1. Японский военно-феодальный империализм в 1895–1901 гг.

А на Дальнем Востоке в окно действительно стучалась война.

Когда Чинда (японский посланник в Петербурге) предъявлял свое неожиданно смелое «дружеское представление» о том, «чтобы союзным державам, совместно действующим в Пекине, была дана возможность обсудить проект русско-китайского соглашения, прежде нежели оно будет подписано», а в Маньчжурии на разведку были посланы переодетые японские офицеры генерального штаба, за спиной феодально-буржуазной Японии стояло пять лет упорной, лихорадочной, и систематической, организационной работы по всесторонней подготовке большой континентальной войны и консолидации всех сил вокруг агрессивных планов генерального штаба и кучки воротил семейно-клановых капиталистических объединений.{172} [116]

Нечего и говорить о чисто военно-технической подготовке, которую монополизировала в своих руках милитаристская группировка, политически возглавляемая маршалом Ямагатой, создателем новой японской армии и общепризнанным отцом японского милитаризма. Японская военщина забронировала за собой портфели морского и военного министров при любых кабинетных комбинациях (с 1895 г.). Милитаристская группировка Ямагаты, решительно не признававшая никаких либерально-буржуазных притязаний в парламентарном стиле, опиралась на верхнюю палату и рассматривала нижнюю палату как аппарат, лишь покорно голосующий военные кредиты.{173} С результатами этой военной подготовки Японии 90-х годов иностранцы знакомились на маневрах, и они вызывали общее признание. Хотя в 1900 г. японское предложение взять на себя ликвидацию боксерского восстания посылкой в Китай 30-тысячного корпуса было отвергнуто державами, все же постепенно в течение года в Китай было переброшено до 22000 японских солдат — и это явилось проверкой всех колесиков военного механизма на таком плацдарме и в таком масштабе, которые были неосуществимы на японских островах. Только в 1899 г. Япония избавилась от режима экстерриториальности иностранцев, роднившего ее в международно-правовом отношении с Китаем, а через год ее армия на равной ноге приняла участие во всеобщем военном фестивале империалистов в Китае — и тоже стяжала признание. Это был и внутренне-политический [117] триумф японских милитаристов, с весны 1901 г. и до самой русско-японской войны обеспечивший Ямагате распоряжение всеми портфелями и приведший к фактическому отказу главного политического противника (Ито) от дальнейшей борьбы.{174}

Помимо армии, которая комплектовалась на основе территориальной системы, имелись в Японии многочисленные «добровольные» «патриотические» организации, в которых молодежь проходила военную подготовку и школу шовинистического воспитания в духе самурайской идеологии. Некоторые из них дожили до последнего времени и играли видную роль в фашистской Японии. Они тренировали физически и сплачивали

идеологически мелкобуржуазные массы в видах предстоящей войны. В этот именно период получили свое начало такие организации, как «Национальный союз физической подготовки» (к 1929 г. объединявший 15 тысяч спортивных обществ численностью более миллиона членов), «Общество содействия военной доблести», занимавшееся патриотическим воспитанием и военно-спортивным обучением молодежи для армии, или «Общество помощи отбывшим воинскую повинность», ставившее своей задачей распространение военных знаний среди населения, или, наконец, «Общество Черного дракона» (в переводе: общество реки Амур), ставившее своей прямой целью подготовку войны с Россией и финансировавшееся на первых порах торговым домом Ясуда, имевшим большие интересы в Маньчжурии, а потом превратившееся в негласную агентуру военного министерства. Его организатор Уцида Риохей вышел из недр уже упоминавшегося [118] раньше старого общества Черного океана, работавшего над корейской проблемой с 70-х годов. В 1900 г. он побывал в Петербурге, изучил русский язык и в 1901 г. приступил к организации нового общества с маньчжурской ориентацией. Была открыта в Токио школа русского языка, предпринята большая работа по составлению карт Сибири и русского Дальнего Востока, сотни резидентов были посланы в Приморье, Амурскую область и Забайкалье. Эта и ей подобные организации принимали иногда «тайный» характер. Другие ассоциации, как возникший летом 1900 г., в связи с возможной угрозой раздела Китая, «Национальный союз», под председательством президента палаты пэров кн. Коноэ, выступали в Токио с большой горячностью и шумом в защиту «неприкосновенности» Китая и своей шовинистической агитацией, направленной специально против России по поводу маньчжурских дел, в нужные моменты поднимали политическую температуру дня и оказывали давление на официальных представителей японского правительства.{175}

Как ни мизерен был при этом масштаб японского конституционализма, взятого с прусского образца и строившегося (с 1890 г.) на базе 500 000 избирателей (при 40-миллионном населении), тем не менее и такой парламент играл немаловажную роль в политической консолидации феодальных и буржуазных элементов господствующих классов Японии.

Японский капитализм не имел сколько-нибудь серьезной базы крупной промышленности: в 1900 г. из 7171 промышленного предприятия только 2383 пользовались механической силой (90 тыс. лош. сил) и 4150 предприятий приходилось на текстильное производство, опередившее другие отрасли промышленности. Процент капиталовложений в промышленность, сравнительно с торговлей и банками, снизился за 1895–1903 гг. с 22.3 до 19%, а вложения в торговлю и банки, в 1895 г. превосходившие вложения в промышленность в [119] 2 раза, в 1903 г. имели превосходство уже почти в три раза; банковские вложения в 348 млн иен падали на 2534 банка, что в среднем давало ничтожную цифру в 137 тыс. иен на банк. Однако же, темпы капиталистического развития и, в частности развития централизации и концентрации капитала за эти же годы были весьма значительны, особенно после кризиса 1898 г., разразившегося вслед за послевоенным бумом. Общая цифра вложений в акционерные предприятия возросла за 1895–1903 гг. с 232 млн иен до 887.6 млн, причем такой значительный рост капиталовложений

сопровождался в 1898–1901 гг. даже уменьшением числа акционерных предприятий с 2173 до 2169, а промышленных с 1200 до 1180, что свидетельствовало о росте концентрации капиталов. Налоговая политика правительства также вела к укрупнению предприятий: при введении, например, табачной монополии и патентного сбора заранее учитывалось, что из 40000 табачных торговцев уцелеют только 14000.{176}

Число торговых компаний за 1893–1903 гг. возросло с 871 до 5855, уплаченный капитал в них — с 40309194 до 451680028, в среднем на 1 предприятие — с 46000 до 77000. Общий оборот внешней торговли в 1894–1903 гг. возрос с 20 млн иен до 600 млн иен, причем в 1899 г. вывоз почти сравнялся с ввозом (220–214) — соотношение, резко нарушившееся в 1900 г. не в пользу вывоза (287–204) только в силу исключительной ситуации, созданной боксерским восстанием. Значительно поднялась переработка хлопка в 1893–1901 гг. с 2.5 млн пуд. до 8 млн пуд. и увеличился тоннаж торгового флота с 150 тыс. тонн до 500 тыс. тонн (за те же годы). Капиталовложения железнодорожных компаний возросли с 1894 по 1902 г. с 118 млн иен до 376 млн иен. То же и в банковском деле. За те же годы два старых банка (Государственный и Иокогама спэши банк) увеличили свой капитал с 14.5 млн иен до 54 млн иен, а за годы 1895–1900 основано [120] пять новых банков с капиталом в 17.3 млн иен. Наконец, хотя и верно, что вложения в торговлю и балки опережали промышленные капиталовложения, все же рост последних за годы 1895–1903 превысил 300% (51.5 млн — 170 млн иен).{177} Все эти факты подтверждают мысль Ленина, что Япония теперь явственно «стала превращаться в промышленную нацию»{178} на основе укрепления буржуазно-феодального блока, еще теснее сплотившегося перед лицом многочисленных крестьянских восстаний и массовых забастовок 1897 г., на которые правительство ответило полицейским законом о сохранении общественного порядка и спокойствия» в 1900 г.{179}

В политической жизни страны в 1900 же году следует отметить два факта в развитии японского конституционализма, характеризующие, как нельзя лучше, крайне узкие пределы возможных сдвигов внутри этого блока — образование партии Сэйюкай и парламентскую реформу 1900 г.

Развитие японского капитализма шло чрезвычайно быстро, так что в узкие рамки десятилетия между японско-китайской и русско-японской войнами было втиснуто и разрешение задач первоначального капиталистического накопления, и создание вчерне промышленной базы японского капитализма, и подготовка перехода к эпохе финансового капитализма и империалистической политике. Благодаря этому, самурайство, как отдельное сословие, неудержимо растворялось в общей массе населения, оседало в деревне в качестве мелких помещиков, втягивалось в промышленность, создавало кадры технической интеллигенции, занимало чиновничьи должности в значительно расширившемся государственном аппарате и пополняло офицерский корпус, и, в частности, [121] неся с собой свою идеологию зоологического великодержавного шовинизма, вошло, в качестве профессиональных политиков и политиканствующих хулиганов («соси») в политическую и парламентскую жизнь, — и все это не оставляло сколько-нибудь значительного места для развития чисто буржуазного либерализма

эпохи промышленного капитала. Японский парламент не был подлинным детищем буржуазии, а был созданием тех феодальных клановых группировок, которые пошли на захват власти в так наз. «реставрации Мэйджи» (1868), и крепко держа власть в своих руках, создали парламент (1889 г.) как орудие своей власти и продукт «революции сверху». Отсюда неустойчивый характер партийных группировок в рамках узкой pays légale, легкая доступность среднего японского «парламентария» для правительственного воздействия, в частности широко развитая коррупция и бессилие политической оппозиции.

Для интересующего нас пятилетия (1895–1900), если не считать немногочисленной группы гр. Окумы (Шимпото), объединенной лозунгом парламентарной системы английского типа, и националистической группы (Кокумин), резко отрицательно относившейся к увлечению западноевропейскими формами жизни и наиболее полно выражавшей чисто феодальное течение, — остальная масса депутатов формально примыкала к «либеральной партии» (Дзиюто), к этому времени помирившейся на конституции, перед которой Булыгинская дума выглядит верхом демократического радикализма.{180} Ее «конституционализм» не простирался до требования парламентского министерства и в эти годы притязал более или менее безуспешно на хоть какое-нибудь допущение «партийных» в состав кабинета, ревниво оберегаемого кучкой «мэйджийских государственных мужей» («Meiji Statsmen», «Генро») от вторжения посторонних элементов. Напряженность положения, созданного быстрым ростом капитализма и [122] агрессивных и шовинистических настроений правящих кругов, искавших выхода из классовых противоречий в широкой экспансии ради сохранения феодальных основ во многих отношениях средневековой общественно-экономической структуры Японии, усугублялась запоздалым выходом Японии на империалистическую арену в эпоху крайнего обострения аппетитов и противоречий старых империалистических держав. Все это в еще большей степени сплачивало буржуазию, помещиков и монархическую бюрократию и обращало игру внутриклассовых противоречий в ряд бурь в стакане воды.

Вооружаясь для вторичного завоевания корейского и маньчжурского рынков и плацдармов в такой грандиозной вооруженной борьбе, как борьба с российским империализмом, феодально-буржуазная Япония не могла, однако, не испытать колебаний в руководящих своих кругах прежде, чем окончательно и бесповоротно стать на путь этой борьбы, требовавшей крайнего напряжения и связанной, как не могло тогда не казаться, с большим риском. Выразителем этих колебаний в составе бюрократической олигархии и явился маркиз Ито, выдвигавший умеренную программу экспансии с ориентировкой в сторону океана и соглашения с царской Россией.

Создатель японской конституции, вынужденный, в поисках выхода из внутриполитических затруднений, пойти в 1894 г. на войну за место на континенте (в Корее, а с развитием успеха военных действий, и в Маньчжурии) и потерпевший сокрушительную дипломатическую неудачу на исходе китайской войны 1894–1895 гг., Ито оказался скомпрометированным и после войны должен был отказаться от власти, пав жертвой им же и вызванного шовинистического угара от военных успехов 1894–1895 гг.

По существу дела, Ито тут со своей «мирной» и соглашательской линией попадал в положение, аналогичное с тем, в каком в скором времени оказался Витте в России. Оба они в 1895 г. приложили руку к тому, чтобы выиграть каждый для своей буржуазии и политики заметную дистанцию в [123] борьбе за китайский рынок. Преимущество Ито заключается в том, что он мог пытаться отстаивать свою политическую линию, ища опоры в конституционном аппарате страны, тогда как Витте приходилось изощряться в пределах аппарата исключительно бюрократического.

Попытки Ито на первых порах использовать инструмент политических партий закулисным своим участием в образовании из Дзиюто и группы Окумы единой конституционной партии (Кенсэйто) и привести дело к образованию «партийного» кабинета гр. Окумы (1898), встретили решительное сопротивление внутри олигархии и в милитаристских кругах во главе с Ямагатой. Четырехмесячное существование этого партийного» кабинета, разъедаемого внутренней борьбой между представителями двух наскоро соединившихся партий, кончилось вследствие обвинения в государственной измене министра народного просвещения Озаки в связи с произнесенной им речью, полной нападок, против японской страсти к деньгам, в которой он сказал: «даже в Америке, где плутократия всемогуща, народ не выбирает в президенты миллионеров, между тем, если бы Япония была республикой, народ наверняка избрал бы на эту должность самого богатого». Милитаристская пресса забросала оступившегося оратора обвинениями в защите республиканских учреждений, к ней присоединилась пресса «дзиюто» и двор потребовал его отставки. А последовавшая затем грызня из-за освободившегося портфеля в каких-нибудь два дня развалила плохо склеенный «партийный» кабинет.{181}

Когда Ито вернулся из своей политической поездки в Китай поздней осенью 1898 г., он застал на месте своего эфемерного детища новый кабинет Ямагаты, составленный сплошь из его верных приспешников, не говоря уже о ком-либо из «партийных» представителей, а Кенсейто — развалившейся на две враждующие партии (Кенсейто и Кенсейто-хонто, т. е. «действительных» конституционалистов). А это [124] означало торжество программы вооружений, рассчитанной на континентальную войну и той внешнеполитической программы-минимум, которая требовала восстановления завоеваний, потерянных в 1895 г. В течение двух последующих лет милитаристы, ладя с кенсейтовцами и прибегая к широкой парламентской коррупции, успевали проводить эту программу, не встречая препятствий в парламентском большинстве.

Только к весне 1900 г. Ито удалось нащупать в кенсейтовских кругах некоторое разочарование в союзе с Ямагатой, и на этот раз он, лично разъезжая по стране, повел открытую кампанию против режима олигархии и за «партийное правительство». Это была брешь, пробиваемая в олигархии изнутри одним из ее членов, и Ито к сентябрю 1900 г. стал лидером тех же кенсейтовщев (принявших новое название Сэйюкай), на том условии, что «каждый член партии должен абсолютно повиноваться его предписаниям». Когда это стало фактом, и на первых порах было встречено окумовской прессой, как событие «самое значительное со времени реставрации Мэйджи»,

обещавшее в будущем парламентское министерство, оказалось, что именно в конституционном отношении это была буря в стакане воды. Ибо на первом месте в программной речи Ито стояли признание исключительной прерогативы монарха в вопросе о назначении министров, а, в случае назначения министром члена партии, полная независимость последнего от партии. Вопрос об «обороне» страны был отнесен на пятое место программы и необходимость «завершения» ее признавалась «в соответствии с ходом событий» одинаково как «внутри» страны, так и «вне» ее, а «эффективное покровительство национальным правам и интересам» предполагалось «обеспечить» в пределах национальных ресурсов.{182} В остальном это была программа мирного культурного развития в буржуазном направлении.

Этот широкий маневр Ито увенчался, однако, только кратковременным успехом. В октябре 1900 г. Ито вновь стал [125] во главе кабинета. Он получил в наследство от своего предшественника на полном ходу: 1) принятый уже перед самым уходом Ямагаты милитаристский бюджет, 2) упоминавшиеся нами выше большие маневры японской армии с участием всего военного аппарата и равноправное со всеми империалистами участие Японии в боксерской войне, 3) полную оккупацию русскими Маньчжурии до самого Шаньхайгуаня. Так как при этом в составе нового кабинета Ито три важнейших портфеля — иностранных дел, военный и морской — оказались в руках милитаристов (Като, Кацура и Ямамото), и так как в этот момент и сами милитаристы не могли бы еще на деле выступить против России вооруженной силой, то Ямагата в сущности мало чем рисковал, уступая место своему противнику и предоставляя ему продемонстрировать свое бессилие справиться с маньчжурской проблемой дипломатическими средствами. А свалить Ито, в надлежащий момент поставив ему на пути препятствие в виде верхней палаты и сыграв на внутренней неспаянности новой партии, милитаристы могли отложить до того момента, когда стал бы вопрос о новом бюджете. В довершение всего Ямагата уходил, вырвав из рук своего противника козырь, который Ито предполагал, но не успел пустить в ход в 1898 г.: весной 1900 г. Ямагата внес в парламент и провел новый избирательный закон, увеличивавший вдвое число избирателей (с 500 тыс. до 1 млн), понижавший ценз с 15 иен налога до 10 иен, увеличивавший, в частности, число депутатов от городов и вводивший тайное голосование.{183} Это был маневр — и это-то и характерно для существа внутренней политической ситуации в Японии и устойчивости феодально-буржуазного блока, — свидетельствовавший, что милитаристская олигархия тогда не боялась расширения буржуазной парламентской базы и готова была двигаться вперед к своей цели хотя бы и по пути именно буржуазного развития в европейском стиле. Таким образом, и с чисто внешней стороны Япония, только [126] что покончив с неравноправными договорами и экстерриториальностью иностранцев в 90-х годах, выступала на широкую империалистическую арену в совсем внешне приглаженном европейско-буржуазном обличье.

А урок 1894–1895 гг. сказался теперь в том, что разрешение своей агрессивной внешне-политической задачи японское правительство поставило в теснейшую зависимость от дипломатических комбинаций и согласования своих лозунгов с интересами и лозунгами других держав.

Выгодный для японской дипломатии конъюнктурный парадокс заключался теперь в том, что свою чисто захватническую, завоевательную империалистическую программу японское правительство могло повести под «пацифистским» флагом американо-английской доктрины «открытых дверей» и таким образом попытаться прицепить к интернациональной маньчжурской проблеме свой нерешенный корейский вопрос. Отказываясь (в январе 1901 г.) от разговоров с Россией об этом последнем, пока не приведена в полную ясность первая, Япония ловко ставила себя, еще до всяких соглашений с кем бы то ни было, в положение якобы защитницы не только своих, но и общих империалистических интересов с тем, чтобы потом скинуть эту маску.{184}

2. Дипломатическая подготовка выступления Японии против «сепаратного» соглашения о Маньчжурии (март 1901 г.)

Такова и была в описываемый момент установка дипломатии графа Ито: нажимая на русское правительство по маньчжурскому вопросу, заставить русскую дипломатию пойти на [127] решительные уступки в Корее. Ито на то и слыл в Японии за сторонника соглашения с Россией, за «руссофила». Но одной Кореи уже было мало для воинствующих империалистов, группировавшихся вокруг маршала Ямагаты и штаба, ставивших себе «прямою целью» военный разгром царизма и решение сразу обеих задач. Разоблачение лживости утверждений Ламсдорфа о недостоверности разглашенного (в марте 1901 г.) текста проекта маньчжурского соглашения сыграло не последнюю роль в агитации против Ито, и еще до его ухода (в июне 1901), пока Россия не заявила открыто о своем отказе от заключения сепаратного соглашения с Китаем, можно было в любой момент ждать такой вспышки, «общественного мнения», которая заставила бы японское правительство открыть военные действия против России. А единственный «объективный» аргумент Ито — о невозможности «ввиду крайне неблагоприятного настроения как внутреннего, так и внешнего рынков», достать заем в 60000000 иен для завершения всей «послевоенной программы» — парировался в токийских дискуссиях ссылками на готовность Англии «оказать денежную поддержку для борьбы с Россией» и на то, что «весь японский народ, как один человек, будет готов пожертвовать всем своим достоянием». И в июне кабинет Ито пал, чтобы уступить свое место кабинету ген. Кацуры (ставленника Ямагаты), «джингоистские тенденции» которого «стяжали себе признание, больше чем когда-либо... во время русско-японской войны».{185}

Это не означало еще немедленного перехода к войне. Это означало торжество в Токио маньчжурско-корейской программы и решительную ориентировку всей дипломатической и политической работы на реализацию ее в наиболее удобный момент. «Экспансионистская политика России уже несколько [128] лет как упирается в такую же политику Японии и этот антагонизм усиливается с каждым днем» — писал в дни падения Ито французский представитель в Пекине. «Политика Японии в настоящем кризисе была совершенно ясна. Охаживая Китай, после того как продемонстрировала ему свою силу, предлагая ему дружественную поддержку оружием против России, по случаю маньчжурской конвенции, идя в ногу с Англией и США в развитии международной торговли, Япония, с другой стороны, с

замечательной ловкостью и методичностью продолжает свои подрывные работы (travaux d'approche) вокруг китайского правительства и китайских административных властей, наводняя страну гражданскими и военными шпионами и неустанно подготовляя реализацию своей мечты о союзе двух желтых рас против иностранцев». Француз видел, что Англия «в этот момент старается подталкивать Японию против России и в этом одна из опасностей настоящей ситуации»; эта «опасность тем более велика, что японское общественное мнение крайне возбуждено. Оно прекрасно чувствует всю силу своих вооружений, но оно знает также, что через несколько лет, с ухудшением финансового положения страны, Япония будет менее способна успешно вести войну с противником, военное снаряжение которого совершенствуется день ото дня и в пользу которого работает время».{186}

Когда Чинда,{187} еще при Ито, 12/25 марта 1901 г. своим «дружеским представлением» заставил Ламсдорфа отступиться от сепаратного соглашения с Китаем о Маньчжурия, — не все еще созрело, чтобы Япония готова была открыть войну теперь же. Полностью не была еще выполнена программа вооружений; не закончена была и международно-политическая подготовка войны. Но свое «представление» правительство Ито решилось сделать потому, что оно не ожидало неустранимых политических препятствий на этом пути [129] и действительно «подталкивалось» на войну, — не говоря уже о собственных джингоистах, — не только из Лондона, но и из Берлина.

Уже из тех отрывочных публикаций, какие имеем до сих пор, известно, что по меньшей мере с января 1901 г. Лондон был центром взаимных зондирований и неофициальных бесед между английской, японской и германской сторонами на тему о том, при каких условиях Япония пошла бы на выступление против России из-за Маньчжурии. Германия готова была обещать «строгий нейтралитет», Англия не отказывалась обсудить вопрос о помощи флотом, Япония решительно заявляла (устами своего посла в Англии Гаяси), что не остановится перед войной, без посторонней помощи, из-за Кореи, но в маньчжурском случае ее тревожил вопрос о позиции, какую займет Франция как союзница России.

Тем временем день подписания русско-китайского сепаратного соглашения приближался, и перед Лондоном вопрос становился совсем на практическую почву. Решительный дипломатический шаг к тому сделан был из Берлина 21 февраля/6 марта 1901 г., когда заместитель германского министра иностранных дел заявил японскому послу, что Германия «совершенно не одобряет образа действий России в Маньчжурии» и «будет соблюдать *благожелательный* нейтралитет в случае, если дело дойдет до кризиса», что «эта позиция Германии будет сдерживать французский флот, между тем, как, вероятно, Англия поддержит Японию».{188} При этом немец выразил уверенность, что Россия и не доведет дела «до крайности». Для Лондона и Токио в заявлении этом была неясность: берется ли Берлин формально заявить и Парижу о своем «благожелательном нейтралитете»? Но на вопрос, в упор поставленный Лэнсдоуном Гацфельду в Лондоне, согласится ли Германия, в случае русско-японской войны, сделать совместно с Англией заявление в Париже, что они обе сохранят нейтралитет, чтобы локализировать войну, [130] но что, в случае вмешательства третьей державы, они обе совместно

«подвергнут эту свою позицию пересмотру», — Лэнсдоун получил уклончивый ответ. Германия провоцировала, но открыто ангажироваться в дело против России не хотела.

Это не остановило, конечно, Лэнсдоуна, и на другой день, 23 февраля/8 марта, он запросил совета своих парижского и берлинского послов: 1) думает ли Монсон (в Париже), что Франция «обязана» стать на сторону России в случае войны или что и без этого обязательства она на это «рискнет», и 2) что, по мнению Лэсцельса (в Берлине), Германия ответит на предложение — совместно с Англией «не позволить Франции помочь России»? Какие ответы были получены в Лондоне, мы не знаем, но судя по дальнейшему, ответ из Парижа едва ли был благоприятен и ясен. Между тем уже на другой день, 24 февраля/9 марта 1901 г., Гаяси передал Лэнсдоуну официальный запрос из Токио по поводу берлинского заявления (от 6 числа): 1) посоветовался ли Берлин с Лондоном до своего выступления, 2) думает ли Лэнсдоун, что это выступление «добросовестно» (bona fide) и заключает в себе «окончательное решение» Германии, и 3) «как далеко может полагаться Япония на поддержку британского правительства в случае, если Япония найдет необходимым выступить против России (to approach Russia)».{189}

О чем тут шла речь: о дипломатической ли поддержке дипломатического «выступления» (approach) или о военной поддержке военного «выступления»? Разъяснение было дано тотчас же японским послом, страстным сторонником и позднее творцом английского союза, Гаяси: «выступление» означало тут «сопротивление» (resist); а «сопротивление», заключили в Лондоне, значит «война» (fighting). Гаяси уточнил так, что в Лондоне не могли не понять, что Япония напрашивается в союз. [131]

В этом аспекте и рассмотрен был вопрос в Лондоне прежде, чем отвечать и действовать дальше. «Если, — рассуждали там, — Япония не будет уверена, что ни Германия, ни Франция не станут активно на сторону России, она не будет воевать с Россией из-за Маньчжурского соглашения... Если Германия и Англия, в ответ на запрос Японии, посоветуют избежать войны и скажут, что, если она, к сожалению, разразится между Японией и Россией, то целью Англии и Германии будет елико возможно ограничить ее театр, и, следовательно, они останутся нейтральными, пока ни одна; третья держава не примет в ней участие, — тогда такое заверение может быть достаточным, чтобы убедить Японию, что Франции не будет позволено присоединиться к России и что Япония может воевать с Россией один на один. Япония чувствует или, вернее, в Японии распространено чувство, что русская опасность надвигается быстро и что в недалеком будущем Россия рискнет на включение Кореи в свою сферу. Поэтому, если Япония должна воевать из-за Кореи, *ей лучше воевать из-за Маньчжурского соглашения, пока не готова русская железная дорога*.{190} Если Франции будет позволено стать на сторону России и они разгромят Японию, результатом может оказаться возобновление тройственного русско-франко-германского соглашения. Эти три державы станут господами в Китае, и мы будем затерты (should go to the wall). Если Россия одна или вместе с Францией победит Японию и мы пойдем спасать ее, чтобы предотвратить уничтожение Японии, мы стяжаем вечную вражду России и Франции, и побежденная и, вероятно, неблагодарная Япония не очень-то пригодится нам, как орудие

против русской экспансии (Russian encroachments). Говорят, что, если Япония победит Россию, это будет серьезной опасностью для европейских интересов на Дальнем Востоке. Невероятно, чтобы великая военная и морская держава, с безграничными естественными ресурсами и бесчисленным [132] населением, как Россия, была побеждена навсегда. Она реорганизуется для дальнейшей пробы сил, но эта проба сил может быть надолго отсрочена, если разрешить Японии взять Ляодунский полуостров как приз войны. В руках Японии он будет гарантией того, что между Россией и Японией не произойдет примирения. Это было бы выгодно Англии и Европе. Желтая опасность сдерживалась бы Россией, а русская опасность Японией». Отсюда в Лондоне сделан был вывод, что «если мы ничем не поощрим (encourage) Японию рассматривать нас как друга и возможного союзника против России и Франции, мы можем толкнуть ее на политику отчаяния, которая приведет ее к известного рода соглашению с Россией», а «наши интересы очень пострадают, если она пойдет на это».{191}

Практически в данный момент это означало — не зондируя Парижа, обратиться в Берлин, чтобы с Берлином вдвоем не только поставить под угрозу французский флот на Дальнем Востоке, но и сдержать Францию на ее европейской границе. И 4/17 марта 1901 г. Лэнсдоун повторил свой, — ранее заданный Гацфельду, — вопрос Экардштейну, весьма деятельному и решительному стороннику англо-японского союза, (советнику германского посольства в Лондоне), а на другой день (5/18 марта) предложил взамен этой услуги «оборонительное соглашение между Германией и Англией». Это громоздкое предложение, требовавшее много времени для переговоров, тотчас же было в Берлине утоплено в еще более громоздкой комбинации — присоединения Англии к тройственному союзу с тем, что к нему же примкнет и Япония. А так как перед тем (1/14 марта) Бюлов в рейхстаге, заметая следы своих лондонских и токийских интриг, сделал заявление, что обязательство Германии, вытекающее из англо-германского соглашения поддерживать «неприкосновенность» Китая, «на Маньчжурию не распространяется», — то Японии пришлось «выступить» 12/25 марта в Петербурге, как остается [133] предполагать, без задуманной в Лондоне подготовки почвы в Париже заявлением об условном и временном характере нейтралитета обеих европейских держав: еще 9/22 марта английскому послу в Токио было заявлено, что у японского правительства нет надежды, чтобы Китай внял японским советам не подписывать с русскими соглашения («из страха перед Россией»), что оно «не доверяет Германии», которой просто хочется «вовлечь Японию в войну с Россией», и что «без помощи Япония не имеет намерения итти на войну из-за маньчжурского вопроса». Английская же поддержка свелась к давлению на Пекин, который «по совету лорда Лэнсдоуна» 11/24 марта и отказался подписать маньчжурское соглашение. Тем временем в Токио были приняты все меры, чтобы у Извольского не было «никаких положительных указаний на планы и решения японского правительства», и в частности Като, министр иностранных дел, систематически: уклонялся от всякого обсуждения с Извольским текущих событий до самого 12/25 марта, держа, таким образом, Ламсдорфа в уверенности, что от Японии можно ждать и открытия военных действий.{192}

Что из всего описанного эпизода не вышло войны — привело в великое негодование Вильгельма II. Чинда, ведь, протестовал только против того, что Россия заключает какое-то соглашение о Маньчжурии в тайне от других держав, имеющих там «интересы», и ни словом не заикнулся об эвакуации [134] Маньчжурии — когда только и стал бы вопрос об угрозе применения силы. А дипломатически «блестяще» составленная Ламсдорфом русская декларация 24 марта/б апреля, по сути дела, сводилась к тому, что Россия де хотела своим соглашением ускорить эвакуацию, а если оно встречает возражение, она готова не торопиться и «спокойно ждать дальнейшего хода событий». 11 апреля 1901 г. в Берлине Вильгельм накинулся на английского посла с упреками, что Англия «не пользуется благоприятными обстоятельствами», чтобы предотвратить падение своего престижа на Дальнем Востоке. Она де «рассердила японцев, которые теперь чувствуют, что не могут рассчитывать на поддержку Англии против России. Разве вероятно, чтобы такой благоприятный случай для сопротивления русской экспансии представился вновь? Сейчас японские силы на Дальнем Востоке превосходят силы России, но последние будут постоянно возрастать и через 3 года Россия будет сильнее Японии. Тогда было бы уже поздно». И много другого было сказано в том смысле, что Россия забивает Англию на всех фронтах. Лэсцельс так и понял эту выходку Вильгельма, как знак раздражения, что Англия «не пошла на войну с Россией». Хотя в берлинском министерстве (где привыкли выкручиваться из неловких положений, постоянно создаваемых словесной разнузданностью кайзера) и отрицали, что у того «была какая-либо мысль о войне между Англией и Россией», однако же разъяснили, что «вероятно, он думал, что более сильная поддержка Японии английским правительством повела бы к более удовлетворительным результатам». На вопрос же Лэсцельса, «в самом ли деле его собеседник думает, что Россия эвакуировала бы Маньчжурию, не будучи вынуждена к тому силою», тот пожал плечами и заметил, что Япония «обладает в Китае большей силой, чем Россия».{193} Оказывалось, что за выходкой кайзера стояла дипломатия самого рейхсканцлера. [135]

Итак, пока Англии не удалось по-настоящему «поддержать» Японию в ее агрессивной политике. *Но план будущей русско-японской войны из-за Маньчжурии* (из-за Кореи и «мирный» Ито готов был бы воевать без всякой оглядки и помощи хоть сейчас) в Лондоне был сформулирован точно. Правительству генерала Кацуры, сменившему Ито, путь к англо-японскому союзу был значительно облегчен дипломатией его предшественника. А удаление его от дел облегчало и Лондону приступить к осуществлению своего плана в переговорах с безоговорочно «руссофобским» ставленником Ямагаты,{194} без Маньчжурии и не мыслившим себе дальнейшее развитие японского империализма. Дав время уйти Ито, Сольсбери заговорил с Гаяси (2 июля 1901 г.) о союзе уже не впятером и не втроем, а вдвоем. Он окончательно уяснил себе, что Германия неверный попутчик ни в дальневосточных комбинациях против России, ни в мароккских делах, в которых сейчас она не обнаруживала желания итти против Франции.{195} [136]

Глава седьмая.

Англо-японский союз (1901–1902 гг.)

1. Англо-японские переговоры

Какие выводы из создавшегося, в связи с неудачей пекинских переговоров весной 1901 г., положения сделало для себя царское правительство? И как понято было в Петербурге то, что произошло в Токио?

Осмотревшись и вникнув во все полученные донесения, Ламсдорф пришел к выводу, что «при оценке предстоящих мероприятий в Маньчжурии необходимо принять в расчет... главным образом *явную опасность вооруженного столкновения с Японией»,* и в то же время признал, что «всякие дипломатические переговоры с ней мало надежны для предотвращения вероятных осложнений, коль скоро *в глазах японского правительства разрыв с Россией является не средством, а скорее прямо намеченной целью».* Отсюда Ламсдорф естественно приходил к крутой постановке практического вопроса: «признаются ли военно-сухопутные силы России в настоящее время достаточно подготовленными, чтобы... путем новых смелых планов ныне же постараться осуществить на Крайнем Востоке наши задачи»? (28 мая 1901 г.).{196} Куропаткин, [137] к которому обращен был этот вопрос, мог лишь ответить, что «военно-морское положение наше на Дальнем Востоке значительно слабее, чем положение Японии». Единственное, что он мог предложить сейчас — это привести «в боевую готовность войска Приамурского военного округа». Но последнее ничего не меняло в основном, потому что (так и указал Ламсдорф 18 июня) «всякая мера к усилению нашего положения неминуемо побудит японцев либо сделать соответственные военно-морские распоряжения <для восстановления прежнего соотношения сил>, либо искать повода к немедленному открытию враждебных действий, дабы застигнуть Россию еще неподготовленной к борьбе». И положение рисовалось опять безвыходным: Япония обогнала и ее не догнать. Ламсдорф и сделал отсюда практический вывод: «скорейшая подготовка» «полной эвакуации Маньчжурии». Ибо оккупация — это пороховой погреб: «при малейшем неосторожном действии со стороны наших военных властей на месте, нередко склонных предъявлять требования «по праву завоевания» и указывать на сделанные в Китае приобретения «штыком» и «кровью», возможно всегда ожидать перехода Японии к активной политике».{197}

Витте ко всему этому добавлял еще, что оккупация Маньчжурии угрожает *«колоссальными расходами»,* которые «ложатся тяжелым бременем на русский народ, преимущественно же на великороссийское население центральных губерний», и из-за них «опять придется приостановиться удовлетворением многих насущных потребностей населения <уж не читал ли он «Искру»!>, а такой образ действий в стране, с не вполне сложившимся хозяйственным строем и переживающей во многих отраслях промышленности период оборудования, может иметь самые тяжелые последствия». Конечно, это были крокодиловы слезы.{198} Но они понадобились [138] Витте для подкрепления двух выводов. Первый — против Китая: «при настоящих <дурных> отношениях к нам китайского правительства» — «энергично

защищать наши материальные интересы по возмещению убытков» («лично жалея китайцев, я, однако, еще более жалею русский народ»). Второй — против Куропаткина: «упразднив наше военное управление» и отказавшись от «политического захвата Маньчжурии», «отстранить войну с Японией», к чему «самое верное средство» — «считать КВжд делом частного общества и свою роль в Маньчжурии ограничить исключительно ограждением этого предприятия». А если этого Японии мало — пусть она «займет Корею».{199}

Так намечался, казалось, новый план петербургской дипломатии: отдать Корею Японии и самим открыто (это предполагалось сделать в торжественной форме) отказаться от «захвата» Маньчжурии.

Означало ли это готовность уйти из Маньчжурии *без всяких условий,* и что понималось под «ограждением» интересов Общества КВжд? Нет, не означало, потому что в число тогда же и теми же лицами сформулированных в Петербурге условий возвращения Китаю южноманьчжурских железных дорог, в финансовом ведомстве включили требование о предоставлении Обществу КВжд концессии на линию к Пекину.{200}

Значило ли это требование, что в Петербурге и впрямь не отдавали себе отчета в его громадном политическом значении для всех заинтересованных государств и для той же Японии, хотя оно и послужило бы предметом всего лишь «частного» соглашения с «частным» обществом? Нет, не значило. Потому что Витте тогда же, в начале июля 1901 г., пока неофициально дал понять в Японии, что он готов «в любую минуту устроить японскому правительству больтой [139] заем в Париже» и готов признать за Японией «право держать при корейском правительстве административных и финансовых советников, равно как высших полицейских чиновников и их агентов» под условием «официального признания со стороны Японии преимущественного положения России в Маньчжурии».{201}

Однако этот демарш Витте явился чуть-чуть запоздалым: 1) в Токио на месте Ито, с которым могла бы быть еще надежда этот план обсудить, сидел уже Кацура — приверженец двуединой маньчжурско-корейской программы захватов и 2) в Лондоне 2/15 июля 1901 г. сам Сольсбэри, премьер-министр, официально предложил японскому послу (Гаяси) «союз, по которому каждое из союзных государств обязывается оказывать военную помощь в случае нападения на одно из них соединенных сил двух или нескольких государств». А 18/31 июля и Лэнсдоун, министр иностранных дел, указал тому же Гаяси на «своевременность приступить уже к переговорам по делу заключения долгосрочного союза».{202}

И все же сила трений внутри буржуазно-феодального блока в Японии была такова, что оба эти друг друга исключавшие предложения — русское неофициальное и английское формальное — удерживались некоторое время в равновесии на чашах токийских весов, пока 25 сентября/8 октября 1901 г. Гаяси не получил, наконец, из Токио телеграмму: приступить в Лондоне к официальным переговорам. Но и дальше, переговоры в Лондоне и Токио двигались не так быстро, как того хотели бы непосредственные участники переговоров с обеих сторон.

Календарь этих переговоров рисуется в следующем виде. Во время беседы Лэнсдоуна с Гаяси 18/31 июля 1901 г. обнаружилось [140] «так много сходства

между политикой обоих правительств» («поддержание status quo на Дальнем Востоке»), что Лэнсдоун «счел своевременным обсудить», «какой линии поведения мы могли бы следовать в предположении, что равновесие держав будет находиться в водах Дальнего Востока под серьезной угрозой»: «если японское правительство того захотело бы, он <т. е. барон Гаяси> найдет меня <т. е. Лэнсдоуна> в полной готовности приступить к обсуждению с ним этого предмета в видах возможного заключения соглашения (understanding) между нашими странами». Гаяси отнесся к этому предложению «внимательно», но нашел возможным сказать только, что «подобное соглашение, конечно, должно было бы быть основано на взаимных обязательствах, и эта сторона дела требовала бы тщательного изучения», а затем многозначительно прибавил, что «есть невидимые обстоятельства (unseen things), связанные с этим вопросом», к просил разрешения вернуться к нему в другой раз.

Этот «другой раз» наступил через две недели 1/14 августа, но Гаяси и теперь еще не имел инструкций из Токио. Он просил только Лэнсдоуна высказаться о возможных условиях соглашения. На это Лэнсдоун возразил, что, так как «Япония является здесь более заинтересованной стороной», то высказаться следует прежде всего японскому правительству. Тогда Гаяси высказал, в качестве своего «личного мнения», что он «не предполагает в данный момент, чтобы здесь мог ставиться вопрос о наступательном или оборонительном союзе», вопросы же маньчжурский и корейский оценил так, что в Китае Япония интересуется только «открытой дверью» и «неприкосновенностью территории Китая»; что же касается Кореи, то «его страна скорее согласится воевать, чем видеть ее попавшей в руки России», но для этого необходимо, чтобы Япония «могла быть обеспечена от враждебного вмешательства третьей державы». Это несомненно удовлетворило Лэнсдоуна, и он ответил, что «было бы хорошо, если бы Гаяси получил от своего правительства точные инструкции по этим пунктам»; с своей стороны Лэнсдоун взялся снестись [141] с коллегами по кабинету и «постараться быть готовым» к тому моменту, когда Гаяси будет в состоянии «сделать предложение от имени Японии».

Что английская сторона, не связанная никакими «невидимыми обстоятельствами», ценила время больше чем японская, связанная именно ими, видно не только из текста цитируемого письма Лэнсдоуна к Уайтхэду в Токио, но и из пометки на нем Эдуарда VII: «король считает весьма существенным, чтобы мы оказали Японии нашу сильную (hearty) поддержку во всех случаях, когда это возможно».

Получив, наконец, свои инструкции 25 сентября/8 октября, Гаяси приступил к переговорам, однако только неделю спустя — 16 октября нов. ст. Но и теперь он представил Лэнсдоуну проект договора только «в устной форме», как бы свое личное мнение, детали которого не входят в его инструкции. Это не помешало, конечно, японскому министру иностранных дел Комуре обнаружить нервность, когда обсуждение устного проекта Гаяси в английском кабинете несколько затянулось, и в конце второй недели 1 ноября нов. ст. он уже говорил Макдональду в Токио, что «если что-нибудь делать, то нужно делать быстро». Когда же Лэнсдоун представил (6 ноября нов. ст.) свои замечания на проект Гаяси, тут-то и явилась задержка уже с японской стороны.

В объяснения по поводу этой задержки Комура вступил с Макдональдом только 25 ноября нов. ст., тянул их, и ответные замечания с японскими поправками к английским контр-замечаниям (от 6 ноября) были вручены Лэнсдоуну в Лондоне только 12 декабря.{203}

Только теперь и было приступлено вплотную уже к разработке самого текста союзного договора. Это тоже, как увидим дальше, потребовало времени и усилий, чтобы преодолеть разногласия сторон. Но вопрос о подписании договора решен был в принципе именно теперь твердо. Более же чем месячная пауза в переговорах (6 ноября — 12 декабря [142] нов. ст.) была вызвана в Токио, как удостоверяют опубликованные теперь английские документы, разногласиями в Генро.{204} Вопрос о заключении английского договора висел эти 5 недель в воздухе оттого, что в Токио ждали результатов поездки Ито в Париж и в Петербург, которые должны были окончательно склонить Ито в пользу союза с Англией. Повидимому, беседы Ито с Делькассэ в Париже не имели в этом смысле какого-либо решающего значения. После отъезда Ито из Парижа, 21 ноября нов. ст. Комура, запрошенный Макдональдом о причинах задержки в переговорах, дал (25 ноября) объяснения явно несостоятельные: японское правительство де «не пришло к решению», ввиду болезни его, Комуры, и ввиду отъезда премьера и большинства министров из Токио на маневры и «ни в коем случае не было связано миссией Ито», как заподозрил Макдональд; а кроме того, это «такой новый шаг», что японское правительство хотело бы иметь больше времени для обсуждения. На это Макдональд естественно возразил, что маневры кончились еще 13 ноября, а сейчас 25-е, что сам же Комура торопил Англию всего только еще 1 ноября и что в Англии прекрасно знают, что «ни один серьезный шаг в Японии до сих пор не предпринимался без совещания с Ито». Так как на последнее замечание Макдональд не получил от Комуры никакой реплики, то у него сложилось твердое убеждение, что Ито держат в курсе всего происходящего в Токио и в Лондоне. Оно и вышло так, что Лэнсдоун успел получить из Петербурга от Чарльза Скотта сообщение о содержании переговоров с Ито в Париже и в Петербурге на день раньше (11 декабря), чем Гаяси в [143] Лондоне вручил ему, наконец, ответ на английские замечания (12 декабря). Иными словами, в Токио вопрос был разрешен не раньше, чем выполнена была миссия Ито в Петербурге.

Тридцать дней понадобилось, таким образом, для совещания микадо, по признанию Гаяси, «с руководящими государственными людьми, не входящими в кабинет» (т. е. Генро), и на прямой вопрос Лэнсдоуна Гаяси назвал в их числе теперь (после того, как вопрос разрешился) и Ито.

Нельзя сомневаться, что борьба в Токио между ямагатовцами и группой Ито была очень напряженной. Премьер Кацура уже 6 декабря решительно заявил Макдональду, что кабинет уже принял решение и что завтра он, Кацура, собирает Генро и, если Генро не вынесут благоприятного решения, он, Кацура, «возьмет всю ответственность на себя». На деле, однако, этой ответственности Кацуре брать на себя не пришлось, потому что, как сейчас будет показано, петербургский визит сломил оппозицию Ито английскому союзу.{205}

Как видно из приведенного календаря хода англо-японских переговоров, инициативной и ведущей стороной в них: выступала Англия.

2. Вторая русская попытка «сепаратного» соглашения с Китаем и миссия Ито

В Лондоне был выбран и момент для возобновления переговоров, имевших место в первой половине 1901 г. и тогда кончившихся ничем. А выбрав момент, в Лондоне должны были не упустить ничего, что могло бы подогревать волю контрагента к предложенной Англией политической сделке. Вот почему, возвращаясь к параллельной англо-японским переговорам работе царской дипломатии, нельзя пройти мимо одного хронологического сопоставления, имеющего отношение к начальному моменту изложенных переговоров. [144]

18/31 июля 1901 г. в Лондоне Гаяси получает предложение начать переговоры о союзе в прямой связи с позицией России в Маньчжурии. *19 июля/1 августа в Петербурге* Ламсдорф, в результате описанного выше обсуждения положения, создавшегося в связи с мартовским угрожающим демаршем Японии, сообщает своим коллегам о принятом царем решении приступить к эвакуации Маньчжурии «по собственному почину» (русской стороны). *А 20 июля/ 2 августа в Пекине* Ли Хунчжан заявил одному из агентов Витте, что он «желал бы возможно скорейшего очищения Маньчжурии от русских войск и потому желал бы возбудить вопрос о пересмотре соглашения о Маньчжурии», и просил запросить мнение Витте.{206} Ответь Витте простым сообщением о состоявшемся накануне в Петербурге решении, это сопоставление дат потеряло бы всякую цену. А на деле вышло, что на вызов Пекина тотчас поддался Петербург — к великому торжеству, разумеется, Лондона. И сопоставление этих дат вынуждает историка поставить вопрос, — не было ли тут лондонской инициативы? Во всяком случае, ход из Пекина повернул дело в Петербурге целиком на пользу англо-японских переговоров. В Петербурге теперь заторопились вновь сговориться с Китаем, не форсируя предпринятых неофициальных шагов в сторону Японии и, как страус, заложив голову под крыло, повели переговоры с Китаем так истово, что очнулись только тогда, когда Ламсдорфу официально предъявлен был 30 января/12 февраля готовый текст англо-японского союзного договора.

Провал царской дипломатии здесь заключался не в том, что она не сумела или не смогла предотвратить этой грозной для России комбинации, а в том, что она была застигнута совершенно врасплох. Поэтому и была пущена в ход Витте простенькая легенда, что де приехал в Петербург руссофильский экс-министр Ито договориться о союзе с Россией (в ноябре 1901 г.), да только вот царь, под влиянием [145] «безобразовской шайки», помешал своим министрам: будто Ито был встречен «холодно», не нашел «сочувствия наверху», «не получил определенного ответа» и уехал в Англию, где «немедленно вслед затем» и был заключен англо-японский союзный договор.{207} В действительности, как легко установить теперь по документам, события рисуются в следующем виде.

На предложение Ли Хунчжана возобновить переговоры об эвакуации Маньчжурии, Витте лично ответил 27 июля/9 августа согласием вывести войска, если Китай даст Русско-Китайскому банку обязательство «не давать никому в Маньчжурии никаких железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку». Получив в свою очередь удовлетворительный ответ Ли Хунчжана и обещание полной тайны, в Петербурге изготовили проект *договора о выводе войск* (в три срока к лету 1903

г.) с тем, что банковское соглашение о монополии на концессии будет составлено в Пекине и подписано раньше, чем правительственный договор о выводе войск. Этот последний был средактирован так, что в него не попали ни требование о пекинской линии КВжд, ни тем более идейка, которую пытался и теперь протащить Куропаткин, — умолчать об эвакуации северной Маньчжурии на случай ее присоединения — и в таком виде проект был представлен в Пекине 22 августа/4 сентября.{208}

О банковском соглашении пока начались только предварительные разговоры, и текст его Ли Хунчжану еще не был предъявлен, как в Петербурге стало известно (2/15 сентября), что в ближайшем будущем Ито едет из Токио, минуя Англию, через Америку, прямо во Францию, якобы «с секретным планом выведать, как примет Россия предложение проекта союза с Японией». Можно было думать, что здесь [146] возрождалась комбинация, которой дал толчок Витте в июле. Но так как тогда у него речь шла об уступках в Корее, то, казалось бы, ничто не препятствовало вести дальше переговоры с Китаем о Маньчжурии, спокойно выжидая японской инициативы относительно Кореи.{209}

Однако прошел целый месяц, пока в Пекине, изучив и одобрив договор о выводе войск *(23 сентября/6 октября),* Ли Хунчжан только тогда и попросил у представителя Русско-Китайского банка дать ему проект банковского соглашения *(24 сентября/7 октября).* Сопоставляя этот ход Ли Хунчжана с его первым ходом в июле, нельзя не заметить, что и на этот раз он был сделан почти день в день, точно только его-то и ждали, с данным из Токио *25 сентября/8 октября* телеграфным предписанием японскому послу в Лондоне приступить к «формальным переговорам» об англо-японском союзе. А далее, *27 сентября/10 октября* Ли Хунчжан, получив банковский проект, устроил банковскому представителю «бурную сцену» и категорически отказался «отдать в руки банка всю Маньчжурию»; *30 сентября/13 октября* в Петербурге уже было получено телеграфное сообщение из Токио, что Комура (японский министр иностранных дел) «весьма озабочен полученными из Пекина известиями о возобновлении переговоров о Маньчжурии» (и тогда же у Ламюдорфа мелькнуло — и тут же потухло — подозрение, не выдает ли Ли Хунчжан) и, наконец, *2/15 октября* Ли Хунчжан в Пекине заявил одновременно: русскому послу — о желании подписать договор о выводе войск, а банковскому представителю — о неизбежности протестов держав по поводу концессионных монополий, и своими упорными ссылками на это препятствие внушил тому подозрение, «не связан ли уже Китай в этом вопросе секретным обязательством с иностранными державами». Дипломатический договор, таким образом, зацепился [147] за банковский, и дело с обоими договорами попало в тупик, и так до самой смерти Ли Хунчжана (21 октября/ 3 ноября) и не сдвинулось с места. А после его смерти некоторое время русским представителям в Пекине оставалось совсем неясным, с кем говорить и кого соблазнять ассигнованными на это дело 300 тысячами руб., которые были обещаны на сей раз престарелому взяточнику. И пекинские переговоры сами собою оборвались.{210}

Вот в этот-то перерыв пекинских переговоров и приехал Ито в Петербург, и в переговорах с ним царской дипломатии открывалась возможность

попытаться получить компенсацию за пекинскую неудачу. Как было понять теперь эту дипломатическую миссию «руссофильского» экс-премьера, при наличии заведомо «руссофобского» министерства в Токио? Была ли это дымовая завеса или подлинная попытка поворота в политике японского правительства — в ответ на «миролюбивые», хотя и неофициальные шаги, предпринятые Витте летом 1901 г.?

Тут приходится признать, что Комура ловко обвел вокруг пальца русского посла в Токио Извольского. Подробное донесение его о первом свидании с Комурой было получено в Петербурге не раньше, как дней за 5 до появления Ито. Извольский был в полном удовольствии от Комуры. Выдержанный японец дал волю своему болтливому собеседнику заливаться соловьем на тему о том, «насколько ошибочна усвоенная Японией в последнее время политика, отождествляющая японские цели и интересы... с враждебными ей целями и интересами западноевропейских держав, главным образом Англии», что все они «преследуют на Дальнем Востоке чисто колониальную, т. е. эгоистическую политику», что наоборот «Россия имеет в этой части света совершенна домашние <?!> интересы и сама является восточной державой», что «сближение» Японии и России «сделает их полными хозяевами положения», что Япония «не может ожидать [148] никакой серьезной экономической конкуренции России в районе *южнее Великой Стены,* который является важнейшим рынком для японской промышленности» — и это все для того, чтобы повторить старую песню о неприсоединении Маньчжурии Россией и невозможности «допустить в Корее чужой политической власти».{211} Иными словами, Извольский предлагал *ямагатовцу* Комуре коренную ломку программы японской экспансии, сам ничего не меняя в своей. Комура все это выслушал и... «вполне согласился, что в последнее время японская политика значительно отклонилась от естественного пути единения с Россией» и «самым энергичным образом заявил, что всеми силами будет искать почвы для подобного единения» и «несколько раз и весьма убежденным тоном повторил эти заявления». И Извольский ушел от него под впечатлением, что он «несколько правильнее и спокойнее смотрит на вопрос о русско-японских отношениях, чем его предшественник <по кабинету еще Ито> и, кажется, вполне искренне <!> желает найти почву для сближения с нами».{212} Но это-то как раз и все, что нужно было Комуре внушить Петербургу теперь, когда и *пока* шли лондонские переговоры Гаяси. Казалось бы, что если в Петербурге доверялись Извольскому, то отчего и визит Ито не рассматривать было всерьез?

Но в том-то и дело, что несколькими днями позже, перед самым прибытием Ито в Петербург, из Парижа пришло известие, подрывавшее расчеты и русской и французской дипломатий в их ставке на Ито.

Заняв открыто союзническую позицию в Пекине в дни провала русско-китайского соглашения о Маньчжурии в марте 1901 г., французская дипломатия нигде лучше, как в Пекине же, могла учитывать положение своего союзника на Дальнем Востоке, делать прогнозы и давать советы в Париж [149] министру иностранных дел Делькассэ. Именно французский посланник в Пекине и возбудил в Париже вопрос о необходимости теперь же выяснить французскую позицию в, дальнейшем развитии русско-японского

«антагонизма», тем более, что и сами японцы ставили уже раз этот вопрос перед французским посланником в Токио, а тот к великому негодованию Делькассэ ответил, что «Франция ни в коем случае не будет помогать России в случае войны ее с Японией». Теперь французский же посланник в Пекине подал мысль о возможности французского посредничества в образовании японо-франко-русского согласия на основе предложения Японии французского займа, ввиду невозможности для Японии достать деньги в Англии во время англо-бурской войны. И Делькассэ, считавший, что Франция должна «елико возможно дольше избегать столкновения России и Японии» и «помешать Англии найти на Дальнем Востоке в лице Японии солдата, которого Англии там недостает», легко воспринял эту мысль и, как только (в середине сентября) Ито явился перед отъездом к Дюбайлю (посланнику в Токио), тот предложил ему «дружеское содействие» Парижа в переговорах «с третьей державой» (Россией) и «удовлетворение» по финансовому вопросу.{213}

Ламсдорф получил от Делькассэ отчет об этой встречи Ито с Дюбайлем 8/21 октября 1901 г. и выразил надежду; если не «разрешить корейский вопрос разом», то хотя бы «поставить его так, чтобы помешать воинственным поползновениям» «известных сфер в России и Японии, в которых господствует дух завоеваний», и положить, таким образом, начало «плодотворному согласию трех правительств». У него оставался неясным только вопрос, располагает ли Ито достаточной силой, чтобы оказать соответствующее влияние на свое правительство.{214} А затем (опять по инициативе Делькассэ) [150] 29 октября/11 ноября Ламсдорф сообщил в Париж памятную записку для руководства Делькассэ в предстоящих разговорах с Ито *по корейскому вопросу,* — «единственному» (!), где имеются разногласия между Россией и Японией («признание естественной коммерческой и промышленной экспансии Японии в Корее» и «невозможность допустить, чтобы Корея стала для Японии стратегическим центром в ущерб русским интересам»). При этом Ламсдорф просил Делькассэ, чтобы «финансовая помощь, какую, возможно, предоставит Франция Японии, не послужила Японии для подготовки авантюр, способных зажечь пожар на Дальнем Востоке» — о займе мог заговорить Ито, пусть даже сам Делькассэ, но окончательное решение вопроса должно было быть отложено до петербургских переговоров.{215}

В своих парижских беседах с Делькассэ Ито принял постановку вопроса на одну корейскую почву. Он, однако, был сдержан и говорил больше о «взаимном непонимании» японских и русских представителей в Сеуле, о «возбужденном состоянии японских масс» и в заключение вежливо заметил, что «в случае надобности» он прибегнет «к благожелательному посредничеству французского правительства». Но он «даже и намека не сделал на какую бы то ни было финансовую помощь» со стороны Франции, обещав только заехать в Париж перед возвращением в Японию.{216} Очевидно, платформа Ламсдорфа (в изложении Делькассэ) не расположила Ито приступить к финансовым переговорам в Париже. Сопоставив это известие из Парижа с приведенным выше донесением Извольского, Ламсдорф мог видеть, что Комура в Токио был горячее, чем Ито в Париже.

Оставалось ждать, не заговорит ли Ито о займе в Петербурге? [151]

Ито пробыл в Петербурге с 11 по 21 ноября ст. ст., имел не только официальные свидания с Ламсдорфом, но и неофициальные разговоры с Витте, который говорил с ним, как «не дипломат» и «более откровенно и определенно», и вообще, по наблюдению германского, например, посла, Ито был принят «необычайно дружественно» и «с особой внимательностью».{217} Уехал Ито из Петербурга неожиданно для всех, 21 ноября, оставив Ламсдорфу набросок проекта договора о Корее, «не намекнув даже на вторичное посещение Парижа» и попросив только выслать ему вдогонку в Берлин русский контрпроект. А *25 ноября/8 декабря,* когда Ито был еще только в Берлине, в Токио совет Генро принял решение *подписать* договор с Англией, так что полученный Ито в начале декабря в Берлине русский контрпроект явился документом совсем запоздалым. Уже много времени спустя, после опубликования воспоминаний Гаяси, стало известно, что Ито прервал свои петербургские беседы, получив 20 ноября/3 декабря доставленный ему на заключение через курьера проект англо-японского союзного договора.{218}

Можно думать, следовательно, что решение в пользу союза с Англией окончательно созрело в Токио, независимо от петербургского свидания Ито, по меньшей мере еще в сентябре, когда Комура получил тревожную весть из Пекина о потребованной Витте «отдаче в руки Русско-Китайского банка всей Маньчжурии». А нам теперь доподлинно известно, что на самом деле Витте связал при этом банк заранее формальным обязательством действовать в концессионном вопросе всецело по указаниям министра финансов, и вся [152] Маньчжурия, таким образом, на деле отдавалась бы в руки царского правительства.{219} Но, если все же у японского правительства оставались даже хоть какие-либо колебания до самого 25 ноября/8 декабря, когда оно решило *подписать* английский договор, то колебания эти должны были отпасть из-за одного того, о чем, конечно, Ито сообщал в Токио телеграфом из Петербурга. И сообщал не на основании того формального ответа, который он получил уже post factum в Берлине, а на основании еще своих петербургских бесед с обоими министрами.

В беседах с Ламедорфом Ито говорил, что «японцы терроризованы мыслью о вторжении в ближайшем будущем в Корею русской армии» и намекнул, что КВжд — «колоссальный шаг вперед России на пути завоеваний». А Ламсдорф, «не вдаваясь очень в корейский вопрос» и подчеркнув необходимость «независимости» Кореи, парировал намек на КВжд не совсем ловко тем, что де «Япония не может питать подозрений относительно сооружения, которое, по правде-то говоря, возникло вследствие Симоносекского договора и является результатом, повидимому, ослабления Японии». Как признался Ламсдорф, рассказывая все это Бутирону (французскому поверенному в делах в Петербурге), он имея в виду дать понять Ито, что «Япония должна твердо усвоить, что мы ей никогда не уступим этого полуострова <Корею>, а также, что мы не хотим его присоединить; но вся наша стратегия на Дальнем Востоке попадает в угрожаемое положение, если Корея не будет свободна». Далее Ламсдорф объяснил Бутирону, что он «хочет иметь свободной дорогу из Порт-Артура во Владивосток, и, если Япония не согласна на это, мы должны принести военные жертвы на суше и на море: война, может

быть, начнется плохо для нас, но наверняка кончится плохо для японцев». «Сделав этот пункт совершенно ясным», Ламсдорф и хотел бы затем «привести микадо к [153] политике соглашения... втроем» (Россия, Франция, Япония).{220}

В каких бы словесных формах ни протекали в действительности подобные беседы с Ито на трех языках, у того не могло оставаться сомнений, что в данный момент его программа-минимум (Корея — целиком и полностью Японии, Маньчжурия — России) не имеет шансов на успех в Петербурге. К тому же и сам Витте, как теперь документально известно, и в этих беседах и в одобренном им русском контрпроекте не только не согласился предоставить Японии «полную свободу действий» в Корее, как настаивал Ито, но и потребовал «полной свободы действий» для России в Маньчжурии, а заодно и во всех приграничных к России областях Китая — в сущности ничего не меняя в своей первоначальной программе первого тура сепаратных переговоров с Китаем.{221} Однако, несмотря на то, что Ито опять ни словом не обмолвился о займе ни с Ламсдорфом, ни с Витте и ясно ответил в Петербург из Берлина (10 декабря нов. ст.), что он «сомневается в целесообразности рекомендовать своему правительству русский контрпроект как базу для будущих переговоров», Витте и Ламсдорф повели себя дальше так, как будто суть ответа Ито заключалась не в этом, а в его же вежливой фразе, что де он еще «вдумается» в русский текст, чтобы составить себе окончательное о нем мнение. Они [154] теперь ловили всякие внешние признаки того, что соглашение еще возможно, и уповали, что вот Ито вернется в Токио, доложит там о результатах свидания лично и тогда переговоры возобновятся. А так как Ито ждали в Токио в начале февраля 1902 г., то до этого срока петербургские оптимисты и прилагали усилия покончить *переговоры с Китаем,* возобновившиеся в декабре 1901 г., — стоя на старых позициях и торгуясь за каждое слово в банковском соглашении, лишь бы отстоять Маньчжурию от «наводнения иностранцев».{222}

Даже открытое выступление США в Петербурге с нотою протеста против *монополии* Русско-Китайского банка *(21 января/3 февраля 1902 г.)* не было принято ими всерьез, и Ламсдорф просто притворился непонимающим, что американский империализм протестует здесь именно против монополии, а не против отдельных конкретно могущих достаться банку концессий, и пробовал высказывать обиду и удивление, почему это одной России Америка хочет запретить приобретение «концессий».{223} Легко представить себе, какие политические выводы могли сделать в Вашингтоне из этой злостной наивности дипломатии Витте — Ламсдорфа.

Зато и смущению их не было границ, когда *30 января/ 12 февраля 1902 г.* один за другим грянули два удара: из Пекина в этот день был получен категорический отказ китайцев подписать банковское соглашение, а японский посол в Петербурге в этот же день официально сообщил Ламсдорфу текст англо-японского союзного договора, подписанного, как оказалось, еще 17/30 января (за 4 дня до американского [155] протеста, который предстал теперь, как строго согласованный с Англией и Японией шаг). Недаром Кацура «был уверен, что тайна <переговоров о союзе> ни в коем случае не разгласится, и думал, что прием Ито в Петербурге был счастливым обстоятельством, так как был рассчитан на то, чтобы отвести публику от верного следа».{224}

И в страхе перед возможной теперь «в любой момент» войной Витте и Ламсдорф пошли на подписание (26 марта/ 8 апреля 1902 г.) голого договора о выводе войск из Маньчжурии и спешили подписать его со всеми поправками китайцев, не заикаясь ни о каких монополиях и банковских соглашениях, одна перспектива которых фактически сделала «участником» англо-японского союза и США.{225}

Только в одном пункте Витте — Ламсдорфу удалось настоять на своем — и за 40000 руб. китайские дипломаты [156] согласились сохранить в договоре пресловутую *оговорку*, обусловливавшую эвакуацию Маньчжурии «общим спокойствием и образом действий других держав». Срок же окончательной эвакуации назначен был на 26 сентября/9 октября 1903 г.{226}

Во всей процедуре этой фазы переговоров Куропаткин на сей раз был совсем не при чем. Весь этот длительный дипломатический эксперимент и его завершение были полным поражением царизма на пути «мирного» охвата Маньчжурии паутиной финансово-капиталистической монополии. Удержать маньчжурский рынок в руках русского капитала оставалась возможность теперь только стальным обручем государственной, таможенной границы, т. е. прямым «захватом». Упомянутая оговорка делала обязательство России относительно эвакуации Маньчжурии весьма эластичным, и открывала дверь захватническим инстинктам «безобразовской шайки».

3. Значение англо-японского союзного договора 1902 г.

Договор 26 марта/8 апреля 1902 г., по которому Россия обязалась вывести свои войска из Маньчжурии к 26 сентября/9 октября 1903 г., был плодом очевидного для всех дипломатического поражения, постигшего царизм на пути к укреплению своего «полного влияния» в Маньчжурии. Царская дипломатия, особой оговоркой в договоре 26 марта/8 апреля [157] поставившая эвакуацию Маньчжурии в зависимость от «образа действий других держав», попадала теперь, после заключения англо-японского союза, в сложную для царизма обстановку собственно *европейских* международных отношений, и увязание России в дальневосточных делах становилось незаменимой и желанной кое для кого картой в большой европейской империалистической игре.

22 месяца (с 26 марта ст. ст. 1902 г. по 26 января ст. ст. 1904 г.), протекшие от подписания договора об эвакуации Маньчжурии до разбойничьего нападения японской эскадры на русский флот в Порт-Артуре, были временем крутой и капитальной перестройки в международных отношениях Европы. Основной факт в этом смысле — поворот Англии к решительному сближению с Францией, направленному против Германии. — обозначился в самом начале 1902 г., и германская дипломатия направила все свои усилия в дальнейшем к тому, чтобы достигнуть такого сближения с Россией, которое дало бы ей возможность разорвать франко-русский союз. Открывавшаяся отсюда для России перспектива в более или менее близком будущем быть затянутой в *англо-германский конфликт* ставила правительство Николая перед необходимостью крутых решений: или вслед за Францией в пользу союза с Англией или, через разрыв французского союза, в пользу союза с Германией. Для сохранения же независимости своей политики царизму требовалось

неимоверное маневренное напряжение как во внешней политике, так и в ведении своих финансов; но в том-то и дело, что самодержавие уже было неспособно высвободиться из зависимости от европейских финансовых рынков, как бы ни хотело оно сохранить нейтральную позицию между борющимися. Царская Россия оказывалась теперь лицом к лицу с перспективой перехода на «полуколониальное положение»: экономическая отсталость России лишала ее возможности проводить вполне независимую внешнюю политику.{227} [158]

Лихорадочно подготовлявшаяся Японией уже несколько лет большая война с Россией на Дальнем Востоке как нельзя лучше должна была сыграть на руку империалистическим странам, рассчитывавшим использовать царскую Россию как «резерв» мирового империализма. Заключение англо-японского союза, дипломатически подготовленное не без активного участия (в первой половине 1901 г.) германской дипломатии, именно и открывало эту игру: «узел русско-японских отношений находится отныне уже не здесь, — писал из Токио Извольский весной 1902 г., — а в Лондоне и вряд ли какого-либо соглашение между нами и Японией возможно теперь без более или менее прямого участия Сент-Джемского (т. ею британского, — *Б. Р.)* кабинета».{228}

Тем самым англо-японский союзный договор становился важнейшим рычагом и европейской политики Великобритании. Внимательно присмотревшись к английским же документам, можно видеть, как искусно сработан был в Лондоне этот дипломатический инструмент.

Действительно, статьи 4-я и 5-я англо-японского союзного [159] договора 17/30 января 1902 г. — в. обмен на *«строгий нейтралитет»* Англии, в случае «вовлечения» Японии в войну с одной державой (ст. 2-я), и в обмен на участие Англии в *войне,* в случае присоединения к третьей державе одной или нескольких держав (ст. 3-я) — *связывали* японскую инициативу как в попытке «отдельного соглашения с другой державой», «не посоветовавшись» с Англией, так и, в случае «угрозы» опасности войны, требованием сообщить Англии о том «с полнотой и откровенностью». В сферу действия договора одинаково входили и Китай, где «интересы» признавались за обеими сторонами, и Корея, где «особенным образом заинтересованной в политическом равно как и в торговом и промышленном отношениях» признавалась одна Япония. Таким образом, формально у Японии не отпадала теперь возможность открыть войну с Россией и из-за одной Кореи без согласия Англии. Зато формально же она могла воевать теперь из-за Кореи одна, не рискуя столкнуться с двумя флотами, ибо участие французского флота создало бы тотчас же casus foederis.{229}

Переговоры о союзе длились ровно полгода (столько же, сколько потом русско-японские переговоры перед войной), но решительный оборот борьба по конкретным формулировкам приняла только в последние недели перед подписанием договора в Лондоне. Лэнсдоун пытался взять целиком в руки Англии решение вопроса о войне, чтобы не «вовлечь ее в войну вследствие необдуманного действия» Японии «по поводу сравнительно незначительных местных споров», и настаивал на введении в договор пункта, который обязал бы Японию «не только *сообщить*» Англии, «а *договориться* с ней об активных мерах, которые должны быть приняты сторонами, прежде чем эти меры будут

действительно приняты». Но Гаяси твердо стал на том, что «предварительная консультация была бы фатальной для быстрой акции». Лэнсдоун тогда назвал вещи своими именами и указал, [160] что Япония хочет развязать себе руки для «любых действий, сколько бы безрассудны или *провокационы* они ни были, чтобы поддержать свои интересы в Корее».{230} Гаяси парировал, что Япония «теперь свободна действовать так и не хочет расстаться с этой свободой или чувствовать, что будет брошена Англией одна в случае, если ее акция вовлечет ее в войну с Францией и Россией». И от обязательной «консультации» Лэнсдоуну пришлось отказаться.{231}

Даже из скудной английской документальной публикации ясно видно, что обе стороны вели разговор о *спровоцированной* Японией войне. Когда Лэнсдоун, для которого ближайшая суть договора заключалась в английских интересах в Китае, спросил Гаяси, «будет ли японское правительство рассматривать столкновение России по поводу Маньчжурии, как повод к войне и, возможно, обращению к нашей поддержке», Гаяси вызывающе ответил, что, «если безопасность Кореи будет гарантирована, Япония, вероятно не пойдет на войну из-за Маньчжурии или Монголии или других отдаленных частей Китая... и мы (англичане, — *Б. Р.*) могли бы, если нам угодно, итти на войну из-за них. Япония была бы обязана притти нам на помощь, если бы Франция присоединилась к России, но невероятно, чтобы Япония *провоцировала* бы новую войну по подобному поводу».{232} Гаяси тут явно набивал себе цену, прекрасно понимая, что Англия не может одна вести войну в Маньчжурии. И Лэнсдоун взял реванш, предъявив ультимативное требование, чтобы в договор были вставлены слова (ст. 1-я), что военные действия для защиты обоюдных интересов обусловливаются «агрессивными действиями» третьей державы: «мы хотим поставить вне всякого сомнения, что casus foederis может возникнуть только в случае, если третья держава явится нападающей». А это, разумеется, на деле с другого [161] конца опять сажало Японию на английскую цепь, поскольку и все предварительные переговоры ее с Россией ставились ясно под контроль Англии (ст. 1-я). Мало того, так как другим поводом прибегнуть к оружию, по ст. 1-й, были внутренние «беспорядки» в Китае и Корее, то Лэнсдоун и здесь вставил: «делающие необходимыми вмешательство... *для защиты жизни и собственности* <японских> подданных» — «чтобы было ясно, что интервенция Японии будет рассматриваться как допустимая только в случае, если «беспорядки» будут действительно серьезного характера».{233}

На деле, таким образом, не только *соглашение* между Россией и Японией, но и *война* между ними едва ли была возможна теперь без более или менее прямого участия Сент-Джемского кабинета. У Лондона в руках оказывался двусторонний инструмент, который он мог пустить в ход либо одним, либо другим концом.

В этом именно смысле и объяснил Лэнсдоун позицию Англии французскому послу 12 февраля нов. ст. 1902 г.: «это простая мера предосторожности», «мы остаемся нейтральными... зрителями русско-японских распрей». «Мы охотно устроились бы иначе, но мы всегда находили у русских дверь на запоре». Лэнсдоун жаловался, что несколько раз он предлагал русскому послу в Лондоне «поискать вместе с ним соглашения по пунктам, где

интересы двух стран соприкасаются в Китае, Корее, Персии, на границах Индостана» и «никогда Сталь (русский посол в Лондоне, — *Б. Р.)* не соглашался хотя бы на какое-либо начало переговоров, и что, выбившись из сил, английское правительство было вынуждено обеспечить себя гарантиями в другом месте». И у француза (Камбона) осталось впечатление, что инициатором «этой бесполезной конвенции 30 января» была Англия и что «это — предупреждение по адресу России».

Но, как в свое время, рассказывая об упомянутых попытках Лэнсдоуна, сознавался и Сталь, «в действительности в [162] Петербурге не хотят соглашения с Англией, боясь какого-либо предложения, организующего более или менее замаскированный кондоминиум». И правы, потому что «по своей натуре» (s'est plus fort qu'eux), англичане «всегда перетягивают одеяло на свою сторону».{234}

Это «предупреждение» поняли теперь и в Петербурге. Но «кондоминиум» и теперь оставался чужд видам дипломатии русского империализма. И Ламсдорф, в поисках противовеса англо-японскому выступлению, заговорил теперь о необходимости *«сплочения других держав»* не только с Парижем, но и с Берлином.

4. Николай II и Вильгельм II в Ревеле (лето 1902 г.)

К обращению в Берлин Ламсдорфа могли располагать хотя бы те шаги, которые к тому времени были уже сделаны Вильгельмом и Николаем друг другу навстречу со времени данцигского свидания (в августе 1901 г.).

Ловко предложенное Вильгельмом (еще 7 апреля 1901 г.) по свежим следам первого разочарования, постигшего дипломатию царя в; деле сепаратного соглашения с Китаем, приглашение в Данциг было принято Николаем (в конце мая, когда в Берлине уже знали о смысле февральских переговоров французского генерала Пендезека в петербургском штабе. А там Франции «впервые удалось использовать тяжелое экономическое положение России, чтобы добиться дальнейших политических уступок», т. е. согласиться дать заем в этот голодный и кризисный 1901 год с условием немедленного приступа к постройке стратегической Седлец-Бологовской железной дороги, — и самое свидание в Данциге для германской стороны приобретало смысл некоторой страховки равновесия [163] в Европе, а для русской — возможности заручиться поддержкой Германии в начатых вторично пекинских переговорах о сепаратном соглашении.

В Данциге действительно была речь о поддержке России Германией на Дальнем Востоке, и даже не явилось необходимости показывать проект русско-китайского соглашения, текст которого захватил с собою на всякий случай Ламсдорф. При этом с русской стороны говорилось и о желательности русско-германского союза, говорилось, что идее континентальной группировки принадлежит «великое будущее», что она, правда, еще не созрела, но что царь будет стремиться к ее осуществлению, что нет ни одного пункта, где скрещивались бы интересы России и Германии, а вот де английская политика эгоистична и с англичанами ни о чем сговориться нельзя. Ламсдорф даже «дважды» высказывал, что «союз между Германией и Россией был бы величайшим счастьем и что это цель, которой нужно достигнуть».{235} И хотя

дальше подобных разговоров не пошло, но и этого было для первого раза много, так что прусский принц Генрих, посетивший Николая в Спале в том же октябре, предупреждал Берлин, что открывшуюся дружбу не следует «форсировать» и после этих двух свиданий на некоторое время лучше оставить царя в «покое». В Спале же Николай дал ясно понять, что главный интерес его сейчас — Сибирская железная дорога, что он надеется совсем закончить ее в течение лет 5–6 и что для этого ему нужны французские деньги — и немцы должны были это понять как намек, что разрыв с Францией для Николая теперь же совсем невозможен, как бы ни росло у него сознание необходимости объединения монархических государств перед лицом революционного движения.{236}

Немудрено, что предложение Ламсдорфа о совместной демонстративной декларации по поводу англо-японского союза [164] вызвало теперь в Берлине смешанное чувство злорадства и удовлетворения: наконец-то и у царизма открылась некоторая «ахиллесова пята» — «специально на Дальнем Востоке». Но желание русской дипломатии теперь же и извлечь из создавшегося для нее тревожного положения прямой барыш в виде реставрации азиатского тройственного союза 1895 г. (симоносекских времен) — для Берлина было совершенно неприемлемо. Из Берлина Ламсдорфу ответили отказом, мотивируя его желанием не толкнуть якобы Америку открыто примкнуть к антирусской комбинации. На этот раз там были уверены, что Николаю, с его дальневосточной программой, только что заявленной им в Спале (ни себе не брать, ни другим не отдавать ни Маньчжурии, ни Кореи), все равно некуда будет податься; что оставаться целиком на милость одной Франции не будет склонен не только Николай, но даже и Витте, который именно из «политических» соображений впервые после долгого перерыва и обратился в начале 1902 г. за очередным займом не к французскому, а к германскому рынку. К тому же как раз в январе 1902 г. в Берлине были получены (и тотчас сообщены в Петербург) сведения о начавшихся англо-французских переговорах по всем колониальным вопросам, — и, конечно, «личное доверие» Николая к Вильгельму, которое в Берлине считали «лучшей картой» в своей игре, должно было получить в начинавшемся «кокетничанье» французов с Англией новую пищу. И демонстрация русско-германского «единения» была отложена до личного свидания англофобствующих монархов.{237}

На этот раз свидание состоялось в Ревеле (24–26 июля ст. ст. 1902 г.) при обстоятельствах куда менее благоприятных для Николая, чем то было в данцигские дни. В самом деле, с чем ехал теперь Николай на «политическое» свидание с немецким кузеном?

Его голова искони не терпела «общих вопросов» и схватывала «значение факта лишь изолированного, без отношения [165] к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений» (отзывался о Николае Победоносцев). Он не выносил, поэтому, споров: «зачем вы постоянно спорите, я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему», — говорил Николай одному из своих приближенных. Но и это было не так-то просто. Как-то в минуту откровенности Николай признался Куропаткину, «что он тяжко мучается, выбирая из всего слышанного нужное», «что ему тяжко приходится напрягать свой ум» — и, с неожиданной для него картинностью

пояснил, «что он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь, <когда он на ней сидит>, то очень встревожило бы ее».{238}

Его отец Александр III сам признавался, что «страсть как любит получать образа», и икономания досталась Николаю, по наследству. Но с потусторонним миром он предпочитал искать общения через живых людей. В момент, о котором, идет речь, это был Филипп, французский шарлатан, вывезенный в Россию черногорскими свояченицами царя, большими, любительницами казенного сундука, не дававшими житья Витте всякими домогательствами. Как раз в этот год Филипп гарантировал истеричке-царице, вместо очередной дочери, сына, и только уже по возвращении Николая из Ревеля вылепилось, что и самая-то беременность была плодом взвинченного Филиппом воображения виновницы этого вскоре разгласившегося скандала. Преимущественно же он во дворце занимался столоверчением, вызывая «духов» и «прежде всего тень Александра III, который диктует своему сыну приказания относительно того, как следует управлять нашим бедным отечеством» (записал Половцов в дневнике 28 мая 1902 г.). Это были уже зачатки того, по выражению Ленина, «полоумия», которое расцвело впоследствии пышным цветом в распутинщине.{239} [166]

Для этого времени все писавшие о Николае современники отмечают у него учащающиеся вспышки личного самодержавия («самообольстителыюго самовластия») и начало «принципиального недоверия к министрам» (за то, что и пока они — министры), расцвет которого падает уже на последний год перед русско-японской войной.{240}

Должно было крепко засесть в голове Николая и кое-что из событий последнего года — на первом месте, конечно, террористические акты, которые преимущественно воплощали в его мозгу отвлеченное понятие «революции». Последний акт — убийство Балмашовым Сипягина 2 апреля 1902 г. — совпал с днями крестьянских «беспорядков» в Харьковской и Полтавской губерниях: это было еще не так страшно, прежде всего, далеко, но неприятно, потому что это случилось впервые в его царствование в таком грандиозном масштабе, и главное обнаружены были посторонние, «агитаторы».{241} Меньше беспокоило его движение в рабочем классе. Как раз в конце 1901 г. дядя Сергей внушил ему доверие к изобретенному в Москве (Зубатовым) способу «овладеть» рабочим движением и обратить его даже В! монархическое русло.{242} Хуже было с земствами и вообще «интеллигенцией [167] «. Здесь открыто речь шла о конституции, и взрослые люди не переставали устраивать нелегальные съезды (последний в мае 1902 г.) и оказывать непослушание его правительству. Здесь хотели прибрать к своим рукам народное образование, а смоленское земство дошло до того, что постановило «ходатайствовать об обязательном образовании». Этого он допустить никак не мог: «это не дело земства заниматься образованием» (так и написал, говорят, Николай на докладе о том Сипягина). Что-то недоброе случилось и с комитетом министров: взяли да и утвердили затеянное кн. Тенишевым тут. в Петербурге, на Моховой, чуть не целое высшее учебное заведение «с программой лекций». Опять Николаю пришлось «начертать»: «такие заведения неудобны в населенных местах». Хороша была тоже и Академия Наук: какого-то «политически неблагонадежного» Горького избрала в «почетные академики». Этого он

просто не утвердил (март 1902 г.). Особенно стал Николаю поперек горла Лев Толстой: вот и от церкви отлучили (1901 г.), а тот все не унимался и тронуть его было никак нельзя, даже православный «Красный крест» продолжал выпускать со своей маркой открытки с репинским портретом этого «злого гения России»: какое же это самодержавие!?{243}

И, наконец, последнее досадное переживание в том же стиле — перед самым отъездом к Вильгельму. Однажды царица, «после завтрака заявила Победоносцеву <обер-прокурору Синода, тоже любителю всякой святости>, что она прочитала житие отшельника Серафима Саровского и что чтение это внушило ей убеждение, что Серафим заслуживает быть провозглашенным святым, и что так как 19 июля <через 6 дней> празднуется день его смерти, то она желает, чтобы Победоносцев распорядился так, чтобы в этот день Серафим объявлен был святым». Хотя Победоносцев старался ей [168] разъяснить, что в такой срок это невыполнимо, и. что на это есть свои правила, она «трижды повторила свое требование». Но старик уперся, и в семье, должно быть, потом последовала неприятная сцена, так как вскоре затем Победоносцев получил от царя записку, что «провозглашение Серафима святым должно последовать не позже 19 июля 1903 т.» (так рассказал об этом эпизоде сам Победоносцев в интимном кругу).{244}

А уже на самом пути в Ревель разве не всплывало у Николая досадное воспоминание, как в январе 1902 г. какой-то «паршивый газетный писака» (Амфитеатров в газете «Россия») грубо высмеял его и всю его семью под именем «господ Обмановых», а Сипягин «хлопнул» газету и взвинтил этим цену на скандальный номер до 25 руб.: «Ника милуша» дал бы сколько-угодно, чтобы об этом не знали немцы, которых он встретит в Ревеле. А знал об этом, конечно, весь свет.{245}

Естественно, что Николай явился теперь в Ревель (24–20 июля 1902 г.) «в более реакционном настроении» и много говорил о необходимости «борьбы с анархизмом», открыто в беседе с Бюловым клеймил Толстого «злым гением России» и не совсем кстати выразил, что конституция была бы «конец [169] для России». Из вопросов внешней политики он остановился только на Дальнем Востоке и заявил, что «укрепление русского влияния» там он считает задачей своего царствования.{246} Но в данцигские дни (в августе 1901 г.) договор о закрытии Маньчжурии для иностранцев был еще впереди, и его дипломатия, как мы видели, рассчитывала добиться своего, как в 1896 и 1898 гг. Теперь же Николай приехал в Ревель с русско-китайским договором 26 марта 1902 г., относительно которого любой встречный мог бы его спросить, почему бы не подписать его еще в *прошлом* марте и избежать, таким образом, сплочения тройной, англо-американо-японской антирусской группировки на Дальнем Востоке, и как собственно он, Николай, рассчитывает теперь предотвратить внезапное нападение японцев на беззащитный еще Порт-Артур и нападение китайских войск, деятельно подготовляемых теперь японцами, на южноманьчжурскую ветвь.

Нет сомнения, что со стороны Вильгельма во время свидания говорилось и о союзе русского и германского флотов, который дал бы возможность Николаю перевести свой Балтийский флот в Тихий океан. Но формула, которую Николай уполномочил теперь Вильгельма при случае довести до сведения

англичан, была средактирована не им самим, а Вильгельмом, и гласила, что оба они, как «главы двух союзов» (двойственного и тройственного), стремятся соблюсти *«интересы, общие континентальным нациям»,* и направлена была демонстративно против английских попыток перестройки системы континентальных союзов в целях европейской войны, а не только против «возможности» «враждебных действий» на Дальнем Востоке (как скромно звучала, например, франко-русская декларация 3/16 марта 1902 г., выпущенная по случаю оглашения англо-японского союзного договора).{247} А разъезжались они из Ревеля, как [170] два «адмирала», и «адмирал Атлантического океана» (Вильгельм) послал корабельными знаками «привет» «адмиралу Тихого океана» (Николаю). Это была не просто уже демонстрация — это была программа. Той же осенью Николай действительно передал морскому министру программу по судостроению на 20 лет вперед до 1924 г. (!), ужаснувшую морского министра Тыртова «громоздкостью» и «невыполнимостью» — по 85 млн в год (вместо 41 млн текущего 1902 года), всего на 1 млрд и 700 млн руб.{248}

В связи с франко-русской декларацией, которую лишь о некоторой натяжкой можно было понять, как распространение франко-русского союза и на Дальний Восток, — ревельская демонстрация свидетельствовала о том, что царизм не имел намерения так уже просто отступить перед англояпонской угрозой. Само же по себе опубликование русско-китайского договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Маньчжурии не давало ни малейшего основания поверить, что русская дипломатия и на этот раз не попытается тем или иным способом «закрыть дверь» в Маньчжурию, — пока противное не было бы доказано явственным и крутым поворотом всего поведения царизма в маньчжурских делах. Тревожная атмосфера на Дальнем Востоке подписанием договора 20 марта рассеяна не была ни в малейшей степени, и Япония, попавшая теперь в положение английской сухопутной армии, перешла к осуществлению третьей части своей морской программы под шум слухов о неминуемой теперь близкой войне.{249}

Когда уже стало известно, что Франция не считает себя связанной мартовским выступлением 1902 г., Николай продолжал [171] все же держаться союза с Францией в европейских делах (как объяснял Вильгельму в октябре 1903 г.), — чтобы не дать французам «перейти к англичанам». Царь, очевидно, уклонялся от решительного выбора между двумя группировками, намечавшимися на случай англо-германской войны.{250} Но именно такая позиция в европейских делах требовала во что бы то ни стало избежать теперь и войны с Японией на Востоке.

Есть и на этот случай упрощенческая легенда, что если бы не Плеве, чаявший справиться с нараставшим революционным движением посредством «маленькой победоносной войны», и если бы не «шайка» авантюристов (Безобразов и компания), «загипнотизировавшая» царя и устремившаяся к «захватам» в Маньчжурии и в Корее, то будто бы официальная дипломатия русского империализма (Витте, Ламсдорф, Куропаткин) вывела бы — и делала все, чтобы вывести. — российский корабль из-под опасности войны, *не меняя своей программы,* путем ловких дипломатических соглашений. Достаточно

внимательнее присмотреться к фактам, чтобы показать, что это опять-таки не совсем так.{251} [172]

Глава восьмая.

Вопрос о вывозе капитала в политике царизма (1895–1903 гг.)

1. Русский империализм в Маньчжурии и Монголии в 1895–1900 гг.

Предпринимая сооружение Сибирского пути, конечно, рассчитывали, что и текстильная, и металлургическая, и нефтяная русская промышленность возьмет свое от вывоза ее продукции в Китай, не говоря уже о самой Сибири, и что это связано будет с открытием движения по новой железной дороге.

И это верно, что русский вывоз в Китай от 1902 года к 1903-му, когда открыто было постоянное движение и по КВжд, сразу же скакнул с 9 млн руб. на 22 млн.{252} Но сворачивая на Маньчжурию и Корею в 1895 г., царизм двинулся туда в банковско-железнодорожном вооружении, учитывая уже возможность *вывоза* не только русских товаров, но и русских, а также связанных с ними иностранных *капиталов*.

При этом французский финансовый рынок проявил полную готовность доверить свои капиталы политическому руководству самодержавия в Китае, ввиду оживления русского [173] капитализма эпохи подъема 90-х годов.{253} Веяния новой эры европейского капитализма проникли даже в романовский дворец, где скоро и безобразовцы заговорили о необходимости «нового способа завоевания малокультурных стран», что-бы не брать больше царизму на себя одну только «роль городового, охраняющего чужую собственность».{254} При этом царизм явственно выказал предпочтение сотрудничеству на Дальнем Востоке с банковским капиталом, избегая связывать свою политику с капиталом исключительно одной какой-либо национальности. Через министерство финансов, он до поры до времени сохранял за собой политическое руководство образованными предприятиями, в случае нужды подкреплял свою руководящую роль в них вложениями средств казны.

За интересующий нас период времени в политические комбинации царизма на Дальнем Востоке успели ангажироваться два «русских» банка, оба связанные с интернациональным капиталом: *Русско-Китайский* (с участием французского капитала) и Петербургский *Международный* (с участием германского). Петербургский *Учетно-ссудный банк* (тоже германской группы), взявший на себя учреждение упоминавшегося раньше *Российского золотопромышленного общества* в мае 1895 г. и собравший как в России, так и в Париже (преимущественно у банков, но также и у одиночек-капиталистов) капитал в 7 1/2 млн руб. для эксплоатации золотых приисков на всем пространстве Сибири в предвидении богатейших перспектив, которые, по мнению учредителей, должны были открыться с окончанием постройки сибирской дороги, — скоро отошел от этого дела, уступив первенство Петербургскому Международному [174] банку, с *Ротштейном* во главе.{255} Как известно, именно Ротштейн, по поручению Витте, вел в том же мае 1895 г. в Париже переговоры об устройстве займа Китаю к он же со своим Международным банком был привлечен министерством финансов к учреждению Русско-Китайского банка (осенью 1895 г.), в. котором

Международный банк и взял 3/8 капитала на себя, — а 5/8 взяла французская группа постоянных заимодавцев царской казны, во главе с *Нецлином* и *Готтингером*. Ротштейн и сел, наряду с двумя последними и еще одним французом (Шабриером), в правлении нового банка, — окруженный пятью русскими членами (назначенными Витте), во главе с кн. *Ухтомским* — председателем правления. Без фактического и рабочего участия Ротштейна не прошли и переговоры об учреждении *Общества КВжд* — ни в петербургской их стадии, с русско-китайским фактотумом Ли Хунчжана Гротом, ни в берлинской — с будущим председателем правления Общества Сюй Цзинь-ченом. Формально именно Русско-Китайский банк и явился владельцем всего портфеля акций Общества КВжд. Но и на деле в правлении Общества КВжд сели те же Ухтомский и Ротштейн — наряду с чиновниками министерства финансов *Кербедзом*, *Циглером* и *Романовым*, а из них Кербедз и Циглер скоро оказались: один товарищем председателя совета Международного банка, а другой членом правления Русско-Китайского банка. Если прибавить, что Ротштейн оказался бессменным членом правления и Российского золотопромышленного общества («Золорооса»), то перед нами встанет достаточно четкая картина организационной переплетенности в руководстве всей совокупности акционерных предприятий, возникших по следам дальневосточного плана царизма.{256}

Когда в марте — июне 1897 г. русское правительство в лице Общества КВжд двинуло дело о расширении и уточнении [175] прав и привилегий Общества и Русско-Китайского банка; в Маньчжурии, тогда же в Петербурге Русско-Китайским банком и Золороссом образован был по образцу подобных же французских учреждений *«Синдикат для исследования рудных богатств Китая»,* в капитале которого, разумеется, оказался и капитал Международного банка (из 500 тыс. руб. — 50 тысяч), а в комитете Синдиката, наряду с Ротштейном от Русско-Китайского банка, *Нернином* от Золороссa и *Филипьевым* от Международного банка, — посажен был и пекинский агент министерства финансов Покотилов, бывший одновременно и членом правления Русско-Китайского банка на месте, на Востоке.{257}

Когда политическая обстановка в Корее, в марте 1897 г. решительно поставила вопрос об участии царского правительства в управлении этой страны, — это дело и не мыслилось иначе, как при посредстве банковского учреждения и прямой «помощи» корейскому правительству. Однако на сей раз Ротштейн, снаряжая в эти же дни Ухтомского в Маньчжурию, кисло отнесся к корейской авантюре правительства и предложил, так и быть, на образование Русско-Корейского банка только 100 тыс. руб из капитала Русско-Китайского банка.{258} А уж относительно 3-миллионного займа корейскому правительству Ротштейн и слышать не хотел и требовал, чтобы эти 3 миллиона были внесены в банк из сумм Общества КВжд, а банк выдал бы их потом от себя. И только осенью 1897 г., когда корейская жертва сама пошла в руки царскому правительству, а маньчжурская миссия Ухтомского потерпела неудачу, — Ротштейн (все время следивший за удобным случаем принять участие Русско-Китайскому банку в постройке южно-маньчжурской линии к Пекину) пошел на учреждение Корейского банка с «приличным» капиталом в 500 тыс. руб., составленным из вложений уже не только Русско-Китайского, но и

Международного банка. А в правлении [176] этого «дочернего» нового банка Ротштейну пришлось бы, если бы банк не погиб, не успевши появиться на свет, работать, не считая чистого «международника» *Нотгафта*, в окружении все тех же Ухтомских, Романовых, Покотиловых, Алексеевых и тому подобных подчиненных Витте агентов.{259}

Наконец, когда разграничение сфер влияния в области железнодорожного строительства в Китае между Россией и Англией, как ни противился ему Витте, все же произошло, — Витте попробовал выдворить англичан из Маньчжурии опять-таки при помощи банков. Соответствующий план — разменяться с Гонконг-Шанхайским банком железнодорожными концессиями, взяв себе все в южной Маньчжурии, а ему отдав все, что южнее Пекина — пущен был в ход при посредничестве члена правления Международного банка (Коха), который был привлечен к разработке условий намеченной сделки и взялся затем зондировать почву у своих лондонских «друзей». Нечего и говорить, что эта оптимистическая попытка взять английский форпост в южной Маньчжурии, зайдя ему в тыл по «мирной» империалистической тропинке с банковским проводником, — осталась втуне.{260}

Тем временем, в Русско-Китайском банке русское политическое руководство начало испытывать и некоторую оборотную сторону союза с сидевшими в Париже французскими империалистами. Надо сказать, что уже при самом учреждении банка в 1895 г. они не сразу согласились на долю их представительства в правлении (3 из 8 членов), которая не соответствовала доле их участия в капитале банка, (5/8). А в заинтересованных французских кругах в Китае были даже надежды «играть первенствующую роль» в делах нового банка. Не прошло и двух лет после того как Ротштейну удалось уговорить французов в Париже, как к лету 1897 г. отношения между русскими и французскими элементами в Шанхае [177] обострились настолько, что Витте готов был уже пойти на распадение банка по национальной линии и «категорично заявить французам, чтобы они оставили нас в покое и, если они недовольны деятельностью банка, то пускай основывают свой собственный». В это же время парижские члены правления банка, возобновляя свои первоначальные домогательства, предпочли впутать для веса в дело самого Ганото (министра иностранных дел), и уже от его имени парижский банкир Нецлин (в августе 1897 г.) просил Витте: 1) о прибавке в название банка слова «Франко», 2) об усилении «французского элемента, в администрации» банка и 3) об открытии затем отделения банка «на юге Китая». Но все эти «желания» встретили решительные возражения со стороны русских директоров в Китае и были без колебаний отвергнуты Витте, — и французы опять остались ни с чем. Более того, когда в следующем 1898 г. Витте решил поддержать железнодорожную экспансию банка на юг от Пекина, он прибегнул не только к резкому усилению правительственного участия в капитале банка (на 1 200 000 руб.), но и провел в устав его статью об обязательном утверждении личного состава правления русским министром финансов, а число членов его довел до 11 назначением туда двух новых чиновников министерства.{261}

В ответ на это, в октябре 1899 г., после поражения русской империалистической дипломатии в англо-русских переговорах, и именно

тогда, когда все признаки экономического кризиса на петербургской бирже были уже налицо, — вопрос о введении четвертого французского члена в правление банка в Петербурге (очевидно, для повседневного контроля) был вновь поставлен самим Делькассэ (сменившим Ганото на посту министра иностранных дел). А имя кандидата, указанного французским министром, не оставляло сомнения в том. что в контроле и была вся суть: Делькассэ предложил на этот пост *Мориса Верстрата,* известного тогда не слишком [178] большим расположением к России французского коммерческого агента в Петербурге. На этот раз Делькассэ не только не склонен был возобновлять речь о распространении деятельности банка «на юге Китая», а прямо поставил вопрос о разграничении сфер влияния Индо-Китайского (чисто французского) банка и Русско-Китайского с тем, чтобы последний действовал только «к северу от Шанхая». Уступая теперь твердо выраженным желаниям французского империализма по обоим пунктам, Витте, разумеется, сделал это неохотно: молодой и относительно «зависимый» русский империализм получал здесь первое предостережение от своего старшего и относительно «независимого» собрата. Витте так и заявил для передачи Делькассэ, что «когда с французскими и русскими банками конкурируют банки других европейских государств, особенно Англии, отказ Русско-Китайского банка от операций в известных районах принес бы пользу не столько Индо-Китайскому банку, сколько английским кредитным учреждениям». О Верстрате же Витте пустил шпильку, что «вежливее было бы возбудить этот вопрос через парижских директоров банка», — и Верстрат водворился в своем новом звании (в декабре 1899 г.) только после того, как в Петербурге было получено почтительное благодарственное письмо на имя министра финансов, за подписями Нецлина и Готтингера, «тронутых» таким разрешением вопроса, Но это была только позолота пилюли, которую проглотить Витте пришлось целиком.{262}

Нисколько неудивительно при таких обстоятельствах, что, когда летом 1900 г. дело дошло до образования упомянутым выше «Синдикатом» акционерного общества под названием *«Монголор»,* то были приняты шаги к тому, чтобы осложнить состав этого нового предприятия участием бельгийского капитала, к 1900 г. успевшего вложить в русские ценности 424 млн франков. *Бельгийские* капиталисты и взяли оставшуюся от Русско-Китайского и Международного [179] банков треть акционерного капитала Монголора, — и собственно на этот бельгийский миллион рублей и было приступлено к работам в монгольском тылу замутившегося в этом году маньчжурского эльдорадо.{263}

Что это новое общество должно было тоже в значительной мере служить политическим видам русского правительства (и вовсе не в одной только Монголии), можно судить по тому, что именно от его агентов ждала царская дипломатия подготовительных шагов в Пекине для осуществления проекта железнодорожной линии *Кяхта — Урга — Калган — Пекин*. И еще в январе 1901 г., своеручно и настойчиво (вопреки Куропаткину) включая в число условий эвакуации Маньчжурии концессию для общества КВжд на линию из Маньчжурии «по направлению на Пекин», — Витте напутствовал монголорца Грота пожеланием «полного успеха» в его хлопотах о Калган-Пекинской линии.

А на месте, в Монголии, и сомнений не возникало, что Монголор «по составу участников» «имеет ближайшее касательство к деятельности министерства финансов» и что «министр финансов — главный участник и руководитель как общества (т. е. Монголора, — *Б. Р.*), так и Русско-Китайского банка, хотя негласный».{264}

Только уже летом 1901 г., когда в светлые минуты петербургские империалисты как будто понимали, что Япония поставила «разрыв» с Россией себе «прямо намеченной целью» и решили ограничить потом свои вторичные требования Китаю одной только Маньчжурией, не трогая уже ни Монголии, ни Западного Китая, это покушение на Пекин еще и из Монголии было резко оборвано самим же Витте и было даже изображено им, как самовольное деяние Ротштейна. Разобрать, кто из них двоих тут был прав, нет ни возможности, ни особой нужды. Мы и без того знаем, что их империалистические аппетиты влекли их к Пекину обоих железнодорожным [180] путем, и кто тут первый говорил «э» — это их интимное дело.{265}

Так прошло 5 лет. Если рассматривать весь Зауральский план Витте как единое целое, то можно сказать, что, непосредственно после памятной интервенции Витте во внешнюю политику царизма в 1895 г., ему (при непременном участии своего фактотума Ротштейна, севшего в правлениях всех только что перечисленных «учреждений») удалось мобилизовать под эгидою самодержавия немалый, для начала, частный капитал весьма пестрого национального состава, придать его монополистическим тенденциям некоторое организационное единство и заинтересовать его во внешнеполитических успехах царизма на Дальнем Востоке. Национальный состав капитала — франко-русско-германо-китайско-бельгийский. Его форма — акционерная. Его руководство — банковское. Его размеры — без малого 30 млн руб. (не считая ок. 200 млн руб. облигационного капитала Общества КВжд, целиком взятого казной на себя). Его государственная доля — ок. 6 1/2 млн руб. Таковы были акционерные инвестиции и инвесторы, стоявшие за спиной Витте, когда он фактически взял в свои руки руководство дипломатией царизма на Дальнем Востоке в 1900 г.

2. Основное противоречие русской экономики начала XX в.

Таковы были первые успехи русского «капиталистического империализма новейшего типа» на Дальнем Востоке. С самого начала, как видим, он «вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Маньчжурии, Монголии», хотя Ленин и отмечал, что «вообще в России преобладает [181] военный и феодальный империализм».{266} Здесь, как в малой капле воды, можно видеть отражение того общего процесса перехода русского капитализма в высшую империалистическую стадию, который в 90-х годах шел в условиях необычайного подъема и, вместе с колоссальным притоком в Россию европейского капитала, легко усваивал его последние организационные формы. Организован был этот вывоз иностранного капитала в Россию на основе чрезвычайно высокого покровительственного тарифа 1891 г., в невиданных ранее размерах: в 1893–1900 гг. возникло 191 новое акционерное общество на иностранном капитале в 634 млн руб.: общая цифра иностранного акционерного капитала с 214.7 млн руб. в 1890 г.

поднялась до 911 млн руб. в 1900 г., а доля иностранного капитала в общей сумме акционерных капиталов с 1/3 в 1890 г. поднялась до 1/2 в 1900 г. Царизм, при этом сознательно, как мы видели то выше в «системе» Витте, расплачивался за эту «школу» 500 миллионами руб. в год в виде переплат против мировых цен (напр. за рельсы для Сибирской ж. д. 2 руб. за пуд вместо 75 коп. за пуд английских), лишь «временно» предоставлял свой рынок капиталу разных национальностей (бельгийский — 296 млн руб., французский — 226 млн. руб., германский — 219 млн руб., английский — 136.8 млн руб.), а на Дальнем Востоке ревниво при этом оберегал свою политическую самостоятельность, сам организуя в свою очередь вывоз туда русского и иностранного капитала под своим руководством.{267}

К началу XX в. в России складывались уже основные признаки империализма в виде концентрации производства, образования банковских групп для финансирования, учредительства и руководства в области промышленности, особенно тяжелой, в виде монополистических организаций синдикатского типа, сращивания банков с промышленностью и т. п. — и иностранный капитал и здесь шел впереди. Кризис [182] 1899 и следующих годов только усилил эти новые монополистические тенденции. Некоторые монополистические организации — сахарный синдикат (1895 г.), «Омниум» (1897), электрический синдикат (1899) — организации еще докризисного происхождения.{268} Банки, принявшие участие в дальневосточной экспансии, входили как раз в число тех 8 (из 41) крупнейших банков, которые с 1895 по 1899 г. дали повышение акционерного капитала на 32 млн руб. (из общей суммы повышения в 45.2 млн руб.), т. е. 71.6% роста, капитала всех 41 банков, и в их же руках было 75% всех операций по финансированию промышленности. В области сращивания банков с промышленностью к 1900 г. отмечают эту черту в железоделательных акционерных предприятиях на 52% всего капитала этой отрасли, в каменноугольных — на 65.2%, в соледобывающих — до 75%, в машиностроительных — на 63%, в механических — 45.9%, в сталелитейных — 49.1%, в электротехнической — 77.8%, в электрической — 99.6%, в минералообрабатывающих — 57.2%, в производстве строительных материалов — 61.2%, в морском пароходстве — 84.5%. За всем этим стояли и быстрые темпы промышленного развития России, входившие в «систему Витте», как одна из коренных ее черт, которую и за границей и в России склонны были приписывать лично ему.{269}

Но в России «было бы неправильно изображать империализм, как связное целое (империализм вообще есть несвязное целое) — потому, что в России очень еще немало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму».{270} Ленин видел в России «страну наиболее отставшую в экономическом отношении», страну, «в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так, сказать, особенно густой сетью отношений [183] докапиталистических»{271} — противоречие, «которое глубже всего объясняет русскую революцию (1905 г., — *Б. Р.*): самое отсталое земледелие, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!».{272}

По исчислениям Ленина, к концу XIX в. в России *«семьсот* собственников» владело *«в среднем по тридцать тысяч десятин* каждый», и у них было «втрое

больше» земли (20798504 дес.), чем у (319000 мелких частных землевладельцев (6 1/2 млн дес.). Из 86 млн дес. всего частного землевладения, 62 млн дес. находилось в руках 28 тыс. собственников (по 2.227 дес. в среднем у каждого). Латифундии составляли «отличительную черту русского частного землевладения». Из них «свыше 70%» принадлежало дворянам, а «высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий».{273}

Наряду с тем в сфере крестьянского землевладения около половины надельных земель (64 из 137 млн дес.) находилось в руках у 1/6 (2.1 млн) «богатых землей дворов»; ок. 1/2 (из 12 1/2–6 млн) дворов в 1896–1900 гг. были «пауперы» (29.2% безлошадных, 30.3% однолошадных), причем «можно себе представить, каково их (3 ¼ млн безлошадных дворов, — *Б. Р.)* земледельческое «хозяйство» при расходе восьми копеек в год на инвентарь живой и мертвый». Здесь было царство «отработков», этого «прямого и непосредственного пережитка барщины», а «кабала вместо свободного найма необходимый спутник отработков».{274} Капитализм, конечно, и здесь делал свое дело, и процент безлошадных от 1888–1891 гг. к 1896–1900 гг. возрос с 27.3 до 29.2% (2.8 млн дворов — 3.2 млн дворов) и в 1898 г., например, [184] на 4.2 млн неземледельческих наемных рабочих приходилось уже *«около 3.6 милл. земледельческих наемных рабочих».* То же сказывалось и на ввозе (в 1889–1896 гг. 3.7 млн руб., в 1902–1903 гг. 20.6 млн руб.) и на производстве (в 1894 г. 9.4 млн руб., в 1900–1903 гг. 12.1 млн руб.) сельскохозяйственных машин. Но что это были за масштабы и темпы, когда в США в 1900 г. произведено было их на 157 млн долларов, т. е. на 392.5 млн руб. Таким образом, «конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни».{275} По подсчетам же комиссии 1901 г. в 1896–1900 гг. самостоятельное капиталистическое хозяйство вели 29% помещиков, тогда как сдавали землю «исполу», увязая в полукрепостнической топи, 51%.{276}

Но и оставляя в стороне чистую экономику, мы уже видели, что одни только политические и гражданско-правовые условия, в каких жило крестьянство под двойным гнетом «крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации», оценивались Витте, с чисто буржуазной точки зрения, в 2–3 млрд руб. лишнего ежегодного дохода: эту прибавку к одномиллиардному бюджету царизма мог бы дать один только решительный удар по полукрепостническому правовому положению крестьян. И без того в эти годы «убывает власть земли, растет власть денег»: «"власть земли», т. е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков».{277} Тем сильнее самодержавие держалось теперь за одну из глубочайших своих основ, чуя величайшую для себя политическую опасность, в болезненном размывании этой основы монополистическим капиталом. [185]

Указанное Лениным противоречие и ставило «новейше-капиталистический империализм», показывавший себя на Дальнем Востоке в эти годы «вполне» и достаточно ясно, в такое «оплетение»

докапиталистическими отношениями, что *практически*, в *общей* системе международной политики царизма, он оказывался неотделим от военно-феодальной империалистической природы этого последнего.

3. Вывоз русского капитала в условиях кризиса 1900–1903 гг.

Политический кризис 1900 и следующих годов на Дальнем Востоке и экономический кризис тех же лет в России не могли не отразиться на описанной совокупности дальневосточных предприятий, сраставшихся организационно в легко доступный воздействию и руководству министра финансов, комбинат.

К весне 1902 г. дипломатия Витте для всех очевидно «проиграла дело в Маньчжурии», а экономическая и финансовая его политика проигрывала дело, как должно было казаться во дворце, и внутри империи.{278} «Система Витте» легко могла быть изображена теперь, как принесение российского самодержавия в жертву интересам интернационального капитала, а на самого Витте открывалось со стороны правых кругов, чем дальше, тем больше, подозрение в вольной или невольной «измене» и, во всяком случае, в «обезличивании самодержавия».{279} С этого, правого, феодального фланга можно было ожидать обхода в любой момент. [186]

Но и усилия Витте продолжать и теперь борьбу за рынок вывоза для русского капитала, поскольку они явственно грозили войной, а, если и не войной, то колоссальным ростом расходов на оборону специально на Дальнем Востоке, — становились рискованными с точки зрения и французской биржи. Она озабочена была гораздо больше участью царских финансов в целом, чем проблематическими теперь возможностями для того же Русско-Китайского банка в Маньчжурии.{280} Так и с другого фланга — уходила поддержка.

Вероятно, сочетание обоих этих условий, которые оба были результатом затянувшегося экономического кризиса, — сочетание некоторого охлаждения по французской линии и раздуваемого безобразовцами подозрения против Витте относительно правильности курса на союз с интернациональным банковским капиталом — толкнуло Витте летом 1902 г. на образование Маньчжурского горнопромышленного товарищества целиком на средства казны и вне настоящей связи с Русско-Китайским банком (хотя и при фактическом рабочем участии Ротштейна и на основе заинтересования банка в половине прибылей, в обмен на «всякую поддержку как влиянием, так и опытом и персоналом банка»).{281}

Но еще и раньше, в 1901 г., заметно, что и сам Витте, потерпев некоторую неувязку в своем «тресте», сказавшуюся в рискованном демарше Монголора в направлении на Калган — Пекин, — поддается опасению перед возможными дальнейшими неувязками подобного рода, когда внешняя да и внутренняя обстановка повелительно требовала быть всегда начеку. Хлопоча, например, о монополии для Русско-Китайского банка в Маньчжурии летом 1901 г., Витте готовился, на случай удачи, связать банк строжайше проредактированным договором, лишавшим банк всякой тени самостоятельности по отношению к министру финансов в концессионной политике в Маньчжурии. Та же тенденция сказывается и в том, например, что летом 1902 г. весь третий выпуск акций [187] банка (более 3 000 000 руб.) Витте берет в казну, на случай

каких-нибудь дальнейших трений с французами, фактически добиваясь этим преобладающего участия и в капитале банка (более 40%).{282} В условиях обоих кризисов, как экономического внутри страны, так и политического в международных отношениях, сохранение руководства сложившимся на Дальнем Востоке комбинатом, отдельные члены которого к тому же явно в данный момент клонились к упадку и краху, требовало усиления и капитальных вложений казны.

Что состояние рынка капиталов теперь станет в резкое несоответствие с масштабами и темпами проводимой им политики, это Витте понимал с самого начала кризиса. Когда, после оккупации Маньчжурии, политически момент представился ему чрезвычайно благоприятным для захвата маньчжурских недр и лесов, он ясно видел, что в России был «недостаток в капиталах даже для эксплоатации ее собственных природных богатств, и потому едва ли найдутся у нас средства для разработки рудных месторождений Китая». Но он был, ведь, оптимистом тогда и был, как помним, «глубоко убежден», что «если мы будем держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму».{283} Года два, следовательно, нужно было теперь продержаться и во внешней политике. А это значило здесь на место отливающего частного капитала выдвигать государственный, политику же вести прежнюю, «мирную», чисто «экономическую».

Не случайно, конечно, что, подготовляя свои концессионные требования в первом туре сепаратных переговоров с Китаем, Витте не колебался сосредоточить все богатства Маньчжурии не в руках частного банка, а в руках казенного общества КВжд. И только во второй раз, когда можно было думать, что отстранение этого казенного предприятия и замена его частным банком (в прибылях которого Китай хоть [188] несколько был заинтересован через внесенный им туда «командитный» капитал в 5 млн руб., который, не давая права голоса, давал право участия в дивиденде) может облегчить сделку, Витте перевел переговоры о промышленной монополии на Русско-Китайский банк. Рассматривал же он его только, как «подставное лицо», которое и шагу не могло делать без указания министра. А когда к осени 1901 г. усилиями русских *дипломатических* агентов в Маньчжурии две из трех ее провинций (Гириньская и Цицикарская) оказались, применительно к предполагаемым золотоносным площадям, расписанными между десятком русских концессионеров (золотопромышленных компаний и частников-одиночек), Витте просто не верил в серьезность и прочность этой комбинации.{284}

Неудивительно, что 4 февраля 1902 г., тотчас же после срыва переговоров об общей монополии банка в Пекине, Витте принял свои меры, чтобы на деле обеспечить за русским правительством права на все мыслимые в Маньчжурии промышленные концессии посредством отдельных, совершенно конкретных соглашений Русско-Китайского банка с провинциальными властями. В этих целях он потребовал, чтобы дипломатические агенты в Маньчжурии перестали оказывать поддержку русским «частным предпринимателям», а сосредоточили бы ее исключительно на агентах банка. Сделал он это во избежание того, чтобы «значительная доля участия в капитале и в распоряжении делами при этом не ушла в руки иностранных подданных» и «вообще в нежелательные нам руки», — и угадал: когда подошли сроки для

действительных вложений в разработку расписанных концессионных площадей, большинство заявщиков оказалось не в состоянии осуществить свои права. Между тем у него были сведения, что иностранные скупщики китайских концессий в Маньчжурии, еще недавно считавшие свои шансы потерянными, теперь были убеждены, что, «Россия проиграла дело в Маньчжурии», и весною 1902 г. бросятся туда за получением [189] новых концессий. Он торопил теперь своих банковских агентов на месте «возможно энергичнее» заняться скупкою концессий на добывание золота, железа, нефти, никеля и каменного угля, на *эксплоатацию лесов по р. Ялу* и на «другие крупные предприятия».{285}

Это явственное недоверие к неорганизованной частно-капиталистической стихии в обстановке кризиса совпало теперь у Витте, повидимому, со специфическим страхом перед давно уже тревожившим его ряженым частником, выступившим день в день с известием об англо-японском союзе, 30 января ст. ст. 1902 г., в лице помянутого выше агента «безобразовской шайки» Матюнина — с претензией на те самые маньчжурские (не корейские) леса по р. Ялу, которые еще раньше Витте имел в виду резервировать за Обществом КВжд, а сейчас — за Русско-Китайским банком. «Безобразовская шайка», как уже рассказывалось, двинула свой проект Восточно-азиатской промышленной компании в момент открытия боксерского восстания, и Витте успел подставить ей тогда ножку только в самую последнюю минуту. После того они не раз повторяли свои попытки, при неизменном сочувствии царя, осуществить этот свой «склад концессий для Дальнего Востока», как называл компанию Безобразов, придавая ей учредительско-посреднический характер. Но каждый раз Витте удавалось, под всякими формальными предлогами, «проваливать» дело и отводить царя от такого прорыва монополии того банковско-железнодорожно-пароходно-горнопромышленного комбината, который Витте строил под своим руководством, т. е. под руководством как-никак министра финансов того же царя. И вот теперь — Матюнин со ссылками на царского зятя и с поощрительными резолюциями царя! Та же шайка возобновляла ту же игру, пока только с пешки. Очевидно, на большее не осмелел еще и Николай. Но с этой лесной площади на р. Ялу начиналась «конфиденциальная», [190] стратегическая («размотать японцев») «идея» первоначального замысла безобразовцев, возникшего в 1897 г.{286}

Для соотношения сил на самой верхушке царизма характерно, что через 5 дней после этой матюнинской заявки, в число подлежащего скупке агентами банка Витте включил как раз леса по маньчжурскому берегу Ялу.{287} Как видно, это соотношение не изменилось еще и весной этого года, когда Николаю пришлось утвердить проект *Маньчжурского горнопромышленного товарищества,* который, правда, осторожно обходил леса и сосредоточивался исключительно на недрах. Но это, совсем очевидно, был такой же «склад концессий», с учредительскими функциями, какой проектировали и безобразовцы. Весь финансовый риск брало на себя здесь правительство российского самодержца — ссудой товариществу в 1 млн руб. из Государственного Банка. Само же товарищество составилось из трех «товарищей». Из них два были попросту чиновниками министерства финансов,

на действительной государственной службе, а третьим оказался... Ротштейн, который и руководил всем делом, приютив «товарищество» у себя в помещении Международного балка — к великой ярости безобразовцев, когда они, наконец, дознались до сути всей этой хитрой комбинации.{288}

До войны Маньчжурское товарищество Ротштейна успело скупить от банка и частных лиц права на участие в шести «крупных предприятиях» в Маньчжурии. Оно не успело как следует приступить к эксплоатации ни одного из них; по предварительным же подсчетам для постановки работы в трех из них требовался капитал в 10 млн руб. А со дня отставки Витте (16 августа 1903 г.) товарищество окончательно замерло, истратив в счет своего миллиона около 400 тыс. руб., остальные 600 тысяч так из Государственного Банка и не успев выбрать. Впрочем, к тому же времени совсем дышали на ладан и Монголор, спасшийся от ликвидации только [191] благодаря небольшой субсидии от казны, и Российское золотопромышленное общество, искавшее спасения тоже в закладе своих приисков в том же Государственном банке, — и ни о каком привлечении частного капитала к проектированным было Маньчжурским товариществом «дочерним» акционерным обществам и речи в такой обстановке быть немогло.{289}

Что же касается матюнинского лесного начинания, тесно, усердно бойкотируемое Русско-Китайским банком, никакой концессии в 1902 г. в Маньчжурии не добилось, и имевшиеся 130 тыс. руб. кабинетских денег на это дело прошли незаметно, повидимому, на «организационные» расходы.{290}

Когда же в начале 1903 г. Безобразов, получив особые полномочия от Николая, в мыслях уже покончившего с Витте, в специальном поезде отправился на Дальний Восток, то он попросту имел в полном своем распоряжении 2 млн руб. казенных денег, выданных ему министром финансов из 10-миллионного фонда по письменному приказанию царя. Они были без остатка и без малейших признаков прибыли (и отчетности) истрачены к ноябрю 1903 г., главным образом, на совершенно безалаберную заготовку леса по обоим берегам р. Ялу. Фиктивное же «Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке», членами которого в мае 1903 г. безденежно была записана вся безобразовская «шайка», числило на себе, уже после окончания войны, несколько сот тысяч неликвидированных долгов. Частный же капитал на деле тут тоже, повидимому, и близко не лежал никогда.{291}

Единственно, где успели встретиться эти два «склада концессий», — это на богатейших залежах угля в Фушуне близ Мукдена. Но обе половины Фушуня как следует заработали [192] только уже во время войны, взятые в эксплоатацию Обществом КВжд (а после войны безвозвратно ушли, разумеется, в японские руки).{292}

Таковы были попытки на деле завладеть промышленными объектами в Маньчжурии после неудачи с получением формальной монополии на них по общему договору с пекинским правительством (30 января 1902 г.). Представители обеих политических групп — и «империалистической» и феодальной — хлопотали вокруг этого дела, причем в обоих случаях в это время шла речь о вложениях целиком из средств казны. Дипломатические усилия обеих этих групп были направлены на то, чтобы формально-правовым

способом защитить возможность (в будущем, когда все «войдет в норму») взять свое русскому империализму от *промышленной эксплоатации* Маньчжурии.

Но помимо наличных и перспективных «интересов» частного, банковского и иного капитала, в Маньчжурии в одно железнодорожное строительство к концу 1903 г. было вложено до 400 млн руб. бюджетных, *народных* денег — и это тоже были реальные «интересы».{293} О том. чтобы по-настоящему и четко расчленить вопрос о столь разнородных интересах в дальнейшей дипломатической борьбе — при царизме не приходилось и думать. [193]

Глава девятая.

Царизм на распутье (1902–1903 гг.)

1. Раскол в аппарате царизма

В январе — марте 1902 г. русский империализм «проиграл дело» в Маньчжурии. Это сразу же учли шанхайские спекулянты международного империализма, но в этом не хотели сознаться ни «автор маньчжурского вопроса», как не без некоторого основания называли Витте его враги, ни весь «паршивый триумвират» из «Ноздри», «Тетерьки», и «Головастика», как честили Витте, Куропаткина и Ламсдорфа безобразовцы в своем интимном кругу.{294}

Очень растревожила триумвиров одна маленькая брошюра («Маньчжурский вопрос. Посвящается С. Ю. Витте»), роскошно изданная в Берлине в мае 1902 г. Автор ее укрылся за псевдонимом Z. Но брошюру иначе нельзя было понять, как политико-дипломатический пробный шар, пущенный, вероятнее всего, из германского министерства иностранных дел и рассчитанный непосредственно на Николая и совсем узенький круг: брошюра вышла всего в 25 экземплярах. И вышла в мае — под самое ревельское свидание, которому Вильгельм придавал существенное политическое значение. Николая, значит, хотели настроить. Это был чуть не заговор: экземпляра брошюры не получил даже Ламсдорф. Он получил ее [194] только на время от Витте и составил на нее «прекрасный ответ», как отозвался о нем Николай, прочитавший его, вслед за брошюрой, 19 июля 1902 г. Как видим всё успели подогнать чуть ли не к самому отъезду на ревельскую демонстрацию дружбы двух «адмиралов».{295}

Маньчжурский вопрос ставился в брошюре совсем наголову. Разбирая положение, создававшееся в Маньчжурии договором 26 марта 1902 г. об ее эвакуации, анонимный автор приходил к таким трем «практическим» выводам: 1) возвратить Китаю Порт-Артур, 2) присоединить за это крайний северный сегмент Маньчжурии, где и проложить железную дорогу между Сретенском и Благовещенском, и 3) продать Китаю КВжд целиком. Тогда Россия «вернулась бы разом на традиционный путь мирных и дружеских отношений к Китаю», «немыслимый при наличности маньчжурского вопроса». Неизвестный автор и сам не считал эти «выводы» «непогрешимыми» и допускал возможность иных «практических» выводов. Основной недостаток договора 26 марта 1902 г. автор видел в том, что договор этот не решал маньчжурского вопроса и оставлял вечно открытою возможность международных осложнений на почве сосуществования в Маньчжурии двух администраций и двух вооруженных сил — русской и китайской. Договор этот, кроме того, не посчитался с новой обстановкой, созданной англояпонским союзом и дающей Китаю «негласную опору наших постоянных и непримиримых врагов» (в последних словах и был яд: именно англо-японский союз и сделал необходимым подписание договора 26 марта). Посвящая свою брошюру Витте, как «автору маньчжурского вопроса», давшему «ему первый толчок», автор нарочито подчеркивал: «контракт 1896 г. о маньчжурских железных дорогах — Ваше личное дело». Автор, правда, соглашался «взять

назад все сказанное», «если договор 26 марта является *первым* шагом обдуманного и твердого плана действия». А если нет [195] (а царь то знал, что это был *третий* шаг в 14-месячной дипломатической борьбе за то, чтобы именно такого договора и не подписывать), то автор предлагал одно из двух: или «приобрести от Китая бóльшую часть Маньчжурии», или «отказаться от рискованной системы проведенных через чужую территорию стратегических линий, которые требуют целой армии для своей охраны». Здесь-то и был самый опасный яд, ибо выдвигалась альтернатива, понятная и маленьким детям: или начисто уйти, или «захватить». Ничего третьего брошюра не предлагала.

Окольным путем Николая подводили тут к мысли о неизбежности захвата Маньчжурии. Успехом же своей контрзаписки Ламсдорф обязан был эффектной ее концовке о «прямом безумии» мысли о возвращении Порт-Артура — что «советовать подобное решение могут только люди незнакомые с положением дел на Дальнем Востоке». В остальном возражения Ламсдорфа были выдержаны в стиле снисходительного обличения анонимного автора в невежестве и не шли дальше педантических, не всегда относящихся к делу, перепевов официальных деклараций и нот на тему о бескорыстии русской политики, «неизменном ее дружелюбии» и соответственно особом отношении к ней Китая. Выходило так, что договор 26 марта 1902 г. и был тем, к чему все время стремилась царская дипломатия и чего, в сущности все время якобы хотел и Китай, но чему мешали другие державы. И все оказывалось в порядке. Россия не «проигрывала» своего «дела» в Маньчжурии.

Между тем наступили «бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетня мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» дозревают (и отцветают) [196] необычайно быстро».{296} «В норму» ничто и не думало входить — вопреки ожиданиям Витте. Наоборот, отмеченное «дозревание направлений» по-своему начинало сказываться и в бюрократической верхушке царизма.

Как раз в это время Ленин указывал уже на то, что «революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и сплачивает эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластье даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями».{297} В монет, когда писались эти слова (№ 24 «Искры» от 1 сентября 1902 г., по поводу записки Витте «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи»), к *«политическому* банкротству» присоединилось *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых», выяснилось «банкротство его *экономической* политики» и «его разложение подвинулось очень далеко».{298}

В условиях этого «разложения» достаточно было случайного повода, чтобы вскрылся раскол в самой верхушке аппарата царизма. Выстрел Балмашова 2 апреля 1902 г., устранив из нее Сипягина, покончил с тем кустарным подобием кабинета, какое фактически удалось сколотить Витте, избавившись от Горемыкина и Муравьева и заменив их послушными Сипягиным и Ламсдорфом. Еще в январе этого года, когда Николай приказал Безобразову ликвидировать дело о Восточно-азиатской компании, тот попробовал в последний раз поискать соглашения с Витте — и тут «вполне убедился» в совершенной невозможности какого-либо соглашения и «сильно пал духом» (писал он Николаю): «хотя я глубоко [197] ненавижу и презираю г. Витте и его систему, но должен как можно скорее уйти, чтобы не подвести тех, которые имели со мной дело, так как я — bête-noire Витте-Сипягинской группы». И объяснил, в чем тут гвоздь дела: «Никакая борьба» с Витте стала «невозможна» — «с назначением его председателем совещания по сельскому хозяйству» (18 января 1902 г.).{299}

Это была крупная победа буржуазной тенденции в недрах бюрократии, неудавшаяся, как рассказано выше, в 1898 г., а теперь достигнутая Витте посредством «бюрократической эквилибристики» — с помощью крепостника Сипягина. Проделано это было так, что все шло через Сипягина; якобы по его инициативе, и самая кандидатура Витте в председатели предложенного «совещания» («о нуждах сельскохозяйственной промышленности») выдвинута министром внутренних дел, а Витте только согласился на неожиданное предложение царя — хотя сам же и был истинным инициатором дела.

Но и себя не забыл Сипягин, и одновременно такая же бюрократическая «комиссия» была образована под его председательством для пересмотра крестьянского «положения: 19 февраля 1861 г.». Поставленный перед этим вторым, действительно, неожиданным для него фактом раздела единого вопроса по принципу: экономика — одному, политика — другому, Витте сразу же заявил царю, что 1) «сложение каких-либо казенных сборов» и «уменьшение бюджетных сил» — невозможно, 2) что поэтому он никакой «денежной помощи» сельскому хозяйству оказать не может, 3) что «понижение тарифных ставок» тоже невозможно, так как «это было бы похоже на то. если бы, имея *двух сыновей,* сечь одного, чтобы доставить удовольствие другому», 4) что единственное средство здесь — это «коренное изменение» положения крестьянства в области правовой и что именно для этого вопроса, повидимому, образована сипягинская «комиссия»: [198] так при чем же тут еще и его «совещание»? В результате «горячей» сцены между двумя «доселе друзьями» в. присутствии царя, оба «сына» (помещик и буржуа) сохранили свои председательские звания с тем, что виттевское «совещание» будет обсуждать любые вопросы «во всей полноте» и заключения по ним будут «представляться» царю, а тот уже будет давать им «дальнейшее направление».{300} И получилось нечто вроде пресловутой оговорки в договоре 26 марта 1902 г. об условности эвакуации: пока Сипягин на месте, Витте обведет его вокруг пальца и добьется своего. Как и там в Маньчжурии, пока он, Витте, будет вести торг с китайцами, эта оговорка не станет инструментом войны.

Но пока развертывалась работа «совещания» в Петербурге, а тем временем образовались и местные, губернские и уездные комитеты, и через них началась мобилизация вокруг столичного «совещания» либерально-буржуазных земских и городских элементов, Сипягин был убит, и на сцену явился Плеве. И вся бюрократическая затея Витте лопнула: на периферии под ударами административных воздействий и прямых преследований по линии министерства внутренних дел (и Витте подпал тут под обвинения в провокации), а в центре была вытеснена «комиссией», которая при Плеве и стала рабочим органом для разработки проекта нового положения о крестьянах. Этот проект вышел таким, что даже министр юстиции Муравьев, реакционная звезда не последней величины в романовской бюрократии, с ужасом говорил Куропаткину: «новый закон имеет в виду окончательно закрепостить крестьян, окончательно отделить их и уединить от всех прочих сословий, их хотят низринуть в бездну, у них будут свои власти, свой суд, свои законы... при отдаче проекта на суд общества поднялся бы крик негодования».{301}

Стоило теперь Плеве «соединиться» с «безобразовской шайкой», а это вытекало из всей предшествующей карьеры, [199] которую Плеве строил на служении интересам феодальной реакции, Николаю же в личных переговорах с Вильгельмом нащупать новую точку опоры своему «самообольстительному самовластию» в сфере восточной политики и дать ход безобразовщине, — как роковая для самодержавия трещина оказывалась налицо. И на месте закулисной «кучки авантюристов» у дипломатического руководства царизма вырастал открытый внутренний фронт.

Дело теперь было не только в том, что никакая сила не могла в условиях глубокой экономической депрессии и весьма сомнительного международно-политического положения на Дальнем Востоке наводнить Маньчжурию капиталами.{302} Относительно Персии, например, именно в эти кризисные годы не встретилось никаких затруднений к принятию на государственный бюджет основных частных предприятий.{303} Дело было не только и в том, что после случившегося в Маньчжурии афронта триумвирату приходилось делать приятную мину при плохой игре и утверждать, что ничего особенного не случилось и что он и дальше знает, как и без войны обойтись и Маньчжурию от «наплыва иностранцев» спасти.{304} А дело было и в том, что теперь обострилась борьба за власть, что, под натиском революции, классовые расслоения и перегруппировки, политически твердо оформившиеся только в огне 1905 года, превентивно получили здесь свое оформление в [200] бюрократическом мире. «Зубр» (крепостник-помещик) открыто вместе с царем восставал здесь, пробуя отдавать приказания и все меньше предъявляя резонов, а выразитель буржуазной тенденции — Витте открыто шел в блок с либералом-помещиком (который давал себя знать даже и в Куропаткине), цепляясь за власть, и, пятясь и изворачиваясь, пытался на этот раз предъявлять и резоны.

2. Третья попытка «сепаратного» соглашения с Китаем в апреле 1903 г.

Присматриваясь внимательно к последующим фактам предвоенного периода в новой международно-политической обстановке, видим, прежде всего, что «безобразовская шайка» берет в свои руки дипломатическое

руководство не раньше, как после отставки Витте. До его отставки (16 августа 1903 г.) они много шумят за *кулисами* и «обрабатывают» Николая через посредство Безобразова; царь «колет» им, как выразился Куропаткин, своих министров, контролирует и разведывает действительное положение того или иного вопроса, нащупывает «разномыслие» и «разнодействие» «ведомств»,{305} чем только все больше сколачивает блок «триумвиров», но всю дипломатическую кухню попрежнему оставляет в их руках. Все трое министров до последней минуты держатся заодно против Безобразова, а тот обвинял их всех троих одинаково в том, что они «по-своему обрабатывали правду» и фактически вели дело к тому, чтобы в случае войны «бросить всю южную Маньчжурию и занять позиции на севере, в таежных местах», и что, предлагая уступить Корею японцам, они на деле предоставляют Японии сделать из Кореи «обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России», чтобы «вытеснить нас со временем из Маньчжурии».{306} [201]

Далее видим, что на этой дипломатической кухне в после 26 марта 1902 г. не готовится нового и иного дипломатического блюда, чем то, какое варилось и переваривалось, на ней до тех пор. В самом деле в отношении Японии триумвират (и Витте особенно) твердо стал на мысли, что Маньчжурию она, Япония, должна считать для себя «безусловно и навсегда потерянною», но зато «можно было бы временно даже и совсем поступиться Кореею, если только Япония, предоставит нам за это соответствующие компенсации», — иными словами: «нам надо бросить мысль о захвате Кореи — и все тут».{307} В отношении англо-американского блока триумвират столь же твердо стоял на мысли, что эвакуация Маньчжурии может быть проведена не иначе, как с тем, чтобы Китай дал России дополнительные обязательства, «гарантии», что интересы русского капитала в Маньчжурии будут «ограждены», т. е. иностранный капитал, никак не связанный организационно с аппаратом самодержавия, в Маньчжурию допущен не будет. А иногда Витте даже опасался, что именно «в результате» кустарного орудования безобразовцев с тамошними концессиями Маньчжурия окажется «переданной в руки иностранцев».{308}

Мало того, мы уже видели, что как только сорвалось. дело с договором о концессионной привилегии Русско-Китайского банка в Маньчжурии, Витте распорядился о скупке всевозможных маньчжурских концессий и образовал для планомерной постановки этой операции особое Маньчжурское горнопромышленное товарищество. Но, побывав, наконец, в Маньчжурии, осенью 1902 г. Витте сам же и поднял вопрос о необходимости новой железнодорожной концессии на линию от ст. Куанченцзы к Гириню, потому что считал необходимым «предварительно вывода наших полевых войск» «занять» войсками пограничной стражи («охранная стража [202] КВжд») «все главные города Маньчжурии». А Гиринь был главнейшим центром с военным арсеналом и, если станцию в Гирине «расположить на возвышенности, господствующей над городом, и снабдить ее небольшой батареей, она явится грозной позицией, с которой может быть разгромлен весь город». Относительно же полосы отчуждения по КВжд Витте тогда же выступил с проектом ее заселения (только не иностранцами, «которые не должны быть допускаемы вовсе к приобретению оседлости в районе дороги») и даже

образования «целых солдатских поселков» из нижних чинов, увольняемых в запас. Немудрено, что во французском посольстве в Петербурге заговорили о «резкой перемене взглядов», происшедшей у Витте под впечатлением виденного им в Маньчжурии, о том, что, по его мнению, «эвакуация ее теперь невозможна» и, если она начата, «было бы полезно найти способы ее замедлить, чтобы свести ее на-нет».{309}

Эти установки триумвират выдерживал и во всех своих официальных выступлениях на дипломатической почве. Напомним несколько основных фактов, с которыми ему теперь приходилось иметь дело и которые никак не укладывались в рамки этих установок. Первый факт — это тревожные вести с места о том, что шанхайские иностранцы «имеют маньчжурские концессии, купленные ими у китайцев» и, «убежденные теперь, что Россия проиграла дело в Маньчжурии, весною <1902 г.> бросятся туда за получением новых концессий» и о том, что (весной же) японцы, англичане и американцы в Мукденской провинции приступили уже [203] «к подробным изысканиям при помощи опытных техников».{310} Второй факт — это, что Англия заключила (23 августа ст. ст. 1902 г.) такой торговый договор с Китаем, по которому в ближайшем будущем на Маньчжурию должна была распространиться компетенция ведомства китайских морских таможен, находившегося в руках англичан, и, значит, предстояло появление в Маньчжурии английских чиновников для службы в связи с делами туземных таможен.{311} Третий факт — Япония не обнаруживала готовности (там прекрасно понимали, как и в Петербурге, что временно) разменяться с Россией ролями в Маньчжурии и в Корее, а предложила (в июле 1902 г.) признать за Россией только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии, а себе за это требовала полной «свободы действий» в Корее, с отказом России от какого бы то ни было вмешательства в корейские дела и без аналогичного отказа Японии относительно Маньчжурии.{312} Четвертый факт, — что «какое-либо соглашение с Японией невозможно теперь без полного ведома и одобрения и даже без более или менее прямого участия Англии». И, наконец, пятое обстоятельство заключалось в том, что с самого начала 1902 г. между Лондоном и Парижем открылись, по инициативе англичан, переговоры о соглашении по всем колониальным вопросам. В перспективе это ставило перед Россией вопрос (если и дальше держаться французского союза) о необходимости переходить в английский фарватер. Но именно об этом вопросе, насколько можно судить по известным нам до сих пор документам, Витте и речи не поднимал ни в частных разговорах, ни в письмах, ни в совещаниях, ни в докладах [204] — нигде, ни даже в своих «Воспоминаниях», много лет спустя.{313}

А теперь обратимся к дипломатии триумвирата. В январе 1903 г., после того как эвакуация южной Маньчжурии к западу от р. Ляо благополучно была проведена в обусловленный договором срок (осенью 1902 г.), триумвират приступил к обсуждению вопроса об исполнении второго срока эвакуации Мукденской и всей Гириньской провинций, истекавшего 26 марта 1903 г. Триумвират единогласно остановился на следующем решении: 1) ввиду (как выразился Витте) «чрезмерной притязательности» июльского предложения Японии, — «воздержаться пока» от переговоров (формулировал Ламсдорф),

«дабы не подать японцам повода предполагать о нашем настоятельном желании притти с ними к соглашению» и, «ожидать от токийского правительства почина в возобновлении переговоров»; 2) предъявить Китаю требование о «гарантиях» нерушимости русских интересов и, в случае согласия дать требуемые гарантии — ограничиться очищением к сроку только Мукденской провинции, летом 1903 г. очистить только южную часть Гириньской провинции, а затем «выждать результатов очищения юга» и условием окончательной эвакуации северной Маньчжурии поставить согласие Китая на сохранение по линии КВжд и по рр. Амуру и Сунгари «известного количества» «регулярных войск» (сверх «охранной стражи»).{314}

Что значило это решение? Сопоставление обоих его пунктов (японского и китайского) вскрывает основной его смысл. Это была программа, рассчитанная на оттяжку времени до полной готовности достраивающейся железной дороги. Здесь сама «мирная» дипломатия Витте ступала на «путь промедлений, остающихся по большей части необъяснимыми», на чем и играла потом японская дипломатия в своей [205] последней ноте 23 января 1904 г. Что это так, подтверждается тем, что дальше мы не видам никаких попыток заблаговременно приступить к переговорам с Китаем в смысле принятого решения, чтобы, в случае удачи, начать эвакуацию второй очереди в договорный срок — 26 марта 1903 г. Наоборот, соответствующая нота о гарантиях была предъявлена в Пекине 5 апреля 1903 г.{315}

Попытка безобразовцев протащить через Николая в ноту о гарантиях и требование о предоставлении им лесной концессии на маньчжурском берегу р. Ялу, чего до сего времени так и не добился Матюнин, не увенчалась успехом. В ноту вошли лишь те требования, на которых согласовались Витте о Ламсдорфом. Из 7 пунктов этой замечательной ноты 5 апреля 1903 г. первые три были вполне достаточны, чтобы взорвать пекинские переговоры в ту же минуту. Вот эти три пункта: 1) *о неотчуждении* территорий в эвакуируемых местностях «под каким бы то ни было видом — уступки, аренды, концессии и проч.»; 2) *о неоткрытии* для иностранной торговли новых пунктов в Маньчжурии и недопущении в них иностранных консулов — без согласия на то России; 3) *о недопущении* иностранцев в администрацию Маньчжурии. Не стоило бы, пожалуй, и упоминать рядом с этими тремя об остальных четырех пунктах, среди которых фигурировало требование чисто банковское — о сохранении за Русско-Китайским банком в Нючжуане (главном торговом и уже «открытом порте» южной Маньчжурии в районе англо-китайских железных дорог, через который тогда шла вся американская и английская торговля с Маньчжурией) [206] *монополии* на хранение доходов морской таможни.{316}

Ясно, что «если когда-либо был благоприятный момент для Японии добиться удаления России из Маньчжурии, то он представился именно теперь, когда Россия намеревается итти против торговых и иных интересов *всех* заинтересованных держав» (как гласило донесение в Петербург из «верного источника» о разговорах, пошедших в японском посольстве в Вашингтоне по поводу русской ноты).{317} В самом деле. Пункт первый ноты просто метлой выметал из Маньчжурии всех иностранных концессионеров всех мастей и калибров. Пункт второй означал вторжение русской дипломатии в начатые Америкой с Китаем переговоры о торговом договоре, по которому

«открывались» для иностранной торговли Мукден и Дагушан и проект которого США заранее «дружески» сообщили в Петербурге.{318} Пункт третий был направлен против англичан, сводя на-нет упомянутый выше англо-китайский договор 1902 г. в части его, касавшейся объединения маньчжурских таможен с общекитайским ведомством морских таможен и командирования в Маньчжурию агентов этого фактически английского учреждения.

И на этот раз все кончилось (как в 1901 и в 1902 г.), как по-писанному. Англия, США и Япония тотчас же согласились между собой не предпринимать ничего, не предупредив друг друга, протестовали в Петербурге против нарушения «трактатных» прав, а Китаю предложили поддержку относительно «каких бы то ни было условий, не оправдываемых маньчжурской конвенцией» (26 марта 1902 г.), и [207] посоветовали не принимать вообще никаких условий, — что китайское правительство и сделало, заявив, что оно будет обсуждать «любые вопросы о Маньчжурии» — лишь «по эвакуации».{319}

Разница тут была только, пожалуй, в том, что на этот раз Ламсдорфа поймали просто с поличным. Ламсдорф в Петербурге в беседе с американским послом успокаивал того, что приписываемое России требование «с первого же взгляда кажется смешным» и что «Россия более всего стремится привлечь американский капитал и торговлю», между тем как русский поверенный в делах в Пекине (Плансон) «признался сам в разговоре с двумя коллегами», что добытый американцами текст русской ноты «был действительно им передан китайским министрам».{320} То, что писало заграничное «Освобождение» по поводу последней перед войной русской ответной ноты (.19 января 1904 г.): «допустим, что ответ будет содержать уступки по всем пунктам... никто русскому царю больше не поверит... официальная Россия изолгалась» — с равным успехом можно было сказать уже и теперь, ибо это был третий раз, что дипломатию Витте — Ламсдорфа ловили в Маньчжурии на попытке закрыть туда дверь незаметно. Только первые два раза (весной и осенью 1901 г.) это делали при помощи только китайцев и не изобличали, — а на этот раз сделали это и с русской помощью и с надлежащим изобличением.

И война опять постучалась в окно. «Все японские газеты в течение нескольких дней помещали возбужденные статьи, возвещая войну в ближайшее время. Телеграммы из Китая и рейтеровские страстно комментировались английскими газетами в Токио и еще больше возбуждали умы. Военный министр созвал в Токио всех генералов, командующих дивизий, [208] даже с Формозы. Совет министров собирался неоднократно; необычно заездили садовники на аудиенции к микадо», и английский посол считал положение в Токио «очень серьезным».{321} Или вот, что, например, было сообщено в эти дни к личному сведению Витте его агентом в Японии о «плане бар. Комура, одобренном микадо»: 1) «узнать волю британского правительства и степень его готовности помочь Японии в случае разрыва с Россией», 2) в случае удовлетворительного ответа, предложить России и Китаю ограничить численность железнодорожной охраны на КВжд, открыть «более важные пункты Маньчжурии одинаково для всех иностранцев и гарантировать свободное проживание японских подданных» там, и 3) в случае неудовлетворительного ответа России, «решиться на крайнее средство — считать Маньчжурию восстановленной в ее прежнем положении, отправить

туда японских инженеров, а в случае посягательства на их жизнь или свободу действий снарядить туда военный отряд».{322} План этот не был приведен в исполнение, но интересно в нем то, что Комура, намеренно ведя дело к войне и желая исключить возможность половинчатого компромисса, метил тут в «охранную стражу» КВжд, ограничение которой оставило бы Витте совсем безоружным во внутренней борьбе, которую вел он за удаление русских *регулярных* войск.

Комура, очевидно, не знал, что Витте незадолго до того, спустя семь дней после незадачливой ноты 5 апреля, дал уже Куропаткину 13 апреля свое согласие на учреждение военных постов по линии КВжд и по рр. Амуру и Сунгари — в случае окончательного отказа Китая предоставить России требуемые гарантии. Это была уступка, которой практически Витте, наконец, признавал поражение своей «мирной» политики и готов был открыто нарушить свой договор 26 марта 1902 г. об эвакуации, а отсюда недалеко оказалось [209] и до «захвата», который он дал согласие Куропаткину произвести в северной Маньчжурии в ноябре 1903 г. уже после своей отставки, мечтая вернуться на свой прежний финансовый пост.{323}

3. «Новый курс» в политике царизма (май — июль 1903 г.)

Описанное третье поражение царской дипломатии в борьбе за «укрепление полного влияния» России в Маньчжурии, произойди оно в условиях буржуазного парламентского строя, вызвало бы не только резкие запросы в палате, но грозило бы, вероятно, и «кризисом» кабинета. Нечто отдаленно подобное случилось теперь и в условиях «азиатского» режима царизма.

7 мая 1903 г. Николай созвал своих министров на совещание, где они впервые встретились с Безобразовым уже не в качестве «внештатного советника», а в качестве «статс-секретаря» «вне ведомств» (каковым он назначен был 2 мая). Это была фантастическая должность с функциями, до самого конца так и оставшимися неопределенными. Но все ж таки должность, — и в этом было первое торжество «нового курса». В чем состоял этот «новый курс», было разъяснено министрам тут же на совещании 7 мая. Им было разъяснено, во-первых, что сам по себе договор 26 марта 1902 г. означает «открытые двери» в Маньчжурию (это они и сами знали и только что потерпели фиаско, попытавшись их закрыть), а при открытых дверях иностранцы «скоро убьют те зародыши русской торговли: и промышленности, которые появились в Маньчжурии», «железная дорога и Русско-Китайский банк будут служить иностранным интересам, а деятельность их будет ограничена конкуренцией Шаньхайгуаньской железной дороги, уже находящейся в руках англичан, и отделений иностранных банков, которые, вероятно, будут открыты [210] в Нючжуане и в Дальнем». Министрам было разъяснено, во-вторых, что если не отказываться от решения «не допустить проникновения в Маньчжурию иностранного влияния в каком бы то ни было виде» и если не отказываться «точно исполнить договор 26 марта», тогда необходимо «в минимальный срок и, не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами, дав очевидное для

всех доказательство решимости отстоять наше право на исключительное влияние в Маньчжурии».{324}

Логически вопрос, таким образом, ставился совсем ясно и четко: или продолжение империалистической политики защиты интересов русского капитала, и тогда соответственная боевая готовность, или отказ от поднятия боевой готовности, и тогда соответственный отказ от прежней политики. Совсем, как в упомянутой выше берлинской брошюре.

Николаю, очевидно, казалось, что его министры не хотели ни понять этой альтернативы, ни сделать так, чтобы обогнать Японию по всем военным статьям до того, как она решится напасть. Но российский военно-феодальный империализм располагал пока на Дальнем Востоке 100-тысячной армией, разбросанной на огромном расстоянии (против быстро мобилизуемой 300-тысячной японской), значительно слабейшим флотом (114 тыс. тонн водоизмещения и 8500 чел. команды против 200 тыс. тонн и 15 тыс. чел. у японцев), при незаконченной железной дороге, на окончание которой требовалось не менее года работ, и недостроенном военном порте в Артуре. И министры сейчас тут ничего переменить не могли. *Формально*, словесно в «новом курсе» не было еще ни завоевательной войны, ни захвата, ни даже отказа от эвакуации. *Практически* — это была война, которую [211] начнут японцы при малейшей попытке ускорения темпов боевой подготовки в России, как предсказывал Ламсдорф еще в 1901 г.{325} Но никто из триумвиров и на этот раз не заикнулся отказаться от основного пункта программы — от политики закрытой двери в Маньчжурию.

Нечего и говорить, что Николай, точно так, как и Витте, не понимал, что японский милитаризм одною Кореей не удовлетворится. Теперь точно известно, что в июне 1903 г. он вполне примкнул к точке зрения Витте в корейском вопросе и согласился на то, чтобы уступить Корею японцам, и далее выражал потом удивление, отчего Розен в Токио не ведет соответствующих переговоров. Вопрос, конечно же, был в маньчжурской политике России — даром, что японскому правительству удалось втереть очки побывавшим в Японии в том же июне 1903 г. Куропаткину и генералу Вогаку, «что мы можем не опасаться столкновения с Японией относительно маньчжурских дел» и «что за Маньчжурию Япония воевать не будет».{326} [212]

Нигде и никогда так ясно, детально и круто не был поставлен перед петербургской дипломатией этот вопрос, как и июньских депешах пекинского посланника Лессара и токийского Розена: как быть дальше с иностранцами в Маньчжурии? Лессар считал «безусловно нежелательным» ввоз иностранных товаров в Маньчжурию: но для этого, нужно было включить ее в русскую таможенную черту, что равно сильно ее присоединению, а это неосуществимо без войны. Зато вложение иностранного капитала в маньчжурскую промышленность Лессар считал желательным «даже в случае ее присоединения» и боялся только, что к тому... «явится очень мало желающих». Но на практике «промышленная деятельность» иностранцев особенно японцев в Маньчжурии «будет неизбежно принимать политическую окраску» и будет направлена против России. И Лессар возвращался бессильно к старой программе: «не открывать в Маньчжурии новых пунктов; иностранной торговли, не разрешать устройства сеттльментов <иностранных поселений на

правах экстерриториальности> и урегулировать вопрос о промышленных концессиях согласно нашим интересам». Иными словами: все та же программа с закрытой дверью. Совсем иначе и круто повернул вопрос Розен. Он прямо предложил взять Маньчжурию «под наш протекторат», одновременно «заявить» державам, «что во всю Маньчжурию мы открываем такой же свободный доступ иностранным торговле и капиталам, какими они пользуются в коренных областях России», и обязаться ввести там тариф «ниже китайского».{327} Это было, действительно, сильно: иностранному капиталу предлагать русского городового — по более дешевой, чем в Китае, цене. [213]

Иными словами: «военно-феодальный империализм» — с открытой дверью на условиях общероссийского таможенного покровительства для иностранного капитала, т. е. прямой «захват».

Как отнесся к этим предложениям Витте? Розеновское предложение, конечно, показалось ему весьма «односторонним» и «довольно рискованным», а соображения Лессара «в общем» он «разделил», и в эти же июньские дни высказывал «меднолобому» Абазе, ставшему теперь докладчиком при Николае, что «в общем лучше допустить иностранные капиталы, чем иностранные товары» и что «в Маньчжурии лучше порта закрыть».{328} Значило ли это, что он наполовину готов был отказаться от своей прежней политики? Нет, не значило. Да он и не видел в этом нужды. 27 июня 1903 г., он продолжал попрежнему настаивать перед Николаем: «поставить Китаю для Маньчжурии ряд ограничений в военном отношении, а равно ограниченные условия допущения представителей иностранных держав, потребовать для России серьезного влияния на таможенную систему и обусловить преимущественное право русских подданных на железнодорожные и другие предприятия в этой стране». Но удивительнее другое: Витте, вопреки очевидности, утверждая тут же, что такая программа «едва ли может привести к затруднениям с китайским правительством, которое, по всей вероятности, без особых пререканий будет согласно принять на себя эти обязательства» и что «вместе с тем это не может вызвать серьезных осложнений и с другими иностранными державами». Эта программа излагалась в докладе, как противовес идее «захвата» Маньчжурии.{329}

Не менее безмятежно все еще настроены были и в министерстве иностранных дел. Объяснившись с американцами и дезавуировав своего пекинского агента, разболтавшего содержание апрельской ноты о гарантиях, Ламсдорф и в [214] мыслях не имел менять курс. «В том что касается Маньчжурии, русская политика остается неизменной: Россия не думает отказываться от господства в этой китайской провинции, наоборот, она решила основать его на непоколебимой базе» — писал 17 июня 1903 г. французский посол. «На этом пути русское правительство очень стеснено усвоенной им фикцией уважения неприкосновенности Китая, из которой вытекает необходимость соблюдения в Маньчжурии заключенных с другими державами договоров, и обязательством произвести военную ее эвакуацию. Русская иммиграция в Маньчжурии встречается с иммиграцией японской; первая, поглощаемая Сибирью, перекрывается второй, а китайские договоры, стесняющие покровительствовать одной и препятствовать другой, отнимают у русских властей средство административными мерами изменить условия

этой неравной борьбы. С военной эвакуацией дело стоит легче... Армия, подчиненная военному министерству, заменена армией железнодорожной охраны в ведении министерства финансов. Эвакуируемые войска... концентрируются на Квантуне, куда из Харькова в настоящий момент посылается новая дивизия...». Бомпару внушали, что отношения с Японией входят в норму, и что «разделяет» Россию и Японию не Маньчжурия, а Корея. Но и там русское правительство не ставит никаких препятствий японским предприятиям и довольствуется «формулой, пустоту которой оно знает лучше, чем кто-либо: Корея экономическая — Японии. Корея стратегическая — России...». «Истина в том, — заключал француз, — что Россия признала необходимость ограничить сейчас свою деятельность на Дальнем Востоке, что она хочет сначала переварить Маньчжурию, а в Корее она требует от Японии сейчас не занимать ее войсками. Надеются добиться этого от Японии добром; и в. этом задача миссий Розена и Куропаткина в Токио, и здесь удовлетворены их результатом».{330} [215]

Как видим, на исходе уже и июнь, а Витте все еще на месте и, как будто ни в чем не бывало, продолжает тянуть старую песню. Это тем более странно, что на совещании 7 мая ни он, ни Ламсдорф практически не приняли нового курса. Витте относительно «увеличения боевых сил» на Востоке твердо заявил, что «новые ассигнования на этот предмет со стороны гос. казначейства нанесут тяжкие удары экономическому положению русского народа»; Ламсдорф тоже отрицал для России «материальную возможность не отступать более ни на шаг из запятых областей», утешая, что «время — единственный союзник и верный помощник России, лишь бы она не проявляла нетерпения».{331}

Как говорил про Николая Безобразов, у него «была своя метода действовать», метода «последовательной постепенности», при которой «остается в меде много дегтя, и дело пакостится».{332} Здесь он разумел именно то, что, проявив сам спешность в принятии нового курса, Николай ограничился полумерами, которые практически вопроса не двигали, а всех решительно сбивали с толку. Алексееву, командующему в Порт-Артуре, телеграфом сообщили о новом курсе: и предупредили, [216] чтобы он готовился к «объединению деятельности всех ведомств» на Дальнем Востоке — но в чем была эта подготовка, тот так в толк взять и не мог. И до самого учреждения наместничества (30 июля ст. ст. 1903 г.) не знал, как «построиться» в отношении «нового курса».{333} Витте узнал теперь, что «общие основания экономической политики на Дальнем Востоке» будут обсуждены, без его участия, между Безобразовым и Алексеевым — и было понятно, что это что-то вроде начала его конца.{334} Ламсдорф подвергся истязующему визиту Безобразова, который втолковывал ему, что министры теперь не министры, а «только сознательные секретари» «под руководительством государя» (как это было понять?), и довел Ламсдорфа до того, что тот стал извиняться недостаточной осведомленностью, а если бы все знал, то иначе бы де и поступал.{335} Куропаткин — тот просто отправлен был на полтора месяца с визитом в Японию еще до провозглашения «нового курса», в апреле, и затем по телеграфу из Петербурга лишен был свободы вернуться в им самим намеченный срок. Вдогонку ему был послан в качестве «шпиона и няньки» безобразовец генерал Вогак с разъяснением «нового курса», а в Петербурге за

его спиною решена было приступить к увеличению постоянного порт-артурского гарнизона на 1 дивизию.{336} Сам Безобразов разъезжал по штабам и министерствам, брал справки, без умолку болтал и похвалялся, что теперь все пойдет иначе, — и в результате весь петербургский бюрократический мирок кишел сплетнями и пересудами на тему о «заговоре», затеянном «Николаем Александровичем» с безобразовцами против «царя» с [217] министрами. Что все это не просто минутный каприз, а серьезное дело, которое собираются довести до какого-то конца, — за это говорило участие в нем самого Плеве, у которого в министерстве для «Дальнего Востока» спешно разрабатывались какие-то уставы и положения.{337} Иностранный дипломатический мир становился свидетелем явственного расстройства в самом центре аппарата царизма, что удесятеряло трудности его международного положения.

В свое время, в 1889 г., Александр III потешил себя нашумевшим на всю Европу политическим тостом «за здоровье единственного моего друга в Европе» (Николая Черногорского), срывая досаду на неудачи своей балканской политики, — и Вышнеградский рвал на себе волосы, говоря, что он дал бы не задумываясь 10 млн рублей, чтобы этого тоста не было, так как это сорвало ему заграничный заем.{338} Теперь никакими миллионами нельзя было оплатить тот мировой политический срам, который приняло самодержавие за устроенный плевинской полицией еврейский погром в Кишиневе в апреле 1903 г. «Правительство, которое держится погромами», — стало распространенной кличкой для царского правительства в доброй половине западноевропейской и американской печати на весь период до войны и в течение войны. Зубатовщина, которая могла бы остаться «домашним» делом царизма, принимала характер отчасти международного события, поскольку задевала иностранных капиталистов в Москве. Ничего, кроме удовлетворения, не могло доставить европейскому буржуа и небывалое по размерам, по политической насыщенности и всеобщности стачечное движение, как по зажигательной нитке охватившее по [218] железнодорожным линиям сплошь весь русский юг с первых чисел июля 1903 г.: доигрались!.. Состояние тихой, но непрерывной войны правительства с помещичьим земством и рост либерально-буржуазного движения с его постоянным органом штуттгардтским «Освобождением», как раз в вопросе о маньчжурской политике царизма занявшим резко отрицательную позицию, и, наконец, оформление и самого «Союза освобождения» к июлю того же 1903 г. — все это не могло не учитываться в международных кругах, как симптом серьезного политического «кризиса» и ослабления царизма.

Именно в это время, например, вышла книга упомянутого выше главы «Черного океана» Уциды Риохея под заголовком: «Гибель России». Именно в это же время лондонская «Таймс» «объявила России войну, очень искусную и коварную, но беспощадную»: «она состояла в том, чтобы ежедневно печатать телеграммы со всей России с сообщениями о беспорядках, забастовках, мятежах, еврейских погромах, участии полиции и администрации во всяких злоупотреблениях и т. п.» А что самодержавие при таких условиях «вынуждено будет сделать диверсию за границу, чтобы отвлечь внимание от тяжелого внутреннего положения», об этом с тревогой начинали поговаривать и в дружественных России биржевых парижских кругах тоже летом 1903 г.{339}

Этот момент и сочли, наконец, в Англии подходящим для выступления. 11 июля нов. ст. в парламенте, отвечая на очередной вопрос, лорд Кренборн заявил, что «русское правительство прекрасно знает, что мы были бы чрезвычайно рады достигнуть соглашения», но что «необходимо прежде всего, чтобы со стороны русского правительства была готовность к этому», а затем «требовалось с нашей стороны отчетливое представление о том, чего именно добивается русское [219] правительство»: но именно этого-то в Англии и «были совершенно не в состоянии понять». И Кренборн далее не без сарказма заметил: что «пришлось усомниться в том, чтобы русское правительство представляло собою настолько однородную величину, насколько это возможно было бы a priori предполагать для деспотического государства, напротив того, в русском правительстве оказалось по меньшей мере две партии, с которыми приходилось иметь дело».{340} Так официально и во всеуслышание оценено было на весь свет то, что сделал Николай в мае.

Но здесь же было и прощупывание «нового курса» с другой, европейской его стороны. Дальневосточная ориентация его, как догадывается читатель, была теснейшим образом связана с установками ревельского свидания двух императоров. «Новый курс» учитывая, что *«главным конкурентом* Англии в деле колониальной политики является Германия», которая «должна проявлять одинаковую мощь как на суше, так и на море», и что «политическая комбинация тройственного союза, вследствие противопоставления ей двойственного союза, не могла помочь Германии выйти из этого трудного положения», — видел выход для «континентальной Европы» и ее «экономическое благополучие» в «общем политическом соглашении европейских континентальных государств между собою, в тех видах, чтобы, уменьшив расходы по сухопутным вооружениям, обратить их на вооружения морские». «Если бы двойственному союзу удалось войти в соглашение с тройственным об уменьшении количества войск вдоль сухопутных границ, то Россия, не заботясь об усилении флота, могла бы выполнить свое обязательство, переведя соответствующее количество войск с нашей западной границы на Дальний Восток. Такое континентальное политическое соглашение представило бы следующие выгоды России и Германии. Россия могла бы: 1) создать на Дальнем Востоке колониальную армию, не увеличивая [220] имперских расходов на вооружение (так отпадало бы основное препятствие, которое выставлял Витте, — *Б. Р.*); 2) иметь все экономические выгоды от большей обеспеченности там наших интересов (так отпадала бы перспектива опоздать российскому относительно слабому капиталу к экономическому разделу Китая в результате политики медлительного терпения, рекомендуемой Ламсдорфом, — Б. Р.); 3) действовать на Востоке по соглашению с западными нашими соседями (так возродилась бы комбинация 1895 г. в отношении к Японии, — *Б. Р.*); 4) самостоятельно создать благодаря этому выгодные и серьезные соглашения с восточными народами (т. е. отдать их на милость «мирного», бескровного победителя — российского империализма, — *Б. Р.).* Германия могла бы: 1) свести до минимума риск всех европейских политических недоразумений (с Францией из-за Эльзас-Лотарингии и с Россией в Турции и на Балканах, — *Б. Р.*); 2) усилиться на море военным флотом, что дало бы ей возможность обеспечить свой торговый флот

и сообщения с колониями; 3) избавиться от тревожной перспективы постоянного возрастания военного бюджета, что очень важно для соображения внутренней политики, в особенности ввиду социалистического движения; 4) обеспечить своей обрабатывающей промышленности сбыт товаров в настоящем и развитие его в будущем». Цитируемая здесь записка Безобразова кончалась ревельской формулой: *«Россия и Германия, как главари двух союзов...* найдут в этой политической комбинации и все данные для привлечения к ней и своих союзников». И дипломатический метод предлагался ревельский же — начаться дело может «только» личным соглашением двух монархов, причем, ввиду того, что здесь затрагиваются жгучие интересы Англии, «сохранение полной тайны... есть conditio sine qua non успеха».{341}

Это был один из двух вариантов на пути к решению основной [221] задачи империалистической политики России, заключавшейся в том, чтобы использовать в своих интересах англо-германские противоречия, неуклонное созревание которых ясно обозначилось в начале XX столетия, как основной фактор мировой империалистической конъюнктуры. Когда, в первую мировую войну (1914 и следующих гг.), у царизма явилась необходимость решать эту задачу практически, он был уже в тесном союзе с англо-французской антантой. Но и тогда, в 1916 г., Ленин, выдвигая на «первое место» в мировой войне *«два* столкновения. Первое — между Англией и Германией, второе — между Германией и Россией», как столкновения, которые «подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий,* предшествовавших войне». — подчеркивал, что «на-ряду с столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее — если не более — глубокое столкновение между Россией и Англией».{342} Тем более — накануне русско-японской войны. В 1903 г. сама Антанта была еще впереди, и царизм был еще совсем на распутье.

В частности, Франция далеко еще не завершила финансового его сплетения, наталкиваясь не раз на обескураживавшие ее политиков проявления самостоятельности — в первую очередь со стороны Витте. «Витте никогда не отзывался о Франции благожелательно; он принадлежал к числу тех, — писал французский посол по поводу его отставки в августе 1903 г., — кто проповедывал, что наши религиозные разногласия и двухгодичная военная служба очень уменьшали цену нашего союза; он осуждал Николая за то, что он слишком нам предан, утверждая, что, если Александр III допустил нас в свои союзники, он по крайней мере не стал вассалом (inféodé) Франции и сумел сохранить за собой полную свободу действий. Витте, открыто усвоивший себе подобную фразеологию, больше чем кто-либо другой использовал французский союз; только благодаря этому последнему [222] и благодаря 7 миллиардам франков, которые доставил ему союз по столь дешевой цене, он мог возродить русские финансы, дать рублю значение международной монеты, покрыть империю громадной сетью железных дорог, простирающейся до Тихого океана и подарить ей могущественную металло-промышленность; но так как мы ему давали, не считая, он не был нам благодарен; он черпал из французских сбережений, как из собственной кассы. Когда накануне его падения, я предупредил его, сообразно с инструкциями, что правительство согласно связать допуск к котировке всего 4% внутреннего займа с

заключением франко-русского торгового договора, он выслушал меня с некоторым удивлением с большой примесью скептицизма. Несомненно он вспомнил, что еще вчера он занял 173 млн франков на парижском рынке без согласия французского правительства, даже просто не предупредив его». «Нам нечего поэтому сожалеть об уходе Витте», — заключал Бомпар.{343}

Но сожалеть об уходе Витте теперь едва ли следовали еще и потому, что в нем французская дипломатия не нашла бы опоры в деле англо-русского сближения, которое полегоньку повела она после июньской поездки Делькассэ (вместе с президентом Республики) в Лондон для решительного продвижения широкого англо-французского соглашения. В Лондоне был затронут вопрос о русско-английском соглашении. По инициативе Делькассэ вопрос этот ставился в широком плане и на очень дальний прицел. Задача на первых порах сводилась к тому, чтобы убедить русского союзника, что предстоящее англо-французское соглашение не повредит франко-русскому союзу, как не повредила ему англорусская конвенция 1899 г. о Китае, когда англо-французский антагонизм был еще налицо. На деле оказалось, что Ламсдорф, получив сообщение о лондонской беседе Делькассэ с Бенкендорфом (русским послом) на тему о возможности соглашения, [223] лишь бы Россия сняла свою «оппозицию Англии в долине Янцзы», дал какие-то инструкции Бенкендорфу «заговорить» в Лондоне с помощью французов. Сам Камбон, французский посол, с которым после того Лэнсдоун не раз говорил о желании «говорить с русскими, как он говорит с французами», скептически отнесся к готовности Ламсдорфа действительно заключить соглашение и предположил. что тот просто хочет найти способ умерить антирусскую кампанию в английской печати: речь шла бы не об «entente», а только о «détente» (ослаблении напряженности). Но для Парижа и этого пока было достаточно: была бы «détente», и «этого было бы уже много», «а затем не невозможно притти и к «entente». Лучше Камбона осведомленный в петербургских настроениях, Бомпар тоже не верил в серьезность сделанного Ламсдорфом шага и полагал, что Бенкендорф «особенно пригоден вести с сентджемским кабинетом совершенно добросовестно показные переговоры, с целью никогда не притти к определенному решению». Бомпар прямо указывал, как на главное яблоко раздора, на Персию, где русское влияние явственно вытесняет Англию и где Россия стремится к порту в Индийском океане, — все остальное, в том числе и Маньчжурию, он склонен был рассматривать, как «диверсию» обоих империализмов, и не видел в России никакого желания итти на разграничение «сфер влияния» в Персии. Максимум, чего можно ждать от России, что она «могла принять систему сфер влияния в Китае, т. е. уступить Англии Янцзы», — «чтобы получить всяческую поддержку Англии в Маньчжурии и Корее».{344} [224]

Не так уже удивительно, что, в ответ на вызывающее по отношению к царизму выступление Кренборна (11 июля), 16 июля 1903 г., русский посол, заговорив с Лэнсдоуном о «возможности более полного соглашения по китайским делам», предложил только какие-то уступки с русской стороны в долине Янцзы. Это, как видим, шло из Парижа от Делькассэ. Но в Лондоне Лэнсдоун. конечно, указал Бенкендорфу на Маньчжурию, и дело заглохло.{345}

Глубокое, традиционное недоверие к английской политике поддерживалось в данный момент и тем, что после разговора Бенкендорфа,

Лэнсдоун сам не проявил никакой инициативы в том же направлении. В отношении же сделанной тем временем Ламсдорфом 29 июня — 11 июля декларации (одновременно в Вашингтоне, Токио и Лондоне) о том, что «каковы бы ни были результаты переговоров, которые ведутся между Россией и Китаем», Россия «не имеет намерения противиться постепенному, по мере развития торговых сношений, открытию Китаем для иностранной торговли некоторых [225] городов в Маньчжурии, однако без права учреждать сеттльменты», — Лэнсдоун занял «положение наблюдающее и критикующее», пока Англии не будут сообщены заранее все условия, предлагаемые Китаю.{346}

Так) как подобные вялые дипломатические ходы предпринимались под аккомпанемент непрестанных подстрекательств английской печати в Лондоне и в Токио, и раз даже была пущена телеграмма, что Англия выступит вооруженно на стороне Японии, то «двойственность (dualité) такой позиции Англии принималась в Петербурге, как попросту «двуличие чистой воды» (pureduplicité).{347} И единственно прямо указанное требование Англии, чтобы в Ню-чжуане таможенные сборы перестали поступать на началах монополии в Русско-Китайский банк, осталось неисполненным русской стороной (под тем предлогом, что де должны же они куда-нибудь поступать).

4. Японское предложение переговоров (28 июля 1903 г.) и торжество безобразовщины

Навстречу «новому курсу» царя выступила одновременно с Англией и Япония.

Когда 15/28 июля 1903 г. Курино передал Ламсдорфу «вербальную ноту» с предложением «войти в рассмотрение положения дел на Дальнем Востоке, где встречаются их, России и Японии, интересы» (дело, значит, сразу же шло не о Корее одной), выступление это было до точки согласовало с британским кабинетом. Еще 20 июня/3 июля Гаяси обратился к Лэнсдоуну с сообщением, что «следя с пристальным вниманием за развитием дел в Маньчжурии», японское правительство решило отказаться от «позиции бдительной сдержанности», так как «последнее выступление (т. е. апрельское 1903 г., — *Б. Р.*) России с требованием от Китая [226] новых условий, консолидирующих ее власть в Маньчжурии» «заставляет его думать, что Россия оставила намерение... уйти из Маньчжурии», что «неограниченная постоянная оккупация Маньчжурии Россией создает положение, чрезвычайно пагубное для интересов, защита которых являлась целью при заключении англо-японского союза», и что «пришло время изменить политику».{348}

Изложив условия соглашения с Россией. Гаяси указал, что их отклонение поведет к ответственности России за результаты, каковы бы они ни были. Лэнсдоун, конечно, полюбопытствовал, «какие шаги Япония предпримет, если Россия не обратит внимания на ее представления». Гаяси ответил незнанием. Лэнсдоун указал тогда на «крайнюю важность» соглашения с США относительно их действий в этом вопросе. Гаяси на это промолчал, а затем предложил английскому правительству «полный и свободный обмен взглядов относительно общих интересов обеих держав» и с своей стороны спросил о шагах, какие предполагает предпринять Англия для защиты своих интересов.

На последнее, в свою очередь, не ответил Лэнсдоун. Он обещал передать вопрос на обсуждение британского кабинета.

Пребывание в Лондоне Делькассэ с президентом Французской республики, ведших в эти дни переговоры о заключении англо-французской «entente», несколько задержало английский ответ на японское предложение, и обмен меморандумов по японскому предложению последовал по всей форме 13 и 16 июля нов. ст. Британский кабинет одобрил японские условия с тем, что «японское правительство будет держать английское правительство полностью в курсе переговоров с Россией», чтобы переговоры шли в полном согласии с англо-японским союзным договором. Япония с своей стороны потребовала «строгой секретности» переговоров и отвергла какое-либо участие США, а японский министр иностранных дел Комура, кроме того, подчеркнул еще, что жёлает [227] вести переговоры «непосредственно с Россией» и что *«всякая отсрочка в этом деле будет только провоцировать войну»* («они хотят действовать одни и, так как их интересы более животрепещущи, чем наши, и так как они подготовлены итти дальше, я думаю, что они правы», — добавлял от себя Макдональд, английский посол в Токио).{349}

Даже из этих скупых дипломатических формулировок видно, что дело предпринималось в расчете развязать войну из-за темпов дипломатических переговоров. Да Комура и сам признавался, что «лично он не думает, чтобы русские имели в виду вести переговоры», а Макдональд считал, что «твердость в ведении дела с Россией скорее привела бы к мирному соглашению, чем политика чрезмерного соглашательства», и именно потому воздержался сказать это Комуре, чтобы «избежать всего, что могло бы в малейшей степени иметь вид подстрекательства к поспешному образу действий», — дело, которое английская дипломатия предпочитала возложить на свою прессу. Именно в этой связи осторожный в своих дипломатических письмах Макдональд упомянул, что Ито «очень хочет соглашения с Россией, во что бы то ни стало» и что Ито «утверждал, что нынешние затруднения японского правительства и действия России в Маньчжурии и на границе Кореи являются прямым следствием англо-японского союза».{350} Макдональд отражал здесь только общую позицию английской дипломатии: поглубже спрятать пружину, которую она, очевидно, хотела до конца держать в своих руках. Выступление Кренборна по адресу России (11 июля в палате с заявлением, что Англия не против соглашения с Россией) было предпринято в момент, когда благословение Лондона японцам еще не было дано, и должно было иметь вид акта, исходившего из дружественной; царизму французской инициативы, проявленной Делькассэ [228] в бытность его в Лондоне. На деле это было выступление параллельное японскому, прикрывавшее Лондон от упреков, которых так боялся Макдональд.

Итак, в самом своем зародыше японское выступление открывало дискуссию не на тему о корейских делах и интересах «местного значения», как свысока говорили о них в Лондоне в 1901 г., а на тему о маньчжурских интересах широкого интернационального характера. 12 августа Курино вручил Ламсдорфу проект соглашения не только о Корее, но и: 1) о поддержании «начала равного благоприятства для торговли и

промышленности всех наций в Китайской и Корейской империях», 2) о прокладке японской железной дороги из Кореи через КВжд на соединение с Шаньхай-гуанъской линией на Пекин и 3) о признании лишь «специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии».{351} При этом, как мы видели, японская дипломатия двинулась в поход одновременно с английской в момент такой внутренней разоруженности правительственного аппарата царизма и такого угрожающего для царизма положения на внутреннем фронте, что дипломатически развязать тут войну для японской стороны было бы не так уж трудно.

Что это было действительно так, показала уже через два дня — 1/14 августа — дипломатия «триумвирата». В этот день на совещании: их было только трое (Безобразов не приехал). Решено было «не придерживаться буквального смысла договора 26 марта», при эвакуации в дальнейшем не выводить войска из Маньчжурии, а только уводить их в полосу отчуждения КВжд (это теперь они и называли эвакуацией), продолжать занятие Хунчуня (у самой корейской границы) и обещать Китаю эвакуацию непридорожных пунктов «в течение годичного срока», т. е. к 1 августа 1904 г. (!). Все это было обусловлено следующими обязательствами со стороны Китая: 1) не уступать иностранцам возвращаемых территорий [229] (то же, что в апреле), 2) допустить военные русские посты по Сунгари и Амуру, 3) то же на тракте Цицикар — Благовещенск, 4) исключить Маньчжурию из ведения иностранцев (то же, что в апреле) и 5) оградить торговые интересы КВжд.{352}

Это был крайний предел, до которого готовы были итти все трое, приспосабливаясь к «новому курсу», на который переходил царь с безобразовцами. Но это была уже и лебединая песня «триумвирата». В эти дни Николай уже утешал Безобразова, что он может «считать Витте очень кратковременным деятелем», и 16/29 августа, наконец, освободился от него, передвинув его на пост председателя Комитета министров, т. е. в сущности в глубокий резерв подальше от всякого дела.{353} 30 июля/12 августа, в самый день получения японской ноты, адмирал Алексеев был назначен наместником царя на Дальнем Востоке с резиденцией в Порт-Артуре: его задачей было объединить под своим руководством работу всех ведомств на Дальнем Востоке и ему дано было право дипломатических сношений от имени царя. Это был встречный ход «нового курса» в ответ на японское предложение о Маньчжурии, оформленный втайне от «триумвирата» не без участия Плеве. Это была еще одна внутриаппаратная победа «нового курса». Министры узнали об указе из «Правительственного вестника». Куропаткин заговорил с царем о «доверии» и просил отставки. Ламсдорф этого вопроса открыто не возбуждал, как обещал англичанам полтора года назад, но еще и через месяц имел «меланхолический», «изменившийся в лице» вид и признавался французскому дипломату, что «предпочитает», чтобы «судьбы Маньчжурии находились в руках другого», когда дело пошло о нарушении подписанного им договора об эвакуации. Даже Плеве несколько времени спустя (в ноябре 1903 г.) объяснял Куропаткину, [230] что Николай «был крайне недоволен противодействием ему министров», что «нельзя ему резко противоречить», что теперь «влияние попало в нехорошие руки и прежде всего в руки людей

несведущих» — «все дело в том, что в Маньчжурии собирались устроить особое государство» (т. е. государство Витте).

Учреждение наместничества говорило о том, что Россия располагается в Маньчжурии всерьез и надолго. Германская пресса приветствовала этот шаг, как «триумф ловкой, настойчивой и молчаливой русской дипломатии на Дальнем Востоке» и «как решительное подчинение Маньчжурии царем» — «коварный маневр» со стороны германской дипломатии, как думали во Франции, цель которого — «обострить положение и вызвать протесты».{354}

По существу это была игра в куклы: никаких самостоятельных дипломатических сношений адмирал Алексеев не вел, так как боялся без Петербурга сделать и шаг. В столице был несколько позднее учрежден «Особый комитет по делам Дальнего Востока», куда успели назначить Плеве вице-председателем при царе-председателе, а все собрание представлял один Безобразов. Абаза с Матюниным управляли канцелярией. Заседаний, понятно, не было ни одного. И Абаза вел переписку с Алексеевым, передавая и истолковывая тому распоряжения царя. Параллельно действовал обычный министерский аппарат, и формально японский посланник Курино сносился только с Ламсдорфом, но в решительных случаях ответы последнего задерживались, когда Николаю приходило вдруг в голову запросить мнение адмирала Алексеева. Ламсдорф, сидевший в Петербурге, боялся как бы чего не натворил Алексеев, напыщенное и глупое существо, представивший проект штаба наместника на сумму в 412 тыс. руб. и в составе 80 генералов (по одному генералу на батальон, [231] даже не на полк!).{355} Алексеев же, находившийся в Порт-Артуре, сам в свою очередь вечно охал и ахал, как бы не «сдурили» петербургские «чиновничьи души», — сам считая себя воякой.{356} Безобразов к дипломатической части прямого отношения не имел и занимался «экономической политикой». Но так как Николай без наместника тут предпринимать ничего не хотел (под влиянием известий о полном крахе корейско-маньчжурских лесных операций Балашова), то Безобразову оставалось попытаться внушать свои «идеи» Алексееву по телеграфу через специально командированное в Порт-Артур лицо. Однако последнему это решительно не удавалось потому, что Алексеев уклонялся от экономических вопросов по «некомпетентности».{357} Сам Николай в начале сентября собрался за границу, в родственный Дармштадт, в Висбаден на свидание с Вильгельмом и в Рим и взял с собою Ламсдорфа, который фактически и вел всю деловую переписку с наместником адмиралом Алексеевым, а тот — с послами в Токио, Пекине и Сеуле. Царю казалось, что это «упрощает дело» и вовсе не устраняет «ответственности Ламсдорфа.{358} Ламсдорф, побывав еще и в Париже, вернулся в Петербург в конце октября, но оказался отрезанным на целый месяц от царя, который задержался на пути в [232] Скерневицах и в Петербурге появился только в конце ноября.{359} Как видим, во всем этом был свой стиль в работе.

Чего собственно хотел Николай в Маньчжурии, Алексеев толком не понимал, как и никто другой. Основную директиву ему продиктовал от имени царя Ламсдорф: «Принять меры, чтобы войны не было» (сентябрь). Комедия с четвертым приступом к Китаю с требованиями, намеченными «триумвиратом» 1/14 августа, затянулась до 24 августа/6 сентября, и китайцы, по совету держав, ответили традиционным отказом. Переговоры с Китаем о

гарантиях и эвакуации были прерваны на этот раз уже окончательно.{360} Тогда только обратились к переговорам с Японией. [233]

Глава десятая.

Дипломатическое развязывание войны (июль 1903 — февраль 1904 г.)

1. Дипломатические шансы сторон в переговорах

В дни, когда Гаяси в Лондоне начал переговоры о проекте соглашения с Россией по маньчжурским делам, французский представитель сообщал из Токио в Париж, что японские «арсеналы не проявляют какой-либо специальной активности, за исключением, впрочем, постройки транспортных средств. Японские военные и моряки открыто считают себя совершенно готовыми к быстрой мобилизации и считают бесполезным принимать особые меры предосторожности».{361} Это было известно к моменту начала русско-японских переговоров и в Петербурге. Из донесений морского, военного и финансового агентов в Японии там знали, что с апреля по июль в Японии были проведены поверочные и учебные мобилизации «почти во всех частях армии» и во флоте, что все лето вооруженные силы Японии держались «в напряженном состоянии боевой готовности» и что «такой серьезной всесторонней подготовки на случай близкой войны не было и не наблюдалось» за все последние годы; наконец, что «два главных источника благосостояния страны, шелк и рис, одинаково [234] обеспечены в текущем году в размерах, уже давно небывалых».{362}

Пока в России безобразовцы продолжали свою работу по разложению аппарата в столице и на далекой периферии, переманивая там к себе не только «всех подозрительных людей» из Русско-Китайского банка, но и удалых карьеристов из военного ведомства (вроде полковника Мадритова или военного комиссара Квецинского, самочинно занявшего Мукден в октябре 1903 г. после его эвакуации), — в Японии принимались меры к консолидации политического аппарата и «общественного мнения», ввиду предстоящих решительных действий.

К моменту своего лондонского выступления кабинет Кацуры пережил и успел изжить длительный парламентский «кризис» в связи со своими предвоенными бюджетными проектами и провел-таки их, уступив парламентским самураям только в вопросе о повышении поземельного налога. Это не значило, конечно, что парламент был против войны. Наоборот. В частности, наиболее «парламентарная» из парламентских партий, группа Окумы, была наиболее горячей сторонницей «активной» внешней политики, а в дипломатических донесениях из Токио за годы перед войной красной нитью проходит припев о сдерживающей позиции правительства и агрессивном давлении на него со стороны «возбужденного» «общественного мнения». Самое лондонское выступление Гаяси предпринято было после обсуждения его в Токио под председательством микадо в расширенном «тайном совете» в составе кабинета, высших государственных сановников, членов императорского дома и всех «старейшихгосударственных людей» (т. е. Генро), в том числе Ито, Иноуэ и Мацукаты, не входивших в правящую группу Ямагаты и считавшихся оппозиционерами умеренного, пацифистского оттенка. Это имело целью «показать», как объяснили англичанам, что [235] «решение

обратиться к России непосредственно» было «очевидно серьезным желанием не только императора и его правительства, но и представителей всех, кто пользуется влиянием в этой стране».{363}

Истолкованное французами как возвращение к участию в делах высшей политики приглашение упомянутых трех государственных деятелей в «правительственные совещания» производило впечатление залога мирного поворота в японской политике, чего-то вроде тоже «нового курса».{364} На деле это было лишь способом парализовать возможный центр оппозиции привлечением к активной ответственности за предпринимаемую дипломатическую кампанию и войну.

Уже и до того Ито, как мы видели, нельзя было считать стопроцентным пацифистом; теперь же за ним числилось политическое выступление, которое воинствующие милитаристы могли расценить только как воду на их мельницу. Это — его речь в марте 1903 г. на партийном собрании Сэйюкай, справедливо давшая «много пищи для тревожных слухов». В этой речи Ито, между прочим, сказал: «Мировые дела представляют крупные перемены за каждое десятилетие. Великая Сибирская ж. д., соединяющая Крайний Восток с Крайним Западом, уже почти закончена, и разделявшее их расстояние может быть пройдено теперь в каких-нибудь две недели. Не следует забывать, что подобное сокращение расстояний требует от нас самого серьезного внимания с точки зрения национальной безопасности. Последнее улучшение в путях сообщения производит полную революцию в относительном положении народов. Приведу пример: десять лет тому назад ни одна западная держава не могла и подумать о посылке на Дальний Восток стотысячной армии. Но с тех [236] пор условия так изменились, что стало возможно в какие-нибудь два-три месяца перебросить сюда армию даже в несколько сот тысяч человек. Конечно, все нации желают мира. Но как бы то ни было, ни одна из них не рискнет забыть, что буря может разразиться каждую минуту. Вот что отнимает у меня покой и днем и ночью и вот почему я не упускаю ни одного случая напомнить моим согражданам о необходимости единения и доброго согласия».{365}

Еще в 1902 г., давая свое согласие на заключение англояпонского союза, Ито заявил в Лондоне, что «рано или поздно необходимо будет положить предел русскому вторжению (encroachments) в Маньчжурию, если не штыком, так какими-нибудь иными средствами». Как ни ворчал он теперь по поводу того, что виною «настоящих осложнений» является этот союз, он, очевидно, в обычной для него сдержанной форме, признавал теперь своевременным приступить к действиям именно по поводу маньчжурских дел и протягивал руку милитаристам, не дожидаясь никаких «новых» петербургских курсов и отсчитывая сроки не хуже самого Ямагаты. Не будь Ито, возможно, кабинет Кацуры открыл бы войну не в январе 1904 г., а раньше. Но в январе этого года Гаяси мог уже смело заявить в Лондоне, что «была одно время в Японии мирная партия — теперь ее не существует. Ито и Иноуэ, которые одно время считались руссофилами и сторонниками мира, отложили всякую надежду на мир». И это было не по каким-нибудь корейским, а только по маньчжурскому пункту японских условий, которому японское правительство тогда придало ультимативный характер.{366}

Японские милитаристы, приступая к переговорам с Россией, прекрасно, как и англичане, отдавали себе отчет «в серьезном различии мнений в русских правящих сферах» и [237] учитывали это в своих дипломатических расчетах.{367} Пока в России торжествовал «новый курс», они могли рассчитывать на бесплодность переговоров по маньчжурскому вопросу, и дело сводилось лишь к тому, чтобы свалить на противника ответственность за разрыв этих переговоров.

Главные же дипломатические усилия для этого должны были быть направлены на Лондон. Там и работал с необыкновенной энергией все тот же Гаяси, фанатический сторонник войны. Французский посол в Лондоне, наблюдавший Гаяси за этой работой, так описал ее непосредственно после начала войны: «Позиция Гаяси была совсем иная, нежели его коллег в Париже, Берлине и Петербурге. Очень умный, очень тщеславный, склонный брать на себя инициативу, что позволяло ему его положение в Японии, где он был помощником статс-секретаря, — он был сторонником войны, не скрывал этого, и будет признан одним из главных ее виновников. Его целью было привлечь симпатии английского общественного мнения к его стране и вызвать вражду к России; он рассчитывал этим способом не только воздействовать на английский кабинет, но также укрепить и ободрить военную партию в Токио, вызывая в Англии проявления сочувствия к делу японцев... Гаяси не довольствовался изучением течений общественного мнения, он их провоцировал и до известной степени направлял. В своих пространных интервью, которые он давал журналистам, он охотно распространялся на тему о трудностях, создаваемых Россией, об обязательствах, часто ею нарушаемых, о положении, созданном для японцев в Маньчжурии, о силе армии и флота Японии, о плане будущих операций. Он утверждал, что война вероятна, неизбежна, если только московитское правительство не отступит полностью; он предсказывал ее на 10 февраля, он доходил до того, что предсказывал последовательные атаки японского флота на Порт-Артур. Все его разговоры [238] велись под знаком доверительности и пересыпались замечаниями, иногда грубыми, в которых он не щадил ни русских, ни англичан, ни своих коллег по Парижу и Петербургу. Они не предназначались для опубликования, и их тон, усугубляемый еще плохим английским языком Гаяси, был таков, что ни один журналист не опубликовал бы их под его именем, иначе он опроверг бы их. Но слова эти разглашались в редакциях, клубах и конторах Сити; им придавали мало значения по причине их резкости и частого повторения; они служили, однако, поводом к многочисленным газетным статьям, где текстуально воспроизводились разговоры японского посла... В Токио сторонники: войны могли опираться на лондонские газеты в подтверждение симпатий Англии; в Петербурге видели в этих газетах выражение единодушного мнения англичан и английского правительства, толкающего Японию на войну».{368}

Люди, подобные Гаяси, не нужны были ни в Париже, ни в Петербурге. Там, наоборот, нужны были люди, не форсирующие событий, умеющие приспособляться к слабостям своих партнеров, пустить, когда надо, то тот, то другой оптимистический слушок, чтобы усыпить бдительность в отношении истинных намерений токийского правительства. В Петербурге, например,

были убеждены, что Курино спит и видит из посланника превратиться в посла и потому приложит все усилия к мирному разрешению конфликта. А ему тем временем удалось, как увидим дальше, использовать петербургский развал для такого, чреватого результатами, глубокого зондирования, о каком он, вероятно, и сам не мечтал. В Париже Мотоно морочил Делькассэ, выдвигая то один, то другой спорный пункт, как якобы легко разрешимый, — когда Гаяси в Лондоне уже заявил, что решено воевать. А на деле это был прием, которым ловко в нужный момент затянули переговоры, направили противника на ложный след и избежали [239] посредничества. В Вашингтоне же, учитывая личное участие Т. Рузвельта во внешней политике США, и не довольствуясь работой японского посла Такахиры, токийское правительство прикомандировало к Рузвельту его товарища по университету барона Канеко, который развивал президенту перспективы работы «американского капитала в союзе с японскими знаниями и искусством на Азиатском материке», снабжал его книжками о Японии и развлекал рассказами о «бушидо», кодексе морали и чести истого самурая.{369}

Все это не могло итти ни в какое сравнение, например, с русским послом в Лондоне Бенкендорфом, «очень приятным в общении», баловнем английского королевского двора, не понимавшим, что «ни двор, ни высшее общество — это еще не Англия», вовсе не разбиравшимся «в крупных интересах, которые в Лондоне являются пружиной политики» и «досадовавшим, что ничего не видит и ничего не знает». Бенкендорф ничего не мог выудить из Лэнсдоуна, а тот, как думал Камбон, находил Бенкендорфа «слишком неинтересным, чтобы дать себе труд разговаривать с ним». Между тем Лэнсдоун и так был известен тем, что не шел навстречу людям первый и надо было «несколько насесть» на него, чтобы от него добиться откровенности. Не лучше в своем роде был и граф Кассини — дипломат старинной салонной школы совсем не приемлемый для демократического Вашингтона. Вильгельм II, например, ставил Кассини даже на одну доску с кишиневским погромом для объяснения резко отрицательной по отношению к России позиции правительства США в русско-японском конфликте. Что же касается русского посла в Париже Урусова, то, поразительно отсутствие хотя бы единого упоминания о нем во всей обширной дипломатической переписке Делькассэ с Петербургом и Лондоном по дальневосточным делам перед войной — здесь было просто пустое место, если не считать сообщения вернувшегося в ноябре 1903 г. из [240] Гааги министра юстиции Муравьева о том, что «Урусов только гоняется за кокотками».{370}

Таким образом, к началу переговоров на стороне Японии были все преимущества не только в военном, а и в политическом и дипломатическом отношениях. Помимо того, с самого же начала, еще в Лондоне, Япония сделала заявку на спешность переговоров — иначе война. То же самое она заявила и в Петербурге. Курино, передавая проект соглашения 32 августа Ламсдорфу, «прибавил, что чем долее будет откладываться заключение соглашения, тем все труднее будет, так как положение дел на Дальнем Востоке теперь более и более осложняется» и «просил Ламсдорфа ускорить дело елико возможно». Это было направлено прямо против «нового курса» царя, который заведомо все делал с «последовательной постепенностью». На это в полушутливой форме и

указал Курино Ламсдорф немного спустя: «Как вы знаете, русский способ ведения дел не очень-то здесь быстр». Просить ускорить — это значило то же, что сказать: подписывайте, пока вы не только не готовы защищаться, но и пока вы не послали всех тех сил, какие только что решили послать на место спора.{371} Это значило сказать: о Маньчжурии будете договариваться с нами, а не с Китаем, или сначала с нами, а потом уже с Китаем. А это било и по старому курсу, сторонники которого, как упоминалось, через два дня (14 августа) сформулировали (для Китая) новые условия и новые сроки эвакуации Маньчжурии. Для данного момента в японских предложениях, в их корейской части, заключен был и еще один удар по «новому курсу». Под него попадала безобразовская лесная концессия на Ялу, еще не успевшая тогда прогореть и надоесть Николаю — когда этой же осенью для ее эксплоатации потребовались еще миллионы сверх уже [241] израсходованных двух миллионов, когда поддерживать ее отказался даже адмирал Алексеев и ее готовы были подбросить Русско-Китайскому банку.{372}

Руководители «нового курса», однако, сразу же согласились на переговоры, и Ламсдорф обещал «тщательно рассмотреть» японский проект. Разумеется, это не остановило начатого усиления дальневосточных войск и пополнения флота, и они продолжались параллельно с переговорами до самого последнего дня. Но темпы тут определялись объективными условиями: по справке на 20 октября нов. ст. 1903 г. с весны численность войск на Дальнем Востоке увеличилась с 109 500 до 127 тысяч, а через три месяца предвиделось довести ее до 150 тысяч (т. е., примерно, перебрасывалось 7 тысяч в месяц). При всем том и в военном и в морском министерствах в Петербурге теперь «утверждали, что приняты все меры предосторожности, *какие в их силах,* чтобы встретить нападение Японии».{373} При таких условиях о том, чтобы напасть самим, у русских и речи быть не могло. Поэтому мотив спешности, проводимый японской дипломатией в ходе переговоров и дальше, оставался объективно никакие оправданным.

Японский флот, проводивший почти непрерывное учебное плавание в Корейских водах, был источником не раз возникавших [242] слухов о предпринимаемой японцами высадке в Корее или о занятии того или иного пункта на ее берегу. Дополнительную пищу для этих слухов давала деятельность японской дипломатии в Корее. Японцы требовали там то аннулирования безобразовской концессии, то выдачи им аналогичной концессии по соседству, то издавна знакомыми корейскому правительству приемами застращивания добивались заключения договора о протекторате и довели дело до того, что корейское правительство начало переговоры через Францию об объявлении «нейтралитета» Кореи. На этом и застигло Корею объявление войны. Мысль о японском десанте и открытой оккупации Японией Кореи была твердо усвоена русской дипломатией после телеграммы Николая Алексееву (от 25 сентября ст. ст.) о том, чтобы «принять все меры, чтобы войны не было». Телеграмма эта была ответом на первый же слух о том, что «японцы приступают к активным действиям» и «японский флот уже прибывает к корейским берегам у Мазампо», — слух, который вызвал воинственную вспышку у Алексеева, предложившего царю теперь же «оказать противодействие открытой силой на море», «немедленно мобилизовать

войска Квантунской области и Маньчжурии» и «объявить всю Маньчжурию на военном положении». И в дальнейшем возможная оккупация японцами Кореи воспринималась в Петербурге как акт, «развязывавший» России руки в Маньчжурии, эвакуация которой была приостановлена в связи с разрывом русско-китайских переговоров.{374}

Японская же дипломатия, разгадав желание противника, твердо стала на том, что «не пошлет ни бригады, ни батальона, ни одной души в Корею» (заявление Комуры Арману [243] в октябре), что, впрочем, не мешало японскому штабу засылать в корейские порты съестные припасы, снаряжение и «многочисленных солдат в штатском», которые «маленькими партиями» направлялись в Сеул.{375}

2. Переговоры в августе — декабре 1903 г.

Такова была атмосфера, в которой протекали начатые 12 августа переговоры. Впереди было 26 сентября/9 октября, день окончательной эвакуации Маньчжурии по договору 26 марта/8 апреля 1902 г., и близились переговоры с Китаем о новых гарантиях. Японское предложение клином врезалось в русско-китайские переговоры. Это был медовый месяц Алексеева, вместе с наместничеством впервые вполне правоверно усвоившего «новый курс», не терпящий «уступок». Это вообще, была кульминационная точка в размахе безобразовщины, не в пример Ито в Токио, выбросившей Витте из аппарата. Однако первый месяц ушел на совсем по существу ненужные для русской стороны переговоры в Петербурге и переписку Курино с Комурой по двум предварительным вопросам, выдвинутым японской стороной. Комура домогался, чтобы японские предложения были «приняты за основу» переговоров — Ламсдорф разъяснил, что он имеет «40-летний опыт в министерстве иностранных дел» и что «не в обычае принимать предложение одной державы за единственное основание переговоров», надо подождать «русских встречных предложений». Ламсдорф сразу предупредил Курино, что переговоры будут происходить в Токио, так как это ближе к наместнику. Комура настаивал на Петербурге, так как это будет скорее, и только 28 августа/10 сентября, посоветовавшись с англичанами, дал, наконец, свое согласие начать переговоры в Токио. Виновниками задержки (этот первый месяц), вопреки обычному взгляду, были, таким образом, не русские, а японцы.{376} [244]

Макдоналъд, английский посол в Токио, игравший там ту же (правда, хорошо скрытую) роль, что Гаяси в Лондоне, тотчас дал знать в Лондон, что «различие интересов» в русском правительстве явится «камнем преткновения» в «миролюбивых» попытках Японии и что, по его мнению, «хорошо было бы оказать давление на русское правительство, чтобы оно унифицировало эти интересы и трактовало Японию более серьезно, иначе гнев народа может оказаться слишком сильным испытанием для несомненно мирных намерений ее правительства».{377}

В момент отъезда Николая с Ламсдорфом за границу (в конце сентября), адмиралу Алексееву и барону Розену — русскому посланнику в Токио, были уже даны инструкции о встречных предложениях, но даже во французском посольстве в Петербурге за 15 дней до эвакуации была «полная неизвестность

относительно решения, какое примет Николай на этот счет». «Уже несколько недель дальневосточный отдел министерства был без работы», из Пекина и Токио не поступало туда ни одной телеграммы, и Ламсдорф был в абсолютном неведении о положении вещей. Бутирон из его намеков мог понять только, что эвакуации не будет и что Алексеев должен теперь найти какой-то «дипломатический выход» («это то, что говорил раньше Бомпар — Маньчжурия есть и останется русским владением»). И тем не менее Ламсдорф на прощание повторил Бутирону свою давнюю песню: «Все зависит от позиции Алексеева в отношении Кореи. Ступит он нотой на эту усеянную ловушками территорию — и отсюда может выйти война».{378}

Такой же «корейской» концепции конфликта держался всегда и посланник в Токио барон Розен, сменивший там Извольского в начале 1903 г., не как представитель тогда [245] еще и не существовавшего «нового курса», а как знаток Японии (в 90-х годах он был там посланником и успел завязать широкие связи) и провозвестник согласительной политики. Выработанные им вместе с Алексеевым в Порт-Артуре (в течение 24 сентября — 2 октября) «встречные предложения», как и надо было ожидать, совершенно обходили маньчжурский вопрос. И «основа» дальнейших переговоров представилась в следующем виде:

Японский проект от 12 августа	**Русский проект от 5 октября**
1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность *Китайской* и Корейской империй и *поддерживать начало равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах.*	1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.
2. Обоюдное признание преобладающих интересов Японии в Корее и *специальных интересов России в железнодорожных предприятиях в Маньчжурии* и права Японии принимать в Корее и права России принимать в Маньчжурии такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны их соответственных выше определенных интересов, подчиненных однако постановлениям 1-й статьи настоящего соглашения.	2. Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корее и права Японии подавать советы и помощь Корее, в видах улучшения гражданского управления империи, без нарушения постановлений статьи 1-й.
3. Взаимное обязательство со стороны России и Японии не препятствовать развитию таких промышленных и торговых действий, соответственно: Японии — в Корее, *а России — в Маньчжурии,* которые не противоречат постановлению 1-й статьи настоящего соглашения. *Дополнительное обязательство со стороны России не мешать могущему быть продолжению Корейской железной дороги в южную Маньчжурию на соединение с Восточно-Китайскою и Шаньхайгуань-Ючжуанской линиями.*	3. Обязательство со стороны России не мешать торговым и промышленным предприятиям Японии в Корее и не противодействовать никаким мерам, принимаемым с целью их охраны, пока эти меры не нарушают постановлений статьи 1-й. [246]

4. Взаимное обязательство, что в случае необходимости для Японии послать войска в Корею, а для России — в Маньчжурию, с целью охраны ли интересов, упомянутых в ст. 2-й настоящего соглашения, или подавления восстания или беспорядков, рассчитанных на создание международных осложнений, отправленные таким образом войска не будут ни в каком случае превосходить число действительно потребное, и затем будут отозваны, как только выполнят свое назначение.	4, Признание права Японии посылать для той же цели войска в Корею, *с ведома России,* — однако число их не должно превосходить действительно потребного, — и с обязательством для Японии отзывать эти войска, как скоро они выполнят свое назначение.
5. Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Корее в интересах реформ и хорошего управления, *включая сюда и необходимую военную помощь.*	5. *Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на берегах Кореи никаких военных работ, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе.*
	6. *Взаимное обязательство считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной полосою в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск.*
	7. Признание Японией Маньчжурии и ее побережья во всех отношениях вне сферы ее интересов.
6. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи.	8. Настоящее соглашение должно заменить все прежние соглашения между Россией и Японией относительно Кореи.{379} [247]

Как ясно видно из подчеркнутых нами разноречий обоих проектов, русское правительство совершенно исключало Маньчжурию из сферы интересов Японии и предлагало соглашение только в отношении Кореи, где допускало ставший уже традицией временный ввод японских войск только с ведома России и не допускало образования плацдарма против России. Широкая зона, по исчислению японцев — в 200 миль, оставлялась нейтральной. Пункты о *«стратегических целях»* (первая часть ст. 5-й) и о *«зоне»* (ст. 6-я) и стали в дальнейшей дискуссии предметом спора в вопросе о Корее. Японское правительство, сразу сконструировавшее договор, как корейско-маньчжурский, признав в Маньчжурии только «железнодорожные интересы» России (и всяческие свои интересы в Корее), требовало «открытых дверей» (не только для торговли, как соглашалась Россия в своих декларациях Японии, Англии и США от 11 июля 1903 г., но и для промышленности всех наций) и собственной железной дороги из Кореи в Пекин; что же касается Кореи, Япония хотела всецело закрепить за собой создание корейской армии. В дальнейшем по вопросу Маньчжурии спор свелся к *«территориальной неприкосновенности»* и *«открытым дверям»* в Маньчжурии, когда, наконец, русская дипломатия приняла этот спор.

12-дневная дискуссия Комуры и Розена в Токио, после ряда примериваний и изменений японских поправок, выяснила, что по корейским

пунктам Розен готов принять японские поправки ad referendum (для доклада своему правительству). Зато по ст. 7-й русского проекта — об исключении Маньчжурии из сферы интересов Японии — стороны «ни к какому соглашению притти не могли». «Вопрос о Маньчжурии касается исключительно России и Китая» — на этом твердо стал Розен. Но в дни дискуссии, когда по договору срок оккупации Маньчжурии истек, Япония и США подписали с Китаем торговые договоры, по которым Китай «открывал» для их торговли несколько «портов» в Маньчжурии. И Комура мог уже заявить о том, что «Япония обладает в [248] Маньчжурии трактатными правами и торговыми интересами и должна получить от России обеспечение» их сохранности.{380}

Свои поправки в этом смысле, как и весь ход дискуссии, Комура передал, разумеется, в Лондон на заключение (22 октября). Приспособляясь к структуре русского проекта, Комура предложил заменить одиозную русскую статью 7-ю тремя новыми и перенести туда китайские требования из. первых статей, видоизменив и смягчив их следующим образом:

7. Обязательство. России уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии и не вступаться в торговую свободу *Японии* там.

8. Признание Японией русских специальных интересов в Маньчжурии (не только железнодорожных, — *Б. Р.)* и право России принимать меры, какие могут быть необходимы для защиты *этих интересов,* поскольку они не нарушают ст. 7-ю.

9. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, *если они* возможно, *дойдут до Ялу* (речь о Японской железной дороге по Маньчжурии отпадала, — *Б.* Р.).

В Лондоне должны были насторожиться: японцы выговаривают себе возможность допустить дальнейшую оккупацию Маньчжурии для защиты «этих (специальных, — *Б. Р.)* интересов» России, если Россия откроет Маньчжурию *только для японской* торговли! Лондон ответил (26 октября) не без яда: «Нам кажется излишним, ввиду уже данного Россией обязательства (т. е. декларации 11 июля 1903 г., — *Б. Р.)* требовать от нее подтверждения ее намерения уважать неприкосновенность Китая и торговую свободу Японии в Маньчжурии». А далее, спасая себя, предложил: выбросить статью 7-ю в японской редакции и вместо нее добавить в ст. 8-ю после слов «этих интересов» — то, что только [249] что было объявлено излишним, повернув это в свою пользу: «поскольку эти меры не нарушают обязательства России уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и трактатные права *других держав* (не одной Японии, — *Б. Р.*) в отношении к свободе торгового оборота». Из Токио тотчас же (27 октября) ответили, как бы забывая свою собственную ст. 7-ю, лишь бы поставить Лэнсдоуна в трудное положение: «Россия не согласится (на такое дополнение ст. 8-й, — *Б. Р.),* ибо русский посол не раз во время переговоров заявлял, что Россия никогда не вступит в договорное обязательство с *одной или всеми державами* о поддержании неприкосновенности Китая или уважении трактатных прав или торговых интересов этих держав в Китае. Она сделает *декларацию* по этому предмету, но не войдет ни в какое *соглашение».* Так как Япония с другой стороны «никогда не согласится на ст. 7 русского проекта», то «отсюда видно,

что мало надежды на благоприятный исход переговоров». Иными словами: нам придется воевать за нашу ст. 7-ю, хотите ли вы, чтобы мы воевали и за трактатные права «всех держав»? (согласно английской поправке к ст. 8-й). Или вас удовлетворит односторонняя русская декларация, без договорного обязательства? В Лондоне, очевидно, не были готовы связать себя в этом пункте, и Лэысдоун забил отбой, сообщив (28 октября) в Токио «на усмотрение» правительства: 1) «исключение русской ст. 7» и 2) следующее изменение, вместо только что предложенной японской ст. 8-й: «поскольку эти меры не нарушают *японских* трактатных прав или свободы торговли в Маньчжурии». Иными словами: будь по-вашему, и воюйте, если хотите, за ваши интересы, а мы пока останемся в стороне (т. е. может быть удовлетворимся и одной декларацией).{381}

«Бесконечномалое» дипломатическое потрясение, пережитое Лэнсдоуном в дни 22–26 октября, нисколько не удивило [250] бы, например, германского посла в Лондоне, — хотя переговоры и были покрыты строжайшей тайной, — потому что за «бесконечномалым» стояли большие факты. Бернсторф и без того видел, что в Лондоне, «несмотря на все опровержения японского посольства, растет мысль о конфликте в Восточной Азии. Англия в данный момент так мало хочет войны, как только можно себе представить. Все вздыхают под все еще давящей финансовой тяжестью трансваальской войны (а она обошлась Англии в 242 млн фунтов, — *Б. Р.*),{382} военное руководство дискредитировано, и явно впавшее в состояние распада правительство не пользуется доверием».{383} Камбон, французский посол в Лондоне, рассуждал так же: «финансовый мир боится (в случае войны, — *Б. Р.*) форменного краха. В Англии нет наличных денег и она уже давно держится в финансовом отношении только благодаря помощи Франции и Германии, особенно Франции. События на Дальнем Востоке наверняка произведут такое действие на парижский и берлинский рынки, которое повлечет сокращение французской и немецкой денежной массы в Англии, и Сити с подлинным ужасом взирает на эту перспективу». Впоследствии (в дни Гульского инцидента в октябре 1904 г.) Камбон не постеснялся посоветовать Лэнсдоуну спросить финансовых принципалов Сити о последствиях охлаждения в отношениях с Францией и в. глаза ему сказал, что «трансваальские дела еще не ликвидированы, что отлив французских капиталов повлечет за собой для Англии финансовую катастрофу, какой не бывало».{384}

А германский посол в Петербурге Альвенслебен в эти же октябрьские дни «из самого осведомленного финансового источника был заверен, будто Англия в Токио определенно [251] заявила, что Япония ни в коем случае не может рассчитывать на финансовую поддержку Англии».{385} Наконец, пока французский министр финансов Рувье не проговорился своему итальянскому коллеге Луццатти, что французские союзнические обязательства по отношению к России простираются только на конфликт в европейских водах, в Лондоне не знали об этом точно, и Камбон советовал «не рассеивать этой благодетельной неизвестности».{386} Между тем англо-французское тесное сближение зашло очень далеко и становилось осью европейской политики Англии.

Отчасти этим и объясняется, можно думать, что Лэнсдоун, давая свой ответ на токийский вызов, теперь же, 26 октября, обратился к посредничеству французов, чтобы снова вызвать Ламсдорфа на разговор, не удавшийся летом этого года. Но поманить русских перспективой соглашения с Англией хотя бы только по вопросу о Маньчжурии, не значило ли одновременно развязать им в известной мере руки относительно Японии? Мы не знаем документально, дал ли Лэнсдоун Комуре совет адресоваться к Делькассэ или последний сам вызвал японского посла Мотоно на откровенность, но к приезду в Париж Ламсдорфа (28 октября нов. ст. 1903 г.), временно оставившего царя в Дармштадте, Мотоно имел уже инструкции Комуры, и Делькассэ оказался в самом фокусе англо-русско-японских переговоров.

Что в англо-японских отношениях не так-то уже все было гладко, улавливали теперь и в Берлине. Там были убеждены, что «Япония хочет провести переговоры с Россией без английского вмешательства» (это было неверно), так как она понимает, что «Англия теперь больше склоняется к новообретенному французскому другу, чем к союзнице», что воевать с Россией «пришел теперь последний момент», а «позже [252] английский союз может стать совсем иллюзорным».{387} Как раз в тот день, когда японский министр иностранных дел Комура дал инструкции Мотоно обратиться к Делькассэ (29 октября), Макдональд в Токио потратил много труда на то, чтобы вызвать японского министра на откровенность, и в результате своих «выспрашиваний» «извлек» из него следующее пессимистическое признание: он, Комура, «не думает, что будет война, потому что русские не готовы и не хотят воевать»; «он думает, что Россия, в конце концов, даст обязательство уважать суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии, которое до известной степени предупредит аннексию ее, хотя Россия не ослабит своей власти, какой пользуется теперь» и «будет продолжать консолидировать свое положение в Маньчжурии»; по мнению Комуры, «японцы не могут этого предотвратить, переговоры же, если приведут к успешному завершению (в чем Комура, повидимому, очень мало сомневается), позволят японцам консолидировать свое положение в Корее».{388} Признание это Комура просил «держать в абсолютном секрете». Это было мрачное признание, что противник дипломатически выйдет из-под удара, но тогда и Маньчжурии никому не видать. Обратиться в Париж — значило для Японии итти именно на это.

На первом месте в Париже оказалась, конечно, Англия. Лэнсдоун наставил там удочку на очень глубокое дно. Он просил Делькассэ устроить так, чтобы русские только «заговорили» в Лондоне и дали хоть «какие-нибудь объяснения своих действий» на Дальнем Востоке, которыми ему можно было бы «воспользоваться» при объяснении с китайцами и японцами, требующими вмешательства Англии. А затем, соглашаясь с Камбоном, Лэнсдоун совсем неожиданно прибавил: «Мы тоже хотим поддержания status quo <в Корее>, *ибо мы не заинтересованы видеть, как японцы* [253] *занимают оба берега Корейского пролива»,* — и создал этим у французского посла впечатление, что Англия «примирилась бы с русской оккупацией в Маньчжурии», будь у нее «какой-нибудь правдоподобный довод для предъявления своим союзникам». Когда на другой день Ламсдорфу сообщили о такой установке Лэнсдоуна, и посоветовали «быть немножко откровеннее» в «разговорах» с Лондоном,

Ламсдорф охотно обещал дать соответствующие инструкции Бенкендорфу; зато о японцах он уже выразился так: «пусть они не забывают, что *на севере Кореи* есть русские интересы — и все может устроиться»: когда «у японцев присоединится к этому впечатлению, что они *изолированы*, благоразумие возьмет верх».{389}

Так понят был демарш Лэнсдоуна Ламсдорфом (который, конечно, не знал, что, когда все уже совершилось, Лэнсдоун поспешил подчеркнуть, что Делькассэ тут оказал услугу «лично ему», а не кабинету): можно попытаться «изолировать» Японию в дальнейших токийских переговорах! Но и то, что теперь же сообщил в Париже Мотоно, гнало ветер в тот же парус: «затруднения» у Японии с Россией в части Кореи *уже устранены* (признание Россией «экономических интересов Японии, отказ Японии от укрепления корейских берегов»), что же касается Маньчжурии, то Япония просит только обязательства «в будущем не наносить ущерба торговым трактатным правам Японии». Если дело только в этом — Ламсдорф «тотчас же доложит об этом царю». И Делькассэ мог констатировать у него «действительное желание мирным путем ликвидировать разногласие с Японией».{390} [254]

Все аранжировано было в Париже так, как будто «новый курс» даже и не оспаривался ни в Лондоне, ни в Токио. Но теперь и самый «новый курс» как-то расползался по швам. Николай был совсем разлучен с «безобразовской шайкой»; балашовские лесные операции на Ялу явственно пришли к финансовому краху; посланный к Алексееву самим Безобразовым генерал Вогак и тот констатировал полный развал дела; Алексеев никак не соглашался выполнить требование Безобразова о «передаче» КВжд, Русско-Китайского банка и его предприятий компании Безобразова, очевидно понимая; что эта авантюра затеяна в отсутствие Николая самим Безобразовым, — и в результате Ламсдорф в Париже производил впечатление человека, который «все еще способен оказывать полезное влияние на царя». Сам же Ламсдорф впоследствии рассказывал, что именно после Дармштадта «царь не относился с прежней горячностью к делам Дальнего Востока» и на замечание, что «вопрос о войне и мире может уйти из его рук», Николай ответил Ламсдорфу: «Тогда надо повесить Безобразова».{391}

С Николаем, однако, приходилось «sérier les questions» (решать вопросы не сразу, а в очередь). На первом месте и тут оказалась Англия. Инструкция Бенкендорфу была дана Ламсдорфом лично теперь же в Париже, и тот (после трехмесячного отсутствия в такое время!) явился к Лэнсдоуну 7 ноября, «готовый приступить к совместному изучению вопросов, интересующих обе страны»; но он «держался общих мест, и пока мы ничего не уточнили» (жаловался Лэнсдоун 11 ноября). Бенкендорф, не знавший даже о вторичной оккупации Мукдена, мог только сослаться на «особливое» [255] положение, созданное наместничеством. Но «как же мы можем притти к удовлетворительному соглашению с министерством иностранных дел, внутри которого работают два самостоятельных и, может быть, враждующих влияния?» — спросил Лэнсдоун. Бенкендорф спохватился и «многозначительно сказал, что, по его мнению, это уже пройденная фаза». Разговоры все же продолжались, и в течение месяца, «по разным вопросам, стоящим между Россией и Англией», успел изложить свою точку зрения

полностью Лэнсдоун, а 22 декабря между Ламсдорфом и английским послом в Петербурге Чарльзом Скоттом было установлено, что теперь очередь будет за Россией. Но так как Бенкендорф предполагал приехать в Петербург за подробными инструкциями, только к новому году, то Чарльз Скотт напомнил Ламсдорфу, что английский парламент соберется 2 февраля 1904 г.. Таким образом, английские переговоры на первых порах пошли было параллельно с японскими; но затем, скрестившись с ними, продолжались уже как необходимая составная часть переговоров с Японией, а не как средство ее изоляции.{392}

Дискуссия в Токио должна была возобновиться на другой день после парижских бесед, так как японский ответ на русские предложения был дан 30 октября. Но Розен заявил, что содержание ответа «превышает данные ему инструкции», и ограничился передачей его текста своему правительству. Японцы вновь требовали признания «неприкосновенности» Китая и своих трактатных прав в Маньчжурии (ст. ст. 1-я и 9-я); в Корее они приняли «зону» в 50 км от корейско-маньчжурской границы в обе стороны и отвергли первую часть ст. 5-й русского проекта о «неиспользовании» Кореи «в стратегических целях». Для Розена камнем преткновения, был попрежнему маньчжурский вопрос.

Японские предложения были пересланы в Дармштадт, когда Ламсдорф только что направил Николая в английский [256] фарватер. Затем Николай (4–5 ноября) попал в объятия Вильгельма в Висбадене, где «новый курс» и безобразовщина вообще почитались лучшим средством развязать войну, и где сделали все, чтобы подновить у Николая впечатление, что «Вильгельм так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда». Из Висбадена же Ламсдорф двинулся в Петербург, а царь — в Скерневицы, где и прожил месяц, недосягаемый для своих министров в связи с болезнью жены (до 5 декабря нов. ст.). Японские предложения были возвращены Николаем из Висбадена на рассмотрение Алексеева и Розена, и дело совсем выскользнуло из рук Ламсдорфа. На все запросы из Токио он мог только отвечать, что «пока Китай все еще настаивает на своем отказе» от переговоров о «гарантиях», «Россия не может притти ни к какому соглашению с третьей державой о Маньчжурии», что русский ответ «обсуждается», что царица больна и т. п. Одновременно Алексеев, видимо, решил еще раз понудить Китай к переговорам и через посредство того же Делькассэ на Пекин было оказано соответствующее давление, результатом которого было возрождение и в Париже надежды на «возобновление переговоров с Китаем». Англо-французские рычаги, как видим, каждый по-своему, поднимали шансы «нового курса», — и по приезде в Петербург Николай дал распоряжение «продолжить переговоры» в Токио на основе предложений, средактированных Алексеевым. А они снова касались только Кореи, и уступка была сделана лишь относительно соединения железных дорог и выпущена ст. 7-я о незаинтересованности Японии в Маньчжурии.{393} Это была уступка. Но это далеко еще было не то, что наметилось как будто у Ламсдорфа в Париже. [257]

Англия толкнула Японию в октябре в Париж, сама залучив Николая в Лондон, где машина завертелась, и Бенкендорф мог слушать Дэнсдоуна, сам не входя пока ни в какие объяснения с своей стороны. Париж дал Японии 40 дней

дипломатически бесплодной оттяжки. Переговоры описали, круг, и все начиналось опять с начала. Дипломатически Лондон чувствовал себя теперь крепче в Париже, Токио — крепче в Лондоне.

* * *

Накануне предъявления Розеном в Токио русского ответа (12 декабря) Лэнсдоун, ссылаясь на пущенный агентством Рейтера слух о заходе четырех русских военных судов в Чемульпо, заявил Камбону, что «английское общественное мнение может сделать для нас крайне трудным остаться пассивными, если Россия найдет предлог напасть на Японию и попытается уничтожить ее», хотя «строго говоря, мы вправе оставаться нейтральными». Иными словами — это было предупреждение Франции, что какова бы ни была позиция Франции, а Англия не остановится перед войной.

Лэнсдоун просил Делькассэ умиротворяюще подействовать в Петербурге, «в то время как сам он будет действовать так же в Токио», и в дальнейшем «следить внимательно за ходом событий» с той же целью. Якобы возможное «нападение» России притянуто было здесь явственно за волосы, ибо далее Лэнсдоун больше жаловался на то, что «русские не ответили японцам немедленно», что «дали открыться сессии японского парламента», а между тем «японцы удовлетворились бы одной *декларацией* относительно уважения трактатных прав в Китае». Инструментом войны оказывался здесь опять-таки японский парламент.{394} Да и Курино в Петербурге теперь имел вид человека, «старающегося рекомендовать в Токио мирное решение». «Алармистские же телеграммы из английского источника, по оценке французского [258] посла в Петербурге, производили впечатление предпринятой в Лондоне кампании с целью вызвать войну, благодаря которой предпринятая англичанами под шумок Тибетская экспедиция могла бы протекать без особой оглядки на Россию».{395}

Натянув, таким образом, вожжи в Париже, Лэнсдоун теперь же ослабил их в Токио. Комура сообщил в Лондон текст русского ответа 14 декабря. Отметив уступки со стороны русских, он выдвинул свои поправки в отношении Кореи и подчеркнул, что «неупоминание о Маньчжурии» и отказ признать «трактатные права Японии» делают в его глазах русский ответ «в высшей степени неудовлетворительным». Из Лондона последовал ответ (18 декабря), полностью одобрявший все поправки Японии, но на этот раз было добавлено: «Можно было бы преодолеть затруднение с Маньчжурией добавкой статьи, в которой Япония признавала бы специальные интересы России в этой провинции, при условии формального признания Россией трактатных прав Японии и *других держав».*{396} Вставка последних двух слов означала: теперь мы с вами.

Японцы задержали свой ответ на 10 дней, в течение которых Розен оставался «в полном неведении об истинных намерениях Японии», а «позиция Макдональда, по отзыву французского посла, снова стала подозрительной». Делькассэ, правда, спешил успокоить Ламсдорфа, что «из хорошего источника ему известно, что усилия Японии заключить заем в Лондоне потерпели неудачу», однако же петербургская биржа ответила на «тревогу в прессе» «чем-

то вроде паники» еще до получения японского ответа, но когда он был уже решен в Токио.{397} 21 декабря японский ответ был отправлен [259] русскому правительству. 23 декабря Курино, передавая его, пригрозил Ламсдорфу, что «возникли бы серьезные затруднения и даже осложнения, если бы нам не удалось притти к соглашению». В самом ответе Япония требовала «ввести» в соглашение «все те области Дальнего Востока, где встречаются интересы двух империй» и «пересмотреть свое положение в этом деле».{398}

Это не был еще ультиматум, но практически в Лондоне и Токио готовы были к войне. Офицеры Ирландского корпуса получили приказ немедленно ехать в Индию, резервисты флота должны были сообщить в Лондонское адмиралтейство свои адреса, английская фирма Гиббса закупала чилийские и аргентинские броненосцы для японского правительства.{399} В Петербурге наступил момент, давно предсказанный Витте: Николай «поджал хвост и отступил», заявив на совещании министров 28 декабря (в отсутствие Безобразова), что «война невозможна» и что следует включить в договор статью и о Маньчжурии. Теперь и здесь тоже потребовалось не более 10 дней, и 6 января Розен представил в Токио русский ответ: если Япония согласится восстановить в корейских статьях неиспользование Кореи «в стратегических целях» и «нейтральную зону», в соглашение будет включено, что Россия в Маньчжурии «не будет чинить препятствий Японии и *другим державам* в пользовании правами и преимуществами, приобретенными ими в силу существующих договоров с Китаем, *за исключением устройства сеттльментов».*{400} [260]

Не зная еще этого решения Николая, Комура (29 декабря) обрисовал французскому послу в Токио «положение, как крайне серьезное, но не безнадежное», а накануне телеграфом просил у Делькассэ дружественного воздействия на Петербург. Однако Арман вынес впечатление из разговора, что Комура *«слишком уж рассчитывает на разногласия и борьбу вокруг царя* и Алексеева, которые, по его мнению, задержат решительный ответ».{401}

Расчет Комуры не оправдался — задержки в Петербурге на этот раз не произошло. Но и «затруднение с Маньчжурией», снимавшееся, казалось бы, русской уступкой, в виде той «добавки», которую рекомендовала сама же Англия, не отпало.

Японская дипломатия теперь лихорадочно заработала на разрыв переговоров с царизмом.

3. Русская уступка и разрыв переговоров Японией (декабрь 1903 — февраль 1904 г.)

Русская уступка 6 января, повидимому, была некоторой неожиданностью для японской и английской дипломатии.

Про себя японцы свои контрпредложения 23 декабря уже считали «жестким минимумом, какой они могут принять»: «если Россия откажется пересмотреть свои предыдущие контрпредложения, Япония без сомнения прибегнет к энергичным мерам», и Гаяси 30 декабря по поручению Комуры, как описывал Лэнсдоун, «пожелал узнать, могут ли они ожидать нашей поддержки и в каком направлении». Лэнсдоун сразу «понял, что желательно указание, как будем мы действовать *при обстоятельствах, когда налицо не*

будет casus foederis» (т. е. если нападут не русские, а японцы, — *Б. Р.*), и спросил, что за «энергичные меры [261] имеются в виду и какой поддержки хочет Япония»? Гаяси не ожидал такой открытой постановки вопроса о неспровоцированной Россией войне и сослался на отсутствие у него инструкций. В качестве же своего «личного мнения» он указал на «благожелательный нейтралитет», «облегчение в снабжении углем», «транзит через колонии» и «денежный заем». Об одном только займе Лэнсдоун отозвался, что «тут есть серьезные трудности», но и то обещал «посоветоваться с своими коллегами». «Не имеет ли в виду Япония дипломатическую поддержку или посредничество этой страны», спросил Лэнсдоун. — Нет, «они теперь всецело заняты военными приготовлениями», — ответствовал Гаяси.{402}

На другой день на вопрос американского посла, установили ли японцы «срок для ответа», Лэнсдоун уклончиво ответил, что он «убежден», что в случае «слишком длительной задержки ответа» японцы «прибегнут к активным мерам».

5 января Гаяси вновь явился к Лэнсдоуну, чтобы «предупредить всякие недоразумения относительно позиции японского правительства в вопросе о посредничестве»: оно даст России только «выиграть время, чтобы усилиться на Дальнем Востоке», поэтому в случае посредничества Япония «вынуждена будет *изменить свои условия* и добиваться дополнительных гарантий... в дополнение к тем, какие она имела в виду первоначально». Возвращаясь к займу, Гаяси повторил просьбу японского правительства, аргументируя тем, что война «может затянуться на два-три года», что Япония «на собственные сбережения может воевать только год, а с повышением налогов и выпуском бумажных денег сможет протянуть борьбу еще 6 месяцев, и тогда ее ресурсы будут исчерпаны».{403} Так как еще раньше (21 декабря) Гаяси дал Лэнсдоуну точную картину соотношения вооруженных [262] сил Японии и России и она говорила в пользу Японии, то у Лэнсдоуна не могло оставаться колебаний, что Япония может воевать и одна.{404} Наконец, еще в день передачи Розеном русского ответа, 6 января, Гаяси в третий раз затронул финансовый вопрос: не потому ли Англия отказывает в деньгах, что это неудобно ей «политически» «накануне возможной войны» (т. е. этот отказ не предрешает вопроса в дальнейшем)? Лэнсдоун ответил утвердительно и добавил, что и в парламенте это может натолкнуться на трудности: «Мы с удовлетворением рассмотрели его сообщение, что у Японии есть средства для ведения войны в первый год войны», «так что отказ в немедленной помощи ни в малейшей степени не повредит Японии в начальных, и может быть *наиболее важных* стадиях кампании».{405} Это, конечно, означало, что Англия обещает заем только *после* открытия военных действий (и в зависимости от того, как пойдут дела). Как видим, в Лондоне все было подготовлено и обсуждено еще до получения в Токио русского ответа с «маньчжурской статьей».

Что дело в Лондоне было сколочено так крепко, не сразу дало себя знать в Париже и Петербурге. Ламсдорф поспешил обратиться с декларацией ко всем державам (8 января), что «Россия ни в какой мере не имеет намерения мешать державам [263] пользоваться, в пределах существующих договоров, правами и выгодами, приобретенными в силу этих договоров».{406} Обратился он и к

французскому посредничеству — с целью привлечь Лэнсдоуна к передаче «добрых советов» Японии (12 января), а самого Делькассэ просил ознакомиться с текстами японских и русских предложений и высказаться по их существу. Но только что Делькассэ успел обратиться к Лэнсдоуну в этом смысле (13 января), а заодно и к Мотоно (который сам обратился к нему за содействием еще 29 декабря), в уверенности, что в Токио «несомненно захотят узнать его мнение до того, как ответить на русские предложения», — как 13 января, минуя парижскую болтовню Мотоно, последовал уже и японский ответ.{407} На сей раз. по существу, это был ультиматум.

Русское предложение от 6 января ставило вопрос условно: *если* Япония признает в Корее «неиспользование» ее территории «в стратегических целях» и «зону» — Россия уступает «трактатные права» (без сеттльментов) в Маньчжурии. Японцы теперь категорически отвергали всякую условность: не признаем первого, требуем вовсе устранить вторую, а в Маньчжурии, кроме «трактатных прав», требуем признания «неприкосновенности Китая и Маньчжурии» и «сеттльментов» там же. К этому «заключению» японское правительство пришло *«окончательно»,* «надеется на *скорый ответ»* и считает, что «дальнейшее промедление будет *крайне неблагоприятно* для обеих стран». Это значило (на языке Витте): вы «поджали хвост» и «отступили» в одном пункте, задержавшись в другом — теперь извольте отступить» по всей линии и незамедлительно.{408} [264]

Американцы, как мы видели, еще и в прошлый раз поинтересовались, указали ли тогда японцы России срок для ответа. Теперь и Лэнодоун спросил Гаяси (14 января, принимая его сообщение о том, что Япония «примет меры для защиты своих интересов, если ответ не будет дан в разумный срок»): «что они разумеют под «разумным сроком», Гаяси ответил: «В крайнем случае будет дано *около 2 недель».* Но только об этом и спросил Лэнсдоун.{409} Только это и надо было знать в Лондоне, ввиду неизбежно предстоявшего дипломатического турнира с Парижем и Петербургом.

* * *

За истекшую до ультиматума неделю (6–13 января) ни Лондон, ни Вашингтон нисколько уже не заботили Гаяси. Но для дипломатии войны в эту неделю предметом заботы оставались еще Берлин и Токио. В Токио «руссофильская» группа Ито, приобщенная к «правительственным совещаниям», играла в них роль хотя и лойяльной, но все же оппозиции. В Берлине послом был ее заложник, сын Ито, на которого Вильгельм II жаловался, что он «погрузился в полное молчание».{410} Между тем, до Гаяси дошел слух, будто Розен, передавая свой ответ Комуре, «намекнул, что в случае войны Россия может рассчитывать на поддержку Германии». Гаяси теперь (8 января) просил своего германского конфидента в Лондоне Экардштейна устроить так, чтобы германский посол в Токио «сделал там заявление о германском нейтралитете»: *«нынешний японский кабинет хочет войны,* ибо иначе Япония упустит последний случай», а Комура опасается, что Берлин «неверно информирован о положении вещей» сыном Ито. Намеки Розена «могли бы ослабить положение воинственного японского

кабинета».{411} Берлин, [265] разумеется, не надо было упрашивать, и уже 12 января Гаяси похвалялся тому же Экардштейну, что «после официальных заявлений Германии и США о строгом нейтралитете, а США даже о благожелательном нейтралитете, японское правительство ускорило елико возможно свои военные приготовления и в течение 2 недель, весьма вероятно, более 100000 войска будет расположено в Корее».{412} Значит, Берлин не обманул надежд Гаяси и мгновенно поддержал «воинственный» токийский кабинет. Оставалось Токио. Но для Токио из Лондона Гаяси ничего больше сделать не мог: никакие лондонские аргументы не были действительны для группы Ито, именно в Лондоне видевшей главную пружину войны. Для Токио в эту же неделю (6–13 января) поработал в Петербурге Курино.

Не знаем, сам ли Курино искал свидания с Безобразовым или тот по своей собственной инициативе влетел в японское посольство в Петербурге; не знаем также, что именно наболтал он там об истинной «политике русского правительства»; но это было несомненно что-нибудь в стиле его теории концессии на Ялу, как «заслоне» против японцев, сказанное в защиту русского пункта о «нейтральной зоне»: так поняли его в Токио.{413} Это был «корейский» аргумент, которым можно было воздействовать на Ито, как на представителя корейской малой программы. Но этого было мало: «вокруг царя и Алексеева» шла ведь борьба, и русский ответ от 6 января давал знать, что «военная партия потерпела поражение» и что дипломатический рычаг перешел в руки Ламсдорфа. Обращаться к Ламсдорфу Курино было совершенно бесполезно: из этого многоопытного старого дипломата ничего острого и возбуждающего для внутреннего употребления в Токио не извлечешь. И Курино 11 января обратился в *глубокие* [266] *кулисы,* к Витте, за «частным интервью». Тот согласился — и оказалось, что это была истинная находка.

Витте заговорил с Курино, как «простой наблюдатель», ибо «оба министра (он и Ламсдорф, — *Б. Р.)* полностью побеждены». «С этой точки зрения он может сказать, что вопрос сейчас в борьбе силы и упорства между обеими нациями. *Он не придает никакой реальной или практической цены писаным или устным заверениям и договорам.* Заверения самого торжественного свойства были даны Россией. С тех пор обстоятельства переменились, а с переменой обстоятельств изменилась также и политика России. Это есть закон и это всегда будет законом. Вопрос не в том, что Россия или любая другая держава *обязана* делать по существующим обязательствам, а, в том, что каждая держава *может* делать сообразно с силой, какой может располагать эта держава в данный момент. Теперь Япония не может до конца соперничать с Россией, ни в отношении военных, ни морских, ни в отношении финансовых ресурсов. Предстоящее состязание будет благоприятно для России. *Было бы неумно Японии верить в договоры или обязательства,* которые будут связывать только на то время, пока баланс сил останется одинаковым. Когда Россия достигнет точки, где ее силы будут превосходить силы Японии, она приступит к защите своих собственных интересов сообразно с ее собственными идеями. Поэтому не очень-то выгодно Японии располагаться в. Корее под предположенной защитой договоров. *Япония должна удовольствоваться границей, которой Россия не может переступить — это море.* Что касается ее коммерческих интересов, они будут столь же хорошо или

дурно обеспечены, как и ее интересы, какие у нее есть во Владивостоке и Сибири, где живет и благоденствует много японцев».{414} [267]

Английский посол, получивший этот «меморандум об интервью с Витте» от Курино и пославший его в Лондон дипломатической почтой, нашел его «очень интересным» и обратил «специальное внимание» Лэнсдоуна на «открытые высказывания Витте о полезности договорных обязательств». Нечего и говорить, с каким торжеством могли предъявить такой документ (который Курино, несомненно, передал в Токио тотчас же телеграфом) Ямагата или Кацура в совете Генро, и невозможно себе представить, что теперь мог бы еще возразить Ито. *По существу* тут не было ничего нового ни для кого, и, может быть, даже для Ито. Но в данную минуту этот сенсационный, разоблачительный для «мирной» «партии Витте» документ *тактически* должен был до конца разоружить токийскую оппозицию. Во всяком случае японский ультиматум 13 января, последовавший через 2 дня после откровений Витте, свидетельствовал, что «воинственный японский кабинет» полностью завладел «положением».{415}

* * *

Японский ультиматум в виде «вербальной ноты» был составлен в «вежливой» форме и в «примирительном духе» и, [268] разумеется, не содержал указания на срок. О сроке знали (и молчали) в Лондоне, Берлине, Вашингтоне. Ни Петербург, ни Париж не сделали и попытки узнать о нем. Делькассэ развил бурную энергию для выработки согласительной формулы, и Ламсдорф просил его изобретать формулировки то для одного, то для другого пункта, обсужденных ими по существу. Ламсдорф забросил переписку с Порт-Артуром и Токио и ориентировался только на Париж («Париж — это все»), который казался ему самой надежной связью и с Лондоном и с Токио. Роль Гаяси в Лондоне свелась теперь к бдительной охране своих дипломатических завоеваний от какого-либо вмешательства или посредничества; роль Курино в Петербурге — к официальным запросам, когда же будет ответ, и к демонстрированию в петербургском дипломатическом кругу, в «примирительном» духе, то оптимистических, то пессимистических своих настроений.

Главная роль перешла к Мотоно в Париже. В эти остававшиеся до развязки две недели он охотно обсуждал в обнадеживавшем Делькассэ духе всяческие варианты, выдвигавшиеся для изменения («окончательных»!) японских условий, как материал для посреднического выступления третьих держав, — а к 27 января кончил тем, что заявил Делькассэ, что «Япония ни в коей мере не расположена принять посредничество», оставив, однако, противников под впечатлением, что *непосредственная* дальнейшая дискуссия с Токио еще возможна.{416} Запутываясь в дипломатической паутине парижских переговоров и «сознавая все ухудшение, какое причиняют кризису длительные отсрочки», Ламсдорф не предполагал проявлять «спешку, по примеру Комуры», считая «необходимым» «знать результат» «бесед» и «оценки» самого Делькассэ (16 января); Ламсдорф «мог сформулировать свой ответ только тогда, когда Делькассэ ему скажет, [269] «в какой мере достоверно, что японское

правительство готово войти в соглашение» (18 января), когда он, Ламсдорф, узнает, что Мотоно «действительно говорит от имени своего правительства» (20 января). Он все ждал (22 января), «не сочтет ли Делькассэ уместным, не произнося, конечно, громких слов, вызвать токийский кабинет на какие-нибудь инструкции, уполномочивающие Мотоно сообщить ему намерения японского правительства».{417} Что Мотоно, наконец, отказался от посредничества (27 января), тоже так и не было сообщено Ламсдорфу. Теперь, когда уже накопился материал для составления русского ответа, оставалось получить согласие Николая и затем «послать его» Делькассэ, и «совместно изучить его редакцию» (24 января). Делькассэ, ведший параллельно разговоры и в Лондоне, подставил Ламсдорфу. на смену Мотоно, Лэнсдоуна: «В подходящий момент он, Делькассэ, снова будет действовать на Лэнсдоуна, чтобы его вмешательство в Токио активно работало в пользу мира, когда русский ответ дойдет до японского правительства» (25 января).{418} Пока в Париже разговаривал разговоры Мотоно (а что он говорил по точной указке из Токио, уверены были оба, Делькассэ и Ламсдорф), две недели день за днем уходили незаметно. Но говорил и Лэнедоун — и это создавало новые паузы.

Главное — маньчжурский вопрос, — решил Делькассэ, — принимаясь за дело с Мотоно. А всего спорных вопросов три: сеттльменты, неприкосновенность Китая, зона в Корее. Мотоно согласился. Делькассэ напал на сеттльменты: «если не решено бесповоротно воевать», их надо отбросить. «Этот вопрос не стоит конфликта», — согласился Мотоно и обещал «подумать». То же и с «неприкосновенностью» Китая: можно ее выбросить, — предложил Мотоно, — вместе с неприкосновенностью Кореи, можно и сохранить то и другое. «Уменьшайте [270] нейтральную зону в Корее», — посоветовал Делькассэ в Петербург (15 января).{419} На другой день Мотоно, «подумав», сказал, что на сеттльменты в Маньчжурии имеют право по договорам с Китаем (от 8 октября 1903 г., ратифицированным и опубликованным только 14 января 1904 г.) Япония и США. «Япония не станет настаивать на этой привилегии одна», — заявил Мотоно (а в Париже было уже известно, что США пока не будут поднимать разговора с Китаем о сеттльментах). Таким образом вопрос о сеттльментах благополучно отпал (да и Курино в Петербурге также высказывался, что Япония «кончит тем, что уступит в этом пункте»). Нельзя ли о «неприкосновенности» Китая «упомянуть» где-нибудь во «вводной части» (préambule) договора? — предложил Делькассэ Петербургу (16 января).{420} Но решение маньчжурской проблемы интересовало не только Токио, а и Лондон. Делькассэ обратился и в Лондон (16 января).

Лэнсдоун очутился между двух огней. Гаяси мгновенно узнал о плане Делькяссэ, и не успел еще заговорить Камбон, как Гаяси (16 января) явился в английское министерство иностранных дел с напоминанием, что в отношении посредничества позиция Японии «ничуть не изменилась»: «переговоры об этом потребуют времени», а «отсрочка» «будет только к выгоде России». Одновременно и Ламсдорф, в разговоре с Чарльзом Скоттом, «недвусмысленно намекнул, что лично он хочет посредничества», и просил «помочь мирному разрешению конфликта»: «царь испытывает отвращение к мысли о войне и сделает разумные уступки, чтобы ее избежать» (15 января). Когда Камбон (18 января) заговорил с Лэнсдоуном о Маньчжурии, последний находился под

впечатлением допроса, учиненного им 15 января Бенкендорфу по поводу русской декларации от 8 января о признании трактатных прав в Маньчжурии: там было сказано, что Россия [271] заявляет это, «не предрешая условий, которые в будущем определят природу ее отношений с Маньчжурией». Значит ли это, что, в случае русского «протектората» или даже «аннексии» Маньчжурии, Россия не будет считать себя связанной этим обещанием? Бенкендорф, перепробовав несколько формулировок этого пункта, который звучал разно в английском и французском переводах и неточно передавал русский текст, кончил заверением, что «лично он» считает это обязательство безусловным: «пока суверенитет Китая существует, договорные права держав остаются в силе, но нет и речи о том, чтобы покончить с суверенитетом Китая». У Эдуарда VII тогда осталось впечатление, что «объяснение Бенкендорфа в высшей степени неудовлетворительно». Теперь Лэнсдоун прямо заявил Камбону, что он «не может советовать Японии отказаться от справедливых требований, интересующих всех и Англию в том числе»: «во всех китайских портах необходимо устройство специальных кварталов для иностранцев» (т. е. сеттльментов), и указал на двусмысленность самой русской декларации от 8 января. Выходило: то, что уже улаживается с Токио (сеттльменты), встречает препятствия в Лондоне. И более того: Лэнсдоун указал, что «если вопрос о сеттльментах будет устранен с пути, два остальные пункта — о нейтральной зоне в Корее и неприкосновенности Китая — не могут представить непреодолимого затруднения».{421} Лондон давал надежду, что условия японцев не «окончательны», пусть только Россия признает принцип «открытых дверей» во всей полноте.

Так как теперь же Делькассэ стало известно, что Ламсдорф не считает «нейтральную зону абсолютно необходимой» и ищет только аргументов, чтобы исключить этот пункт, а Мотоно подсказывает аргумент очень удобный — как же де [272] быть с охраной той японской железной дороги в Корее, которая пройдет до самой границы на Ялу через зону? — то в отношении Кореи дело можно было считать улаженным, тем более, что и про пункт о «неиспользовании Кореи в стратегических целях», исключения которого требовала Япония 13 января, Мотоно теперь (17 января) выразился «текстуально»: «В конце концов у меня такое впечатление, что по этому пункту оба правительства смогут договориться непосредственно».{422} Таким образом забота о Корее у Делькассэ отпадала целиком. Оставалась Маньчжурия.

К концу первой недели парижских переговоров Делькассэ попробовал найти выход из маньчжурского тупика. Лондон затормозил дело, настаивая на «сеттльментах». Теперь (21 января) у Делькассэ было уже «ясное» заявление Мотоно, что «его правительство отказывается требовать их учреждения». Лондон говорил, что пункт о «неприкосновенности» Китая не есть непреодолимое затруднение. Теперь и Мотоно снижал тон и толковал только о том, что это вопрос «главным образом самолюбия»: «Японское правительство, перед лицом страны, дорожит получить, *пусть хотя бы вне статей договора*, формулу, пусть общую, *даже хоть что-нибудь неопределенное,* но хоть что-нибудь». А Лэнсдоун в тот же день (21 января) отказался от скептицизма в отношении «неудовлетворительных» объяснений Бенкендорфа по поводу двусмысленной оговорки в декларации 8 января об «открытых дверях» и

признал их «удовлетворительными» (и в «Синей книге» вместо «не предрешая условий» впоследствии появилась фраза: «независимо от того» и т. д.).{423} С другой стороны, — Ламсдорф готов был [273] дать новое «подчеркнутое» заявление о соблюдении трактатных прав в Маньчжурии, но считал «очень стеснительным какой-либо намек на неприкосновенность Китая» в момент, когда с Китаем переговоры еще не закончены (17 января). Делькассэ с своей стороны успел (19 января) предложить выпустить «торжественную декларацию», которая разрешила бы маньчжурский вопрос снятием двусмысленной оговорки, и, удовлетворив Лондон, лишила бы Японию его поддержки, а тогда договор мог бы ограничиться одной Кореей, но уже без всякой нейтральной зоны. Таким образом, теперь казалось, нужно было только изобрести такую формулу, которая удовлетворила, бы всех и которую Ламсдорф мог бы протащить в Петербурге, у царя. Ламсдорф опасался, что «торжественную декларацию» ему будет труднее провести, чем «какую-либо неопределенную (vague) формулу, соответствующую идее о неприкосновенности Китая, но не обещающую ее» в самом договоре. Он просил Делькассэ (22 января) «ответить желаниям Японии» посредством какого-нибудь «редакционного ухищрения».{424} Ему казалось, что «почва для дискуссии расчищается все больше и больше», и он настаивал на «быстром» выяснении вопроса относительно «характера полномочий» Мотоно и вообще на «необходимости действовать быстро».

А на деле оказалось, что, достаточно завлекши противника, теперь Мотоно стал пятиться назад. Четыре часа подряд просидел Делькассэ с ним 23 января и узнал, что, во-первых, Мотоно не может дать «более полных сведений», чем данные им раньше; во-вторых, впечатление его от пункта «о [274] неиспользовании Кореи в стратегических целях» «менее благоприятно, чем раньше»: «отказываясь от влияния своего в Маньчжурии», Япония считает «вопросом своего самолюбия» не ограничивать себя в Корее; в-третьих, что «лично» «он не думает, чтобы его правительство настолько держалось за уничтожение пункта о «стратегических целях» (в Корее), «чтобы сделать из него conditio sine qua non соглашения». Главное же — Мотоно «не скрыл, что его кредит ограничен», хотя и просил: «если вы что-нибудь получите из России, сообщите мне, я буду поступать так же».{425}

В результате из всех объяснений, возражений и формулировок Делькассэ в беседах с Мотоно за истекшие 10 дней, в Токио были в курсе дипломатической работы противника; а что происходило между Токио и Лондоном в этом отношении — ровно ничего не узнали ни в Париже, ни в Петербурге.

При таких условиях Ламсдорф перешел к составлению проекта ответа на ультиматум. Руководствуясь всем тем, что говорил Мотоно, он исходил теперь из трех положений: вопрос о «формуле» по Маньчжурии «решается» вводом в соглашение заявления, аналогичного общей декларации от 8 января; исключение статьи о зоне явится «в последний момент» «ценой сохранения» пункта о «стратегических целях»; этот последний надлежит и возможно, как явствовало из слов Мотоно, удержать именно этой ценой.{426}

Что дело как будто уж не так безнадежно, показало Делькассэ и зондирование в Лондоне. 24 января Лэнсдоун встретил Камбона выражением

радости по поводу «возвращения Ламсдорфа к руководству дипломатическими делами Дальнего Востока», что это «улучшит положение», хоть он и «не уверен, что Япония, которая чувствует себя готовой и произвела большие расходы, не окажется требовательной». России надо отступиться от «зоны» и от «сеттльментов»; хотя все декларации России о «неприкосновенности» Китая «удовлетворительны [275] «, но Япония «вероятно» потребует «двустороннего акта». Ясно, что напоминание об уже снятых с дискуссии самой Японией, «сеттльментах» было той ценой, которую Лэнсдоун ставил французам за возможное примиряющее участие Англии А так как в отношении «зоны» уже решено было уступить японцам, Делькассэ оставалось использовать «добрые услуги» Лондона в вопросе о «неприкосновенности» Китая.{427} Лэнсдоун не только не сделал и намека на двухнедельный срок, а даже указал еще и пункт, в котором у Англии и Японии имеется расхождение. Но когда Камбон (27 января) обратился к Лэнсдоуну с прямым предложением втроем — Англия, США, Франция — предложить в Токио эти «добрые услуги и умеряющий совет», Лэнсдоун ушел в скорлупу: ему нужно знать «характер ответа, который пошлет Россия на японскую ноту».{428}

А «характер ответа» в Петербурге назначен был к обсуждению на совещании 28 января. Накануне Николай принял германского посла и имел с ним долгую беседу («впервые на немецком языке», — злорадно отметил Вильгельм). Николай жаловался на «вероломную» политику Англии одинаково в отношении России и Германии и, в ответ на реплику посла, что «отсюда видно, где находятся подлинные друзья», заметил, что «познаются они в серьезные времена»: «вот если бы мы держались заодно втроем (т. е. с Францией, — *Б. Р.*), это была бы великая гарантия». Это был более чем прозрачный намек. Но из Берлина на этот намек не последовало никакого отклика. В совещании 28 января Николай не участвовал, а потом принимал участников его для доклада, каждого поодиночке. Прошла программа Ламсдорфа, составленная по рецепту парижских переговоров: статья о нейтральной зоне была исключена вовсе (вопреки возражениям Абазы), статья о признании трактатных прав «Японии [276] наравне с прочими державами» в Китае включена (очевидно, в угоду Лондону) без оговорки о «сеттльментах», а статья 5-я о «неиспользовании Кореи в стратегических целях» включена полностью (как согласовано было у Делькассэ с Мотоно в Париже).{429}

Не зная еще «характера русского ответа», Лэнсдоун 29 января имел беседу с Гаяси по двум пунктам. Она носила характер последней проверки сил.

Первый пункт. Японцы в ультиматуме от 13 января требовали признания *«только»* «территориальной неприкосновенности Китая», между тем как применительно к Корее говорилось о *«независимости* и территориальной неприкосновенности»; то же было выражено и относительно Китая в японском проекте от 3 ноября 1903 г.: не требует ли теперь Япония «чего-то меньшего»? Гаяси, оказывается, не обратил внимания на этот пункт, но не придает этому значения: и одна «неприкосновенность» исключает уже как аннексию, так и протекторат.

Второй пункт. Как отнеслась бы Япония к «усилиям держав найти решение, приемлемое для обеих сторон без ущерба для достоинства»? Не

дожидаясь ответа Гаяси, Лэнсдоун сам напомнил о 1895 годе и прибавил, что Японии, как он вполне понимает, «ничего не остается, как настаивать на буквальном удовлетворении ее требований хотя бы ценой войны». Гаяси оставалось только подтвердить: двустороннее «соглашение» о Маньчжурии и никаких «деклараций», только «полное принятие японских предложений может предотвратить войну», «нет больше мирной партии в Японии!»{430}

Лэнсдоун был теперь хорошо подготовлен к возможному повторному обращению из Парижа: он бессилен сделать тут [277] что-нибудь. «На всякий случай» теперь же (30 января) Лэнсдоун подвинтил и еще один винтик: он предупредил Чарльза Скотта, что «нам, конечно, невозможно позволить хоть одному судну Черноморского флота принять участие в военных операциях», так как это будет «катастрофично для Англии и России».

Тем временем 23 января, когда в Париже Мотоно вдруг сжался в объяснениях с Делькассэ и когда, заведомо для Токио, только и могла начаться работа Ламсдорфа «вокруг царя и Алексеева» — из Токио через посредство Курино началась бомбардировка Ламсдорфа запросами, когда же будет дан русский ответ. В течение 6 дней, пока шли выработка его текста и сношения с Алексеевым, Курино ставил перед Ламсдорфом этот вопрос четыре раза. Последний раз он был поставлен 1 февраля, через три дня после петербургского совещания министров, когда текст ответа был готов, но еще не был утвержден Николаем. Текст ответа был утвержден 2 февраля и отправлен 3 февраля в двух экземплярах телеграфом непосредственно в Токио и через Порт-Артур. 4 февраля об отправке ответа извещен был официально и Курино. Тогда навстречу русскому ответу, не дожидаясь его, 5 февраля Комура телеграфировал Курино «прекратить настоящие бессодержательные переговоры», «ввиду промедлений, остающихся большей частью необъяснимыми» и прервать дипломатические сношения с царским правительством. Телеграмма Розену от 3 февраля была задержана на японском телеграфе в Нагасаки и доставлена Розену в Токио только 7 февраля — после разрыва.{431}

А 9 февраля японский флот совершил свое ночное разбойничье нападение на порт-артурском рейде. [278]

4. Лондон в последние дни переговоров

Какова же была роль Лондона в эти последние дни?

Уверенный теперь, что только «буквальное» удовлетворение японских требований и только «двустороннее соглашение о Маньчжурии» может предотвратить войну, Лэнсдоун 3 февраля, когда русский ответ только что был отправлен, сидел и «ждал попрежнему русского ответа, чтобы определить свою позицию». В таком положении и застал его Камбон, явившийся к нему в этот день выразить надежду, что он будет «действовать быстро и энергично» «в примиряющем смысле», как было заявлено в тронной речи Эдуарда VII еще 3 января. Камбон готовился встретить у Лэнсдоуна «закрытую дверь». Оказалось ничуть. «Я понимаю, — сказал Лэнсдоун, — что Россия отказывается договариваться с одной Японией о неприкосновенности Китая. Это вопрос, касающийся прежде всего Китая и потом уже держав, имеющих интересы на Дальнем Востоке (можно было подумать, что говорит не Лэнсдоун, а сам

Ламсдорф! — *Б. Р.*). Если бы Россия сделала всем державам приемлемую декларацию. Япония, мне кажется, должна была бы удовлетвориться». — «Достаточно ли будет вам сообщения русского ответа?», — попробовал сократить процедуру Камбон. — «Да, если русская нота будет сообщена нам официально, и будет содержать удовлетворительные заявления, мы будем действовать, чтобы заставить ее принять». Камбон счел, что «не должен итти дальше этого, ибо, слишком уточняя, рискуешь закрыть приотворяющуюся дверь» — и не спросил, что надо понимать под «удовлетворительными» заявлениями. Камбону уже и то «было важно, что английское правительство не поддерживает претензии Японии — одной договориться с Россией о неприкосновенности Китая посредством двустороннего акта».{432} Это же был первоначальный проект Делькассэ — односторонней «торжественной декларации»! [279]

На другой день, 5 февраля, явился к Лэнсдоуну Галси и «строго конфиденциально» предупредил, что «завтра японское правительство произведет мобилизацию»; хотя «русский ответ еще не дошел до него (nat yet reached them, т. е. в Токио знали, что ответ уже пошел, — *Б. Р.),* правительство предвидит, что он будет неудовлетворителен». Лэнсдоун тотчас же обратился в Вашингтон: война «очевидно неизбежна», Делькассэ хочет «согласованного выступления Франции, США и Англии», «мы можем навлечь на себя вечную вражду Японии, если станем на ее пути и лишим ее счастливого случая, который она, очевидно, решила использовать. Если она упустит свой шанс теперь, она может пострадать за это в будущем». Впрочем он надеялся на полное совпадение «точек зрения» Вашингтона и Лондона.

На следующий день, 6 февраля, Лэнсдоун дал Гаяси уже письменное формальное обязательство «приложить все усилия, чтобы предупредить вступление в войну других держав», и не допустить «в данный момент» какого-либо посредничества третьих держав.

Итальянскому министру иностранных дел Титтони справедливо казалось, что «от воли английского правительства зависит изменить непримиримость Японии и отвратить войну», что «слабость Форейн оффис, не сумевшего занять ясную позицию, много будет здесь значить». С своей стороны французский посол в Риме, Баррер, отмечал, что «высказывания его английского коллеги по этому предмету, изобличают недостаток чувства ответственности».{433} А на деле, как видно, и здесь был свой стиль в работе (и своя политика!).

В ту самую «приотворенную» Лэнсдоуном 3 февраля дверь, в которую постучался и просунул голову Камбон, попытался пройти по его следам 7 февраля русский посол Бенкендорф. [280] Лэнсдоун сразу же понял: «Россия, очевидно, будет рада выпутаться в последний момент», — и предложил Бенкендорфу заключить «договор между Россией и Китаем, который другие державы могли бы по приглашению России и Китая официально принять к сведению». — «А вы посоветуете Японии принять такое предложение?» — спросил Бенкендорф своего собеседника. Ленсдоун «притворил дверь»: он должен «посоветоваться с коллегами», но «боится, что может быть уже поздно, если бы Россия и хотела».

Прежде чем обратиться к «коллегам», Лэнсдоун в тот же вечер обратился к Гаяси. Тот был, как скала: «Японское правительство не может потерпеть дальнейшей отсрочки», да и «китайцы так не заслуживают доверия, что он (Гаяси, — *Б. Р.)* испытывает отвращение к мысли о каком-либо договоре, основанном на соглашении с ними». Гаяси прибавил, что, «даже если после открытия военных действий Россия придет к Японии с предложением договора, он очень сомневается, чтобы можно было сдержать воинственный дух его соотечественников». Что завтра, 8 февраля, британский кабинет будет обсуждать русское предложение о русско-китайском договоре, Гаяси был осведомлен Лэнсдоуном тут же, вечером 7 февраля. Это могло бы только ускорить начало военных действий. Но и без того эскадра Того уже двигалась в направлении к Порт-Артуру, когда британский кабинет вынес решение о невозможности какого-либо вмешательства в ход переговоров, о чем категорически и сообщил Лэнсдоун в ледяном тоне Бенкендорфу 8 февраля.{434}

Лэнсдоун, конечно, обыграл своего французского коллегу — Камбона. Узнав по горячим следам поздно вечером 7 февраля от Бенкендорфа, что ни о какой *«декларации»,* «к его удивлению», Лэнсдоун больше и речи не поднимал, а заговорил о таком русско-китайском «договоре», заключение [281] которого потребовало бы созыва громоздкого конгресса держав, Камбон «совсем рано утром» 8 февраля «появился» на квартире Лэнсдоуна, «заставил его разбудить» и потребовал объяснений. При этом Камбон «вышел совершенно из роли», и в результате «произошла бурная сцена». Объяснение Лэнсдоуна свелось к тому, «что в его *словах* (о декларации, — *Б. Р.)* несомненно заключалась некоторая неясность (confusion)», но «что в его *мыслях*... простые заверения России никогда не представлялись удовлетворительными». Идея «торжественной декларации», за которую только что ухватился было Камбон, оказалась мыльным пузырем.

Это, разумеется, не помешало обоим тут же договориться — приложить в дальнейшем все усилия, чтобы «локализовать» русско-японский конфликт (т. е. продолжать работу по выработке текста англо-французской entente).{435}

О том, чтобы дипломатически связать войну, не приходилось и думать: она была уже фактом.

5. К ВОПРОСУ О «ВИНОВНИКАХ ВОЙНЫ» 1904–1905 ГГ.

Итак, теперь Николай мог «повесить Безобразова»? Ибо вопрос о войне действительно «ушел из рук» Николая (как предостерегал его Ламсдорф до его маньчжурской уступки 15/28 декабря).{436} «Повесить» — это, разумеется, был только «юнкерский» жаргон, а проще сказать — распустить по домам всю шайку и отозвать Алексеева. Но ведь безобразовцы клялись, что войну японцы «не посмеют» начать только в том случае, если отказаться от «политики уступок». А он, Николай, в последний момент стал на путь уступок: бросил корейскую лесную концессию на Ялу, отказавшись от «нейтральной зоны» и согласившись на японскую железную дорогу через Ялу, и «открыл двери» в Маньчжурию, отказавшись [282] от монополии там и согласившись на сеттльменты, которые в руках японцев должны были стать политическими бастионами в Маньчжурии. Между тем безобразовцы вошли во вкус экономических завоеваний и предпринимательства русского империализма

чистой марки, и не только на северном клочке Кореи, но и на всем пространстве Маньчжурии.{437}

Пока безобразовцы вели борьбу с Витте, они много говорили о «частной предприимчивости» (разумея себя с царем) и «мертвящем бюрократизме» (разумея Витте), о бессмысленности «казенных затрат» и бездоходности для казны восточных предприятий. Они легко улавливали все более раскрывавшееся несоответствие между масштабом экономической программы Витте и военно-политическими средствами, на которых строилась эта империалистическая программа в последние годы кризиса. Но вот Витте уже был, наконец, свален совокупными усилиями царского зятя, Александра Михайловича, внушавшего Николаю, что Витте «обезличивает не только другие министерства, но и само самодержавие», Безобразова, доказывавшего царю, что Витте «главный» в министерском «триумвирате» и что «ошибочную политику» на Дальнем Востоке можно изменить, только «если его убрать», и Плеве, считавшего Витте «красным», вокруг которого группируются «все недовольные».{438} Когда же после отставки Витте перед безобразовцами открылась возможность пересмотреть его старую экономическую программу и политическую линию самодержавия на Дальнем Востоке, в последние месяцы перед войной они в своем «новом курсе», как и Витте в своем старом, не отказались ни от той, ни от другой.

Проектированная ими теперь Восточноазиатская промышленная [283] компания, образуемая на 75% на капитале казны и только на 25% на капитале все тех же «благонадежных лиц», которые намечались еще в 1900 г., должна была унаследовать акции Общества КВжд (5 млн руб.), участие русского казначейства в Русско-Китайском банке (около 5 млн руб.) и все концессии, числившиеся за Маньчжурским горнопромышленным товариществом и Русским лесопромышленным товариществом, которые тоже были образованы исключительно на средства казны. «Совет компании пайщиков», по назначению правительства, «со всеми правами государственной службы» и под наблюдением наместника, становился во главе старого комбината и в дальнейшем должен был развить учредительскую деятельность. Намечалось широко привлечь французский и американский капиталы в смешанные акционерные общества, которые должны были работать под политическим руководством и контролем этой коллегии русских должностных лиц, на условии «уступки части прибылей русской казне». Как видим, новизна дела в этой затее сводилась к тому, что из прежней схемы «казенного хозяйства» выключался министр финансов, и на его место становился наместник, который осуществлял свою объединяющую функцию при помощи назначенных в Совет компании чиновников, частью может быть заинтересованных участников в деле, как то было в обычае и при Витте.{439} На место же тренированных агентов государственного аппарата становилась здесь придворная камарилья из белоручек, жадных до тантьем и легкой карьеры. Одному из них министр финансов Коковцов и бросил упрек в том, что «некоторые лица» ищут себе в этом «обществе» «увеличения содержания». А опыт Безобразова и Балашова успел показать, что здесь действительно был феодальный «носорог» в «фарфоровой лавке» капитализма.{440} [284]

Секретарь германского посольства в Петербурге, приехавший в Берлин в начале января 1904 г., рассказывал, что «все» в Петербурге «испытывают великий страх перед войной с Японией и надеются избежать ее на основе уступки ей Кореи. Там не только чувствуют себя неравными японцам на море, но и на суше должно пройти еще много месяцев, пока будут закончены все потребные вооружения. Если бы, несмотря на это, взяли верх воинственные перспективы, то это нужно было бы приписать особенно единственно решающему, как в этом, так и во всех других тамошних вопросах, фактору — царю. Маньчжурия представляет для его величества некое noli me tangere («не тронь меня») и предмет его излюбленной и личной политики, и потому не исключено, что, если бы Япония стала настаивать относительно Маньчжурии на известных экономико-политических требованиях, то царь даже вопреки совету своих министров решился бы на войну».{441}

Такова была петербургская конъюнктура накануне маньчжурской «уступки», сделанной Николаем 15/28 декабря 1903 г. В первоначальном, еще августовском, проекте ответа «статья о Маньчжурии» «была вычеркнута» самим Николаем.{442} Когда он понял, что стоит перед «риском войны», и: именно так сам поставил вопрос в совещании 28 декабря: («что лучше: итти на риск войны или продолжать уступчивость?»), Ламсдорф всячески пытался получить от него более определенные указания — «чего же мы хотим в Маньчжурии». Ламсдорф обещал «добиться решения маньчжурского вопроса в нашу пользу», «но надо знать, чего добиваться». Дядя Алексей стыдил племянника: «в вопросе маньчжурском мы играем роль собаки на сене: сами не пользуемся и другим дать не хотим». Куропаткин также твердил: «надо главное твердо выяснить, что мы хотим в Маньчжурии, [285] и то, что мы решим, отстаивать твердо». Когда к концу совещания Ламсдорф еще раз напомнил, «что по Маньчжурии мы никогда не пришли к окончательному результату», Николай просто сказал: «да». Когда Куропаткин попробовал указать на «выгодность при данной обстановке присоединить северную Маньчжурию», Николай не дал согласия на голую аннексию и «возразил», «что управление населением надо оставить в руках китайцев».{443} И по существу вопрос так и не сдвинулся с точки.

Уже после уступки японцам и после декларации державам 8 января, Лэнсдоун как-то спросил Бенкендорфа в упор, «что мы хотим в будущем делать с Маньчжурией», и подсказал тому на выбор, что «будущие условия могут быть определены по-разному: оккупация, протекторат, аннексия», — а Бенкендорф и сам для себя не имел четкого ответа на этот вопрос и «уклонился от ответа».{444}

Но и раньше, в дни весны «нового курса» и расцвета «безобразовщины», Алексеев в Порт-Артуре не мог добиться, хотя бы только для себя, ясности в этом вопросе. С самого начала «нового курса» он был связан противоречивой директивой: «точно исполнить принятые нами на себя конвенцией 26 марта 1902 г. обязательства», — одновременно «с полным ограждением однако наших интересов в Маньчжурии». «Старый курс» (т. е. Витте) не предполагал снимать оккупации без «гарантий» и бился в заколдованном кругу, откладывая эвакуацию до полного овладения всеми экономическими позициями в Маньчжурии и до полной готовности защитить их вторичной

оккупацией в любой момент. Теперь (в апреле 1903 г.) «гарантии» провалились, и Алексеев стал склоняться к тому, чтобы, «не обращая внимания на китайцев», «укрепить наше положение в Маньчжурии». Но не зная, как «укрепить», договаривался до признаний, что «мы хватаем Китай», который «ни в чем не провинился перед [286] нами», «за горло», и проектировал даже, чтобы китайское правительство «отправило чрезвычайного посла» к Николаю, «дабы ходатайствовать об эвакуации Маньчжурии без тяжких для Китая условий» (июнь 1903 г.) — т. е. перекладывал: решение вопроса на Петербург.{445} Став наместником, когда безобразовцы завалили его своими экономическими проектами и «постановками», Алексеев, уже «твердо стоя на необходимости удержания за нами *всей* Маньчжурии», отговаривался, однако, «преждевременностью» этих проектов, «пока не решен будет окончательно вопрос о Маньчжурии вообще». И в политической сфере он находил для себя «несвоевременными решительные меры, пока не выяснится окончательно наше положение в Маньчжурии». Более того: решение вопроса о Маньчжурии было для него «усложнено» и в октябре 1903 г. «полученным от Николая указанием о желательности избежать возбуждения против нас постоянной вражда Китая». Алексеев все твердил, что «ему очень тяжело», что он «теряет силы». И у безобразовцев отпадала «надежда видеть его сторонником новой экономической программы».{446}

Как ни изощрялись теперь отдельные безобразовцы, Николай в вопросе *общей политики* так и не решился принять ни предложения Балашова о присоединении Маньчжурии целиком (12 ноября ст. ст.), ни предложения Куропаткина (поддержанного 3 декабря Витте и Ламсдорфом) о присоединении ее северной части и продаже южноманьчжурской линии КВжд с Порт-Артуром и Дальним за 250 млн. руб. 15 декабря Николай сделал уступку японцам включением в договор «маньчжурской статьи», в расчете, может быть, получить Маньчжурию позднее, как приз войны (не этой, которой сейчас хотят японцы, а той, которую начнет он сам, когда будет готов). Однако *«эта»* война, которой он не хотел и которой боялся, явственно застигала его на путях «последовательной постепенности». [287]

Когда же она разразилась, то и в *сфере экономики,* на особом совещании в мае 1904 г., при участии министра финансов Коковцова, — торжествует и утверждается Николаем решение: отвергнуть безобразовский проект и «отступить» от прежней боевой экономической программы, проводившейся Витте, с тем чтобы построить «нашу финансовую политику на Дальнем Востоке на началах облегчений таможенных, податных, кредитных и т. п., устранить некоторые формальности в образовании компаний, отказаться от нетерпимости к иностранцам и евреям, задаться привлечением иностранных капиталов в целях привлечения частной предприимчивости и отказаться от казенного хозяйства на будущее время вообще во всех предприятиях промышленного характера»{447}

Это и было, наконец, признанием поражения, которое потерпела *еще до войны* восьмилетняя боевая политика русского военно-феодального империализма, показывавшая то «мирное», то «захватническое», то монополистически-капиталиетическое, то военно-феодальное его лицо и отдававшая Маньчжурию в монопольное обладание финансово-

капиталистического комбината ряда предприятий. В этом комбинате самодержавие должно было не только принимать участие капиталом, но и сохранять политическое руководство: или, во-первых, через министра финансов, пользующегося доверием руководящих иностранных и русских банковских и промышленных кругов, как то ревниво до последней минуты отстаивал Витте, — или, во-вторых, через особо для того назначаемых царем же «частных» лиц, чего добивались, и к августу 1903 г., казалось, вот-вот уже добились, наконец, безобразовцы. Аппарат государственно-монополистического капитализма, представленного на Дальнем Востоке в довольно чистом виде политикой Витте, благодаря подавляющим вложениям казенных средств, легко становился здесь предметом покушения со стороны оголтелых, «истинно-русских» разорившихся и озлобленных крепостников-безобразовцев. [288]

Однако полностью это покушение не удалось. И не удалось именно в экономической сфере. Безобразовцам удалось только свалить Витте, и он под ударами кризиса и волн революции, все сильнее раскачивавших корабль самодержавия, бюрократически «расплатился» теперь за все бедствия, которые претерпевал крепостник-аграрий в эпоху, когда его брат-буржуа «мог все» и шел в гору. Безобразовцы не попытались даже выставить собственного кандидата на пост министра финансов. Зато они заметно расстроили аппарат царизма и его налаженную технику, силясь заставить этот аппарат «укрепить полное влияние России в Маньчжурии», т. е. по-прежнему «оградить» Маньчжурию «от иностранцев». В результате «ответственностью» за войну политически расплачивалась как раз клика полукрепостников, с царем во главе. «Вина» за войну, естественно, *тогда* пала целиком на авантюристов «безобразовской шайки» и царя. А «мирная» дипломатия Витте оставалась *тогда* в стороне и в тени.

Если бы это было только *тогда*, — в таком случае не стоило бы об этом и упоминать, а тем более останавливаться сколько-нибудь подробно на пресловутом вопросе о «виновниках войны», страстно дебатировавшемся в свое время в кругах и в печати господствующих классов России. Однако такая трактовка вопроса о «виновниках войны» обнаружила чрезвычайную живучесть и, под пером М. Н. Покровского в 20-х годах, пыталась закрепиться в теоретической сфере, в частности в антиленинской установке о не-империалистическом характере русско-японской войны. Эта последняя установка была связана с так называемой теорией торгового капитализма, в которой «затушевываются» «настоящие, коренные империалистические противоречия двух государств — царской России и империалистической Японии».{448} Она же сказывалась и в отрицательном решении вопроса о наличия в России класса империалистической буржуазии — в афоризме [289] Покровского: «русская буржуазия была еще не империалистична, а царь был у нее империалистический».{449} От сюда же и теория «нормального», «естественного» империализма Витте («торгового капитала новой редакции»), при котором «рано или поздно» только *«могло»* дойти до вооруженного столкновения.{450} Та же установка приводила Покровского к фактическому снятию всякой «ответственности» за войну с японского империализма и изображению его, как стороны

обороняющейся. Отсюда у Покровского трактовка англо-японского союза, как *«одной из мер предосторожности»* японского правительства, которое де «уже давно прекрасно *понимало*, что дело идет к войне» (а не само *вело* дело к ней, как неоспоримо показывают цифры и факты).{451} Таково же, наконец, и оправдание Покровским специфически-разбойничьей черты японского милитаризма, выразившейся в открытии военных действий без объявления войны.{452} Как видно из приведенных примеров, старый вопрос о «виновниках войны» связывается с вопросом о движущих силах в русско-японском империалистическом конфликте, а затем и с вопросом об истинном агрессоре, развязавшем войну. И попросту обойти его никак невозможно.

* * *

Известно, например, что Николай и сам, как будто, готов был принять «вину» за войну на себя. Весной 1904 г., когда он «верил» еще в «благополучный исход войны», он говорил [290] генералу Случевскому, уезжавшему на театр военных действий: «я виновник войны».{453} Поставить на таком ценном признании точку — как нельзя более соответствовало бы в свое время интересам тех банковских и промышленных кругов в России, выразителем которых в аппарате царизма было министерство финансов, будто бы знавшее секрет, как обмануть бдительность английского, японского и американского империализма, не отказываясь от монополии маньчжурского рынка. Зато французские, например, империалистические круги вовсе не так-то спокойно взиравшие на возможность военно-политического ослабления царской России под ударами поражений на театре войны, уже в то время прекрасно отдавали себе отчет, на какой почве произросли семена безобразовщины.

Так, французский военный атташе в Петербурге, полковник Мулэн, в первые же дни войны, давая злую картину развала и неподготовленности царизма к войне, охотно возлагал «наиболее тяжелую часть ответственности за это невыгодное положение» на Николая, «с его непостоянным характером, неспособностью принять ясное, смелое решение и держаться его с неизменной решительностью», с его «личной тайной политикой» и «конспирированием против собственных министров», с неумением, «в конце концов», «хотеть ни мира, ни войны». Но военного француза это не удовлетворяло, и он искал «других ответственностей» пониже царя: «если Николай открыто выказал свою страсть к миру только тогда, когда оставалось уже только готовить войну, то те, на, ком лежала забота о длительной предшествующей организации последних приготовлений, не выполнили своего долга и очень даже были от того далеки». «Что касается Витте, — писал Мулэн, — человека, который является промотором Маньчжурской ж. д. — первой причины всего конфликта — и который мечтал об экономическом полете России к этим областям, о торжественном открытии политики, от которой после он старался [291] отказаться, когда он увидел, что по этой карте придется платить, этот финансист, который давал растрачивать деньги щедрой рукой недобросовестным инженерам и агентам-концессионерам, который щедро оплачивал и учреждал на широкую ногу железнодорожную охрану, гораздо более дорогую, чем обыкновенный армейский корпус, но которой зато он сам

был шефом, который затем скряжничал, с другой стороны, на необходимые нужды своего военного коллеги — то именно на Витте лежит тяжелая ответственность во всем этом деле. Что он хотел мира и необходимых уступок, чтобы получить его от Японии, не развязывая кошелька, это допустимо. Но он отказывал в денежных ассигнованиях, необходимых для того, чтобы быть сильным и чтобы почетно выйти из ложного положения, в которое завлекла прежде всего его самого политика его страны».{454}

Это не была личная и случайная оценка Мулэна. Много времени спустя, когда Витте в октябре 1905 г. был вызван Николаем спасать царизм и был назначен премьером. «Temps», приветствуя это назначение и предостерегая Витте от введения всеобщего избирательного права, писал про него в передовой: «он уже не в таком возрасте, когда люди имеют вкус к подобным опытам. Может быть, сегодня он уже жалеет о том, что было преждевременного и *авантюристического* в экономической политике, которая, создавая промышленность посредством покровительства, не замедлила вызвать кризис; в политике, которая, перенося на иностранную территорию (т. е. на Дальний Восток, — *Б. Р.*) предприятия торговой экспансии, за которую расплачивалось государство, подготовила залихватский империализм Безобразовых и Алексеевых. Витте слишком ясная голова, чтобы недооценивать ответственность, которую он тогда брал на себя».{455}

Это говорилось, конечно, не от лица того сравнительно ничтожного французского банковского капитала, который [292] устремился на Дальний Восток вслед за царизмом в 90-х годах до кризиса 1899 и следующих годов, а от лица тех мощных банковских групп, с громадной клиентелой мелких держателей русских займов за их спиной, которые расценивали повороты российской политики с точки зрения сохранности своих капиталов. Именно в этих дружественных царизму буржуазных кругах еще до весны 1903 г. было заметно беспокойство не только по поводу возможности войны, но и по поводу неизбежности «бюджетных пертурбаций» в связи с усиленной охраной дальневосточного фронта, — даже если бы империалистическая линия министерства финансов сохранила руководство в Петербурге и сумела бы отсрочить на некоторое время войну.{456} Приведенное только что напоминание передовицы «Temps» и свидетельствовало о том, что французский империализм не простил Витте чрезвычайных государственных вложений в связи с его дальневосточной политикой. И не простил потому, что тогдашняя отсталая Россия не могла быть сильна одновременно на обоих своих западном и восточном фронтах.

Вопрос о войне с Японией решался в Петербурге после того, когда в Японии он был уже данным давно решен, и Николай легко усвоил от Плеве мысль о «маленькой победоносной войне», как средстве спасти свое самодержавие, вместе с «исконными началами» феодального строя, со всеми его сословными привилегиями и крепостническими пережитками, от натиска буржуазно-демократической революции. Растянув переговоры с японцами на целые полгода (август 1903 г. — январь 1904 г.), и, однако же, сделав, наконец, требуемую уступку, он создал положение, при котором Япония была разоблачена как истинный агрессор. И вышеприведенное заявление Николая «я — виновник войны», очевидно, надлежит понимать в плане внутренних

отношений. Никаким Безобразовым, Абазам и Алексеевым он не намеревался [293] уступать в начале войны высокой «чести» предстоявших еще, по его мнению, побед и «заслуги» поднесения своим «верноподданным» — буржуазии и помещикам — завоеванной Маньчжурии, где он намеревался воевать до изгнания оттуда «последнего японца». Когда же война оказалась проигранной, уже во время портсмутских переговоров и грозных для него ударов революции, Николай приказал пересмотреть вопрос о «причинах войны с Японией», и бюрократический аппарат, которому он сделал этот заказ, ответил «справкой». из которой явствовало, что виновники войны — это безобразовцы с их концессией на Ялу и «новым курсом». За поражение теперь перед царем отвечали они.{457} И выходило: надо было, не вмешиваясь самому, предоставить аппарату отманеврировать от войны, которую навязывали японцы. Надо было не только «бросить мысль о захвате Кореи» (так как оказалось, что для Японии вовсе не «все тут», как внушали царю министры), а и отказаться от «укрепления полного влияния в Маньчжурии». Только теперь (летом 1905 г.) наступила пора «повесить» Безобразова, — и карьера «шайки» была кончена бесповоротно.

Теория «маленькой победоносной войны», автором которой являлся Плеве, — это была чистая фантасмагория, авантюристическая попытка самодержавия выскочить из тупика, какой создавала для царской России вся совокупность противоречий эпохи империализма. Но и крупная русская буржуазия, выраставшая под покровительством царизма, была в эпоху империализма, как это прекрасно показали Ленин и Сталин, контрреволюционна. Теория «маленькой победоносной войны», по мере приближения войны, отвергалась ею прежде всего потому, что русско-японская война представлялась теперь, через 10 лет после 1895 г., вовсе не маленькой и не победоносной; она рисковала окончательно развязать буржуазно-демократическую революцию и своими поражениями подставить под удары ее весь русский военно-феодальный [294] империализм в целом, во всех его классовых прослойках и группировках. Бунт против войны, поднятый в бюрократических сферах Витте, наиболее ярким, в составе царской бюрократии, представителем коренных интересов русской империалистической буржуазии, сочетался у него с стремлением спасти от революции самодержавие, как необходимое условие существования самой буржуазии, — ценой некоторых уступок в области внутренней и внешней политики (т. е. сделать из крестьянина «персону» и «временно» «отдать» Корею японцам). Недооценка степени агрессивности и роста аппетитов японского империализма, как и переоценка экономической и политической мощности русского империализма, с начала и до конца, сказались на внешней политике русской буржуазии в том, что Японии Витте готов был уступить только Корею, сохранив за русским империализмом Маньчжурию целиком и во всех отношениях, хотя и избегая ее формальной аннексии. Раздела Маньчжурии эта политика не допускала до последней минуты, свободной конкуренция капиталов там — тоже. Витте и его группа недооценивали агрессивности военно-феодальной природы царизма и слабости собственной политической позиции, особенно в обстановке кризиса накануне русско-японской войны, до крайности обострившего противоречия внутри русского

феодально-буржуазного блока господствующих классов. Наконец, англо-американо-японский блок (с 1902 г.) сложился в результате отчасти упорной борьбы русского правительства и буржуазной агентуры в нем за *закрытие* маньчжурского рынка для иностранного капитала и за «исключение Северного Китая из ведения иностранцев».{458} А это-то и развязывало руки японской агрессии и толкало ее к попытке достигнуть [295] своих империалистических целей в Корее и Маньчжурии посредством военного разгрома царизма.

Япония выступила с предложением программы переговоров 30 июля 1903 г., когда феодальная реакция в Петербурге уже полностью спутала руководство русской политикой на Дальнем Востоке. Не дождавшись конца переговоров, Япония же и оборвала их в тот момент, который признала удобным для внезапного нападения на русский флот. Нет никаких оснований утверждать, что предложение, сделанное Николаю Куропаткиным (с одобрения Витте и Ламсдорфа) в конце ноября 1903 г., если бы тот его принял, удержало бы Японию от войны. Куропаткин предложил открыть переговоры с Китаем о возврате ему южной Маньчжурии с Порт-Артуром и продаже ему южной ветви КВжд за 250 млн руб. и о присоединении за это северной Маньчжурии с магистралью КВжд к России.{459} Это предложение в тот момент было утопией. Китай мог бы пойти на отторжение своей территории только в результате проигранной войны. Но в данный момент за ним стояли все те же три державы, которые освободили его от необходимости вести какие бы то ни было переговоры с Россией по маньчжурским делам до полной эвакуации русских войск по договору 1902 г. Можно думать, что подобный демарш царской дипломатии только ускорил бы военную развязку.

Что могло бы в данную минуту сорвать игру японской дипломатии — это безоговорочное и незамедлительное принятие предъявленных ею 30 июля условий. Есть указание, что Витте и предложил это Николаю, успев даже сговориться о деталях с японским посланником в Петербурге Курино в частной беседе.

Но попытка эта осталась втуне. Она была рассчитана на такую способность к крутому и широкому маневру, которой [296] не обладал не только Николай, но и его дипломатическое ведомство.{460}

Было бы грубой ошибкой подходить к борьбе русского и японского империализма, разрешавшейся в войне 1904–1905 гг., каутскиантской меркой, резко осужденной Лениным, и в какой-либо мере поддаться теории «мирного», «нормального» империализма в редакции Витте — Глинского, перекочевавшей затем, вместе с подобранным в «архиве Витте» громадным материалом, в историческую концепцию, развивавшуюся М. Н. Покровским и его «школой».{461} По этой «теории» на сцене оказывались русский «мирный» империализм, японский такой же «нормальный» империализм и «камарилья» с Николаем. У тех двух были скромные и законные интересы, от которых тогда не пахло войной, потому де что для разрешения империалистических противоречий вообще войны необязательны. У камарильи же были нескромные, чрезмерные аппетиты, и эта «бедственная» историческая случайность, ниспосланная случайным же «ребячеством» Николая, испортила мирное шествие двух «мирных» империализмов к эре мирного же

«ультраимпериализма». По этой теории «виновниками войны» оказывались исключительно Николай о безобразовцами, тянувшими Россию в «авантюру» войны.

Эта постановка вопроса диктовалась тогда не только интересами отдельных лиц, причастных к политике царизма, но и интересами русской буржуазии как класса. Установив свою непричастность (с 16 августа 1903 г.) к предвоенным переговорам, Витте тем более охотно взял на себя роль гражданского [297] истца за убытки буржуазии от войны и революции, что упекать ему приходилось личных врагов, ничтожество которых было у всех на устах, а воинствующий темперамент и шумное хозяйничанье в аппарате не отрицалось из них никем, даже и Николаем. Витте отстаивал здесь дело буржуазии как класса, будущее которого, в его глазах, всецело было связано с развитием империализма, и всю «ответственность» за войну валил на одну «камарилью», участников которой «его величеству благоугодно было выслушивать», а министров «выслушивать благоугодно не было». Впоследствии (в 1911 г.) Витте дополнительно поднял вопрос о «соучастничестве» тут и Куропаткина, но тот вошел в традицию все же на третьих ролях и заслуживал снисхождения.{462}

Громадный арсенал искусно просеянных «документальных фактов» и подведен был Витте уже в первую мировую войну под эту апологию империализма в «Прологе русско-японской войны» Глинского (Прг., 1916). В соединении с «Воспоминаниями» Витте этот материал и питал антиленинские установки М. Н. Покровского.

«Война есть продолжение политики иными средствами» — а вся политика японского империализма после так называемой «реставрации Мэйджи» (1868) и особенно с 1894–1895 г. работала во всех сферах японской жизни над решением задачи создания «великой» японской империи.

Война 1904–1905 гг. с царской Россией готовилась в. Японии по германскому примеру 1870–1871 гг., как и вообще поколение всех этих японских империалистов, Ямагаты, Ямамото, Ито и др., проходило свою школу у бисмарковской Германии по преимуществу. Война 1904–1905 гг. с царской Россией и была той «прямо поставленной целью», которую различил Ламсдорф еще в 1901 г. и которую японские империалисты ставили себе в плане своих [298] аннексий в первую очередь на корейском и маньчжурском плацдарме. Японская военная подготовка, политика и дипломатия после 1894–1895 гг., как легко доказать фактами, шли к решению этой задачи как нельзя более дружно, к полной взаимной согласованности на основе конституции, списанной Ито с прусской конституции в 1880-х годах, и преобладающего влияния воинствующей самурайщины во главе с клановой кликой Ямагаты, строившего японскую армию с учетом всех достижений европейской организации и техники военного дела. Подлинным агрессором в войне 1904–1905 гг. выступила именно Япония.

Царизм, разъедаемый всеми противоречиями эпохи империализма, «был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»{463} и являл собою уже тогда слабейшее звено в цепи империализма, где империализм был соединен с феодализмом и крепостничеством. Царизм при таких условиях не мог не отразить того основного факта, что Россия была

«узловым пунктом» всех этих противоречий, и шаг за шагом на протяжении исследуемого десятилетия проигрывал свое дело в Маньчжурии по частям. Царизм, разлагаясь, не в состоянии был обеспечить проведение своей широко задуманной программы. Ленин спрашивал еще в 1900 г., когда к «политике грабежа», которую «давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы», «присоединилось и русское самодержавное правительство», — «кому выгодна эта политика?». И отвечал: «она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах... Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать [299] карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа».{464}

Коротко и исторически точно сформулировано это и в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «К этой войне толкали царское правительство крупная буржуазия, искавшая новых рынков, и наиболее реакционные слои помещиков» (стр. 52).

Наше конкретно-историческое исследование, изложенное в предшествующих главах, разошлось бы с этой точной формулой, если бы у читателя сложилось представление, что на первом месте здесь надлежит быть «реакционным слоям помещиков», а «крупной буржуазии» — на втором. Наше исследование не оставляет, надеемся, места колебаниям, кому тут принадлежало первенство и кто тут явился промотором политики русского империалистического рынка в Маньчжурии — с первых же дней.

Империалистический конфликт из-за монополии на маньчжурском и корейском рынке был подготовлен всем ходом политики России и Японии. Поскольку эту политику рынка в Маньчжурии практически проделывала с 1896 г. Россия — это объединяло против нее и всех империалистских претендентов на этот рынок. Напала на царскую Россию, поскольку та не уходила с этой политикой, другая сторона: войну сделала Япония при скрытом участии Англии и помощи США. Отсюда и вопрос об «ответственности» в этом деле в *домашнем*, российском плане исторически ставится в другую плоскость. Россия не только не напала на Японию, но царское правительство плохо готовилось и к защите своего нового рынка. Как случилось, что царизм, настойчиво проводя свою грандиозную политику «экономических завоеваний», не проявил такой же настойчивости и такого же масштаба в военной, политической и дипломатической сферах для его защиты? Это случилось потому, что царизм, разъедаемый внутренними противоречиями, попал тут в самый [300] узел и мировых империалистических противоречий — по линии конфликта Германия — Англия, по отношению к которому он еще не определил своей позиции, тогда как Россия уже была в известной мере «резервом западного империализма».{465} При такой постановке вопроса — все бывшие «домашние» ответчики как оправдавшиеся в свое время, так и признанные «виновными», превращаются в агентов этих противоречий. Что поднимало и сплачивало внешние силы, обрушившиеся на этот узел

противоречий, с Японией впереди, в качестве застрельщика? Империалистическая политика самодержавия на Дальнем Востоке — в первую очередь. В домашнем плане «ответственность» за конфликт ложится на всех, кто проводил и был причастен к этой политике. А проводил ее весь аппарат военно-феодального империализма — царизма в целом, с Николаем во главе.

В *программу* русского империализма на Дальнем Востоке безобразовцы с международно-политической и экономической точек зрения не внесли ничего нового. Они только наиболее ярко *продемонстрировали* (на всем готовом) захватнические цели русского военно-феодального империализма. При всей относительной «слабости» русского капитализма для эпохи империализма характерно именно то, что даже такие махровые реликвии феодализма, как камарилья, всей новой обстановкой эпохи вынуждались (в области экономической) становиться на путь самоновейшего капитализма.

Российский «империализм» в редакции Витте, по существу, представляется вовсе уже не так чуждым реликвиям феодализма типа Безобразова — какую вражду ни испытывали бы они один к другому сами и какими бы лютыми противниками ни считали их тогда современники. [301]

Глава одиннадцатая.

Перспективы царизма в войне

1. Международная обстановка

Если бы русско-японская война кончалась поражением японцев, которых Николай предпочитал называть «япошками» и «макаками» (а микадо, в частности иначе и не представлял себе, как фигуру «с смешными жестами»), то он видел «единственное осязательное вознаграждение России» за войну только в присоединении Маньчжурии. На это, в сущности, была рассчитана и та новая экономическая программа, на которой остановились в Петербурге в начале войны уже вопреки безобразовцам. Тогда только и можно было рассчитывать обеспечить ввоз русского товара в Маньчжурию и политически обезвредить иностранный капитал, если бы он пошел в местную промышленность — разумеется, на основе русского акционерного устава. Корея не привлекала Николая — ввиду ее «малоценности». На контрибуцию «с разоренной» Японии рассчитывать тоже было нельзя. Впрочем, цели войны определились в голове Николая, в самом ходе войны, а не в ее начале. О подготовке присоединения Маньчжурии он заговорил уже после неудачи под Ляояном, когда решил послать на Дальний Восток весь свой наличный флот, разоружить свою западную границу и перейти к большой «победоносной» войне.{466} [302]

Предполагалось (Куропаткиным), что война продлится около полутора лет и приобретение маньчжурского эльдорадо обойдется в 700–800 млн руб. расходов. Максимум, о чем заикались такие пессимисты, как Витте, — это о миллиарде. На самом деле война потребовала ок. 2 миллиардов (на деле до 1917 г. уплачено было по займам с процентами 3 миллиарда с лишним).{467}

Но даже рассчитывая на расход в 700–800 млн руб., царизм не мог справиться с финансированием войны собственными средствами и внутренними займами, и на заграничном рынке «в воздухе запахло займом» чуть ли не с первых дней после открытия военных действий.{468} А раз финансирование войны становилось в прямую зависимость от помощи внешних рынков, оно должно было подчинить себе и работу дипломатии войны. Так оно и случилось: Россия вступила в войну в момент, когда явно и элементарно не была еще к [303] ней готова, и кончила ее на 19-м месяце, — после того как прекратилось ее финансирование извне.{469}

Избавиться от такой зависимости, рассуждая теоретически, было одно средство: отказаться от обязательного размена кредитных билетов на золото и прибегнуть к выпуску кредитных билетов, не ограниченному ничем, кроме военных потребностей. Но для самодержавия это означало бы низринуть себя в пропасть банкротства. К началу войны до 4 млрд руб. в русских государственных бумагах числилось у заграничных держателей, из них более 3 млрд во французских руках. В данной связи важно было не то, что по этим займам приходилось выплачивать процентов 180 млн руб. золотом ежегодно, а то, что, в силу поколебленного доверия, все эти миллиарды были бы выброшены на рынок, и русская рента, без того упавшая с 95.25 на 23 января ст. ст. 1904 г. (канун разрыва) до 90.5 на 28 января (сутки спустя после

нападения японцев), — двигалась бы вниз и дальше, а это была бы лавина, способная снести перед собою все.{470}

Естественно, что Николай внял совету своих специалистов (Витте, Коковцова и др.) и решил не прекращать размен и «выдержать валюту». Задача финансовой дипломатии в дальнейшем и заключалась в том, чтобы не ставить себя в исключительную или предпочтительную зависимость от парижского рынка, который уже в 1903 г. по следам англо-французских дружественных переговоров, готовился ввести Россию в английский политический фарватер.{471} Пока шла война, как увидим, это и удавалось. Но война оказалась не «маленькой» и «победоносной», как рассчитывал Плеве, соединяясь с «безобразовской шайкой», чтобы спасти самодержавие, а «тяжелой и безнадежной». Она «подорвала глубоко основы его (самодержавия, — *Б. Р.)* власти и господства». Война поставила дальнейшее «развитие политического кризиса [304] в России» в зависимость «всего более» «от хода войны».{472} И на деле бедственные для царизма военные поражения а революционные удары изнутри страны по окончании войны существенно изменили соотношение сил во франко-русском союзе и заставили Николая, при дружном сочувствии отечественной буржуазии, после войны пойти на соглашение по всей линии спорных вопросов как с Англией, так и с Японией.

Единственным противовесом Франции в деле финансирования войны могла оказаться Германия, тем более, что берлинская биржа имела свои средства грозить русскому кредиту не хуже, чем парижская. Если в Париже «враждебная спекуляция» в любой момент могла устремиться на понижение русских бумаг, то в Берлине, где по значительности русско-германской торговли скапливались в больших количествах русские рубли, она легко могла играть на понижение курса кредитного рубля.{473} В германских же руках находилось не менее 1 млрд руб. государственных русских бумаг. а в 1902 г. заем «для реализации китайской контрибуции» Витте разместил в Германии, из «политических» видов, оставив в стороне Париж.{474}

Финансовые перспективы для царизма были бы совсем хороши, если бы он мог опереться и на Нью-Йорк, Но тут не только что Николай, но и сам Витте ничего не сделал для того, чтобы как-нибудь вовлечь американский капитал в интересы своей политики на Дальнем Востоке: ни тогда, когда в 1896 г. американские капиталисты предлагали взять на себя концессию на магистраль КВжд, ни в 1898 г., когда такое [305] же предложение они повторили относительно постройки южно-маньчжурской ветви КВжд, ни в 1899 г., когда им отказали в «открытой двери» в Маньчжурию. Трижды американцы обращались с предложением своих услуг и все три раза им давали отрицательные ответы по настоянию Витте.{475} После же этого США не только оказались на стороне англояпонской комбинации во всех ее выступлениях по маньчжурскому вопросу, но накануне войны совсем демонстративно солидаризировались с Японией. В один с нею день (26 сентября ст. ст. 1903 г.) они подписали с Китаем торговый договор, исключавший дальнейшую возможность для России монопольно хозяйничать в Маньчжурии.

Так называемые «ньюйоркские четыре сотни» («Vierhundert») финансовых королей, тесно связанные со своими старшими собратьями в лондонском Сити, были настроены «крепко англофильски».{476} И за хором

американской общей прессы, ведшей вместе с английской неустанную кампанию против реакционного царизма, как против «врага цивилизации», стояли интересы американского капитала, особенно упорно с 90-х годов XIX столетия прокладывавшего себе дорогу на западном побережье Тихого океана, в Японии и в Китае. При общем росте американского вывоза в эти страны (1863 г. — 11 млн фунтов стерлингов, 1883 г. — 37 млн фунт. стерл., 1903 г. — 83.6 млн фунт. стерл.), в частности американский ввоз в Японию за десятилетие 1892–1902 гг. возрос почти в 7 раз (3.3 млн фунт. стерл. — 21.1 млн фунт. стерл.). Россия представлялась, в этой связи, страной, которая «производит и вывозит то же, что Соединенные Штаты», «является... сильнейшим соперником по производству пшеницы и нефти», «культивирует хлопок... рожь, ячмень», «имеет прекрасные пастбища... громадные леса, земли, богатые металлами и минералами, одним словом, она богата тем же, что США, и торгует теми же продуктами». Наоборот, [306] Япония «не производит почти ничего из того, что производит Америка, и торговля между ними все возрастает. Япония покупает у США медь, сталь, пшеницу, нефть. Так как Япония не в состоянии производить даже для себя всего, в чем нуждается... она не сможет обслуживать и новых территорий, которые приобретет в случае победы... Россия, победив, пожелала бы без сомнения овладеть рынками в Маньчжурии и Корее. Япония же не может доставить им этих продуктов, даже если бы она того захотела» («Evening Mail»). Эта концепция поддерживалась не только общими соображениями, но и донесениями американского консула в Нючжуане (Миллера), настойчиво отмечавшего, как «хлопчато-бумажные изделия, керосин, молоко, масло, папиросы» русского происхождения «отвоевывали огромную часть» восточноазиатского рынка, и бившего тревогу по поводу того, что «стремления Русско-Китайского банка, русских железных дорог и все вообще направлено против американской торговли с Маньчжурией». Миллер прямо ставил вопрос: «с миллионами дешевых китайских рабочих, с огромными угольными копями на берегу Тихого океана, с горами железа и меда, лесами и громадными пространствами годной к обработке земли, производящей самую дешевую пищу в мире, что помешает России сделаться главным фактором в коммерческом развитии Дальнего Востока».{477}

На фоне подобных перспектив царская дипломатия представлялась в Вашингтоне исполненной коварства и лжи, так что «никто не мог бы выполнять инструкций гр. Ламсдорфа 1902–1905 гг. и сохранить в то же время доверие американского правительства». «Россия ряд лет обращалась с США так же дурно, как с Англией и почти так же дурно, как с Японией. Ее дипломаты лгали нам с бесстыдной и презрительной наглостью и с циническим равнодушием показывали свое намерение организовать Китай против нас» (писал Рузвельт [307] англичанину Спринг-Райсу в 1904 г.); между тем как «японцы, в лице своего правительства, обращались с нами хорошо и то, к чему они стремились, было тем, к чему стремились все цивилизованные державы на Востоке». Даже в дни портсмутских переговоров, когда политически Рузвельт был уже насторожен преимущественно против Японии, а американская пресса всячески приветствовала русскую делегацию с Витте во главе, Рузвельт, не скрывая своего раздражения на «бесчестного» Витте, продолжал думать, что «ни одно человеческое существо, черного, желтого или белого цвета, не может

быть столь вероломно, столь неискренне, столь высокомерно, говоря коротко, столь незаслуживающим доверия во всех отношениях, как русские при существующем строе».{478} Немудрено, что когда война началась, президент США поспешил предупредить Германию и Францию, что если только они попробуют стать на сторону России, как то было в 1895 г., то Америка выступит на стороне Японии. Истинное желание президента США заключалось в том, как он сам говорил, чтобы война «затянулась», «чтобы обе держаны как можно больше истощили свои силы» и «чтобы по заключении мира их территориальные антагонизмы не были устранены» — и именно поэтому его дипломатия перед войной напирала на. то, что симпатии США «находятся всецело на стороне Японии»; в Берлине считали США даже «самым опасным противником России» ввиду их полной неуязвимости, а Николай сознавался (в декабре 1903 г.), что Америка «и его тревожит».{479}

Но как бы того ни хотела русская дипломатия, и в частности, как мы видели, сам Николай, — возродить на Дальнем [308] Востоке счастливую для самодержавия тройственную группировку 1895 г. ничто уже не могло.

Пока царизм имел дело с Францией, не обеспеченной чем-либо другим ни в отношении Германии, ни в отношении Англии, и пока за внешними политическими успехами царизма и взлетом капиталистической конъюнктуры 90-х годов маскировалась несоразмерность поставленных им задач с наличными средствами самодержавия, — до тех пор франко-русский союз давал себя знать в готовности французской дипломатии итти вместе с русской и искать пути даже к тройственной, франко-японо-русской, комбинации на Дальнем Востоке. Но теперь, накануне войны, Франция стояла перед возможностью самого широкого и многообещающего соглашения с Англией; относительно же России даже в дружественных царизму «деловых» парижских кругах господствовало опасение, что укрепление его на Дальнем Востоке «поглотит громадные суммы» и что «в этом лежит причина возможных пертурбаций» для царских бюджетов. Общее же «направление умов» во Франции складывалось уже явственно (в 1903 г.) не в пользу России, и уж, конечно, ни о какой военной поддержке со стороны Франции русских притязаний на Дальнем Востоке речи быть не могло.{480} В течение всей войны Франция держалась строжайшего нейтралитета, и царской дипломатии даже казалось, что она может подвергнуть испытанию самый союз одною только постановкой вопроса о том, какую позицию займет союзник в случае вмешательства в войну Англии.{481} В Петербурге, конечно, не знали и даже не могли предполагать, что в нужном случае французская [309] дипломатия решится твердо заявить в Лондоне (в дни Гулльского инцидента в октябре 1904 г.)., что «сердечное соглашение не переживет удара, нанесенного нашим союзникам», и что она будет апеллировать к «миролюбию» Сити и угрожать финансовой катастрофой, которую причинит Англии отлив французских капиталов в случае войны с Россией.{482} Та же «благодетельная неопределенность», которая висела над Англией в этом вопросе — о характере союзных обязательств Франции — в начале войны, висела, в сущности, и над царским правительством в течение войны.

При таких условиях Германия, перед русско-японской войной, оказывалась, на первый взгляд, в исключительно выгодном положении в игре за разрушение франко-русского союза и замену его русско-германским.

С момента, когда Вильгельм в 1895 г. решительно поддержал Россию против Японии, роль Германии в политике царизма на Дальнем Востоке не переставала быть ролью подталкивающего паровоза — с очевидной целью отвлечения на восток русских военных сил подальше от западной границы, Но уже ни в 1897 г., когда Витте безрезультатно склонял Вильгельма к тройственному союзу континентальных держав против Англии, ни в 1902 г., когда Ламсдорф безуспешно хлопотал о совместном дипломатическом выступлении тех же трех держав по поводу англо-японского союза, ни в 1903 г., с торжеством англофобствующей и ярко германофильской безобразовской группы, — в Берлине и не думали о возрождении комбинации 1895 г. Совсем наоборот. «Если бы Германия теперь имела план вмешаться в восточноазиатские дела, она выступила бы столь же открыто, как в 1895 г., и уверенно, независимо на чьей стороне, стала бы в центр той или иной группировки. Положение, однако, с 1895 года изменилось, и Германия считает соответственным своим интересам, если она останется нейтральной. Нейтралитет Германии повлек за собою нейтралитет Франции. На эту связь нейтралитета [310] Франции с ее европейским положением указывалось еще в соответствующей телеграмме (германскому послу в Токио, — *Б. Р.*) 9 ноября 1900 г. Если Япония находится сегодня, — писал Бюлов 2 февраля 1904 года, за неделю до войны, — в более благоприятном положении, чем в 1895 г., то это действительно является следствием нейтральной позиции Германии».{483} В Берлине меньше всего склонны были теперь связывать себя чем-нибудь, кроме обещаний (расточаемых одинаково в Токио и в Петербурге) оставаться нейтральными в случае войны, и предпочитали терпеливо выжидать, когда царь сам обратится за помощью, — в уверенности, что время работает все равно на пользу Германии. Там отклоняли всякую мысль о вмешательстве в русско-японский конфликт, которое имело бы целью предотвращение войны, и с удовлетворением собирали известия о том, что Франция и не думает о расширительном толковании своих союзных отношений с Россией. Более того, там зорко следили за тем, как бы в минуту слабости царская дипломатия со страху не обратилась на путь соглашения с Японией и Англией — потому что руководились уверенностью, что предстоящая война, независимо от того, кто победит, «возвысит политическое могущество Германии» при условии, если сами немцы будут «сидеть абсолютно спокойно».{484}

Нечего и говорить, что русско-японскую войну предвкушал с нетерпением сам Вильгельм II. Если бы только Англия, с благословения Америки, вмешалась в войну — «тогда мы возросли бы в цене в глазах России»; «крымская комбинация (Франция + Англия, — *Б. Р.*) с Японией в качестве союзника и с Америкой в тылу — не плохая комбинация». Когда Вильгельму сообщили (8 января 1904 г.), что «по мнению руководящих кругов в Петербурге война в восточной Азии не в интересах России, ибо Россия будет парализована [311] ею в своих действиях в Европе», он начертал: «слишком поздно! Обоснование верно! Только тогда она не должна была брать ни Маньчжурии, ни Порт-Артура! А еще Персия, Тибет, Афганистан». Еще через 4

дня Вильгельм узнал, что «царь самым определенным образом заявил Бомпару, что не даст делу дойти до войны». Это вызвало у него злобное замечание в адрес царя: «даже если Япония будет провоцировать? Тогда он был бы невозможен при своей армии». Вильгельму казалось, что лучшая позиция германской дипломатии и прессы теперь — это «разыгрывать ангела мира».

Нечего и говорить, что и немецкий промотор англо-японского союза Экардштейн считал, что с германской точки зрения надо «приветствовать с радостью войну, если она вспыхнет между Россией и Японией». Когда же в Берлине неофициальным образом через лорда Ротшильда, тотчас после японского ультиматума 13 января, было позондировано, «какую позицию займет германское правительство в вопросе о посредничестве», если его поставят Англия и Франция, — Берлин ответил, что «не может быть и речи» о посредничестве, которого не ищут ни та, ни другая сторона, тем более, что «впрочем здесь верят, что мир будет сохранен». Соображая, что инициатива здесь исходила из Петербурга (через Делькассэ к парижскому, а затем к лондонскому Ротшильду) и что Петербург может сделать такие «далеко идущие уступки в маньчжурском вопросе», что «мир будет сохранен», в Берлине уже считались с «необходимостью примириться с этим фактом». Гольштейн, давний советник германского министерства иностранных дел, счел «полезным и не способным повредить ни в каком отношении» довести до сведения Японии, «что и каким образом мы старались, согласно ее желаниям, содействовать сохранению мира». «Если станет известным факт, что мы действовали в пользу мира, это ни с какой стороны не может быть нам поставлено в вину, даже в том случае, если бы, вопреки ожиданиям, над расчетом у той или другой стороны победил темперамент, если бы японцы смогли быстрее наступить, чем русские отступить и [312] таким образом все же вспыхнула бы война. Вредно нам было бы только подозрение, что мы содействовали возникновению войны, но ни в коем случае не обратное предположение». И в этом смысле была уже к подписи Бюлова заготовлена телеграмма в Токио. Но Бюлов, поставив «предварительный вопрос»: считает ли Гольштейн «более выгодным для нас войну или мир», разъяснил, что задуманный демарш в Токио «скорее уменьшит шансы столкновения» — и телеграмма отправлена не была.{485}

Дождавшись же открытия военных действий, Вильгельм устроил Бюлову истерику по поводу того, что Николай, видимо, не хочет «обратить против Японии все свои силы»: «позиция Николая остается малодушной, он, повидимому, не хочет сражаться и не исключено, что он в конце концов уступит Японии Маньчжурию или без боя или после слабого сопротивления. Такой оборот дела необходимо предотвратить любыми средствами». И Бюлову не сразу удалось поставить Вильгельма на ту точку зрения, что Германии все же надо стараться сохранить «спокойную позицию», ничем не раздражая Николая и избегая поддаться каким-либо подстрекательствам русских против Англии или Японии.{486} На деле же во время войны Германия усвоила себе политику сверх-дружественного нейтралитета, фактически обращавшую ее в единственную союзницу царя, готовую подстрекнуть Николая и против Японии и против Англии, и дипломатически бить по франко-русскому союзу

напоминаниями о «крымской» комбинации, ловя и раздувая малейшие внешние ее симптомы.{487}

Можно сказать, что война грозила теперь царизму отнять у него возможность удержаться между Францией и Германией в должном равновесии. А в петербургском министерстве иностранных дел как раз думали, что «только сохраняя равновесие, удастся извлекать выгоды, в пределах [313] возможности, из обеих сторон». Ход же войны и развитие революционного кризиса 1905 г. оказались таковы, что задача «ничем не портить наших отношений с Берлином» поставила, таки самодержавие (летом 1905 г.) перед соблазном за спиною французов пойти на союз и с Германией.{488}

Это был, как увидим, личный акт Николая, от которого он вынужден был впоследствии отказаться под давлением хода вещей уже после войны.

2. Настроения в господствующих классах

Если в международной сфере царизм мог рассчитывать прежде всего на финансовую поддержку Франции и Германии, их правительств и их буржуазных верхов, то на что мог опереться царизм внутри страны, пускаясь в авантюру войны, кроме зубров-помещиков, кучки магнатов банковского капитала, представителей торгово-промышленной буржуазии, особенно непосредственных поставщиков-спекулянтов и кое-как еще державшейся «наивной» «веры в царя-батюшку» в забитых и невежественных народных массах.{489} Что касается этой последней, то это была опора, обреченная на слом именно в самом ходе войны, что и отмечал Ленин, говоря, что крестьянство «просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой» — именно «со времени войны с Японией».{490} Нетрудно показать, что в не так уж малой части господствующих классов авантюрный характер политики самодержавия, неясность и очевидная нелепость «целей войны», особенно же поражения, следовавшие одно за другим, делали войну «непопулярной» с самого начала. Но и та часть буржуазии и помещиков, которая готова была итти за самодержавием ради укрепления его в «победоносной» войне, вовсе не хотела итти с ним вместе до полного поражения. [314]

Среди господствующих классов с самого начала были группы, открыто высказывавшиеся против войны. Например, это была совсем не дамская болтовня и не просто слушок, а, в условиях плевинского режима, настоящая «пресса», когда проживавшая в Москве жена в. кн. Сергея, Елизавета Федоровна, так «определила» Куропаткину «настроение Москвы» (по собственному ее выражению, как «обезьяна, заучивающая все, что говорят кругом»): «войны не хотят, цели войны не понимают, одушевления не будет», «все и всех тревожит, что там (на Востоке, — *Б. Р.)* делают и еще более тревожатся за будущее», полагая, что «нужно вернуться к нашим делам». Ведь не студенческая же Москва говорила здесь генерал-губернаторшиными устами (разговор был 6 декабря 1903 г.).{491}

То же и в Киеве; «Киевлянин», газета, весьма далекая от либеральных земских кругов, орган русской буржуазии и русских помещиков на Украине, безупречный по части монархизма, писал перед войной: «настояния Японии <о Маньчжурии> не заключают в себе ничего унизительного ... из-за чего же

может быть война? Русское общество этого не понимает и не может дать себе ответа на этот тревожный вопрос» (24 декабря 1903 г.). И там же: «мы сделали огромную ошибку, забравшись в эту восточную прорву, и теперь нужно направить все усилия к тому, чтобы возможно скорее оттуда выбраться», и далее предлагалось продать КВжд (4 января 1904 г.).{492}

А вот голос и столичного буржуа, князя Ухтомского, редактора «С.-Петербургских ведомостей», украшавшего собою председательское кресло в правлении Русско-Китайского банка. Через несколько дней после начала военных действий немецкий корреспондент его спросил: «почему русская публика апатична <к войне>?» — «Да потому, — отвечал Ухтомский, — что не может быть и войны, менее популярной, чем настоящая. Мы абсолютно ничего не можем выиграть, принося [315] огромные жертвы людьми и деньгами». Дальше уже шло прямое отречение от политики царизма и в прошлом: «в настоящем эпизоде виновата исключительно Япония, которая хочет войны, давно к ней подготовилась, вся пропитана ненавистью к России и горит военным одушевлением. Но до настоящего положения вещей дело не дошло бы, если бы здесь занимались культурной, а не предпринимательской политикой».{493} Воевать директор и идеолог Русско-Китайского банка, как видим, совсем теперь не хотел.

Наконец, и сам Куропаткин, сумевший объединить вокруг себя симпатии и надежды господствующих классов, веривших в конечный успех самодержавия, «с полной откровенностью» писал царю (28 ноября), что «война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этой войной, чтобы увеличить смуту», и еще до ляоянского поражения объяснял отсутствие «воодушевления» в армии тоже «неясностью целей войны» (а в дневнике своем попросту писал, что война «ненавистна»).{494}

Раскололись даже рептилии. Мещерский, издатель «Гражданина», и за кулисами интриговал и в газете выступал против безобразовщины, предостерегая против неуступчивости и войны. «Новое время», подпевая Плеве, возражало, что «для поддержания внутреннего порядка и спокойствия необходим престиж государства в его международной жизни». А «Московские ведомости» занимались выгораживанием Николая: «будет ли война», — спрашивал катковский последыш Грингмут и отвечал: «какой бессмысленный вопрос после того, как царь сказал, что войны не хочет». Это было симптомом [316] раскола и паники в самой романовской семье, где кое-кто понимал, что «вопрос о войне может стать династическим» (о чем, например, «с ожесточением» говорил Куропаткину принц А. П. Ольденбургский — сумбур-паша), а упоминавшийся не раз царский зять отрекался теперь (уже в октябре 1903 г.) от всякой связи с Вонлярлярским и Безобразовым.{495}

Нечего и говорить о том растущем лагере русской либеральной буржуазии и помещиков, органом которого выступало за границей «Освобождение». Там вопрос ставился о «проклятой Желтороссии» без всяких цензурных стеснений. Но это вовсе не была оппозиция ради оппозиции. Там была своя контр-программа. Струве спрашивал (19 июля 1903 г.): «почему Россия охраняет неспособную к государственному развитию Турцию и судорожно удерживает ни к чему ненужную Маньчжурию... ведя политику, из-

за которой расползается дружба с Францией и угрожает конфликт с Японией, Англией и Америкой?». «Если уж искать рынков для русской промышленности, то не на Дальнем Востоке, а на близком, на Балканах, в Малой Азии, в Персии». А когда в «патриотическом» угаре первых дней после ночного нападения японцев столпы либеральной интеллигенции сунулись было «к стопам» с верноподданническими адресами, и Арсеньев и Стасюлевич (из «Вестника Европы») пропарадировали в депутации петербургского земства в присутствии Плеве, недавно разгромившего тверское земство. «Освобождение» бросило им в лицо: «тверское земство стоит Порт-Артура и г. фон-Плеве для России опаснее японцев» (Листок освобождения, 18 февраля 1904 г.). Давая лозунг: «отечество в опасности, но не от японцев, а от Плеве в союзе с японцами», — либеральная буржуазия ставила задачей «на разительных фактах войны... везде, при всяком случае развивать [317] конституционную пропаганду» (там же, 11 февраля).{496} Либералы уже теперь готовились вытаскивать романовскую монархию из беды в первый подходящий для разговора об этом момент.

3. Состояние вооруженных сил царизма

А какую опору представляла собою для царизма его армия в данный момент?

В своей солдатской массе это была армия преимущественно крестьянская и мелкобуржуазная, с пролетарскими элементами, распределявшимися главным образом в технические части и во флот. Офицерство, если не говорить о гвардии, в подавляющей массе пополнялось из мелкобуржуазных слоев; считая и гвардию, только 37% офицерских должностей было в руках потомственных дворян. Это последнее обстоятельство расценивалось, однако, наверху как тревожный симптом и недостаток, с которым незадолго до войны и приступили бороться (Куропаткин в январе 1903 г.) учреждением особых дворянских кадетских школ, опасаясь постоянного наплыва в юнкерские училища и в состав «вольноопределяющихся» «разночинцев неудачников, которые, не успев успешно кончить курс в гимназиях и реальных училищах, ищут в военной службе кусок хлеба, и бранят приютившую их среду».{497} Между тем именно из юнкерских училищ выходила до войны 1904–1905 гг. большая часть офицерской *армейской* (не гвардейской) пехотной массы: «неокончивший реалист, выгнанный [318] классик, полуграмотный семинарист, не дотянувший, до конца ученик земледельческого, технического или коммерческого училища — вот обычный контингент, которым пополняются юнкерские училища». Лишь меньшая часть офицеров выходила из кадетских корпусов через военные училища. Но это были люди, с десятилетнего возраста предопределенные в военное дело без всякого соображения с способностями и интересом к военному делу.

В результате «большинство» офицеров служило апатично, иногда даже с отвращением выполняя постылое, противное дело, ничего не читая, не следя за военной наукой, с годами погружаясь все безысходнее в стоячее болото безидейного быта. Не говоря уже о чисто бюрократической атмосфере прохождения службы, материальное положение армейского пехотного офицера было крайне низко, и это создавало тягу к тому, чтобы выбиться из

«строя» «в интендантство, в акциз, в полицию, в пограничную стражу, в жандармы, на разные административные должности» — всюду куда угодно, «где лучше платят или где легче дышется». Получалось нечто обратное тому, на чем строились современные армии буржуазных европейских государств. Там, «по мере служебного» возвышения, производится постепенное процеживание офицеров, причем все неспособное удаляется, у нас подобный же отбор производит сама жизнь, но только в обратную сторону».{498}

В результате средний армейский офицер занимал в «обществе» господствующих классов приниженное положение и был резко отделен от привилегированной гвардейской верхушки, которая и была поставщицей высшего командного состава российской армии. Высший командный состав был теснейшим образом связан с феодальной, сословно-дворянской. верхушкой господствующих классов и рекрутировался так., что сам Куропаткин открыто заявлял после Мукденского поражения в своем прощальном обращении к офицерам маньчжурской [319] армии: «люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не двигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнениями своих начальников, выдвигались вперед».{499} Три пути вели к высшим командным должностям: 1) служба в гвардейских полках, требовавшая громадных личных средств, и крепких столичных связей, 2) служба по столичным канцеляриям генерального штаба и оттуда ускоренные: назначения прыжками на строевые высшие должности и 3) придворная карьера — т. е. «фешенебельный ресторан, петербургская канцелярия и дворцовая передняя, вот где изготовляется большинство русских военных начальников». «Что бы они ни делали, какие бы образцы небрежности, самодурства и невежества ни показывали, какие бы нелепые требования ни предъявляли к войскам, они все-таки останутся на своих местах до тех пор, пока преклонный возраст или неизлечимая болезнь не приведет их к тихой пристани одного из высших государственных учреждений».{500}

Описанное положение с офицерскими кадрами и высшим командным составом полностью сказалось на судьбах маньчжурской кампании и изнутри сковало русскую действующую армию в ее боевых действиях. «За все время войны было только 2 случая, когда заведомо никуда негодные крупные начальники были устранены, но и тут по возвращении в Петербург, они получили высшие назначения. Бездарные, невежественные генералы продолжали водить порученные им войска на убой до тех пор, пока общими своими усилиями не привели и всю войну к печальному концу».{501} Стороннему [320] наблюдателю было совершенно ясно, что «следовало бы без всякого колебания произвести чистку командного состава, чтобы повысить в чинах и должностях тех, способности которых отметит самый опыт войны».{502} Но это при данных политических условиях было благим пожеланием. Весь строй русской армии отразил в себе лишь коренные черты разлагавшегося в ее тылу военно-феодального империализма.

Крепостническим духом проникнута была вся организация, нравы и быт армии, а дисциплина стояла на куцей «патриотической» словесности, сдобренной бранью, «тыканьем» и «мордобоем». 4–5 лет солдат проводил в «нищенской обстановке», получая 2 руб. 10 коп. в год. «Белье и сапожный товар отпускались такого низкого качества, что нижние чины продавали их за бесценок и покупали взамен собственные вещи» и «без помощи из дому солдат почти не мог существовать». «К серой безропотной массе относились свысока и считали, что если издавна она находилась в таком положении да беды не было от этого, то нечего разорять финансы на улучшение ее быта», а «одеяла и постельное белье были заведены лишь в немногих частях». Так описывал положение солдата военный министр (Редигер) в разгар 1905–1906 гг., выторговывая в Государственном Совете 4 млн для прибавки на содержание солдат по 1 коп. в день на человека и второе полотенце, доказывая, что с одним обойтись нельзя.{503} Фраза воинского устава, что «звание солдата высоко и почетно» была на деле пустым звуком. «На практике солдат видел, что с поступлением его на службу его зачисляли как бы в низшую породу людей: для него сразу делались недоступными вагоны и буфеты I и II классов, театральные залы и пр. места, предназначенные для чистой публики; на вывесках общественных садов, куда он прежде мог ходить беспрепятственно, он читал: «вход нижним чинам воспрещается»; его не пускали во внутрь вагонов конок; в некоторых [321] городах он не имел даже права ходить по тротуарам». На одном казарменном экземпляре устава против места о высоком звании солдата так и было помечено «каракулями»: «неправда, солдат есть последний человек».{504}

Как показала себя такая армия в войне?

«Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами... Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника» — «в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях».{505}

Организационный хаос, питаемый полукрепостническим строем, с великой легкостью расцветал пышным цветом на просторах Маньчжурии по мере скопления там войсковых масс и сопутствующих армии толпищ всякой авантюрной людской мошкары, искавшей славы, наживы, приключений и легких успехов в тылах. Восемь месяцев подряд командование армией двоилось между Алексеевым и Куропаткиным, каждый из которых имел свой военный план и свои сношения с царем в Петербурге, а тот вмешивался иногда даже в вопросы о расположении войсковых частей в том или ином пункте Маньчжурии.{506} Мобилизация в стране проводилась по принципу: с одной местности все, с другой ничего, и в; армию «гнали» запасных за 40 лет, рядом

не трогая молодых, — что вытекало из схемы частичных мобилизаций, чтобы не [322] сделать невозможной всеобщую. Между тем, «запасные старших сроков не были знакомы с трехлинейною винтовкой и забыли все, что знали по службе». А потом пошла в ход «безумная фантазия» Куропаткина, повлекшая к «полной дезорганизации войсковых частей в Европейской России, из которых была вырвана масса лучших офицеров и нижних чинов для отсылки в армию на формирование там громадных управлений и импровизированных новых частей» (как жаловался в 1905 г. военный министр Редигер, расхлебывая эту кашу в разгар революции). Да и сам Куропаткин признавал, что «нарушение нормальной организации войск началось с объявления войны... и только после боев на р. Шахэ (на 9-м месяце кампании, — *Б. Р.)* мы вполне разобрались в корпусах».{507} Но это мало поправило положение, потому что и в Мукденском сражении возродилось «раздергивание всяких тактических единиц», так что в конце концов не было ни корпусов, ни дивизий, а только «отряды» в составе всевозможных войсковых частей с чужими для них начальниками.{508} На фронт устремилось младшее поколение великих князей, их адъютантов и присных, с женщинами и шампанским; были командующие, ехавшие с женами; все это располагалось в отдельных поездах и вагонах, засоряя запасные пути и тупики, своевольничало и кичилось, неся в армию разложение сверху, а один из князей (Борис Владимирович), наскочив на пощечину от одной сильной дамы, с которой проявил неумеренную вольность рук, был просто даже выслан Куропаткиным домой во-свояси.{509}

В техническом отношении — армия начинала кампанию с 8 пулеметами; пополнялась полевой артиллерией, вместо [323] горной, хотя с 1900 г. можно было воочию видеть гористый характер будущего театра военных действий; не располагала точными картами, без которых части плутали и попадали не туда, куда шли. Порт-Артур начинал кампанию с 153 снарядами для 12-дюймовых орудий, тогда как во Владивостоке таких снарядов лежало 1037, и не было ни одного 12-дюймового орудия. Во всей армии не было ни одного фугасного снаряда, а тяжелые гаубицы стали подвозить только летом 1905 г., когда в воздухе висел уже мир.{510} Более чем через 2 месяца после начала войны на р. Ялу, на корейской границе, откуда ждали вторжения японцев в Маньчжурию, в расстоянии 240 верст от железной дороги, был сосредоточен отряд в 20 000 человек, а транспортная часть оставалась «совершенно неустроенной» (по признанию самого Куропаткина).{511} Добрую половину кампании части из России прибывали на фронт с четырехколесным тяжелым обозом, и только по истечении полугода войны Куропаткин решился *«просить»* о снабжении частей вьючным обозом и двуколками. Целый корпус (10-й) явился в Маньчжурию без единой вьючной лошади, без бочек для воды, «которые на вьюках можно было подвезти в горы»: «в результате роты, посылаемые для охранительной службы по сопкам, остаются целые сутки, получив вареную мясную порцию и свою баклагу с водою», и «иногда, чтобы набрать воды в ключе, где таковая есть, приходится работать на спуск и подъем три-четыре часа времени». На десятом месяце кампании, когда бои у Ляояна и на р. Шахэ были уже позади, наступила вторая зима и на начало декабря 1904 г. намечалась решающая третья попытка «рискнуть», по выражению Куропаткина, двинуться в наступление на выручку Порт-

Артура, — основным средством такой техники оставалось долготерпение российской [324] «святой серой скотинки»: «начинают пухнуть ноги у нижних чинов. Не снимают сапог много недель, не ложатся, не моют ног», «и все это от нашего невнимания» (меланхолически записал Куропаткин в своем дневнике 24 октября 1904 г.).{512} Нет возможности заниматься здесь перечислением таких и им подобных деталей, которые ярче и картиннее всех обобщил, может быть, никто иной, как тот самый адмирал Алексеев, который начинал войну с намерением, во-первых, «набить морду японцам», а во-вторых, кончить войну «в три месяца». К сентябрю 1904 г. он уже говорил в своем кругу: «мы качаемся, как старый рыдван на плохих колесах. Я сорок лет участвую в делах и могу сказать, что мы не можем воевать. У нас нет умения, нет людей...»{513} Это он говорил, разумеется, не о солдате.

Что касается солдата, то к моменту войны в армию проникла зато и революционная пропаганда. С самого начала XX столетия ее вели особенно широко социал-демократические организации, приступившие с 1901 г., где только была возможность, и к организации солдатских кружков, а во флоте в 1903 г. налицо была уже и военная социал-демократическая организация (в Севастополе). К великому ужасу своему, обнаружив эту работу, царское правительство в 1903 же году занялось обсуждением вопроса о пропаганде в войсках в целом и до войны успело собрать по этому вопросу ряд мнений командующих округов. Один из них, не ища выхода в карательных мерах, простовато указал на одну общую: [325] «поднятие экономического благосостояния народа, особенно, крестьян». Это было в ноябре 1903 г.{514} А 28 декабря того же года Витте приехал к Куропаткину «очень огорченный резолюцией царя по крестьянскому делу, по которой в указе предположено объявить, что государь признает сословность, общину и неотчуждаемость крестьянской земли — вопросами им разрешенными и неподлежащими обсуждению». Это было торжество того крестьянского проекта Плеве, от опубликования которого Муравьев ждал, что «в обществе раздастся крик негодования».{515}

Так готовился царизм к своей «маленькой победоносной войне».

Но вот, еще и не кончилась война, русская армия твердо еще стояла на сыпингайских позициях, и только-что, после цусимского морского поражения Вильгельм подал Николаю совет итти на мир (21 мая/3 июня 1905 г.), — как Бюлов в Берлине (22 мая/4 июня) обратился к начальнику генерального штаба фон-Шлиффену за его личным мнением, «какова будет степень военной мощности» России «через год после заключения мира на европейском театре войны». Шлиффен ответил (10 июня), суммируя наблюдения штаба, накопленные за время войны, с большою точностью. «Россия, как только она заключит мир с Японией, вернет обратно посланные в Восточную Азию армейские корпуса и дивизионы. По истечении приблизительно 6 месяцев в Европейской России может оказаться в наличности та же по численности военная сила, которая была там в начале 1904 г. Пройдет несколько больше времени, пока будут пополнены запасы оружия и снаряжения и будет обновлена артиллерийская материальная часть. В течение некоторого времени старая армия [326] может быть внешне восстановлена. Внутренне налицо будут *существенные отличия.* Уже давно было известно, что у русской

армии нет значительных (bedeutende) вождей, было известно, что офицеры в большинстве были малоценны, и что подготовку войск можно рассматривать только, как неудовлетворительную. Напротив русский солдат считался одним из лучших в мире. Его безусловное послушание, его терпеливая выдержка, его спокойное презрение к смерти признавались неоцененными его свойствами. Теперь вера в эти свойства сильно поколеблена. *Послушание оказалось не всегда слепым.* Стали известны *многочисленные случаи, в которых офицеры не приказывали, а просили, уговаривали, парламентировали.* В других случаях люди оказывали сопротивление и переходили к грубейшим насилиям по отношению к начальникам. Авторитет офицеров, как в равной мере и покорность солдат, стали под вопрос. Также и терпеливая выдержка не оправдала себя на деле. Паника нередко возникала во время маньчжурской кампании. До конца войско выдерживало лишь редко. Обнаружилось, что прославленное русское послушание основывается меньше на верности долгу и чувстве чести, чем на тупоумии и фаталистической покорности судьбе, и что эти врожденные славянской расе свойства держатся только до известной границы, а затем вырождаются в грубость. Но прежде всего русский солдат не обучен, он не умеет стрелять и двигаться в бою. В прежние времена можно было с храбрым и мало вышколенным войском все же чего-то достигнуть. Усовершенствование оружия требует теперь чрезвычайно тщательного обучения. Так как русские его не получили, то они не смогут равняться с другой армией, вообще не пригодны к наступлению. Восточно-азиатская война показала, что русская армия была еще менее хороша, чем она расценивалась общим мнением, и она, благодаря войне, стала, не лучше, а хуже. *Она потеряла* всякую жизнерадостность, *всякое доверие и послушание*. [327] Весьма сомнительно, чтобы произошло улучшение. Для этого недостает прежде всего самосознания. Причины своего поражения русские ищут не в общих собственных недостатках, а в превосходстве численности противника и в неспособности отдельных полководцев. Однако недостает также людей, которые могли бы провести реформу, и необходимых моральных понятий. Поэтому будет только соответствовать естественному ходу вещей, если русская армия и *дальше будет становиться не лучше, а хуже. Внутренние события в великом соседнем государстве будут несомненно тому способствовать,* будут ускорять это развитие...»{516}

Это был суровый и, в сущности, безнадежный приговор царизму в целом, произнесенный в момент, когда армия находилась еще в условиях полевых дисциплины и строя. Таким глубоким перерождением ответила русская армия царизму в самом ходе войны, не выступив еще на поприще революции. Презрительное высокомерие не помешало прусскому генералу подметить и оценить этот основной факт: народная армия выбиралась (не так уж стихийно) из-под руководства царизма и уже не годилась на роль слепого орудия его империалистической политики, как в фокусе отражая глубочайшее внутреннее противоречие русского военно-феодального империализма.

«Народные массы не хотели этой войны и сознавали ее вред для России».{517} Никакая сила в мире не могла бы внушить народным массам веру в необходимость этой войны: «плохо вооруженная и обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, русская армия стала терпеть одно

поражение за другим», а «поражения царских войск вскрывали перед самыми широкими массами гнилость царизма»{518} Такой ход войны сам по себе мог только содействовать [328] тому, что ненависть к царизму в народных массах с каждым днем росла, обостряя революционный кризис в стране и приближая революционный взрыв. Причин для того было «более, чем достаточно». «В царской России капиталистический гнет усиливался гнетом царизма. Рабочие страдали не только от капиталистической эксплоатации, от каторжного труда, но и от бесправия всего народа. Поэтому сознательные рабочие стремились возглавить революционное движение всех демократических элементов города и деревни против царизма. Крестьянство задыхалось от безземелья, от многочисленных остатков крепостничества, оно находилось в кабале у помещика и кулака. Народы, населявшие царскую Россию, стонали под двойным гнетом — своих собственных и русских помещиков и капиталистов. Экономический кризис 1900–1903 гг. усилил бедствия трудящихся масс, война их еще более обострила. Поражения в войне усиливали в массах ненависть к царизму. Приближался конец народному терпению».{519} При такой ситуации долг всякой революционной партии заключался в том, чтобы, раз война налицо, использовать ее в интересах победы пролетариата.

Ленин и большевики и заняли определенную пораженческую позицию в русско-японской войне, считая, «что поражение царского правительства в этой грабительской войне полезно, так как приведет к ослаблению царизма и усилению революции».{520} В своем месте мы еще будем иметь случай остановиться на открытой Лениным кампании в печати в пользу такой позиции революционной партии — против меньшевистского лозунга «мир во что бы то ни стало», на котором объединились меньшевики с либералами и западноевропейской буржуазией. Здесь же отметим только, что еще летом 1903 г. сибирский социал-демократический союз открыл агитацию среди войск, двигавшихся эшелонами на Дальний [329] Восток, — листовкой «Ко всем солдатам», где разъяснялись цели царистской политики. А затем и партийные комитеты на местах по всей Европейской России, следуя по пятам поражений царской армии, развертывают такую же агитацию среди солдат, матросов и рабочих — с призывом повернуть оружие против царя.{521} Уже накануне кровавого воскресенья, 8 января 1905 г. товарищ Сталин в прокламации «Рабочие Кавказа, пора отомстить!» писал:

«Редеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур, — и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия...

Плохое питание и отсутствие каких бы то ни было санитарных мер развивают среди солдат заразные болезни. Такие невыносимые условия еще более ухудшаются из-за неимения сколько-нибудь сносных жилищ и обмундирования. Ослабевшие, измученные солдаты мрут, как мухи. И это после десятков тысяч погибших от пуль!.. А все это вызывает среди солдат брожение, недовольство. Солдаты просыпаются от спячки, они начинают чувствовать себя людьми, они уже не подчиняются слепо приказаниям своих начальников и часто свистом и угрозами встречают выскочек-офицеров.

Вот что нам пишет один офицер с Дальнего Востока:

«Сглупил! По настоянию своего начальника выступил недавно перед солдатами с речью. Едва начал я говорить о необходимости постоять за царя и отечество, как. посыпались свист, ругань, угрозы... Я принужден был уйти куда-нибудь подальше от разъяренной толпы...»

Так обстоит дело на Дальнем Востоке!

Прибавьте к этому волнения запасных в России, их революционные демонстрации в Одессе, Екатеринославе, Курске, Пензе и других городах, протесты новобранцев в Гурии, Имеретии, Карталинии, южной и северной России, обратите внимание, что протестующих не останавливают ни тюрьма, [330] ни пули (недавно в Пензе расстреляно за демонстрацию несколько запасных), и вы легко поймете, что думает русский солдат...

Царское: самодержавие теряет главную опору — свое «надежное воинство»!»{522}

Так, без преувеличения можно сказать, армия во время войны становилась политической школой, для многих впервые открывавшей новые широкие перспективы, которые потом закрыть уже ничто не могло. [331]

Глава двенадцатая.

Первый период войны

1. До 15 июля 1904 г.

То, что случилось с русским флотом в Тихом океане в январе 1904 г. (выход из строя 7 судов, из них 4 безвозвратно), сразу же сбило расчеты, на которых был построен русский план войны.{523}

Считалось, что предотвратить высадку японской армии в Корее и вторжение ее в южную Маньчжурию наличными на Дальнем Востоке русскими силами невозможно, и Куропаткин предполагал (еще в июле 1903 г.), избегая «частных поражений», отступать «по направлению к Харбину» до тех пор, пока подойдут все подкрепления и явится возможность, «перейдя в наступление, разгромить японцев». Тем временем Порт-Артур оставался бы отрезанным «на довольно продолжительное время».{524} Но, так как, по заверению Алексеева, русский флот почитался сильнее японского и «возможность поражения» его «не допускалась», то ему отводилось большое место и в обороне Артура от наступления японцев с севера, со стороны перешейка, легко доступного для судовой [332] артиллерии. Как ни сомнительна была такая оценка русского флота в количественном отношении (при одном лишнем: броненосце, он числил в своем составе только 4 броненосных крейсера против 8 японских броненосных крейсеров, 6 бронепалубных против 16 бронепалубных японских и 42 миноносца против 82), январские потери ставили под вопрос судьбу Порт-Артура уже совершенно недвусмысленно. И очень скоро вопрос о выручке крепости с суши врезался клином в ход сухопутной маньчжурской кампании, как планировал его Куропаткин.{525}

На первых порах, однако, этого обстоятельства Куропаткин не учитывал, и план, набросанный им 2 февраля ст. ст. 1904 г. перед отъездом в армию для Николая, выглядел гладко и гордо. Куропаткин включил в него на первом: месте две задачи для флота: 1) «борьба флотов за главенство на море» и 2) «противодействие» «десанту японцев». Оба. эти пункта на деле повисли в воздухе. По части же сухопутной пунктом 3-м были намечены «оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сборам значительных сил». На деле этот пункт оказался и последним. А два следующие: 4) «переход в наступление и вытеснение японцев сперва из Маньчжурии, а потом из Кореи», и 5) «десант в Японию, разбитие территориальных войск, борьба с народным восстанием и овладение столицами и особою императора» — являлись плодом безудержного юнкерского воображения.{526}

Для перехода в наступление Куропаткин считал необходимым иметь на театре военных действий армию в 300 тысяч, вдвое больше, чем, по ошибочным довоенным расчетам, ожидалось встретить японцев. Не полагаясь на техническое и моральное превосходство своей армии, естественно, думали подавить противника численностью. Учитывая не полную [333] готовность КВжд и ничтожную ее провозоспособность (3 пары поездов в сутки) и возможность доведения ее до 14 пар в сутки лишь в ходе самой кампании, Куропаткин рассчитывал кончить войну в полтора года. На деле усиление провозоспособности шло значительно медленнее, чем ожидалось, и только к

лету 1905 г., т. е. к концу войны, на 16-м месяце, провозоспособность магистрали достигла 12 пар поездов, не дотянув до требуемых 14.{527} При этом условии приходилось считаться с повелительной политической необходимостью наступать, не дожидаясь сосредоточения всех сил, и срывать намеченный самим план, растрачивая прибывающие пополнения — потому что всякое отступление воспринималось общественным мнением и заграничной прессой чем дальше, тем больше, как признак слабости правительства и его неспособности добиться решающего успеха. От случая к случаю все очевиднее становилась органическая неспособность царизма справляться с требованиями, которые ставила война. Французский военный атташе видел это с первых же дней. «Война начинается, — писал 12 дней спустя после японской ночной атаки 27 января ст. ст. французский военный атташе полковник Мулэн, — в дурных для России условиях. Следует обвинять за это, прежде всего, национальный темперамент (по дальнейшему видно, конечно, что — правящих групп, — *Б. Р.*), в котором лень, медлительность и непредусмотрительность являются господствующими чертами, а в данном частном случае и общую уверенность в мире, основанную на желании императора избежать бедствий войны... Эта уверенность поспособствовала поощрению вялости и беспечности всех органов. Забота, которую русское правительство, не желая войны, проявило, кроме того, чтобы избежать всяких слишком активных подготовительных мер, могущих показаться слишком прямой провокацией, еще и еще поспособствовала дурному исходному положению. И на этот раз, как в течение всей своей военной истории, Россия брошена [334] в войну, к которой она недостаточно подготовлена. Но, ввиду удаленности операционного театра, ввиду ненадежных, средств сообщения, связывающих его с метрополией, ввиду массы трудностей, связанных с климатом, с размещением, армии и устройством тыловой службы на иностранной территории, с протяженностью, непрочностью и небезопасностью операционных линий, — этот закоренелый недостаток подготовки еще более тревожен и может иметь последствия, которые, будут давать себя знать дольше и серьезнее».

Указывая на разбросанность русского флота, в какой застигла его война (3 крейсера во Владивостоке, 1 в Чемульпо, отряд Вирениуса в пути), на незначительность сухопутных сил (ок. 150000, включая охранную стражу КВжд), тоже неизбежно разбросанных, на отсутствие Кругобайкальского звена Сибирского пути, недостачу 370 паровозов на КВжд и необходимость запоздалого снятия рельс для укладки их по байкальскому льду с одной из петербургских окрестных линий, Мулэн выставлял на вид, что «неудовлетворительное состояние (insuffisance) Сибирского пути... было... едва ли не единственным мотивом, позволившим японцам броситься в борьбу с Россией на суше», а «слабость» — «самой явной провокацией». «В результате бесконечная неизвестность тяжело нависла над всем вопросом о снабжении Дальнего Востока войсками, военным материалом всякого рода, паровозами, вагонами и т. п.», и будущее войны рисовалось французу-союзнику в самых мрачных красках. «Великая язва России» — это «воровство», «интендантство, артиллерия, инженерное ведомство, инженеры всех специальностей крадут наперебой. Начинающаяся война составит новую главу в этой мрачной

истории. Без этого порока Россия была бы вдвое сильнее... и не была бы разъедаема изнутри злоупотреблениями, которые ускорят ее будущую революцию». Продолжительность войны Мулэн исчислял «может быть в 2 года», побыл уверен, что Россия «выйдет из нее с уменьшившимся престижем, очень обедневшей, очень дезорганизованной с точки зрения морской и военной, без всякой серьезной политической [335] выгоды» — «даже если она будет совершенно победоносной на суше». Но, ведь, и Куропаткин, как дошло до Мулэна из интимного его круга, высказывался там, что «даже совершенно победив, мы не выиграем ничего в этой войне».{528} Пока что, во всяком случае, оборот дел на морском театре на первых же порах грозил новой лишней затяжкой войны.

Между тем собственных средств для ведения войны, составлявших на 1 января 1904 г. 350 млн руб. (150 млн свободной наличности и 200 млн руб. эмиссионного права), по-самым скромным подсчетам, могло хватить только до июля 1901 г. Министру финансов Коковцову пришлось ставить вопрос о заграничном займе в марте 1904 г., не дожидаясь невидного близко «поворота военных действий в нашу пользу» — под пересуды парижской печати о возможном падении Порт-Артура.{529} Но пока шли эти финансовые переговоры с французами (а Берлин отказал в деньгах до подписания нового торгового договора взамен прежнего, срок которого истекал) — в какие-нибудь три недели события успели повернуться четыре раза, и все не в пользу царизма.

Первое — 31 марта (ст. ст.) два русских броненосца попали на японские мины, и русская эскадра осталась (на. ближайшее время) при 3 (из бывших 7) броненосцах, потеряв (вместе с флагманским броненосцем «Петропавловск») выдающегося флотоводца вице-адмирала С. О. Макарова, который за короткое время своего командования сумел было активизировать работу портартурской эскадры, чем весьма тревожил японское командование, ввиду подготовлявшейся высадки целой японской армии на берегу Ляодунского полуострова.

Второе — 8 апреля 1904 г. подписано было франко-английское соглашение, подготовлявшееся более двух лет и положившее теперь начало прочной антанте, не предвещая для [336] самодержавия сейчас ничего хорошего в сфере международной политики. Правда, вопрос о «сближении» России и Англии теперь ставился уже самим Эдуардом VII, но с оговоркой, что «момент для сближения неподходящ», что подтвердил Бенкендорфу затем и Лэнсдоун. Правда, французы (тот же Камбон) подталкивали самого Эдуарда «личным своим влиянием подействовать на Николая», но Николаю пришлось писать Эдуарду первым — с просьбою «не вмешиваться ни в русско-японский конфликт (т. е, в ход войны. — *Б. Р.),* ни в его урегулирование». А когда Эдуард Николаю ответил, то обещал он это только условно: «если условия мира сохранят в неприкосновенности гарантированные трактатами права Англии». Бомпар, передавший так содержание этой переписки в Париж, вынужден был признать, что, несмотря на «дружеский» тон, письмо Эдуарда «тем не менее предупреждало Россию, что она не может присоединить Маньчжурию... без согласия Англии». Последняя же оговорка означала наверняка, что Маньчжурию царю теперь же надо добывать на свой риск своими силами.{530}

Третье событие — на маньчжурском театре: 18 апреля (ст. ст.) японская армия под командованием Куроки, высадившаяся в Корее, форсировала реку Ялу и вышла в Маньчжурию, отбросив русский заслон (генерала Засулича) у деревни Тюренчен на р. Ялу. Это было первое поражение руководства русских войск, не сумевшего извлечь никаких оперативных выгод из высотного расположения своих войск относительно переправлявшегося через реку противника. Правда, и японцы не проявили здесь достаточно смелости, чтобы поставить русских в «катастрофическое положение», зато Куроки, выдвинувшись дальше, чем ему было указано, сковал в дальнейшем свободу действий Куропаткина в южном направлении и обеспечил развертывание японских армий в Маньчжурии. Это было первое испытание сил — и в Англии [337] «после битвы на Ялу возобладал взгляд, что Япония, вероятно, окажется победительницей, во всяком случае не потерпит решительного поражения». Результатом этого экзамена был блестящий успех японского займа в Лондоне.{531}

И, наконец, четвертое, — 21 апреля началась, без всякого сопротивления со стороны русского флота, высадка японской армии Оку на Ляодунский полуостров у Бицзыво, в тылу Порт-Артура; 22-го едва успел проскочить из Артура на север Алексеев, которому пришлось теперь в своем роскошном поезде болтаться между Мукденом и Владивостоком, нарушая график воинских перевозок, а 23 апреля армия Оку повернула на юг, лицом к крепости, и Порт-Артур был отрезан.

Понятно, что при таких условиях Коковцову приходилось итти с французскими банкирами на небывало для царизма высокий процент по займу (6.5 действительных), а заодно и связать себя обещанием «оказывать Франции предпочтение» в вопросе о русских заграничных заказах — к явному ущербу казны.{532} Витте «до последнего момента» «настаивал», чтобы к займу допущены были германские банки. Но французским банкирам Бомпар «рекомендовал» не соглашаться, и они не согласились. Понятно, что французское правительство прибегло к нажиму: в Париже были сведения о «концентрации германской армии на западной границе Германии», и переговоры о чисто французском займе «давали предлог сдержанно напомнить русскому правительству заявления, [338] сделанные им французскому правительству по предмету постройки Седлец-Бологовской стратегической жел. дороги», постройка которой задерживалась «недостатком кредитов». Делькассэ теперь поставил условием, чтобы «часть суммы займа была употреблена на быстрое завершение работ». И 11 млн руб. пришлось включить в бюджет 1904 г. на этот предмет.{533} Не лучше, правда, были и условия японского займа в Англии и США в это же время, но для слабых финансов Японии 6–7% в апреле 1904 г. были успехом, сравнительно с 10%, которые требовали с нее американцы в 1902 г. Необычаен был и внешний успех. В Лондоне «члены биржи проявили большой энтузиазм, вице-президент Японского банка, ведший переговоры, был введен на биржу вопреки регламенту и встречен бурной овацией». 5 млн фунтов (из 10) выпущены были в публику и были перекрыты подпиской во много раз. В Нью-Йорке заем был покрыт в 5-кратном размере. Одно только страховое общество «Взаимного страхования» подписалось на 5 млн долларов.{534}

Французский заем в 350 млн руб., подписанный 29 апреля 1904 г., обеспечил русскому правительству расходы войны до начала 1905 г. Но никто теперь и не думал в Петербурге так скоро кончить войну. В эти же дни там принимали решение уступить немцам в вопросе о новом таможенном тарифе в русско-германской торговле, с тем чтобы официально открыть себе и германский финансовый рынок для продолжения войны до победы, — и Алексеев с царем принялись нажимать на Куропаткина, чтобы он предпринял наступление на армию Оку, пока она еще не совсем закрепилась на подступах к Порт-Артуру. Но отряд генерала [339] Штакельберга{535} поспел войти в соприкосновение с противником уже только тогда, когда Циньчжоусские позиции и город Дальний были взяты японцами (13 и 17 мая от. ст.); Оку мог противопоставить русским большее количество сил, и Штакельберг, потеряв до 4000 чел. и 17 орудий, под угрозой охвата, отступил (2 июня) к Гайчжоу. Этот бой у Вафангоу был четвертой военной неудачей русского правительства (после Тюренчена, Цзинь-чжоутина и Дальнего).

Эта неудача явилась яркой иллюстрацией столкновения двух русских схем войны. Алексеев с царем добивались на первом плане освобождения крепости Порт-Артур с суши и воссоздания сплошного фронта от Мукдена до Порт-Артура. Они не верили теперь в устойчивость изолированной крепости и опасались за участь флота в непригодной для него гавани (тогда не имевшей даже дока). Это их прежняя политическая схема, на которой строилась и вся политика Витте, пока он стоял во главе триумвирата: Маньчжурия — России, Корея — Японии. Куропаткин теперь, «даже рискуя падением Порт-Артура, не намерен был итти на выручку его, пока не сосредоточит всех войск».{536} За этим стояла тоже прежняя его политическая же схема — прямого присоединения только северной Маньчжурии и соответственно его истинный, рабочий (а не тот фанфарный, который приведен выше) план войны, докладывавшийся им Николаю еще в феврале 1903 г.: предлагая держать сильный флот в Балтийском [340] море, он уверял тогда царя, что «мы от Японии отстоимся и с сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее... Порт-Артур же... будет в силах выдержать осаду полтора года, а, пока собирается наша сухопутная рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря».{537}

Теперь переписка между Алексеевым, Николаем и Куропаткиным о наступлении к Артуру протянулась весь май, и операция Штакелъберга явилась как бы сыном двух матерей: русские опоздали и вступили в бой, имея меньше сил (30 вместо 40 тыс.), чем того требовал от Куропаткина Алексеев. И вся операция оказалась запоздалой. Это была, по убеждению Куропаткина, «воистину авантюристическая стратегия», которую ему приходилось проводить в угоду «адмиральским бредням». Куропаткин утешался лишь тем, что «нет худа без добра, что мы, под давлением Алексеева, поддержанного Петербургом, сунулись вперед неготовыми и получили новый урок», он даже мечтал, чтобы теперь японцы напали на маньчжурскую армию «всеми силами» и отбросили ее из южной Маньчжурии «на долину, где наши неуклюжие обозы начнут нам приносить пользу, наши орудия перестанут составлять тяжелое бремя, каковое они составляют в горах, и огромные транспортные средства,

которые мы не можем создать, не понадобятся». Отсюда понятно, почему Куропаткин, по его собственному признанию, и «не поощрял Штакельберга к упорному сопротивлению».{538}

Так мысль спасти Порт-Артур от блокады не удалась. В мае же месяце высадились на южноманьчжурском берегу (в Дагушане) еще две японские армии (Ноги и Нодзу). Из них одна была оставлена вести правильную осаду фортов Артура (генерал Ноги, 60 тыс.), а две других (генералов Нодзу и Оку) начали медленно теснить русских к северу. Это сейчас же дало соответственный отклик в Париже. На другой [341] день после отступления Штакельберга прикомандированный к русской армии французский генерал (Сильвестр) писал из-под Ляояна (3/16 июня): «Положение самое непрочное. Что можно сделать с одними сибирскими войсками? Сформированные из запасных, они, на мой взгляд, являются второ — или третьеразрядными, вследствие их недостаточной обученности с точки зрения большой войны и их импровизированной организации: кадры, штаб, стрельба, артиллерия. Это — милиция, солдаты которой превосходны, но все же это милиция... Артиллерия неудовлетворительна как по количеству, так и по составу персонала (ибо батареи располагают новым материалом только слишком непродолжительное время, чтобы его хорошо знать). Повторяю, здесь необходимо иметь 4–5 корпусов европейской армии», «но и на 3 корпуса нельзя рассчитывать раньше 25–30 августа». Наоборот, японская армия представлялась Сильвестру и теперь «превосходной, прекрасно обученной, хорошо командуемой и в полной боевой готовности», «специально в Маньчжурии».{539} Именно в эти же июньские дни и директор французской кредитной канцелярии в Париже стал делать намеки русскому финансовому агенту в Париже на то, что царскому правительству следовало бы для покрытия расходов войны поискать на будущее «другой какой-нибудь источник, например, Берлин».{540}

Зато в Берлине теперь обеими руками ухватились за проект посылки русского флота из Балтийского моря на Дальний Восток, и Вильгельм всеми средствами эпистолярного красноречия поддерживал Николая в надежде на спасительность этого предприятия для отрезанной крепости, а следовательно, и всей войны — тем более, что и попытки воссоединения владивостокского крейсерского отряда с порт-артурской эскадрой (предпринятые без всякой возможности из [342] Мукдена точно согласовать сроки выхода, их из портов) не удались. Владивостокский отряд в составе трех сильных крейсеров вышел 2 июня 1904 г. и удачно добрался до Симоносеки, потопив на пути даже несколько японских транспортов, но, не встретив своих, дальше один итти не рискнул. А порт-артурская эскадра собралась выйти только 12 июня, но, встретив превосходные силы адмирала Того, вернулась в Артур.{541} А тут и Эдуард VII, приехавший в эти дни в Киль с визитом к Вильгельму, заговорил о возможности повести дело к миру и даже о своем «желании скорого окончания войны». Он не рассчитывал «на русские успехи ни на море, ни на суше, и самое разумное, что могли бы сделать русские, это возможно скорее и на наиболее приемлемых условиях заключить мир». Он даже сказал, что мог бы взять на себя «посредничество». Что Эдуард VII тут отражал какое-то действительное течение не только в английских, но и в японских правящих кругах, можно судить потому, что и Камбон теперь сообщал Делькассэ со слов «людей,

занимавших значительное положение в лондонском деловом мире»: Япония будто бы, как только возьмет Порт-Артур, охотно перейдет к обороне и «ищет только случая начать мирные переговоры», ввиду «дурного состояния финансов, ежедневно возрастающих расходов на развитие военных операций и изношенности флота», а «в кругах Сити», связанных с Японией, «договариваются до того», что Япония «пойдет на оставление Порт-Артура за Россией, с условием чтобы он перестал быть крепостью».{542}

В таких обстоятельствах и при возможности такого демарша из Лондона не поддержать своего «друга» в финансовой сфере со стороны Вильгельма было бы просто неумно. Поэтому в один день с заключением торгового договора [343] 15 июля ст. ст. 1904 г., без всякой оглядки на то, что 11 июля русские войска покинули Ташичао,{543} рейхканцлером Бюловым была подписана и нота, разрешавшая России заключить заем на германском рынке в любое время до 1 апреля 1905 г.

Этот ход немцев, разумеется, создавал для царизма счастливое положение в двояком отношении: 1) у него являлась некоторая свобода выбора источника финансовой поддержки в войне, и 2) так как необходимость прибегнуть к займу должна была наступить только к самому концу года, то 6 месяцев царизм получал для достижения военных успехов, которые ликвидировали бы финансовые колебания в пользу союзника и в Париже.

Момент выбора между Францией и Германией наступил, однако, не в начале 1905 г., а еще в октябре 1904 г. — в связи с выходом балтийской эскадры (так называемой 2-й тихоокеанской эскадры Рождественского) из Либавы на Дальний Восток (2 октября). Это была карта, которую германский империализм подтолкнул Николая бросить на стол в такой момент, когда за спиной у царизма было несколько новых неудач как на внутреннем, так и на внешнем фронте, и были признаки, что антантовская буржуазия параллельно с русской непрочь была бы извлечь царизм из маньчжурской трясины.

2. Ляоян и Шахэ

Когда берлинский банкир Мендельсон в начале октября 1904 г. приехал в Петербург с предложением «продолжать начатые <и оборвавшиеся> весной переговоры о займе», он, вращаясь в банковских и коммерческих кругах, вынес впечатление, что здесь господствовало желание «немедленного мира», как и в подавляющем большинстве населения страны, и только двор, военные и «официальные лица» (т. е. бюрократия) «держались твердо».{544} Николай упорствовал (Витте прямо [344] указал на него Мендельсону, как на «единственное препятствие к заключению мира») и «верил, что война может кончиться для России победоносно». Соответственно этому, когда немцы попробовали позондировать Ламсдорфа, они получили ответ, что «военное счастье начинает отворачиваться от Японии» и что момент для мирного посредничества с русской точки зрения был бы неудачен.{545} К этому времени теория «маленькой победоносной войны», претерпев некоторый кризис, успела смениться в головах придворной правящей клики теорией большой победоносной войны на основе кое-каких маневренных операций на внутреннем и поддержки со стороны Германии на внешнем фронтах.

Между тем ход военных и общеполитических событий складывался неблагоприятно для стоявших за этой кликой русских аграриев. В *Берлине* 15 июля ст. ст. Витте оказал услугу царизму, выхлопотав разрешение на заем и выиграв в пользу русской стороны 2 млн руб. в балансе по таможенному обложению; но для помещика-предпринимателя и хозяина новый договор нес повышение пошлин на ввозимые в Германию сельскохозяйственные продукты на 11500000 руб. Выигрывала здесь промышленная буржуазия: таможенная пошлина на ввоз германских промышленных изделий была повышена на 13 500 000 руб. В *Петербурге* в тот же день бомбой Сазонова уничтожен Плеве, яркий оплот феодальной реакции и активистской клики при царе; в этой последней на некоторое время воцарилась полная растерянность, до такой степени все свои дальневосточные проекты она связывала именно с Плеве и не видела теперь, кем его заменить, не полагаясь на твердость своего «хозяина».{546} В *Порт-Артуре* все в тот же день трехдневные атаки японцев на последнюю линию укрепленных позиций перед крепостью увенчались успехом, и русские отошли, не удержавшись на Волчьих горах, за линию собственно крепостных укреплений: [345] начиналась непосредственная осада крепости. Наконец, в *Лондоне* тогда же Гаяси, японский посол, через третьих лиц сделал предложение русскому послу о встрече с Витте, находившемуся тогда в Берлине, для обсуждения условий мира, если бы царизм пошел на него, не дожидаясь падения Порт-Артура.{547}

Нетрудно заметить, что все эти четыре факта сигнализировали поворот хода событий в сторону русской буржуазии, в частности появление вновь на бюрократической сцене; опального Витте, бросавшего царизму спасательный круг в виде займа. С Бюловым Витте «пошел так далеко, что совершенно доверительно сказал», между прочим (до убийства Плеве): «Как государственный человек, он боится, что быстрые и блестящие русские успехи сделали бы правящие круги Петербурга задорными. У нас потребовали бы от Японии невозможных вещей. Россия должна претерпеть еще несколько военных ударов, чтобы тогда, если после горьких испытаний военное счастье склонится на ее сторону, заключить мир на разумных условиях... Было бы безумием, если бы Россия настаивала на овладении Маньчжурией или даже Кореей». А практически Витте высказался за использование мирного посредничества Эдуарда VII.{548} Что Витте заговорил так именно в Берлине — это был тоже симптом. Но пока все это были только симптомы. Непосредственное продолжение пока возымело лишь то, что происходило на внешнем фронте. Берлинский документ о займе не предполагалось реализовать сейчас же. Замещать Плеве, т. е. выбирать политический [346] курс, Николай тоже отложил и затянул дело до конца августа. Мирный демарш Гаяси оставлен был тем более без ответа: он-то уже совсем зависел от счастья на фронте, А там, между тем, все шло от неудачи к беде и от беды к неудаче.

25 июля японские осадные орудия впервые открыли огонь по крепости, городу и внутреннему рейду Порт-Артура, и стало ясно, что «артурские бассейны это могила эскадры». Поэтому 28 июля эскадра в полном составе сделала попытку пробраться во Владивосток, но, не выдержав боя с японской, потеряв командующего эскадрой адмирала Витгефта, обратилась врассыпную, причем часть судов укрылась в нейтральных портах и была разоружена, часть

вернулась в Артур и там, ввиду потребностей сухопутной обороны, постепенно подверглась тоже разоружению. Владивостокский крейсерский отряд (Рюрик. Громобой и Россия), вышедший ей навстречу, встретившись с вдвое сильнейшим японским крейсерским отрядом в Корейском проливе потерял один из трех своих крейсеров (Рюрика) и вернулся во Владивосток; оба спасшиеся крейсера оказались в таком состоянии, что до конца войны выбыли из строя (1 августа). 3 августа генерал Ноги предложил артурскому командованию сдать крепость; получив отрицательный ответ, он открыл штурм по всему ее фронту, и, понеся большие потери, перешел затем к правильной, длительной инженерной войне (9 августа).

Куропаткин, кончавший в это время подготовку ляоянских позиций, воспринял описанные события как «несчастье», «усложнявшее положение сухопутной армии» и «затягивавшее войну». Но «всего более» его «пугала» мысль, «как бы у нас не явилось желание покончить войну кое-как, только бы покончить». Он не скрывал от себя, что «война и ныне ненавистна», «но если она не окончится победно, то внутреннее положение России так ухудшится, что можно будет ждать огромной важности внутренних беспорядков», а потому «надо воевать несколько лет, но победить».{549} [347]

Аналогичную оценку и аналогичное опасение вызвали эти события и в Берлине, судя по тому, что Вильгельм счел нужным написать Николаю, два дня спустя после приведенной куропаткинской записи.{550} Он внушал Николаю, что «первый период кампании фактически закончен» и приводил едва ли не намеренно преувеличенный расчет, что «у Куропаткина должно быть 180 000 человек действующей армии, в то время как японцы собрали 250–280 000», тогда как на деле численный перевес был уже на стороне русских. Вильгельм хотел внушить Николаю мысль, что «действия сухопутной армии станут легче и дадут лучшие результаты, как только появится на сцене Балтийский флот»; кроме того, он предлагал царю послать на фронт из России в дополнение к наличным 4-м еще 6 корпусов в виде «2-х армий, по 3 корпуса каждая», с тем чтобы маньчжурская армия сыграла роль «передового заслона», прикрывающего развертывание новых двух армий. Это было как раз то самое, к чему Николай пришел, после колебаний, месяц спустя.

Тем временем на главном фронте попытка Куропаткина, отступившего от Ташичао на укрепленные позиции у Хайчена, далее не отступать и «принять решительный бой» у Хайчена — не удалась. Соединившиеся под командованием маршала Ойямы три японские армии (генералов Куроки, Нодзу, и Оку) повели наступление на Ляоян, обращенный русскими в течение 7 месяцев в большой укрепленный лагерь. «Горячо желая, чтобы японцы увлеклись преследованием и подступили тремя армиями к Ляояну», Куропаткин оттуда и предполагал предпринять свое контрнаступление.{551} Однако, в результате 10-дневного беспрерывного боя, при крайне неблагоприятных климатических условиях, Куропаткин, располагая некоторым превосходством в количестве бойцов, при вопиющем недостатке горной артиллерии (7 орудий против 180 японских), под угрозой японского обхода левого русского [348] фланга и потери сообщений, бросил ляоянский лагерь и отступил к Мукдену в тот момент, когда японцы в свою очередь намечали начать отступление сами.{552} Правда, предпринимая

наступление на Ляоян, в штабе Куроки собирались отпраздновать годовщину Седана, и английский представитель при японском штабе Ян Гамильтон рассчитывал присутствовать при «великом заключительном акте маньчжурской войны».{553} Правда и то, что Ояма на вопрос Гамильтона, «доволен ли он результатом своих действий?» ответил: «умеренно, русские слишком искусно совершили отступление».{554} Хотя отступление и произошло в порядке, но это было серьезное военное и политическое поражение царизма и. сторонников «победоносной войны»: японцы одолевали и на главном фронте, и возможность выручки Порт-Артура силами сухопутной армии, в сущности, отпадала.

Опыт Ляоянского сражения приводил русское командование к выводу, что «масса офицеров тяготится войной, участвует в делах без боевого одушевления, а многие, даже в крупных чинах, стремятся притвориться больными и уехать в тыл», массе же нижних чинов, и говорить нечего, война «чужда», «одушевления» не вызывает, «новая обстановка действует на них подавляющим образом, они более нервны, чем 27 лет тому назад, более рассуждают и требуют более решительного с ними образа действий и примера».{555} Даже англичанин Гамильтон отдавал при этом должное русскому солдату: «в русском солдате есть материал для образования хорошего воина; если он сражается за что-нибудь определенное, [349] то способен на решительные атаки, о чем свидетельствует масса убитых. Но таская войска взад и вперед... уводя их преждевременно и поспешно из тщательно выстроенных укреплений, уступая поле сражения вследствие потери одной или двух маловажных позиций, легко превратить армию героев в армию зайцев. Я считаю огромным достоинством русского солдата, что он в значительной мере не поддавался деморализующей тактике своих вождей».{556} И «все же», — по мнению германского представителя при русском штабе Теттау, — «сражение у Ляояна было решающим для всей войны»: «иностранные офицеры, бывшие беспристрастными зрителями, все без исключения выражали тогда свое мнение, что эта кампания Россией проиграна, что ей надо начать новую войну, если она хочет победить Японию».{557}

Что Ляоян что-то решает в войне, было тем более ясно и скрытым полупораженцам из русской буржуазии. Витте, например, прямо писал Куропаткину 19 августа ст. ст., по первым вестям считая, что Ляоянское сражение кончится «успешно»: «без преувеличения можно сказать, что, пожалуй, победоносная война даст еще худшие результаты, нежели средний успех».{558} Еще совсем недавно (до убийства Плеве, пока был жив еще этот «главный враг») «Освобождение» 25 июня писало об отношении «оппозиции» к войне: «конституционная партия должна принять пассивное положение».{559} Теперь, 19 августа, «Освобождение» писало о «политической безделице, именуемой русско-японской войной» совсем в ином роде: «парадокс русско-японской войны... заключается в полном, объективном совпадении тех ближайших политических целей, к которым стремится воюющая [350] против нас Япония, с национально-государственными интересами русского народа на Дальнем Востоке. Япония стремится вытеснить Россию из Маньчжурии, русский народ заинтересован в том. чтобы уйти оттуда с возможно меньшими

потерями». И либерально-буржуазный орган призывал к «немедленному прекращению войны», так как «мир с Японией возможен в каждый данный момент» «на основе ухода из Маньчжурии и Порт-Артура».{560} Предвосхищая эру «весны» в отношениях между самодержавием и «обществом» (Святополк-Мирский был назначен министром 26 августа ст. ст., а это писалось 19-го) и на случай нового поражения царизма на фронте ляоянских боев, вероятность которого была видна уже к этому дню, Струве почитал Николая, повидимому, достаточно проученным для того, чтобы Николай начал с буржуазией переговоры.

Был момент, когда могло казаться, что Николай поддался действию описанных неудач и чуть было не оправдал отмеченных выше опасений сторонников «большой войны». Выбор нового политического курса внутри страны недаром состоялся (26 августа), когда итог Ляоянского сражения был как на ладони; в этот день кн. Святополк-Мирский был назначен министром внутренних дел. Тогда же просветление мелькнуло и в чисто военной сфере. Один из авторов и поклонников идеи посылки 2-й эскадры на Дальний Восток вел. кн. Александр Михайлович, под влиянием происшедшего с порт-артурским флотом, еще в начале августа стал агитировать против «отправки ее туда прямо на убой» и довел царя до пересмотра вопроса. Но совещание об этом Николай опять-таки оттянул и собрал его «в конце августа» (30-го ст. ст.) — уже после Ляояна. И вопрос был перерешен: эскадра оставалась на месте. Николай даже говорил в. кн. Александру Михайловичу, что «после этого решения у него как бы гора с плеч свалилась» (записал в дневнике третий [351] член семьи, в. кн. Константин Константинович). К сожалению, не знаем, какую роль тут сыграл «совет Рузвельта заключить мир после Ляояна»; а что он был дан через Кассини, мы знаем со слов последнего.{561}

Но это был только один обычный в подобных случаях «психологический момент». Стоило Куропаткину подать царю в самом начале сентября новую «крепкую» надежду на успех сообщением о предпринимаемом новом наступлении, как явился на сцену другой «психологический момент» — прямо противоположный. И 18 сентября 1904 г. у того же в. кн. Константина Константиновича в дневнике появляется запись: «с тех пор перерешили, и эскадру, повидимому, посылают».{562} А 9 сентября через Абазу, который все еще состоял при делах Дальнего Востока, от имени Николая был послан новый запрос Алексееву о том, не следует ли потребовать удаления из Маньчжурии всей китайской высшей администрации... для того, чтобы формально облегчить себе присоединение Маньчжурии, как приз победоносной войны с Японией. В этот момент в Петербурге вновь появился Безобразов. «Абаза, Вогак и компания» целыми днями просиживали у него, а сам он начинал «вертеть по-своему», опять «пользовался большой милостью» и «ежедневно получал пакеты от генерала» (т. е. Николая, на языке того двойного шифра, которым сообщал об этом опальному Витте Коковцов в Сочи). Правда, в это время даже Алексеев говорил, что «нам надо как-нибудь окончить войну, потому что... чем дальше, тем хуже» — и, разумеется, отклонил [352] изумительный петербургский проект.{563} Но теория большой войны в Петербурге твердо вступала в свои права. 10 сентября, в самый разгар разработки плана и подготовки Куропаткиным нового наступления, маньчжурское командование

получило неожиданное для него распоряжение из Петербурга об образовании 2-й армии из вновь прибывших корпусов и бригад, — в стиле берлинского совета — так что у Куропаткина возник было даже вопрос, может ли он располагать этими свежими силами в предстоящей операции, не дожидаясь назначения 2-го командующего.

Еще каких-нибудь 10 дней назад Бюлов, считая для Германии выгодным ослабление Японии «именно на море», пытался побудить Тирпица дать совет в Петербург активизировать работу порт-артурской эскадры, которая иначе погибнет «без всякой пользы», на что Тирпиц пессимистически ответил, что «не ждет от этого большого результата». Теперь же Бюлов вместе с Вильгельмом мог «бесконечно» порадоваться сам, что «все 5 русских артиллерийских дивизионов уходят в В. Азию», и даже утверждать, что «надо надеяться, что и русские суда в Порт-Артуре и Владивостоке теперь, наконец, решили перейти в наступление, чтобы Балтийский флот, если он выйдет, нашел ослабленного врага»; немцы полагали, что русским теперь стоит «пожертвовать 2-мя судами, чтобы погубить одно японское».{564}

Дав отдохнуть войскам, наскоро, в течение какой-нибудь недели составив весьма несовершенную карту района военных действий, пополнившись 2 корпусами, успевшими после Ляояна прибыть к Мукдену из России, Куропаткин готовился [353] «дать упорный бой под Мукденом»; а если бы японцы «замедлили наступлением», то у него было решено «самому перейти в наступление».{565} Но у японцев еще под Ляояном, по показанию английского очевидца, «когда русские отступили, все были от души рады отделаться от них» и «истощение сил и средств исключало возможность немедленного наступления».{566} Не дождавшись наступления японцев, Куропаткин, не приняв никаких мер к тому, чтобы скрыть свои намерения от противника, 21 сентября 1904 г. перешел р. Шахэ и повел наступление на Янтай с тем, чтобы обойти правый фланг японцев. Однако к концу второй недели это медленное наступление, вследствие недоверия Куропаткина к собственным силам и, в частности, к командному составу русской армии, при хорошей осведомленности японцев о планах и расположении сил противника, сменилось контрнаступлением Оямы по всему фронту и отходом русских за р. Шахэ, назад к Мукдену. И это было уже настоящим поражением куропаткинской стратегии наступления с постоянной оглядкой на оборону, стратегии, вынужденной учитывать моральное и политическое состояние армии, в своей массе не разделявшей захватнических целей войны.

Общие потери во всех августовских и сентябрьских боях исчислялись для русской стороны (кругло) в 60 000, для японской в 45 000 чел. До окончательного «истощения» по американскому рецепту было еще далеко, но пока на целые три месяца военные действия на этом театре затихли, и обе стороны занялись подготовкой зимней кампании.{567}

После неудачи у Шахэ было утопией рассчитывать вовремя поспеть к Порт-Артуру с балтийской эскадрой. Но результаты наступления у Шахэ выяснились в Петербурге [354] только в начале октября (не ранее 5-го), а балтийская эскадра вышла уже из Либавы 2 октября. Она могла теперь добраться до Порт-Артура, обогнув Африку, не раньше марта — апреля 1905 г.{568} Война принимала в такой перспективе грандиозные размеры на обоих,

сухопутном и морском, фронтах. К концу октября и японцы «уже много своих судов поставили в доки и будут теперь с величайшим напряжением работать над усовершенствованием флота. Блокаду Порт-Артура будут нести только миноносцы». Они надеялись, что Порт-Артур падет до прихода Рождественского, и опасались дальнейших больших потерь, «ибо весной они будут нуждаться в каждом человеке», «чтобы противопоставить русским 500 000 человек». «Людского материала» у них было еще довольно, но «заминка будет с обучением запасных войск». В правящих кругах Японии считали, что войну надо перенести на русскую территорию. «Предварительным условием для этого будет решительная победа под Мукденом. Если же позволят хоть сколько-нибудь силы, они пойдут на Владивосток». Рассказывая все это германскому представителю в! Токио, Аоки на ближайшее будущее заявлял, что Порт-Артур будет удержан Японией за собою в первую голову: «великодушная комедия возвращения его Китаю была бы слишком опасным экспериментом».{569}

Немудрено, что сразу же после Шахэ в европейских дипломатических сферах пошли слухи о возможном предложении мира японской стороной — к великой досаде Вильгельма.{570} Заключи Николай мир сейчас — германская дипломатия [355] очутилась бы в положении игрока, не отыгравшего ни одного из своих козырей. А вокруг похода эскадры Рождественского собственно и начиналась для нее настоящая игра. Козырем в ней был вопрос об обеспечении эскадры углем, которое Германия брала целиком на себя, рискуя осложнением своих отношений с Англией. Правда, Баллин, директор компании «Гамбург-Америка-лайн», сумел устроить так, что «уголь будет кардиффский, с разрешения английского правительства, что 1/3 пароходов будут английские, что участвует одна лондонская фирма». Правда и то, что не только сама Англия поставляла уголь Японии, но и Крупп поставлял Японии на 60–70 млн марок орудий и военного снаряжения. Но формально политическая ответственность за всю операцию по поставке угля в глазах Петербурга оставалась на Германии.{571}

Между тем, как в Париже уже в августе 1904 г. возможное падение Порт-Артура считалось неизбежным поводом к панике с русскими биржевыми ценностями, новость об образовании русским правительством второй армии толкнула вниз русские фонды на парижской бирже, так как грозила дальнейшей затяжкой войны; во французской печати раздались даже голоса в пользу японского займа во Франции. Из Берлина же в это время не только тешили воображение Николая надеждой, что балтийский флот «загонит японский флот в его порты» и восстановит Николаю «господство на, море», но и на деле помогали продвижению русской эскадры. К тому же французские условия поставки угля «не подошли», а Баллин предложил лучшие.{572} [356]

Николай теперь не был склонен сдаваться. Провозгласив «весну» на внутреннем фронте (указ 12 декабря, откуда Николай изъял, однако, в последний момент упоминание о народном представительстве), он был в вопросах войны тверд, как скала. После Шахэ, на тревожное сообщение Вильгельма о якобы предстоящем англо-французском выступлении за мир по просьбе Японии (6 октября), он заявил, что будет воевать до тех пор, пока «последний японец не будет изгнан из Маньчжурии».{573}

Понятно, что когда в первой половине октября (8–16) в Петербурге столкнулись французское (Лионского кредита) и германское (Мендельсона) предложения займа, Николай отдал предпочтение немцам (и указ о займе на сумму 231 млн руб., не торопясь, был подписан 15 декабря 1904 г.). Но в те же дни (9–14 октября) произошел наделавший много шуму так называемый гулльский инцидент, вызванный стрельбой судов 2-й эскадры в Северном море по английским рыбакам. И из опасения разрыва с Англией и за судьбу своей эскадры Николай (16 октября) дал Вильгельму согласие обсудить и подписать такой союзный оборонительный договор (против Англии), к которому затем могла бы присоединиться и Франция. Казалось вот-вот свершится мечта германской дипломатии: Россия заключит за спиной своей союзницы русско-германский союзный договор, параллельный франко-русскому и исключающий его, и, поставив французов перед совершившимся фактом, оттолкнет их целиком в объятия Англии.{574}

Гулльский инцидент вызвал бурю в английской печати. Был момент, что в Лондоне изготовлен был уже и приказ двинуть английскую эскадру навстречу Рождественскому и потребовать от того непосредственных объяснений (13/26 октября). Но затем, быстрое и решительное вмешательство [357] Франции повернуло дело к дипломатическому улажению русско-английского конфликта. Когда Николай получил фельдъегерем германский проект союзного договора (20 октября ст. ст.), он мог уже «читая его, рассмеяться» и предложить Ламсдорфу внести в него поправки. Из них основная — чтобы договор был действителен не только во время войны, а и во время мирных переговоров — вызвала со стороны Вильгельма предложение сделать оборонительный союз вообще бессрочным. Вильгельм, вместо того чтобы подписать русский вариант проекта, — сохранявший еще пункт о последующем, за подписанием договора, обращении к Франции с предложением присоединиться, — предложил такую грандиозную «поправку», которая дала возможность Ламсдорфу убедить Николая настаивать на *предварительном* ознакомлении Франции только с *проектом* договора. Николай отступил. И дело распалось (к концу ноября) в связи с тем, что Николай предложил посвятить в него французов до подписания договора, а Вильгельм уперся на требовании соблюсти до этого полную тайну. Но и Николай стоял на своем, и все свелось к царской ноте, в которой Германии было обещано, что Россия «честно будет сражаться плечо к плечу» с Германией в случае нападения на нее Англии (из-за поставки угля). В Берлине больше не настаивали, так как хотели «оставить царю открытою возможность русско-германского соглашения в будущем». Но пока «это был совершенно отрицательный результат двухмесячной честной работы и переговоров. Первая неудача, которую испытываю лично», — озлобленно резюмировал Вильгельм.{575}

Это был уже конец ноября, когда (28-го) в Порт-Артуре японцы, ценою громадных потерь и усилий, выбили измученные остатки русского гарнизона с горы Высокой, откуда можно было расстреливать город и гавань и пустить ко дну [358] остатки эскадры, стоявшие на внутреннем рейде разоруженные, и судьба крепости была предрешена. Примерно тогда же и Коковцов (19 ноября) представил Николаю финансовый расчет, показавший, что с одним германским

денежным рынком при дальнейшем ведении войны обойтись будет нельзя. В самом деле: в течение всего 1905 г. на единственно доступных для России тогда рынках Франции, Германии и Голландии можно было бы занять всего не более 500 млн руб., и этого хватило бы, по самому скромному расчету (оказавшемуся дальше преуменьшенным), по 50 млн руб. в месяц, — до августа 1905 г. Этот расчет показывал, что самодержавию остается «строго соразмерять свои вожделения» относительно Маньчжурии с «грозными предостережениями» военной и финансовой действительности, и беречь все три доступные денежные рынка во имя всего-то семимесячной возможности не прерывать войны, В области международных отношений царизму надлежало не нарушать «равновесия» между Берлином и Парижем, чтобы извлечь еще «выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон» (резюмировал Ламсдорф).{576}

Но эти «пределы возможности» оказались на деле быстро идущими к нулю: ближайшие события готовили вторичное испытание франко-русскому союзу, — на этот раз уже не с русской стороны. Капитуляция Порт-Артура действительно грозила «капитуляцией самодержавия» и вырастала в «одно из величайших событий современной истории» и в глазах французской буржуазии.{577} [359]

Глава тринадцатая.

Второй период войны

1. Порт-Артур и Мукден

В ноябре 1904 г. Ленин так определял положение, в каком находился царизм: «Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится, растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме... Весь ход событий ручается за то, что царское правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом... Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной маньчжурской авантюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения, и в случае затягивания безнадежной для России войны».{578}

Судьба революции в России «всего более» связывалась теперь у Ленина с «ходом войны с Японией», которая «толкает на восстание исстрадавшиеся народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв». Перед самым падением Порт-Артура, может [360] быть даже и в день его сдачи, Ленин подытожил военное положение царизма («Вперед», № 1, 22 декабря ст. ст.) в следующих словах: «самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения».{579}

Генерал Стессель предательски сдал японцам Порт-Артур и подписал акт капитуляции 20 декабря 1905 г. (ст. ст.). Из гарнизона и моряков (57 тыс. чел.) осталось к этому моменту ок. 30000 человек, из них здоровых не более 14 тыс. чел. Японцы уложили под Порт-Артуром за 8 месяцев свыше 100 000 чел. Осадная армия Ноги с 60 тыс. человек доведена была теперь до 100 тыс. В течение декабря японская тяжелая осадная артиллерия новейшего образца (11-дюймовые мортиры) громила теперь бетонные форты, которые один за другим выходили из строя. До войны Куропаткин в планах принимал срок сопротивляемости крепости в 18 месяцев, при полной ее готовности и при сохранении боеспособности флота. Достойно удивления, что при незаконченности крепости на 50% к началу войны, при полной морской блокаде в течение последних 5 месяцев (из 8), при типичном для самодержавия хаосе в организации управления (Стессель — Смирнов, один начальник укрепленного района, другой комендант крепости), при отсутствии в крепости единой власти, объединявшей флот и сухопутные войска, и при громадном численном, организационном и техническом превосходстве противника, при

наличии [361] разветвленной шпионской сети, — крепость геройски оборонялась, принимая на себя не менее половины людских и технических средств противника и обеспечивая этим русскому командованию возможность накопления сил и средств на маньчжурском фронте.

После сдачи Порт-Артура армия Ноги со всей своей артиллерией освобождалась для присоединения к остальным армиям Оямы. Эскадре Рождественского теперь оставалось только «позорно вернуться вспять» (писал Ленин после сдачи Порт-Артура і января 1905 г. «Вперед», № 2).{580}

Отмечал, что царизм все же решил продолжать войну, Ленин выдвигал теперь со всей ясностью «великую революционную роль» войны и громил меньшевистскую «Искру» за то, что «она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало» и за то, что «кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!!?) на, победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой или поражением самодержавия». Ленин разъяснял народу, что «дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия», потому что это дело «много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка». «Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий». «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, [362] войны пролетариата за свободу». Ленин прибавлял новый аргумент в защиту тактики большевиков: «недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской».{581}

И вот, не успело еще отзвучать падение Порт-Артура, как европейская буржуазия оказалась лицом к лицу с «началом революции в России», и «великий урок гражданской войны», данный самодержавию петербургскими рабочими 9 января 1905 г., явился таким ударом по царизму, которого не выдержала связавшая себя с ним французская буржуазия.

* * *

Не успело еще самодержавие докончить свое кровавое дело на улицах Петербурга в воскресенье 9 января, как в 4 часа пополудни один крупнейший русский банковский делец телеграфировал из Парижа Коковцову, что *«уже 4 дня,* как многие, подписавшиеся условно на ближайший русский заем, аннулируют свою подписку и этим серьезно обескураживают управляющих

всех кредитных учреждений».{582} Первые же сведения о начале январского движения в Петербурге опрокинули царский кредит на парижской бирже.

Падение Порт-Артура, сплетаясь с январскими событиями 1905 г., пошедшими одно за другим сплошной лентой по столбцам европейской печати, подорвало устойчивость международного положения царизма. В частности во Франции недоверие к кредитоспособности самодержавия, вспыхнувшее стихийно и неожиданно для банковских воротил, к середине февраля приняло всеобщий характер и грозило перейти в панику, которая, только начнись, «смела бы русский союз», как выразился главный биржевой маклер в Париже. Он же и указал царскому правительству последнее средство предотвратить [363] этот крах — установить ежемесячный взнос для «ублажения» парижских газет. Целый год затем царское правительство платило французской прессе эту дань по 235 тыс. фр. в месяц. Благодаря подкупу удалось несколько смягчить тон газетных статей и сообщений, хотя и далеко не в той мере, как хотелось бы в Петербурге.{583}

Продолжение войны в таких условиях, когда против царского правительства (в конце января) выступила часть настоящих акул своей же крупнейшей буржуазии (выступления заводчиков и фабрикантов с конституционными требованиями), становилось поистине никому не нужным делом.{584} Взять Порт-Артур с суши, не имея флота, было неразрешимой задачей, даже если бы удалось достигнуть решительных успехов против стянутых к Мукдену 5 японских армий. Кроме того, все острее становился и финансовый вопрос. Коковцов надеялся на французов, у которых он именно в середине февраля рассчитывал взять 300 млн руб. в дополнение к тем 230 млн., которые должны были поступать от немцев небольшими порционами в течение всего 1905 года, а самые бумаги немцы тем временем успевали все равно спускать все в тот же Париж.{585}

Вопрос этот решался в Петербурге с прибывшими туда банкирами в те самые дни, когда под Мукденом уже начались бои, окончившиеся поражением русских сухопутных сил. На этот раз во главе русских армий (Линевича, Гриппенберта и Каульбарса) находился «сам» Куропаткин, и никакие Алексеевы были тут не причем (Алексеев был отозван сразу после Шахэ, 12 октября). Три месяца, с самого октября, Куропаткин вел подготовку наступления на японцев на [364] 150-верстном фронте южнее Мукдена. Ему удалось на этот раз собрать силу, в 330000 чел. (номинально даже больше) при 1250 орудиях и всего 56 пулеметах и оказаться численно даже несколько сильнее японцев, которые имели преимущество только в пулеметах (200 шт.). Но ни организация, ни командование этими силами не выдержали испытания, поставленного высокой боевой подготовкой и стальным упорством противной стороны.{586}

Через 10 дней после сдачи Артура Куропаткин поставил вопрос о наступлении на совещании командующих и, хотя Гриппенберг считал кампанию «проигранною» и предлагал отступить к Харбину и Владивостоку, именно ему было назначено первому атаковать левый фланг японцев. Атака на деревню Сандепу (12–14 января), относительно которой не было как следует разведано, «что это за Сандепу», кончилась ничем (кроме больших потерь и

скандала с самовольным отъездом Гриппенберга в Петербург), и наступление было отложено.{587}

Но пока шла ликвидация последствий этого эпизода и обсуждения (довольно бесплодные) дальнейших планов, японцы перешли в наступление (6 февраля ст. ст.). Не выпуская инициативы из своих рук, широко применяя повторные атаки, они начали наступление на левый фланг русских (против Линевича), тогда как на самом деле готовили обход правого фланга русских и прорыв центра. Они совершенно сбивали с толку русское командование. Маршал Ояма на 10-й день боя вывел свежую армию Ноги в глубокий обход правого фланга мукденских позиций русских, а потом 24 февраля прорвал русский фронт на стыке 3-й и 1-й армий.{588} [365]

Куропаткин потом сам сознавался, что его приказ об отступлении всех армий за Мукден к Телину (24 февраля) «опоздал на целью сутки.

Потери русских исчислялись в цифре ок. 90000 чел., не говоря уже о брошенных орудиях, снаряжении, продовольствии, штабном имуществе и т. п. Хаос был такой, что в высших офицерских кругах на месте было впечатление, что «28 февраля будет мир» (запись в дневнике Линевича). Военно-исторический анализ мукденских боев привел историков к выводу, что «Седан», который рассчитывал Ояма создать русской армии ее окружением, не удался; русская армия осталась цела и скоро начала закрепляться на сыпингайских позициях, непрерывно пополняясь людьми и предметами боевого снаряжения. Но в первые дни после боя мукденское поражение всюду было воспринято, как решительная катастрофа. Лондонский «Таймс», например, даже предвкушал, что японцы будут преследовать русских и дальше, и тогда «громадную катастрофу», «напоминающую Седан», «быть может придется сравнивать с отступлением из Москвы».{589}

Тем временем, приехавшие в Петербург представители парижских банков, запрашивая свои правления после каждого нового известия с театра военных действий, медленно вели переговоры о займе с министром финансов. Контракт займа был, наконец, составлен и рассмотрен 27 февраля, 28 февраля банкиры вечером отобедали у Коковцова, и на другой день, 1 марта, должны были явиться утром подписать текст контракта. Однако банкиры в назначенный час не явились, а письменно уведомили, что в ночь с 28 на 1-е ими получен приказ не подписывать контракта и вернуться в Париж. Приказ этот последовал по распоряжению французского правительства и мог значить только одно: царю указывали на [366] мир, как непременное условие финансовой поддержки в борьбе с революцией, и указывали в форме, к которой придраться было никак нельзя.{590} Зато теперь бурная агитация поднялась во французской буржуазной прессе. Одни обращались непосредственно к царскому правительству («Эко де Пари», 1 же марта ст. ст.: «самые верные, самые искренние, самые незаинтересованные друзья требуют от Вас открытия переговоров»), другие нажимали на свое. Радикальный «Сьэкль», например, писал 1 марта: «положение теперь таково, что нашему правительству больше недозволительно колебаться в выборе между желанием щадить чувствительность нашей союзницы и его обязанностью охранять интересы Франции». Еще резче писал Клемансо в своей «Авроре» (3 марта ст. ст.): «Если Николай II... погрузился в такой столбняк, что не в силах притти ни к какому

решению... если он не в состоянии уразуметь тех мер благоразумия, которые диктуются положением вещей как внутри, так и извне империи, то кто же, как не Франция должна заставить его услышать слово рассудка?»{591} Отмечая, что «теперь французская пресса, более здраво оценивая положение, убеждает русское правительство не упорствовать в вопросе о войне», «Юманитэ» тоже высказывалось за то. что Делькассэ должен «оказать в Петербурге давление в пользу мира».{592}

В том же смысле писало и русское «Освобождение» (5 марта): «в настоящий момент вне программы и над программой всякой прогрессивной партии в России должно стоять требование немедленного прекращения войны... существующее в данный момент в России правительство должно — при посредничестве Франции — начать переговоры о мире с японским правительством». А 11 марта и в Москве на частном совещании королей нефтяной промышленности с Нобелем [367] во главе было решено «кончать войну во что бы то ни стало».

Это был целый буржуазный блок. Английский «Таймс», не связанный рамками союзнической деликатности, гораздо резче указывал, что «в мире нуждается Россия, а не Япония, и следовательно Россия, а не Япония, должна просить о нем»; в отличие от англичан Т. Рузвельт, наоборот, «подчеркивал теперь японскому послу, что было бы в интересах Японии предложить теперь России мир, ибо через это Япония перед всем светом оправдала бы себя, если бы Россия отклонила предложение». Не ограничиваясь этим, Рузвельт говорил французскому послу, что «немедленное заключение мира ему в высшей степени желательно».{593}

Подводя итог всему описанному мартовскому эпизоду, Ленин и вскрыл его смысл в статье «Европейский капитал и самодержавие»: «с одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией». Это было «спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха», и речь тут шла о мире «в антиреволюционных и противопролетарских интересах».{594}

* * *

А Николай упорно стоял на своем — продолжать войну. Теперь — не просто после мукденского отступления, а именно после описанного грубого поворота с делом о французском займе, — на сцену выступил Коковцов, заговоривший с царем о невозможности продолжать войну. Коковцов доказывал ему (13 марта), что 13 месяцев войны уже стоили 1 млрд руб., что дальнейшее ведение ее потребует «столь же огромных расходов», что «все те суммы, которые были приготовлены [368] на ведение войны», «полностью уже израсходованы», что никакие кредитные операции внутри страны невозможны «без совершенного расстройства всей нашей денежной системы» и, наконец, что «достать необходимые средства помощью внешних займов или вовсе невозможно или сопряжено с трудностями, граничащими с невозможностью» (13 марта).{595} И все бесплодно. Николай не поддавался: 3

февраля 1905 г. он отправил в подкрепление Рождественскому 3-ю эскадру Небогатова, составленную из нескольких допотопных тихоходов, и, повидимому, не терял веры в успех этого своего морского предприятия.

В своем упорстве Николай нашел поддержку в Берлине, где на первых порах впечатление от мукденской катастрофы было настолько сильное, что Вильгельм совсем было потерял голову. Он счел «уничтожение» русской армии настолько вероятным в близком будущем, что готов был авансировать японцев обещанием не противиться овладению ими Порт-Артура и даже поздравлением микадо с одержанной победой. Бюлову, однако, удалось это предотвратить, и в Берлине взяла верх мысль, что «если царь продержится», не соглашаясь, как того хотел бы Витте и «все либералы», на немедленный мир, то «положение для царя будет улучшаться, а для японцев ухудшаться». За всем этим стояло у Бюлова опасение, что немедленное заключение мира могло бы повести к «убийству» Николая и регенству Михаила при деятельном участии Витте, а это легко могло бы кончиться превращением монархии в республику, сопряженным с «тяжелыми опасностями для Германии». И в самом деле, это означало бы наверняка отход России на английские позиции, а соотношение германского и английского флотов было тогда еще совсем неблагоприятно для германского империализма: против 43 линейных кораблей и 140 крейсеров английских, у Германии было 14 и 20. Остановившись на том, что «время работает в пользу России», раз в общем за мир ратовали [369] «друзья Японии» и «враги царизма», в Берлине решили дать все же денег на продолжение войны.{596} Конечно речь шла уже не о займе в чистом виде (он не выдержал бы публичной подписки нигде), а о краткосрочном, на 9 месяцев, учете обязательств государственного казначейства у Мендельсона без всякой огласки (апрель 1905 г.). Сумма же была вдвое меньше, чем было надо и чем рассчитывали получить у французов в феврале, — всего только 150 млн руб.

Вышло так, что эта сумма дала царизму только отсрочку, чтобы потерять кусок своей территории и погубить весь свой флот почти без остатка. И эта рекордная по дороговизне кредитная операция (из 7% действительных) на заграничном рынке оказалась последней во время войны. Наряду с успешным публичным японским займом, в Лондоне и Нью-Йорке, проведенным в марте на сумму в 30 млн фунтов из 4 1/2% — это было биржевым поражением царизма.

2. Цусима и Бьорке

Наступил последний акт безумной войны, преступно доведенный до трагического своего конца. 14 мая ст. ст. 1905 г. севернее о. Цусимы в Корейском проливе стоял японский флот в составе 140 судов с 18 000 чел. экипажа. Стоял подле своей базы. За ним был весь опыт прошедшей войны, передышки он имел 9 месяцев. Шансы на проигрыш впереди — нуль. В тот день в 5 час. утра в Цусимский пролив с юга вошла соединенная эскадра Рождественского — Небогатова, в составе 38 судов с 14 000 чел. команды. Эскадра прошла 18000 миль. База — пловучая: один транспорт «Камчатка». За семь месяцев пути одна попытка учебной стрельбы: берегли материал. Уже на Мадагаскаре «вся команда <так износилась, что> ходила в лаптях, сделанных из ворса». Надежды на успех никакой. Про суда, которые он вывел в поход, Небогатов потом на суде показал: «собака не может [370] исполнить того, что

требуется от лошади». В эскадре было собрано все. что можно было послать. Рядом с «калошами» шли броненосцы последней постройки. Но и те «с никуда негодными рулевыми приборами», а миноносцы были «не миноносцы, а минные карикатуры». Международное право спасло царизму его черноморский флот: всерьез обсуждался вопрос и о его отправке в поход на Дальний Восток. Помещали — «проливы».{597} Неравный бой начался в 13 ч. 49 мин. и в течение 24 часов судьба эскадры была решена.{598} Затоплено 22 судна, взято в плен 7, успели уйти в нейтральные порты 6, до Владивостока добралось чудом три: 1 легкий крейсер и 2 миноносца. Людей убито, сгорело и потонуло 5000, спаслись и взяты в плен 6124, вырвалось в нейтральные порты и добралось до Владивостока 3000.{599} После этого у царизма не оставалось более флота в открытых морях. Цусима в русский язык вошла нарицательным именем. Еще в [371] 1909 г. Николай в Тихом океане располагал только «тихими силами».{600}

Неделю спустя после Цусимы Ленин так описывал этот «разгром»: «все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев «Шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое время».{601} От «правительства разбойников» отшатнулись в эти дни все, кто накануне еще совсем по-хорошему сговаривались с ним о борьбе с революцией (фабриканты и заводчики 18 мая).{602}

* * *

Что после Цусимы продолжение войны было безумием с точки зрения судеб самой романовской династии, не сразу, может быть, стало ясно в петербургских верхах, но зато мгновенно было схвачено в Берлине. Вильгельм тут брал на скорость, пока не подоспели другие. Еще только в начале мая в Берлине «считались с мыслью о возможности русской морской победы», которая и установила бы интересовавшее американского президента русско-японское «равновесие сил» на Дальнем Востоке. Тогда Рузвельт ответил на это, что «он, [372] ввиду стараний Делькассэ выступить посредником в деле мира, демонстративно зондировал японского посла непосредственно, а русского — через третье лицо об их взглядах на мир. Оба ясно дали понять, что при нынешнем положении их правительства твердо решили продолжать войну. Россия возлагает большие надежды на свой флот, Япония ожидает в скором времени произвести решительный удар на Харбин и Владивосток». И Рузвельт заявил, что «тем временем, оба народа будут продолжать взаимное истребление, а это может быть только выгодно для интересов прочих держав

на Дальнем. Востоке».{603} Именно потому, после Цусимы, вопрос о мирных переговорах и был решен между Берлином и Вашингтоном в каких-нибудь два-три дня. Япония первая (18/31 мая) обратилась к Рузвельту с просьбой «свести воюющих для переговоров» и сделать это как бы по своей инициативе. Рузвельт не успел еще ничего предпринять, как инициативу перехватил Вильгельм. 21 мая он обратился к Николаю с увещанием прекратить войну и с сообщением, что стоит только царю вызвать американского посла — и механизм мирных переговоров придет в должное движение, а 22 мая передал президенту, что он «признает положение России настолько серьезным, что когда в Петербурге узнают правду о последнем поражении, жизнь царя окажется в опасности». 24 мая американский посол в Петербурге по поручению президента уже просил свидания у Николая, и 25 числа тот дал согласие на мирные переговоры.{604}

Николай пока делал «только попытку узнать» мирные условия противной стороны. Если бы японские требования показались ему неприемлемыми, формально за ним оставалась еще полная свобода действий. На деле он не имел выбора. Военное совещание, созванное им 24 мая накануне [373] свидания с американским послом, вращалось в заколдованном кругу, вокруг призрака революции: с одной стороны — «нам важнее внутреннее благосостояние страны, чем победа», с другой — «возвращение в Россию армии, не одержавшей ни одной победы, ухудшит внутреннее положение страны».{605} А затем невольно вставал вопрос: на что извне мог опереться Николай, если бы мирный торг потребовалось подкрепить угрозой продолжения военных действий. В Петербурге не считали исключенной и эту возможность. Конечно, речь могла итти только о сухопутном театре. За три месяца после Мукдена, по численности русская армия успела сравняться с японской, в июле ее рассчитывали довести до 550 тыс. чел., потери в артиллерии и запасах были восстановлены, армия твердо стояла на новых укрепленных (сыпингайских) позициях и даже готовилась к наступлению. Все требования, которые ставились новым главнокомандующим (Линевичем) в части увеличения численности армии на 12 дивизий и 80 тысяч сверх того в качестве резерва — были признаны в Петербурге исполнимыми. Куропаткин, перешедший после Мукдена на положение командующего 1-й армией, вел теперь решительную агитацию в армии за продолжение войны и дошел до того, что про Цусиму публично и официально говорил: «можно ли приписывать решающее значение в деле защиты чести и достоинства могучей России уничтожению нескольких железных ящиков с горсточкой русских людей».{606} [374]

Но в политическом и финансовом отношении положение самодержавия было значительно хуже.

К моменту, когда Вильгельм в начале июля вызвал Николая на свидание в Бьорке (в финляндских шхерах), Николаю было уже точно известно, что между Лондоном и Парижем идут переговоры о совместном предложении ему займа — но не иначе, как только после действительного окончания войны и при двух условиях: если политическая позиция его относительно Англии перестанет быть враждебной и если внутри России установится «способный внушить доверие порядок вещей» (т. е. все та же конституция, на которой англичане точно сговорились с либералами из земцев-помещиков и крупной

буржуазии).{607} Это был двойной ультиматум, и вокруг Николая замыкалось кольцо, за которое не было хода, а страна кругом там и здесь вскипала все новыми всеобщими стачками, демонстрациями, крестьянскими выступлениями, уличными боями, и отдельными террористическими актами. Но жесткость такой постановки вопроса со стороны английской и французской буржуазии усугублялась теперь для Николая еще и тем, что революционное движение в стране непосредственно перекинулось и в военную сферу. Еще не кончив войны, он имел уже настоящее революционное восстание в черноморском флоте (с 14 июня на броненосцах «Потемкин» и «Георгий Победоносец»). Против этого восстания он сам оказался бессилен, — и это его бессилие стало предметом международного обсуждения, когда Николай обратился с просьбами о помощи к Румынии и турецкому султану (Абдул Гамиду), — что и было зло высмеяно в «Таймсе». Ленин по этому поводу написал специальную статью «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана».{608}

Такова была политическая обстановка в момент пресловутой бьоркской встречи Николая с Вильгельмом. 11 июля, [375] когда Николай «под хмельком» подписал с Вильгельмом договор об оборонительном союзе, не читая его, в том виде, как средактировал его Вильгельм, русско-японские переговоры еще не начались. Витте, после долгих колебаний назначенный главноуполномоченным на Портсмутскую конференцию, был еще только на пути в Америку. Заключая соглашение с Николаем, германская дипломатия (это было делом вовсе не лично Вильгельма) била тут во-время в самую точку.

В Берлине сознательно «специально» играли на том. что Германия предлагала союз «уже теперь, до заключения мира», чем «улучшала положение России относительно Японии при мирных переговорах, между тем как Англия может присоединиться к России только после мира, следовательно не окажет никакого влияния на мирные условия японцев». Но там отдавали себе ясный отчет в том, что «царю больше по внутреннеполитическим, чем внешнеполитическим причинам сделалось страшным одиночество с глазу на глаз с Францией и Англией». Бюлов настойчиво советовал Вильгельму взять относительно царя «теплый и сердечный тон... что будет для него очень приятно в такой трудный для него момент», и выдержать «лейтмотив»: «мы хотим только, чтобы из этого кризиса русская династия вышла невредимой и русская мощь не ослабленной».{609} Николаю дали в Бьорке как бы постоять ногами на твердой феодальной почве в момент, когда дома у него вся земля ходила ходуном. Тут его и поймали в капкан, чего не сумели сделать в октябре 1904 г. при неизмеримо более легких для него условиях: ведь с самого 6 января 1905 г., когда в крещенский парад на Неве вместо холостого салюта около него пролетела картечь, царь не смел показаться в собственной столице. На яхте, где происходило подписание договора, обстановка была настолько теплая и англофобствующая, что Николай «ударив кулаком по столу, дал Вильгельму заверение, что он, царь, никогда [376] не согласится на пакт с Англией». Вильгельм, учитывая положение Николая, про себя допускал даже, «что придется считаться с другим лицом во главе российской империи»; Вильгельму было важно «вовлечь в тайну договора также и вел. кн. Михаила», и ему был вручен второй экземпляр договора. А в результате — Вильгельм

«нашел Николая в таком настроении, в котором тот готов был подписать еще и совсем другие вещи, если бы Вильгельм ему их предложил».{610}

После подписания Портсмутского договора, когда царский дипломатический аппарат трудился над «оговоркой», которою уничтожалось бы действие Бьоркского договора в отношении Франции, Ламсдорф меланхолически сокрушался о «бессознательной неосторожности» «бедного монарха», который чуть было не разорвал франко-русский союз.{611} Когда царское правительство после Портсмута во всем объеме поставило вопрос о большом заграничном займе для ликвидации войны и «подавления революции» (как прямо выражался Бюлов) — бьоркский документ обратился в досадный клочок бумаги, мешавший осуществить финансовую операцию. Кроме того, франко-германский конфликт из-за Марокко был в разгаре и меньше, чем когда-либо, можно было мечтать об осуществлении тройственного континентального союза. Само же зондирование, которое повел теперь Ламсдорф в Париже под давлением Николая, едва ли кого там могло удивить или в чем-либо напортить. К тому времени и все поведение Витте, везшего из Америки морганавское предложение американского займа и совсем не склонного еще без оглядки «итти в английский фарватер», как разгласилось с его же слов, — успело, на фоне Бьорке, произвести во французских правительственных кругах впечатление «очень неблагоприятное».{612}

Наоборот, в германских правительственных кругах поведение [377] Витте, очевидно возвращавшегося к власти, в это же время произвело впечатление более, чем благоприятное. Радолин, германский посол в Париже, виделся с ним 23 сентября нов. ст. и так на радостях спешил с донесением об этом свидании, что не успел оставить у себя его копии и просил выслать ему ее из Берлина. Витте сказал Радолину, «что ему в последний момент удалось расстроить большой заем, который хотели заключить для России Англия и Франция с исключением из него Германии. Витте видел в этом английское острие против Германии и потому сорвал этот заем. Англия хотела дать России эту конфетку, чтобы подсластить ей пилюлю англо-японского союза (возобновленного в августе 1905 г., — *Б. Р.).* Этот договор для России настолько оскорбителен, что на долгое время вперед становятся невозможным всякое соглашение между Россией и Англией... При таких обстоятельствах в высшей степени важно, чтобы три великие континентальные державы держались вместе, чтобы образовать фронт против Англии». Витте сказал и еще более приятную вещь: «если каким-нибудь образом Англии удастся поймать Францию в свои сети и еще больше подчеркнуть нынешнее сближение, русско-французский союз должен был бы кончиться, чтобы очистить место русско-германскому договору».{613} А черев четыре дня после того в Роминтене у Вильгельма II Витте плакал, крестился и «благославлял небо» за то, что ему довелось дожить до заключения русско-германского договора, о котором сообщил ему Вильгельм (не показав, впрочем, текста). И это не было у Витте только способом облегчить себе путь к власти в расчете, что Вильгельм сообщит Николаю об эффекте, какой оказало на Витте доверительное сообщение Вильгельма о договоре.{614}

* * *

Ведя дело к аннулированию русско-германского союзного договора, русская дипломатия, фактически попавшая снова [378] в руки Витте, вовсе не имела в виду замкнуться в рамках англо-французского «согласия»; она попыталась отстоять полную автономность русского военно-феодального империализма посредством широкой интернационализации предстоящего большого «ликвидационного» займа.

А возобновленный англо-японский союз, как разъяснял личный секретарь Лэнсдоуна Баррингтон, не исключал и русско-английского соглашения. Только последнее недостижимо «дружественным путем, ибо русское правительство будет прибегать к увертками и не будет держать своих обещаний». «Эти английские политики хотят так зажать Россию посредством англо-японского союза, что она будет боязлива и податлива и испытает непреодолимое желание положить конец такому давящему положению посредством широкого письменного соглашения с Англией. Тогда Англия будет у цели своих желаний и свободна от всех забот», — пояснил немецкий собеседник сэра Баррингтона.{615} Именно так понимал дело и Витте. Англия, очевидно, стремилась к четверной коалиции с Францией, Японией и Россией против Германии, а союз с Японией был бы для Англии залогом прочности этой коалиции в том, что касалось России, держа ее под угрозой новой японской агрессии.

Обеспечением легкой возможности новой агрессии и должна была бы послужить, в первую очередь, контрибуция, без которой Япония не мыслила себе окончания войны с Россией. Заняв в июне 1905 г. часть Сахалина, Япония получила в Лондоне новый заем в 30 млн фунтов, и это в финансовом отношении развязывало ей руки продолжить войну. Но это не решало общей проблемы развития экономики японского империализма, строившего дальнейшие свои планы по схеме «от войны до войны», с заполнением передышек между войнами не из внутренних слабых и напряженных ресурсов, а из чистой прибыли войны. Позиция Англии была ясна после мирного выступления Рузвельта и в вопросе о контрибуции. [379] Английская пресса решительно поддерживала японское требование контрибуции, а Эдуард VII высказывался (22 июня нов. ст.), что «Россия возможно будет еще раз побита, и японцы, вероятно, возьмут Владивосток», с тем чтобы вернуть его России на конференции «в знак великодушия», что контрибуция Японии «причитается, как победителю, по обычаю», и что «ему бы хотелось, чтобы Россия надолго была парализована в финансовом отношении». За этим стояло, как объяснял и Лэнсдоун (в июле), желание «длительного мира, который предотвратил бы возможность новой войны на востоке, на юге или на западе».{616}

Отсюда и сдержанная позиция английского правительства в момент поспешного обращения Рузвельта в Петербург. Еще до получения вышеупомянутой телеграммы Вильгельма от 22 мая/4 июня, Рузвельт, имея уже обращение к нему Комуры, запросил у Лондона мнения о возможных мирных условиях и получил (21 мая/3 июня) холодный ответ, что «правительство его величества еще не получило никакого указания относительно условий мира, каких Япония будет ожидать теперь» и «что было

бы бесполезно выражать мнение, основанное на предположениях». «Было бы лучше воздержаться от суждения, пока не станет больше известно о последней морской катастрофе и о настроениях и ожиданиях обоих воюющих». А когда Рузвельт в нетерпении, уже после своего мирного демарша (15 июня) потребовал от своего лондонского посла, чтобы он «дознался» (find out), «хочет ли [380] действительно английское правительство мира или нет», тот мог и теперь ответить только, что «Англия не желает продолжения кровопролития, но другое дело оказывать давление на. условия, тем более, что они неизвестны».{617} Лондон, очевидно, уклонялся от какой-либо мирной акции, предоставляя ее Рузвельту и сохраняя себя для давления на Японии в другом направлении — именно для перезаключения союзного» договора на более выгодных для себя условиях.{618} В день, когда Комура в Портсмуте предъявил Витте свои условия (30 июля/12 августа), в Лондоне был подписан новый англояпонский союзный договор, расширявший его действие на Индию, но и с оговоркой, что в случае продолжения Японией войны Англия станет на сторону Японии, если на стороне России окажется какая-либо третья держава (т. е., конечно, Германия).

Такое соотношение позиций Лондона и Вашингтона после Цусимы было не просто распределением ролей, но и выражало расхождение во взглядах и целях обоих правительств. В начале войны Рузвельт сам готов был в случае чего «стать на сторону Японии». Теперь, как бы извиняясь, он уже говорил, что уничтожение (destruction) России «как: азиатской державы, было бы также, по моему мнению, несчастием».{619} Еще после апрельских событий 1904 г. на фронте Рузвельт уже объяснял германскому послу, что «его политика будет заключаться в том, чтобы иметь строгий глаз за Японией, сохраняя в отношениях с ней величайшую любезность». Дело было в том, что «военные успехи Японии более чем превзошли все здешние ожидания», и он хотел «надеяться, что в предстоящих боях успехи будут распределяться поровну»: «большого ослабления России на Дальнем Востоке» [381] он уже не хотел. После мира надо стремиться, чтобы «остались между обеими державами такие же географические трения, как до войны». Корею он отдавал Японии, лишь бы она уважала там американские концессии. «Утверждение» же ее в Китае «отнюдь нежелательно». Россия «должна оставаться в Маньчжурии» и отказаться от Порт-Артура «как крепости». США «признают русское преобладание в Маньчжурии и требуют только свободной торговли».{620} Еще до Ляояна Рузвельт допускал мысль, что «японцы уничтожат армию Куропаткина и падет Порт-Артур», и предостерегал японского посла в США Такахиру «быть умеренным» в требованиях после войны. И на этот случай у него были свои условия мира: «Корея остается под протекторатом Японии... державы гарантируют нейтрализацию Маньчжурии, которая будет поставлена под контроль китайского вице-короля, назначаемого Германией, не Англией». Последнее предназначалось специально для Берлина: Рузвельт был накануне президентских выборов и «в случае переизбрания хотел бы на Дальнем Востоке итти рука об руку с Германией».{621}

О том же Рузвельт вел речь и после Ляояна, когда «последние события показали, что японцы в военном отношении не чудотворцы, как думал весь мир»: в Англии ему разговаривать не с кем, не может он говорить с Бальфуром,

еще меньше с Лэнсдоуном. Чемберлен «совсем ненадежен и того и гляди прыгнет в долину Янцзы». «Единственно, кто его может понять и кого он может понять — это кайзер». И опять это было не только предвыборное заигрывание на предмет привлечения на свою сторону многочисленного корпуса избирателей германского происхождения в Америке (хоть именно только «после выборов» он хотел вернуться к вопросу о совместном проведении принципа открытых дверей в Китае).{622} [382]

«Заметное изменение в точке зрения Рузвельта» на русско-японскую войну «констатировал», в дни Шахэ (18 октября 1904 г.), и французский посол в Вашингтоне. «Эта громадная сила, проявляющая себя так замечательно и которая может быть только антиевропейской, начинает, наконец, беспокоить его». И французу, как и немцу, Рузвельт сказал: «надо будет радоваться, если результат войны сведется к тому, что русские и японцы останутся лицом к лицу, уравновешивая друг друга, те и другие ослабленные».{623}

Не разделяя расовой теории «желтой опасности», Рузвельт, накануне падения Порт-Артура, однако, с удовлетворением отмечал (англичанину Спринг-Райсу 27 декабря) урок, воспринятый, наконец, японцами от русской армии под Шахэ и под Порт-Артуром. Ему сообщали с фронта, что «японские солдаты не раз угрожали разным иностранцам (англичанам и американцам в той же мере, как немцам и французам), когда встречали кого-либо из них в одиночку», и что «тон японских офицеров часто был наглый, иногда в совершенно нетерпимом масштабе; короче говоря, японская армия показала склонность смешивать всех белых в одну кучу и смотреть на них с одинаковой ненавистью». «Надо думать, — заключал Рузвельт, — что крайне упорное сопротивление Порт-Артура и очень эффективное наступление, сделанное русскими в конце последнего большого сражения перед Мукденом произвели некоторый эффект в смысле уменьшения этой наглости».{624}

Конечно, это не значило еще поворота «симпатий» Рузвельта в сторону России. Рузвельт, с большим недоверием относился к царской России, чем к «молодой» Японии, «которая старается вести искреннюю политику» и дает «больше надежды на успех», в случае «общего давления» держав на нее, чем Россия. Однако же мир ему, представлялся достижимым [383] на условиях возвращения Маньчжурии Китаю, японского протектората в Корее и срытия Порт-артурской крепости. Пока еще он не верил в возможность русско-японского союза после войны, а слухи о такой перспективе доходили уже до него из Токио.{625} Между тем в Берлине, как огня, боялись именно русско-японского союза, сомкнутого с двумя другими европейскими союзами в один четверной союз. И сближение между Вашингтоном и Берлином пошло на основе поддержания открытых дверей в Китае и плохо удававшихся попыток возбудить подозрения Рузвельта насчет англо-французских проектов раздела Китая после войны.{626}

Однако еще до Мукдена Рузвельт поверил в реальность перспективы русско-японского союза и (3 февраля 1905 г.) «сделал серьезное представление Такахире относительно русско-японского союза»: «при таком союзе Япония только сильно пострадает, японские гавани могут быть блокированы и островное государство отрезано от Китая, если Россия и Япония будут проводить в Китае политику, противоречащую» интересам прочих держав, но

Россия в Китае трудно уязвима». Теперь, до Мукдена, он тоже считал заключение мира желательным — «до слишком большого развития великой мощи России», но преждевременным считал «ставить вопрос вплотную». Это не мешало ему заявлять теперь в Берлине о своей «радости» по поводу «усиления германского флота», во-первых, «как противовеса в Европе», а во-вторых, «чтобы эвентуально сдерживать Японию»: «если когда-нибудь Япония станет для нас опасной, ваш и наш флоты, соединившись, смогут закупорить Японию».{627}

Повидимому, тем временем Рузвельт касался будущих, мирных условий в своих неофициальных сношениях с японской [384] стороной, и даже после Мукдена, когда ему стало желательно «немедленное заключение мира», он уже «имел» какие-то «заверения, что японские условия будут умеренны». В Берлине не могли понять, что же это значит: «думает ли Рузвельт еще, что Япония при продолжении войны в результате достигнет меньшего или он опасается, что Япония напротив сделается слишком сильной». Оказалось, что японская опасность стала перед ним теперь во весь рост: «он хочет мира, чтобы помешать Японии слишком расширить свою сферу влияния на Дальнем Востоке», «чем дольше будет ждать Россия, тем тяжелее будут условия мира и тем опаснее будет *для нее и для нас* японское могущество».{628} А за этим уже стояла мысль, что «если Россия теперь заключит мир и реорганизует свои вооруженные силы, она сможет через 10 лет возобновить борьбу». Но, как мы знаем, в Берлине теперь считали заключение мира «гибельным» для царя и отказались поддержать американскую инициативу, не желая «дать повод к убийству царя» и выставляя теорию «заболочивания» войны Россией до и с целью истощения врага. Так как обе стороны тем временем согласились, что какой-либо мирный конгресс «таит в себе большие опасности» (с точки зрения возможного на нем раздела Китая), а Рузвельт готов был уступить, посредничество Вильгельму, имея в виду трудности с русской стороны, то в сущности к моменту после-цусимского обращения кайзера к Рузвельту между Берлином и Вашингтоном все было подготовлено к американскому выступлению: обращение Берлина гласило, что там опять боятся убийства царя — только уже в случае отсрочки мира.{629} Рузвельт «верил» еще Англии, как сокрушались в Берлине, но уже опасался русско-японского союза вплотную. Германия, хоть ее армия и расценивалась в Англии, как «цитадель против внутренних беспорядков в Европе [385] «, дипломатически работала, как могла, против Англии, и страшилась русско-японского союза куда больше США. Это-то и создало такое взаимопонимание между Вашингтоном и Берлином, что американцу, испытывавшему отвращение к этому «нелепому мелкому созданию» (т. е. Николаю), оказалось возможным писать из Берлина о его убийстве, как о чем-то решающем для Вашингтона вопрос.

Но Мукден поставил перед Рузвельтом претензии японцев на контрибуцию и на расширение территории, и теперь, после Мукдена, ему пришлось добавить в свою оптимальную мирную программу передачу Порт-Артура и Дальнего Японии. Вопрос о контрибуции он пока оставлял в стороне. А после того, как его предложение встретиться для переговоров было принято, и он занялся вопросом о перемирии, его надежда «скоро этот вопрос разрешить» (5 июля 1905 г.) наталкивалась на препятствие в виде все той же

Англии: «трудности делает мне Англия, которая отказывается оказать на Японию умеряющее влияние», жаловался он германскому послу. «Я предостерег английское правительство, что оно сделает ошибку, если поддержит изгнание России из Восточной Сибири, где она должна стремиться сохранить пограничные трения с Японией после мира». Теперь и Рузвельта не на шутку тревожил призрак революции в России, «которым он был в высшей степени озабочен»: «если армия присоединится к революционерам, то мы окажемся и в отношении мира перед трудной задачей, и кто тогда даст взаймы России денег на реформы».{630}

* * *

Решить вопрос о перемирии так Рузвельту и не удалось: оно было подписано уже к концу работ Портсмутской конференции, 1 сентября нов. ст. Но зато и японские планы сухопутной войны — наступления на Харбин и на Владивосток — оказались неосуществимыми. II кроме Сахалина, не готового [386] к обороне, для занятия которого японцам удалось выделить группу только в 14 000 человек, никаких серьезных действий на сухопутном театре японцами предпринято не было. От этих действий удержали японцев не столько политические, сколько военные и финансовые соображения.{631}

Но когда русская мирная делегация ехала в Америку, отказ японцев от перемирия оставлял за ними, казалось, возможность любой инициативы и в любом направлении. Проездом в Берлине Витте так, под «строжайшим секретом», обозначил банкиру Мендельсону уступки, на которые был уполномочен царем: «1) Корея, 2) Маньчжурия, 3) половина Сахалина, 4) по возможности никакой контрибуции, во всяком случае только небольшая контрибуция, которая должна быть не свыше 500 млн руб. и должна быть «иначе причесана», 5) линию Харбин — Порт-Артур Россия уступает, сохраняет линию Харбин — Владивосток». Витте просил о содействии Вильгельма расширению его полномочий — иначе «мирные переговоры скоро потерпят крушение». «Если мы заключим мир, возможно, что последствия будут неприятные (внутри, — *Б. Р.*). Если война будет продолжаться, то последствия, во всяком случае, будут совсем дурные. Тогда могут наступить в России такие события, которые затмят события французской революции. Будут потоки крови».{632}

Витте считал нелишним на всякий случай пугнуть через берлинскую биржу Вильгельма тем, чего оба теперь боялись для России больше всего. [387]

Глава четырнадцатая.

Политические итоги войны

1. От Портсмутского мира к Антанте

Русско-японские переговоры в Портсмуте шли с 28 июля по 23 августа 1905 г. (ст. ст.), привели к соглашению по всем спорным пунктам к 16 августа и могли бы кончиться еще быстрей, если бы не вопрос о возмещении Россией Японии издержек войны в открытой денежной форме, который едва не привел к разрыву переговоров, и задержал ход работ на несколько дней. Решающей стороной в исходе переговоров была не Англия, а США, и только прямое вмешательство президента Т. Рузвельта, который имел возможность давить на Японию по финансовой линии, принудило японское правительство отказаться от требования контрибуции. Она определялась 9-м пунктом японских условий мира в размере «действительных издержек войны».{633} В ходе мирных переговоров японские делегаты проявляли особую настойчивость и упорство в защите именно этого пункта своих требований. Согласовав все прочие условия, под конец Витте показал всему миру, что дальше японцы хотят воевать просто из-за денег. По сообщению «Таймса», в Токио совет Генро отступился от этих требований под давлением Ито. А уже в наше время стало известно, что с решительными настояниями на [388] немедленном заключении мира в критические дни портсмутских переговоров выступили генерал Кодама, начальник штаба маньчжурской армии, и граф Ямамото, морской министр.{634}

Но русскому правительству и Витте пришлось уступить оккупированную японцами в июне 1905 г. южную половину Сахалина.

Остальные уступки в пользу Японии сводились к тому, о чем шла речь еще до войны: Корея совершенно исключалась из сферы вмешательства России, в Маньчжурии к Японии переходили права России на Ляодунский полуостров и южноманьчжурская ветвь КВжд от Порт-Артура до ст. Куаньченцзы (между Харбином и Мукденом на широте Гириня), через которую проходил японский фронт.{635}

Но за что царская дипломатия крепко держалась перед войной — закрытая дверь в Маньчжурию для иностранного капитала — в Портсмутском договоре было отвергнуто со всей возможной определенностью: Россия признавала теперь принцип «равного благоприятствования» в сфере землевладения, торговли и промышленности для всех наций в Китае. В этом и заключался дипломатический приз войны для английского и особенно американского империализма.{636}

Что касается концессионных предприятий на Дальнем Востоке — Маньчжурского горнопромышленного товарищества и Русского лесопромышленного товарищества, — то основные предприятия их, две половины богатейших фушуньских [389] угольных копей (близ Мукдена), перешли к Японии по ст. VI Портсмутского договора. Попытки обоих товариществ как-нибудь спастись от потерь продажей своих «прав» на Фушунь иностранцам не удались. Прочие концессионные права обоих товариществ были аннулированы китайским правительством.{637}

Наученный горьким опытом предвоенных лет и основательно проученный войной и революцией, русский военно-феодальный империализм устами Коковцова теперь решительно заявил (сентябрь 1906 г.), что «необходимо видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью», и после войны царское правительство еще в 1907 г. открыто принимает программу «ни в коем случае не содействовать обрабатывающей промышленности в Маньчжурии» и принять все меры к поощрению ввоза русских *товаров* туда из метрополии (речь тут шла, разумеется, только о северной Маньчжурии). На первый план выступает теперь задача освоения полосы отчуждения магистрали КВжд и присоединительно-колонизаторская, феодальная тенденция берёт верх в политике царизма на ближайшие годы в этой зоне его влияния.{638}

Русско-Китайский банк, снимавший бешеную прибыль с своих кредитных операций во время войны, чуть не потерпел крах вместе со всеми своими клиентами, до последнего дня [390] гнавшими товары на театр военных действий в расчете на продолжение войны, и не мог уже по-настоящему подняться собственными силами. Он кончил тем, что и формально прекратил свое существование в 1910 г., слившись, в порядке «оздоровления», с Северным банком в Русско-Азиатский банк, на основе решительного преобладания французского капитала и французского участия в руководстве банком.

Таким образом, от всей грандиозной программы, за которую царизм пустился в авантюру войны, после Портсмута ему оставалась лишь магистраль КВЖд, соединявшая с Россией Владивосток, и обрубок южноманьчжурской ветви от Харбина до Куаньченцзы.

С выходом царизма из состояния войны, на международную арену возвращалась все же громадная сила, как бы она ни казалась ослабленной в данный момент. Мы знаем, какие виды имелись на нее в Европе: оба лагеря претендовали вовлечь ее в свой оборот. Но и на Дальнем Востоке на нее были тоже свои виды — прежде всего у Америки. США остановили русско-японскую войну в такой момент, чтобы оба противника остались в Маньчжурии во взаимном противовесе, чтобы территориальный антагонизм между Японией и Россией не исчез и явился бы рычагом в дальнейшей политике США в Китае. Американский капитал настойчиво теперь интересовался уже не только «открытием» Маньчжурии для торговли, но и стремился к обладанию сетью маньчжурских железных дорог под видом их «коммерческой нейтрализации» — посредством выкупа их у обоих истощивших свои ресурсы в войне правительств. Эти домогательства Америки вызвали острый конфликт в ее взаимоотношениях с Японией.{639}

Японское правительство после Портсмута повело такую [391] лихорадочную и открытую политику закрепления и расширения завоеванных им стратегических и экономических позиций в Корее и в южной Маньчжурии, которая вынуждала царское правительство либо итти на углубление своего соглашения с Японией, либо брать курс на Америку и рисковать новой войной с Японией. Царизм ступил на первый путь и сделал первый шаг — заключением секретного политического соглашения с Японией (17/30 июля 1907 г.) относительно раздела с ней «сфер влияния» в

Маньчжурии и в Монголии. Такой путь ориентации царизма был уже предрешен намечавшимся соглашением России с Англией.{640}

* * *

Заключение Портсмутского мира сразу же широко раскрыло перед царизмом перспективы большой финансовой операции на внешнем рынке. На сцене оказались одни за другими французы, американцы, англичане, немцы: теперь и сущности никого всерьез не приходилось и просить. Европейская буржуазия со всех сторон протягивала самодержавию спасательные приспособления, прекрасно понимая, что «разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».{641} Но революция в России как раз только теперь после Портсмута быстро пошла к своему кульминационному пункту, и, когда делегаты международного консорциума банков (англичане, французы, немцы, американцы) собрались в Петербурге для обсуждения и подписания контракта займа в начале октября 1905 г. и еще не успели закончить формальностей дела, — они оказались свидетелями [392] всеобщей октябрьской стачки и беспомощного положения царского правительства, очутившегося отрезанным от мира в своей столице.

Переговоры о 600-миллионном займе оборвались (18 октября), и банкиры разъехались, пообещав «уведомить» Коковцова о возобновлении переговоров, когда это позволят «внутренние условия русской общественной жизни».{642}

Но последовавшие затем революционные события сперва отдалили, а в конце концов, исключили эту возможность. Начался небывало широкий отлив золота и частных вкладов: из государственного банка и частных банков. Только в Москве и Петербурге в течение ноября было выбрано и переведено за границу 60 000 000 руб., причем Витте, глава кабинета, тоже перевел свои ценности за границу. К этому присоединилась паническая выборка вкладов и мелкой буржуазией из сберегательных касс, и к концу ноября 1905 г. положение денежного обращения сделалось «весьма критическим». А в декабре правительство Витте вынуждено было искать спасения от банкротства на внешнем рынке, и заново начать дело о займе в крайне спешном порядке.{643}

Поездка Коковцова за границу, с поручением «всесторонне уяснить» там, кому следует (Бюлову в Берлине, Рувье в Париже и обоим, парижскому и лондонскому, Ротшильдам), положение России «в его неприкрашенной форме» и получить заем, — решена была в самый разгар московского вооруженного восстания и неудержимо нараставшей биржевой паники. В день отъезда Коковцова (17 декабря) эмиссионное [393] право государственного банка было уже исчерпано, и нехватка золота росла не по дням, а по часам: к 1 января 1906 г. недоставало 80 млн руб., и речь зашла о задержке опубликования обычного еженедельного баланса государственного банка. В такой обстановке не приходилось и думать о столь громоздкой комбинации, как октябрьский консорциум банкиров. Истекшие два месяца успели принести новые трудности

для широкой международной постановки русского займа. Из них главная была в том, что отношения между Германией и Францией (из-за мароккского вопроса), дошли до крайнего обострения, и со дня на день можно было ждать открытия военных действий. Коковцов и устремился прямо в Париж, без остановки в Берлине. Все усилия он сосредоточил на заключении отдельного французского займа.{644}

Декабрьская поездка Коковцова во Францию и явилась моментом, откуда можно вести по финансовой линии прямой путь царизма к тройному «согласию». Октябрь — декабрь 1905 г. собрали и бросили на весы все разновесы, неуклонно потянувшие к низу чашу Антанты. Еще в октябре Коковцов на письменный запрос американского Моргана о возможности предоставления «американскому промышленному рынку» тех или иных заказов в обмен на участие его в русском займе ответил отказом, и Морган охладел к русскому займу тотчас же, как только эта «приманка промышленных заказов отпала». Относительно Германии дело пошатнулось в ноябре, когда Николай особой дополнительной декларацией уничтожил-таки значение Бьоркского договора в части, касающейся Франции. Правда, тогда же царь обещал Вильгельму содействовать в мароккском деле «всеобщему соглашению». Но уже в декабре 1905 г. приходилось от имени того же царя давать обещания в этом вопросе «оказывать поддержку французскому правительству, ввиду союзнических [394] отношений», и давать русским уполномоченным на Алжезирасской конференции, решавшей мароккский вопрос, инструкции, соответствовавшие интересам Франции. За это французское правительство давило на банкиров в пользу заключения русского займа теперь же в декабре, но добилось от них — и то только под угрозой, что Россия прекратит размен бумажек на золото, — лишь стомиллионного аванса в счет будущего займа. На текущий день и это уже было спасением для царизма.{645}

Но никакого формального обязательства относительно собственно будущего большого займа Коковцову сейчас в Париже получить не удалось. Биржевой обозреватель «Temps» в своем новогоднем обзоре, рассуждая о предстоящем «взлете экономического развития России», недвусмысленно указывал на то, что «Россия обладает значительными резервами, которые она могла бы *временно отдать под залог новых займов*, каковы железные дороги, табачные сборы, сборы с алкоголя и т. п.»{646} Это были, конечно, мечты, не имевшие прецедента во франко-русском союзе. А пока что Коковцова предупредили, что этот заем, если французы в нем примут участие, должен будет носить «лишь отчасти международный характер» — без Германии и США. Россия и без того уже почти потеряла шансы на их участие — особенно Германии. Теперь всякая попытка вернуть их осложнялась новой установкой в этом вопросе французской стороны. Основная же установка ее: сначала сделайте все, чтобы покончить алжезирасские переговоры в пользу Франции. И только тогда и будет речь о займе, — сталкивала царизм и Германию так, что на деле возымела своим результатом отказ германского правительства от участия в русском [395] займе, последовавший в день окончания работ конференции (в марте 1906 г.).{647}

Витте ставил своей основной задачей вооружить самодержавие для борьбы с революцией до открытия Государственной Думы. А так как с этим тянуть тоже было нельзя, то его дипломатия в Алжезирасе должна была выступать на стороне Франции и нажимала на немцев, чтобы ускорить разрешение конфликта.

К моменту окончания конференции вся кухня займа в Париже была готова, и заем оформлен был в несколько дней. Он оказался только «отчасти» международным — за отказами американцев и немцев, а за ними и швейцарцев и итальянцев. Из 2 250 000 000 франков Франция взяла на себя 1 200 000 000 франков, Англия — 330 000 000, русские банки — 500 000 000, Голландия — 50 000 000. Политически односторонний характер займа удалось несколько замаскировать, о чем весьма хлопотал Витте, скромным участием австрийских банков (на 165 000 000 фр.), и то ценою некоторых специальных льгот. Основной политический смысл совершившегося, однако, от этого не изменился.{648}

Отказ Германии от участия в займе последовал 23 марта 1900 г. А накануне, 22 марта, французский посол в Петербурге передал русскому министру иностранных дел предложение пересмотреть франко-русскую военную конвенцию, и контракт займа, изготовленный в Париже к 3 апреля, французское правительство согласилось опубликовать только 9 апреля — после подписания (8 апреля) протокола, изменявшего в пользу Франции первоначальный текст военной конвенции. Затем, 20 апреля 1906 г., через Париж было передано в Петербург предложение английского министра иностранных дел Эд. Грэя войти в соглашение с Россией по персидским делам, а 25 мая 1906 г. уже сам английский посол [396] в Петербурге предложил Извольскому, сменившему Ламсдорфа, рассмотреть все интересующие Россию и Англию вопросы и заключить общее соглашение наподобие англо-французского соглашения 1904 г. Ссылка на этот французский пример не оставляла сомнений, что разговор начинался о таком же полном «согласии», какое установилось в англо-французских отношениях во время русско-японской войны.{649}

Таким образом, упомянутое выше русско-японское секретное политическое соглашение 17/30 июля 1907 г. немногим опередило англо-русское соглашение, которое подписано было месяц спустя — 18/31 августа того же года. Оба эти документа были подписаны после роспуска Столыпиным 3 июня 1907 г. 2-й Думы и изменения избирательного закона, знаменовавших торжество буржуазно-помещичьей контрреволюции на внутреннем фронте. Этими двумя соглашениями при наличии англо-японского союзного договора, расширенного в 1905 г., и франко-японского соглашения о взаимной поддержке на Дальнем Востоке, подписанного 8 июня 1907 г., царизм плотно замыкал себя и страну в антантовский круг. А заем, предоставленный в марте 1907 г. Японии Францией (300 млн франков) и Англией (11 1/2 млн фунтов) из 5% для выкупа более дорогих (6%) военных займов Японии 1904 г., подводил под эту четверную комбинацию и необходимую уже не англо-американскую, а англо-французскую финансовую базу.{650}

Подписав свой указ о большом займе 9 апреля 1906 г., который европейская буржуазия дала ему, как выражался напрямик Бюлов, «для

подавления революции», Николай к тут не сразу уловил связь вещей. Прошло 20 дней, и на одной [397] дипломатической телеграмме, представленной ему 29 апреля того же года, он написал: «в Китае нам не следует отождествлять свои интересы с интересами государств Западной Европы; нужно стремиться к продолжению нашей политики до 1898 г., т. е. действовать миролюбиво и отдельно от других «стран».{651}

Но существеннейший для царизма международно-политический результат русско-японской войны и состоял как раз в том, что теперь он уже не мог вести никакой «отдельной» политики, как пытался это делать на Дальнем Востоке до самой войны.

Несколько оправившись от поражений и потрясений 1904–1907 гг., царизм и на Дальнем Востоке возобновляет активную политику в том же военно-феодальном империалистическом роде — на этот раз при явственной и организованной через Государственную Думу поддержке буржуазно-помещичьего блока. Но вел ее царизм теперь уже только в тех пределах (в Маньчжурии и в Монголии), какие отведены ему были его империалистическими союзниками.

2. Японский агрессор после войны

Японский военно-феодальный империализм открыто теперь выходил на новую *континентальную базу.* Кроме Ляодунского полуострова с портами Артуром и Дальним, перешедшего, на основе «аренды» фактически в полное обладание Японии, последняя приобрела базу в остальной южной Маньчжурии и в Корее, слегка завуалированную понятием «сферы влияния». В эпоху портсмутских переговоров я непосредственно по заключении мира американский капитал делал попытки посредством выкупа у Японии южноманьчжурской ветви КВжд вырвать из этой «сферы» ее железнодорожный [398] костяк, но Япония отказалась от такого разоружения своей «сферы».{652}

Если не считать южной половины Сахалина, ценой 10-летних сосредоточенных усилий Япония в 1905 г. получила только то, что было в ее руках уже в 1895 г. Непосредственные военные расходы ее выразились в сумме без малого 2 млрд (1 860 848 801) иен, в 7 раз превышавшей последний довоенный бюджет 1903 г. в 250 млн иен кругло (русские военные расходы в 2 с половиной миллиарда руб. составляли всего 125% последнего 2-миллиардного русского бюджета 1903 г.). Из этих 2 млрд собственно японская буржуазия оказалась в состоянии вложить в войну в виде 6 незначительных внутренних займов за 1904–1900 гг. только 680 млн иен (номинально; правительству же поступило 604 млн иен). Война почти наполовину ведена была на англо-американские 5 займов в общей сумме 107 млн фунтов стерлингов, или 927 млн иен. Государственный долг Японии возрос с 600 млн иен до 2400 млн иен. Процентов по нему предстояло платить ежегодно 110 млн иен, из них 90 млн падало на военные займы. Средняя душевая цифра налогового бремени возросла с 5 иен в 1903 г. до 8 иен в 1905 г., а в 1906 г. уже и более 10. Война принесла победу японской буржуазии, которая за один год (к октябрю 1906 г.) инвестировала в новые предприятия до 400 млн иен: зато тяжелым бременем легла война на массы. «Без финансового истощения,

маячившего на горизонте, неоспоримая ловкость Витте не была бы достаточна для подписания Портсмутского мира».{653}

Что «финансовое положение Японии было очень плохое», мы знаем и со слов доверенного Ротшильдов, побывавшего в Японии незадолго до подписания мира. Немудрено, что отказ [399] от требования уплаты подобных издержек войны, на который Комура в Портсмуте вынужден был пойти под сильным давлением Рузвельта, вызвал бурные вспышки протеста, в Токио и других городах, и слово «злосчастный мир» пронеслось в мелкобуржуазных массах, а главе японской мирной делегации Комуре пришлось совершать свой обратный путь из Портсмута под усиленной охраной.{654} На четвертый день по подписании мира, русский финансовый представитель в Шанхае сообщал, «по отзывам американцев и англичан, бегущих сюда из Японии», что «общее озлобление» «направлено не только против японских делегатов, но и еще более против Америки и Англии. Обеим этим державам ставится в вину, что они в свое время много потрудились для создания войны, а теперь будто бы оказали давление, дав Японии понять, что дальнейшие займы ее не пройдут, если не будет заключен мир». «В день опубликования столица, а за нею и главнейшие центры, украсились флагами, приспущенными на полмачты. Многие повязаны были черным крепом. Повсюду — прокламации, призывающие к протесту... Редакция газеты «Кокумин», попытавшаяся влиять на массу в несколько более умеренном тоне, была разгромлена... толпа разрушила дом министра внутренних дел... Все гостиницы Шанхая получили по телеграфу требования удержать для них («англо-саксонских обитателей Японии», — *Б. Р.*) все свободные номера». Шли требования «спешной и усиленной мобилизации новых армий и возобновления самых решительных военных действий».{655} Но именно это-то и было теперь уже невозможно.

Не менее выразительны, чем финансовые итоги, и цифры, [400] которые характеризуют степень напряжения человеческих ресурсов воюющих. Россия к концу августа 1905 г. имела на маньчжурском театре 446500 штыков — 0.7% всего населения против японских 337000 штыков = 150% постоянной армии = 1.5% всего населения, причем Япония «уже черпала из источников, предназначенных для обороны Японских островов», а Россия не исчерпала еще предположенного русским командованием лимита в 555 000 чел.{656}

Немудрено, что при таких условиях война не только теряла для Японии дальше всякий смысл, но и влекла за собою риск военного поражения. Рузвельт, которому приходилось отвечать на нападки за его позицию в переговорах, объяснял впоследствии, что положение в Японии было таково, что «старосты многих деревень и общин в Японии поставили в известность правительство, что они не могут выделить более ни одного из молодых людей; что, если еще кто-нибудь из их молодых людей будет взят в армию, рисовые поля будут частично заброшены — и наступит частичный голод, и что, кроме того, мелкие сбережения жителей уже все исчерпаны». Соответственно и относительно фронта он знал «из первых рук», что один японский полк отказался итти в наступление, и надо было уводить людей и посылать их на дорожные работы; что «другой полк, который вел себя хорошо», тем не менее «под большим напором» сдал и удирал от русской контратаки, причем многие

японские солдаты побросали свои ружья и все, что с ними было, когда бежали.{657}

Нечего и говорить, что война, которая до сих пор велась Японией при неограниченной мощной политической, финансовой и технической поддержке двух левиафанов империализма и при общем отвращении к русскому царизму в широчайших кругах пролетариата и радикальной мелкой буржуазии [401] нейтральных стран, не говоря уже о самой России, — далее становилась невозможной и политически. Однако продиктовать и навязать свои условия мира даже насквозь прогнившему царизму Япония не могла, а должна была подчиниться воле своего американского союзника, который ничего не имел против захвата Японией Кореи и считал «определенно нежелательным укрепление ее в Китае». Отказ в контрибуции только и мог в данный момент задержать наступление ее в этом направлении. Но и на крайнем левом фланге это требование Японии признавалось объективно несообразным с «действительным соотношением сил, выявившихся в войне».

Такова была оценка, данная Францем Рингом военным силам Японии на другой день по подписании Портсмутского мира.{658} Он считал, что «Япония достигла всего, чего могла достичь в меру своих интересов и сил», и именно потому она «не сокрушила еще русскую мощь, и эта последняя сдала не больше того, чего, по состоянию взаимного соотношения сил, она и не могла удержать»: «нанести подобное <как Пруссии 1807 г. и Франции 1871 г.> поражение России у Японии не было и нет никакой возможности», почему «с самого начала можно было быть уверенным, что японцы не добьются от русских уплаты контрибуции». А на первом плане сейчас как «всемирно-историческое последствие» войны у Меринга стоял тот факт, что «русская гегемония кончилась навсегда» и «царский абсолютизм при смерти».

* * *

Но война для японской буржуазии и военщины была все же победоносной, и «дипломатией доллара» значение реальных завоеваний Японии подорвать оказывалось невозможным. Помимо материальных выгод, война явилась крупной [402] победой идеологии шовинистического паназиатизма и стоявшей за ней большой континентальной программы «великой Японии». Практическая же японская политика текущего дня сосредоточивалась на фактическом освоении южной Маньчжурии, как безусловного плацдарма для дальнейших захватов, и имела в виду в дальнейшем формальное присоединение Кореи, как ее хинтерланда, состоявшееся в 1910 г.{659} Под лозунгом «южная Маньчжурия — только для японцев» Япония ввела там такой режим закрытых дверей, какой, и не снился царизму. Последний хлопотал о промышленной монополии и на деле не посягал на иностранную торговлю в Маньчжурии, успев проявить только интерес к депонированию таможенных сборов в кассах Русско-Китайского банка. После же захвата Маньчжурии еще до эвакуации войск, «японские власти использовали военную оккупацию для учреждения японских предприятий и приобретения японцами прав собственности так, чтобы оставить иностранцам мало шансов или никаких шансов на торговлю после

эвакуации [403] войск», — жаловался в 1906 г. американский статс-секретарь Рут.{660}

Административные мероприятия и придирки шли здесь рука об руку с тарифной политикой общества ЮМжд и вели к планомерному искоренению и недопущению иностранных предприятий и торговли в Маньчжурии. Фактически это сталкивало Японию преимущественно с американским капиталом, и, например, к 1909 г. доля американского ввоза в Маньчжурии упала с 60 до 35%, в то время как японская торговля в той же пропорции поднялась.{661}

Параллельно с этим шли развитие военной промышленности и лихорадочный рост вооруженных сил. К концу 1909 г. японская армия выросла вдвое, до 1 млн чел., и могла в кратчайший срок быть переброшена на материк, где с лихорадочной поспешностью возводились склады военных припасов, арсеналы, лагеря и т. п. В случае войны дело сводилось в значительной мере к переброске лишь личного состава. Против кого вооружалась Япония, раз главный враг ее, царизм, был выведен надолго из строя на Дальнем Востоке? Как выразился один русский дипломатический агент, «между Россией и Японией при нынешних обстоятельствах не может быть войны, а может быть только безжалостное избиение русских»; им было вычислено, что японская армия могла в течение 2 первых недель по открытии военных действий против России, явиться в Приамурском крае в количестве 11 дивизий и ликвидировать в несколько дней Владивосток, совершенно неспособный к защите ни с суши, ни с моря.

Наряду с ростом своих вооружений японцы не уставали поддерживать русскую сторону во всех осложнениях и столкновениях, на каждом шагу теперь происходивших с Китаем и иностранцами, селившимися на территории КВжд. В русских [404] донесениях с мест неизменно отмечались «в высшей степени любезные, предупредительные и радушные отношения японцев», которые «попрежнему не щадили усилий, чтобы расположить русских к себе». Но при сопоставлении их с «спешными вооружениями против русских же», «невольно эти милые отношения начинали казаться мимолетными».{662}

К концу 1909 г. пришла, наконец, и разгадка, куда клонила Япония и чего она добивалась. Летом этого года она предъявила ультиматум китайскому правительству и добилась соглашения о постройке новых железных дорог в Маньчжурии и о закреплении за ней угольных копей, чем вызвала бурю негодования в США и мысль о «необходимости сговориться с Россией ввиду угроз Японии самостоятельности Китая вопреки соглашениям».{663} 8 ноября 1909 г. к Извольскому в Петербурге явился Рокхиль, посол США, и, убеждая его в «необходимости для России итти в маньчжурских делах рука об руку с США», предложил ему план «коммерческой нейтрализации маньчжурской сети ж. д.», чтобы «поставить окончательный и, так сказать, международный предел дальнейшим захватам Японии», и даже распространения нейтрализации и на военную сферу. Конкретно это означало образование интернациональной банковской группы, во главе с американскими банками, для выкупа КВжд и, следовательно, отказ царизма от политики покровительства русской торговле в Маньчжурии, — позиция, на которую он временно отступал после войны. Но в тот же день «тотчас после Рокхиля» к Извольскому явился и японский посол

Мотоно с предложением превратить существующие между Японией и Россией отношения в «формальный союз, перед которым [405] должны будут преклониться не только Китай, но и все другие державы». И царское правительство было поставлено в «необходимость теперь же избрать окончательный путь для нашей дальневосточной политики», как оценил созданное этими двумя решительными выступлениями положение Извольский.{664}

Японское предложение звучало, как ультиматум. Извольский это так и понял: если американцы вытеснят японцев с маньчжурских углей и железа, то те будут «искать вознаградить себя» за счет Приморья, и это означает войну, которая сейчас немыслима для царизма.

Но 1909 год и сам по себе был первым годом после русско-японской войны, когда, наконец, забрезжил кой-какой просвет для русского империализма. Франция и Англия устроили России заем в 525 млн руб., из которого, за погашением срочных платежей по военным займам, оставалось наличными более 100 млн руб. на расходы, связанные с постройкой Амурской ж. д., и в том же году впервые после войны снят был обильный урожай и налицо были признаки перехода от состояния длительной промышленной депрессии к подъему. Только теперь и можно было попытаться возродить активную политику на Дальнем Востоке, опираясь пока что на японскую монополию военной силы. Вот почему «лично» для Николая был «совершенно ясен путь, который России следует избрать теперь: это вступление с Японией в теснейшее соглашение».{665} Тут дело шло совершенно открыто о «совместной [406] русско-японской опеке над Маньчжурией и даже над всем Китаем» (слова Извольского), — и под угрозой миллиона японских штыков, царизм повернул в японский фарватер. Соотношение сил и сказалось здесь в том, что 1910 год принес не только секретное русско-японское соглашение об обоюдной [407] защите интересов в Маньчжурии, но и формальное присоединение Кореи к Японии.

Японский агрессор стал, как ему тогда могло казаться, твердой ногой на Азиатском материке — в ожидании удобного момента для дальнейшего наступления. [409]

Приложения

Перечень документов{666}

1. Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки 5/17 апреля 1895 г. (стр. 413).

2. Протокол обмена деклараций о заключении 4% китайского займа, подписанный 24 июня/6 июля 1895 г. представителями России и Китая (стр. 419).

3. Обмен нот между российским и японским правительствами касательно возвращения полуострова Фын-тянъ (Ляодун) и мореплавания в Формозском проливе (сентябрь — октябрь 1895 г.) (стр. 421).

4. Конвенция о возвращении Ляодунского полуострова, заключенная Китаем и Японией в Пекине 8 ноября/27 октября 1895 г. (стр. 422).

5. Меморандум между Россией и Японией, заключенный и подписанный в Сеуле 2 (14) мая 1896 г. (стр. 424).

6. Договор о союзе, заключенный Россией и Китаем 22 мая ст. ст. 1896 г. в Москве (стр. 425).

7. Протокол по корейским делам, подписанный в Москве 28-го мая/9 июня 1896 г. между русским и японским правительствами (стр. 427).

8. Ответные пункты корейскому послу (стр. 429).

9. Контракт на постройку и эксплоатацию Китайской Восточной железной дороги (стр. 430).

10. Конвенция, заключенная между Россией и Китаем 15/27 марта 1898 года (стр. 434). — Правительственное сообщение по поводу уступки Китаем России в арендное содержание Порт-Артура и Та-лянь-ваня, 17/29 марта 1898 г. (стр. 437).

11. Дополнительный протокол к Пекинской конвенции 15 марта [412] 1898 г., подписанный 25 апреля/7 мая 1898 г. (стр. 438).

12. Правительственное сообщение от 29 апреля/11 мая 1898 г. о независимости Кореи (стр. 440). — Протокол (стр. 440).

13. Нота российского министра иностранных дел к великобританскому послу в С.-Петербурге, от 16/28 апреля 1899 г. (стр. 441).

14. Проект русско-китайского сепаратного соглашения о Маньчжурии, принятый на совещании в русском министерстве иностранных дел 26 января 1901 г. (стр. 443).

15. Сводный текст проектов соглашения о Корее, предложенных маркизом Ито и гр. Ламздорфом в ноябре 1901 г. (стр. 447).

16. Соглашение между Великобританией и Японией, подписанное в Лондоне 17/30 января 1902 года стр. 448).

17. Официальное сообщение. С.-Петербург, 7/20 марта 1902 г. (стр. 450). — Тождественная декларация от 3/16-го марта 1902 г., одновременно врученная представителями России и Франции правительствам австро-венгерскому, бельгийскому, великобританскому, германскому, испанскому, итальянскому, китайскому, нидерландскому, северо-американскому и японскому (стр. 451).

18. Официальное сообщение.

С.-Петербург, 30 марта/12 апреля 1902 года (стр. 451). — Соглашение между Россией и Китаем относительно Маньчжурии, заключенное в Пекине 26 марта/8 апреля 1902 г. (стр. 453).

19. Справка о доходах и расходах <российской> казны на Дальнем Востоке на 1903 г. (стр. 456).

20. Записка Николая II Ламздорфу 20 октября 1904 г. (стр. 457). — Доклад Ламздорфа Николаю 22 октября 1904 г. (стр. 457).

21. Русско-германский союзный договор 11/24 июля 1905 г. (стр. 458).

22. Условия мира, предложенные японскими уполномоченными 28 июля/10 августа 1905 г. в Портсмуте (стр. 459). — Ответ русских уполномоченных на мирные условия, предложенные Японией, 30 июля/12 августа 1905 г. (стр. 461).

23. Мирный договор между Россией и Японией, заключенный в Портсмуте 23 августа/5 сентября 1905 года (стр. 464).

24. Русско-французские военные конвенции 1892 и 1906 гг. (стр. 469). — Протокол совещания 8/11 апреля 1906 г. между начальниками генеральных штабов русской и французской армий (стр. 470).

25. Русско-японское общеполитическое соглашение 17/30 июля 1907 г. (стр. 473). [413]

1. Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки (Бакан) 17/5 апреля 1895 г.

Ратификации обменены в Чифу 8 мая (26 апреля) 1895 г.{667}

Статья I

Китай признает окончательно полную и безусловную независимость и автономию Кореи, и, вследствие сего, уплата дани Китаю Кореею и исполнение ею церемоний и обрядов, нарушающих такую независимость и автономию, совершенно прекращаются на будущее время.

Статья II

Китай уступает Японии навсегда и в полное верховенство нижеследующие территории вместе с находящимися в оных укреплениями, арсеналами и всем государственным имуществом:

a) Южную часть провинции Фын-тянь (Мукден) в следующих границах:

Разграничительная черта начинается близ устья реки Ялу и идет вверх по течению до устья реки Ань-пин; отсюда черта идет на (город) Фын-хуан, оттуда на Хай-чэн, оттуда на Инкоу, образуя линию, огибающую южную часть территории. Вышепоименованные пункты включаются в уступленную территорию. Достигнув реки Ляо у Инкоу, черта следует течению этой реки до ее устья, где и кончается. Тальвег реки Ляо должен быть рассматриваем как демаркационная линия.

В эту уступленную территорию включаются также все острова, относящиеся или принадлежащие провинции Фын-тянь (Мукден), лежащие в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря.

b) Остров Формоза со всеми относящимися или принадлежащими ему островами. [414]

c) Пескадорский Архипелаг, т. е. все острова, лежащие между 119° и 120° восточной долготы от Гринвича и между 23° и 24° северной широты.

Статья III

Проведение пограничной черты, описанной в предыдущей статье и показанной в приложенной к сему договору карте, должно подлежать проверке и разграничению на месте соединенною Разграничительною комиссией, состоящею из двух или более японских и двух или более китайских делегатов, которые будут назначены безотлагательно по обмене ратификаций этого акта. В случае если границы, установленные в этом акте, окажутся в каком бы то ни было смысле неудовлетворительными — в отношении или топографическом или удобства управления — Разграничительная комиссия будет также обязана сделать надлежащие исправления.

Разграничительная комиссия начнет свою деятельность в возможна непродолжительном времени и закончит работу в течение годового срока со дня назначения.

Разграничение, установленное настоящим актом, будет считаться. однако, действительным, пока исправления Разграничительной комиссии, если таковые последуют, не будут утверждены правительствами Японии и Китая.

Статья IV

Китай обязуется уплатить Японии 200 000 000 купинских лан (таэлей) в качестве военного вознаграждения. Уплата означенной суммы должна быть произведена восемью взносами.

Первый взнос в 50 000 000 лан (таэлей) должен быть сделан в течение шести месяцев, а второй взнос в 50 000 000 лан должен быть сделан в течение двенадцати месяцев по обмене ратификаций настоящего акта. Остальная сумма распределяется на шесть одинаковых ежегодных взносов, уплата коих производится следующим образом: первый из этих одинаковых ежегодных взносов уплачивается до истечения двух лет, второй — до истечения трех лет, третий — до истечения четырех лет, четвертый — до истечения пяти лет, пятый — до истечения шести лет и шестой — до истечения семи лет по обмене ратификаций настоящего акта. Исчисление процентов в размере пяти годовых на все неуплаченные части означенной контрибуции начнется с того дня, когда первый взнос будет подлежать уплате.

Китаю предоставляется, однако, право уплатить досрочно во всякое время часть или всю сумму означенных взносов. В случае, если вся сумма означенной контрибуции будет уплачена в течение трех лет, считая со дня обмена ратификаций настоящего акта, то проценты не будут [415] насчитаны, а проценты, уже уплаченные за два с половиною года или за меньший промежуток времени, будут включены в капитальную сумму контрибуции.

Статья V

Жителям территорий, уступленных Японии, желающим поселиться вне уступленных областей, предоставляется продать свое наличное имущество и удалиться. Для сего будет дан срок в два года со дня обмена ратификаций настоящего акта. По истечении такового срока, те из жителей, которые не покинули упомянутых территорий, будут, если того пожелает Япония, считаться японскими подданными.

Каждое из двух правительств, немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, пошлет одного или более комиссаров на Формозу для

производства окончательной передачи этой провинции, и в течение двух месяцев после обмена ратификаций настоящего акта таковая передача будет закончена.

Статья VI

Так как все договоры между Японией) и Китаем утратили силу вследствие войны, то Китай обязуется, немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, назначить уполномоченных для заключения с японскими уполномоченными договора о торговле и мореплавании и конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли. Договоры, конвенции и постановления, ныне существующие между Китаем и европейскими державами, послужат основанием для означенных договора и конвенции между Японию и Китаем. Со дня обмена ратификации настоящего акта до введения в действие означенных договора и конвенции, японское правительство, его должностные лица, торговля, мореплавание, пограничные сношения, промышленность, суда и подданные будут во всех отношениях пользоваться, со стороны Китая, правами наиболее благоприятствуемой нации.

В дополнение Китай делает следующие уступки, действие которых Начнется через шесть месяцев со дня настоящего акта:

1. Следующие населенные места, города и порты, в дополнение к уже открытым, будут открыты для торговли, пребывания, промышленности и производств японских подданных на тех же условиях и с теми же привилегиями и льготами, какие существуют в ныне открытых населенных местах, городах и портах Китая:

(1) Ша-ши, в провинции Ху-бэй.

(2) Чун-цин, в провинции Сы-чуань.

(3). Су-чжоу, в провинции Цзян-су.

(4). Хан-чжоу, в провинции Чжэ-цзян.

Японское правительство будет иметь право назначать консулов в любом из вышеназванных мест или во всех них. [416]

2. Паровое судоходство для судов под японским флагом для перевозки пассажиров и груза будет распространено на нижеследующие места:

(1). на верхнее течение реки Ян-цзы от И-чана (провинция Ху-бэй) до Чун-цина (провинция Сы-чуань);

(2). На реку Вусун и канал от Шанхая до Су-чжоу и Хан-чжоу.

Правила и постановления, коими регулируется ныне плавание иностранных судов по внутренним водам Китая, будут, насколько это возможно, применяться по отношению к вышеназванным путям, пока совместно не будут установлены новые правила и постановления.

3. Японским подданным, покупающим товары или продукты внутри Китая или перевозящим ввозные товары во внутрь Китая, предоставляется право временно арендовать или нанимать пакгаузы для склада таким образом купленных или перевезенных предметов без уплаты каких бы то ни было налогов или взысканий.

4. Японским подданным предоставляется свобода заниматься всякого рода обрабатывающею промышленностью во всех открытых населенных

местах, городах и портах Китая и ввозить в Китай всякого рода машины, уплачивая по ним лишь установленные ввозные пошлины.

Все предметы, выделываемые японскими подданными в Китае, будут, по отношению к внутреннему транзиту и внутренним налогам, пошлинам, сборам и взысканиям всякого рода, а также по отношению к приспособлениям для склада и хранения внутри Китая, приравниваемы к товарам, ввозимым японскими подданными в Китай и будут пользоваться теми же привилегиями и льготами.

В случае, если в связи с этими уступками понадобятся дополнительные правила и постановления, таковые будут включены в договор о торговле и мореплавании, упомянутый в настоящей статье.

Статья VII

При соблюдении условий следующей статьи, эвакуация японскими войсками Китая будет вполне закончена в течение трех месяцев после обмена ратификаций настоящего акта.

Статья VIII

В обеспечение добросовестного исполнения условий настоящего акта, Китай соглашается на временное занятие военными силами Японии Вей-хай-вэя в провинции Шань-дун.

По уплате первых двух взносов военной контрибуции, сим договором установленной, и по обмене ратификаций договора о торговле и мореплавании названный пункт будет эвакуирован японскими войсками, с тем условием, что китайское правительство соглашается предоставить, [417] на подходящих и достаточных основаниях, таможенные доходы Китая в обеспечение уплаты капитала и процентов по остальным взносам сказанной контрибуции. В случае, если это соглашение не состоится, таковая эвакуация будет произведена только по уплате окончательного взноса сказанной контрибуции.

Нарочито, однако, постановляется, что таковая эвакуация не состоится ранее, как после обмена ратификаций договора о торговле и мореплавании.

Статья IX

Немедленно по обмене ратификаций настоящего акта, все находящиеся в плену военные будут возвращены, и Китай обязуется не подвергать дурному обращению или наказанию военнопленных, таким образом возвращенных ему Японией. Китай также обязуется немедленно освободить всех японских подданных, обвиненных в военном шпионстве или в каком-либо ином военном проступке. Китай далее обязуется никаким образом не наказывать и не допускать наказания тех китайских подданных, которые каким бы то ни было образом скомпрометировали себя сношениями с японскими войсками в течение войны.

Статья X

Все наступательные военные операции прекратятся по обмене ратификаций настоящего акта.

Статья XI

Настоящий акт будет ратификован их величествами императором Японии и императором Китая, и ратификации будут обменены в Чифу в восьмой день пятого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что

соответствует четырнадцатому дню четвертого месяца двадцать первого года Гуан-Сюй.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные подписали оный и приложили к нему печати своих гербов.

Учинен в Симоносеки в двух экземплярах сего семнадцатого дня четвертого месяца двадцать восьмого года Мейджи, что соответствует двадцать третьему дню третьего месяца двадцать первого года правления Гуан-Сюй.

(М. П.) Граф Ито Хиробуми, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Павлония», министр президент, уполномоченный его величества императора Японии.

(М. П.) Виконт Мутсу Мунемитсу, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Священного Сокровища», министр иностранных дел, уполномоченный его величества императора Японии.

(М. П.) Ли-хун-чжан, уполномоченный его величества императора Китая, старший попечитель наследника престола, старший государственный [418] секретарь, министр главнозаведывающий торговлею северных портов Китая, вице-король провинции Чжили и граф первой степени.

(М. П.) Ли-цзин-фын, уполномоченный его величества императора Китая, бывший посланник дипломатической службы, имеющий вторую степень.

Отдельные статьи

Статья I

Японские военные силы, которые, согласно статье VIII мирного договора сего числа подписанного, должны временно занимать Вэй-хай-вэй, не будут превышать одной бригады, и, со дня обмена ратификаций сказанного мирного договора, Китай будет ежегодно уплачивать одну четвертую часть расходов таковой временной оккупации, а именно на 500 000 купинских лан (таэлей) в год.

Статья II

В территорию, временно занимаемую в Вэй-хай-вэе, будут включены остров Лю-гун и полоса земли, в пять японских ри шириною, вдоль всего побережья залива Вэй-хай-вэй.

Никаким китайским войскам не будет позволено приближаться к каким-либо местам или занимать их, в пределах зоны шириною в пять японских ри за границами занимаемой территории.

Статья III

Гражданская администрация занимаемой территории останется в руках китайских властей. Но таковые власти будут обязаны в случае нужды сообразоваться с приказаниями, которые командующий японскою оккупационною армиею может счесть необходимым отдавать в интересах здоровья, содержания, безопасности, распределения или дисциплины войск.

Все военные проступки, совершенные в занятой территории, будут подчинены юрисдикции японских военных властей.

Вышеизложенные отдельные статьи будут иметь ту же силу, значение и действие, как если бы они были слово в слово внесены в подписанный сего числа мирный договор.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные подписали оные и приложили к ним печати своих гербов.

Учинено в Симоносеки в двух экземплярах сего 17-го дня 4-го месяца 28-го года Мейджи, что соответствует 23-му дню 3-го месяца 21-года правления Гуан-Сюй. [419]

(М. П.) Граф Ито Хиробуми, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Павлония», министр-президент, уполномоченный его величества императора Японии.

(М. П.) Виконт Мутсу Мунемитсу, имеющий чин цзю, первую степень императорского ордена «Священного Сокровища», министр иностранных дел, уполномоченный его величества императора Японии.

(М. П.) Ли-хун-чжан, уполномоченный его величества императора Китая, старший попечитель наследника престола, старший государственный секретарь, министр главнозаведываюгций торговлею северных портов Китая, вице-король провинции Чжили и граф первой степени.

(М. П.) Ли-цзин-фын, уполномоченный его величества императора Китая, бывший посланник дипломатической службы, имеющий вторую степень.

2. Протокол обмена деклараций о заключении 4% китайского займа, подписанный в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 года представителями России и Китая{668}

Нижеподписавшиеся собрались сегодня в императорском министерстве иностранных дел для размена деклараций касательно китайского 4%-ного золотого займа 1895 года, подписанных в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 года между Россиею и Китаем.

По прочтении представленных обеими сторонами подлинников, кои признаны были составленными в правильной и надлежащей форме, размен деклараций состоялся согласно обычаю.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся составили настоящий протокол и снабдили печатями своих гербов.

Учинено в двух экземплярах в С.-Петербурге 24 июня (6 июля) 1895 года.

(М. П.) (Подписано): князь Лобанов-Ростовский.

(М. П.) (Подписано): Шу.

(М. П.) (Подписано): Сергей Витте.

Декларация

Ввиду заключения китайского 4%-ного золотого займа 1895 года, императорское российское правительство и императорское китайское правительство учинили, с общего согласия нижеследующие постановления:

I

Императорское российское правительство принимает к сведению данные, сообщенные ему 24 июня (8 июля) 1895 года китайским посланником [420] в С.-Петербурге касательно: китайских займов, заключенных до настоящего времени и обеспеченных доходами с морской таможни; взносов, ежегодно уплачиваемых в счет процентов и погашения по этим займам, и суммы, составляющей ежегодный доход китайской морской таможни.

II

Китайское правительство обязуется назначать на уплату процентов и погашения займа 1895 года в 400 миллионов франков золотом номинально часть доходов от морской таможни, остающуюся в его распоряжении после уплаты по китайским займам, ранее обеспеченным помянутыми доходами. Таковое назначение будет иметь преимущество перед всяким другим. Особо постановляется, что ежегодно впредь до окончательного погашения китайского золотого 4%-ного займа 1895 года, ни по одному другому китайскому займу, заключенному после этого, не могут быть производимы уплаты из доходов китайской морской таможни ранее, чем не будет произведена полностью уплата процентов и погашения по вышеупомянутому займу.

III

В случае, если бы, по каким бы то ни было обстоятельствам, платежи по займу были приостановлены или были замедлены, или запоздали, императорское российское правительство, по соглашению с императорским китайским правительством, принимает на себя, по отношению к договаривающимся банкам и торговым домам, обязательство, с своей стороны, возмещать и предоставлять в их распоряжение своевременно по мере наступления сроков погашения все суммы, необходимые для платежей по погашаемым купонам и ценностям настоящего займа, при условии, однако, представления впоследствии китайским правительством русскому правительству дополнительного обеспечения. Условия означенного дополнительного обеспечения составят предмет особого соглашения, которое имеет быть заключено между обоими правительствами чрез посредство их представителей в Пекине.

IV

Ввиду настоящего займа, китайское правительство заявляет о принятии им решения не предоставлять никакой иностранной державе никаких прав или преимуществ какого бы то ни было свойства, кои касались бы наблюдения за доходами Китайской империи или управления ими. Но в случае, если бы китайское правительство предоставило какой-либо державе права подобного рода, постановляется, что, в силу одного уже факта такого предоставления, они будут распространены также на русское правительство. [421]

V

Настоящая декларация будет иметь такую же силу и значение, как договор. Она вступит в действие, начиная со дня подписания контракта китайского правительства с банкирами, принимающими на себя реализацию настоящего займа, и будет существовать до окончательного его погашения.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежащим образом на сей предмет уполномоченные, подписали настоящую декларацию и приложили к ней печати своих гербов.

Учинено в С.-Петербурге, в двух экземплярах, 24 июня (6 июля) 1895 года, по китайскому же летосчислению в 14-ый день 5-ой луны 21-го года правления Гуан-сюй Дайцинской династии.

(М. П.) (Подписано): князь Лобанов-Ростовский.

(М. П.) (Подписано): Шу.

(М. П.) (Подписано): Сергей Витте.

3. Обмен нот между российским и японским правительствами касательно возвращения полуострова Фын-Тянь (Ляодун) и мореплавания в Формозском проливе. Сентябрь — октябрь 1895 года{669}

Памятная записка, переданная 25-го сентября (7 октября) 1895 года и. об. японского министра иностранных дел посланникам России, Франции и Германии{670}

Маркиз Саионзи, исправляющий обязанности министра иностранных дел, в ответ на памятную записку,{671} переданную ему их превосходительствами посланниками Германии, Франции и России, имеет честь сообщить им от имени своего правительства нижеследующее:

Императорское правительство, приняв во внимание мнения, выраженные тремя Державами, и желая быстрым и окончательным образом разрешить вопрос касательно возвращения полуострова Фын-тянь (Ляодун), постановило:

1) сократить сумму вознаграждения до тридцати миллионов лан;

2) не делать из заключения с Китаем договора о торговле и мореплавании условия эвакуации означенного полуострова и совершить таковую эвакуацию в течение трехмесячного срока со дня полной уплаты Китаем упомянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан. [422]

Нота исправляющего обязанности японского министра иностранных дел российскому посланнику. Токио. 19 (7) октября 1895 года{672}

Нижеподписавшийся, исправляющий обязанности министра иностранных дел, имеет честь уведомить его превосходительство Г. Михаила Хитрово, чрезвычайного посланника и полномочного министра его величества императора российского, об исправном получении его ноты от вчерашнего 18 октября, в коей он сообщил ему об удовольствии его правительства по поводу двух деклараций следующего содержания, сделанных ему нижеподписавшимся от имени своего правительства:

А. — от 19 июля: «что императорское правительство признает за Формозским проливом значение большого международного морского пути и что посему он находится вне сферы его исключительного контроля или пользования. Правительство его величества императора Японии обязуется не уступать никакой державе островов Формозы и Пескадорских»;

и Б. — от 7 октября: «что императорское правительство приняло решение: 1) уменьшить сумму вознаграждения за возвращение Ляодунского полуострова до 30 миллионов лан и 2) не ставить заключение с Китаем договора о торговле и мореплавании условием эвакуации названного полуострова и выполнить таковую эвакуацию в трехмесячный срок со дня полной выплаты Китаем помянутого вознаграждения в тридцать миллионов лан».

Нижеподписавшийся пользуется настоящим случаем, чтобы возобновить его превосходительству г. российскому посланнику уверения в отличном своем почтении.

(Подписано): Маркиз Саионзи.

Токио, 19 октября 1895 года.

4. Конвенция о возвращении Ляодунского полуострова, заключенная Китаем и Японией в Пекине 8 ноября (27 октября) 1895 года{673}

Статья I

Япония возвращает обратно Китаю на вечные времена и в полный суверенитет южную часть провинции Ляодун (Фын-тянь), которая была уступлена Японии согласно статье II Симоносекского договора от 17 дня 4 месяца 28 года Мейджи, что соответствует 23 дню 3 месяца 21 года Гуан-сюй, вместе со всеми укреплениями, арсеналами и государственным имуществом, в ней находящимися, и в то же время обратно уступаемая [423] территория окончательно эвакуируется японскими войсками, согласно постановлениям статьи III настоящей конвенции, а именно: южная часть Ляодунской провинции, от устья реки Ялу до устья реки Ань-пин, оттуда до Фын-хуан-чэна, оттуда до Хай-чэна и оттуда до Инкоу, равно и все населенные места и города к югу от этой границы и все острова, относящиеся или принадлежащие к провинции Ляодун, расположенные в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря. Статья III упомянутого Симоносекского договора вследствие сего отменяется, равно как и постановления того же договора, касающиеся заключения конвенции для урегулирования пограничных сношений и торговли.

Статья II

В возмещение за обратную уступку южной части Ляодунской провинции китайское правительство обязуется уплатить японскому правительству 30000000 купинских лан в шестнадцатый день, или ранее, 11-го месяца 28-го года Мейджи, что соответствует 30-му дню 9-го месяца 21-го года Гуан-сюй.

Статья III

Через три месяца со дня уплаты Китаем Японии возместительной контрибуции в 30 000 000 купинских лан, оговоренных в статье II настоящей конвенции, обратно уступленная территория будет окончательно эвакуирована японскими войсками.

Статья IV

Китай обязуется не наказывать каким бы то ни было образом и не допускать наказания тех китайских подданных, которые были каким-либо образом скомпрометированы в связи с занятием японскими войсками обратно уступаемой территории.

Статья V

Настоящая конвенция подписана в двух экземплярах на японском, китайском и английском языках. Все эти тексты имеют одинаковый смысл и значение, но, в случае каких-либо разногласий в толковании японского и китайского текстов, сомнения будут разрешены обращением гк английскому тексту.

Статья VI

Настоящая конвенция будет ратификована его величеством императором Японии и его величеством императором Китая, и ратификации оной будут обменены в Пекине через двадцать один день от настоящего числа. [424]

В удостоверение чего оба уполномоченные подписали оную и приложили к ней печати своих гербов.

Учинена в Пекине, сего восьмого дня одиннадцатого месяца двадцать, восьмого года Мейджи, что соответствует двадцать второму дню девятого* месяца двадцать первого года Гуан-сюй.

(М. П.) Барон Гаяши Тадасу.

(М. П.) Ли-хун-Чжан.

5. Меморандум между Россией и Японией, заключенный и подписанный в Сеуле 2 (14) мая 1896 года{674}

Представители России и Японии в Сеуле, по совещании между собою, в силу тожественных инструкций своих правительств, пришли к. следующим заключениям:

I

Предоставляя собственному усмотрению и решению корейского короля вопрос о возвращении его в свой дворец, оба представителя дружески посоветуют его величеству возвратиться туда, как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности.

Японский представитель дает со своей стороны заверение в том, что самые полные и действительные меры будут приняты для надзора за японскими «соси».

II

Министры, составляющие настоящий кабинет, были назначены по свободному выбору его величества и большею частью уже занимали министерские или иные высокие должности в течение последних двух лет, будучи известны за людей просвещенных и умеренных.

Оба представителя всегда будут стараться советовать его величеству назначать министров из лиц просвещенных и умеренных, а также выказывать милосердие к своим подданным.

III

Представитель России вполне разделяет мнение представителя Японии, что при настоящем положении вещей в Корее повидимому необходимо содержать в некоторых местностях японскую стражу для охраны японской телеграфной линии между Фусаном и Сеулом, а также, что охрану эту, состоящую ныне из трех строевых рот, следует отозвать при первой возможности и заменить жандармами, распределенными следующим образом: пятьдесят человек в Тайку, пятьдесят в Кахыне и по десяти человек [425] в каждом из промежуточных постов между Фусаном и Сеулом. Хотя распределение это может подлежать некоторым изменениям, но общее число жандармов никогда не должно превышать двухсот человек, которые впоследствии будут постепенно отозваны из местностей, где мир и порядок будут достаточно восстановлены корейским правительством.

IV

Для охраны японских поселений в Сеуле и в открытых портах против возможности нападения со стороны туземной черни, японские войска могут быть расположены в составе: двух рот в Сеуле, одной — в Фусане и одной — в Генсане, причем численность каждой роты не должна превышать двухсот человек. Эти войска будут размещены вблизи поселений (settlements) и имеют быть отозваны, как скоро опасность подобных нападений исчезнет.

Для охраны русской миссии и консульств, русское правительство может также содержать стражу, не превышающую количества японских войск в тех же местностях; она будет отозвана, как скоро спокойствие внутри страны восстановится.

Сеул, 2-го (14-го) мая 1896 года.

(Подписано): К. Вебер, представитель России.

(Подписано): Ф. Комура, представитель Японии.

6. Договор о союзе, заключенный Россией и Китаем 22 мая ст. ст. 1896 г. в Москве{675}

Его величество император всероссийский и его величество император китайский, желая укрепить счастливо восстановленный на Дальнем Востоке мир и охранить азиатский материк от нового иностранного вторжения, решили заключить между собою оборонительный союз и назначили для этой цели своими уполномоченными:

Его величество император всероссийский — князя Алексея Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел, статс-секретаря, сенатора и действительного тайного советника и г. Сергея Витте, министра финансов, статс-секретаря и тайного советника, и

его величество император китайский — графа Ли-Хун-Чана, старшего государственного секретаря, Чрезвычайного посла и уполномоченного при его величестве императоре всероссийском, которые, обменявшись полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, договорились о нижеследующих статьях: [426]

Статья I

Всякое нападение Японии как на Русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи, будет рассматриваться, как повод к немедленному применению настоящего договора.

В этом случае, обе высокие договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать в этот момент, и если возможно помогать друг другу в снабжении их обоюдных сил.

Статья II

Как только обе высокие договаривающиеся стороны предпримут совместные действия, никакой мирный договор с противной стороной же может быть заключен одною из них, без согласия другой.

Статья III

Во время военных действий все порты Китая будут, в случае необходимости, открыты для русских военных судов, которые встретят со стороны китайских властей всякое содействие, какое понадобится.

Статья IV

Чтобы облегчить доступ русским сухопутным войскам в угрожаемые пункты и для обеспечения их съестными припасами, китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гиринскую в направлении на Владивосток. Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на

верховные права его величества императора китайского. Постройка и эксплоатация этой железной дороги будут предоставлены Русско-Китайскому банку, и статьи контракта, который будет заключен для этой цели, будут надлежащим образом обсуждены китайским посланником в С.-Петербурге и Русско-Китайским банком.

Статья V

Постановлено, что во время войны, предусматриваемой статьею I, Россия будет свободно пользоваться железной дорогой, упомянутой в статье IV, для перевозки и снабжения своих войск. В мирное время Россия будет иметь то же право транзита своих войск и припасов, лишь с теми остановками, которые вызываются требованиями транспортной службы.

Статья VI

Настоящий договор войдет в силу с того дня, когда контракт, обусловленный в статье IV, будет утвержден его величеством императором [427] китайским. С тех пор он будет иметь силу и действие в течение пятнадцати лет. За шесть месяцев до истечения этого срока, обе высокие договаривающиеся стороны войдут в соглашение о продлении этого договора.

Учинен в Москве, 22 мая 1896 г.

Подписано:

Лобанов Витте Лихунчан

Протокол, составляющий неотъемлемую часть договора

Уполномоченные обеих высоких договаривающихся сторон, установив статьи договора, заключенного сего дня между Россией и Китаем, подписали оный в двух экземплярах на китайском и французском языках и приложили свои печати.

Из двух текстов, надлежащим образом сверенных и признанных соответствующими, французский будет руководящим при толковании настоящего договора.

Учинен в Москве, 22 мая 1896 г.

Подписано:

Лобанов Витте Лихунчан.

7. Протокол по корейским делам, подписанный в Москве 28-го мая (9 июня) 1896 года между русским и японским правительствами{676}

Российский министр иностранных дел, статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский и чрезвычайный посол его величества императора Японии, маршал маркиз Ямагата, обменявшись взглядами относительно положения дел в Корее, согласились о нижеследующих статьях:

I

Русское и японское правительства, в видах устранения финансовых затруднений Кореи, будут советовать корейскому правительству прекратить излишние расходы и установить равновесие между расходами и доходами. Если бы, вследствие неотложности некоторых реформ, оказалось необходимым прибегнуть к иностранным займам, то оба правительства окажут Корее общими силами свое содействие.

II

Русское и японское правительства попытаются совершенно предоставить Корее, насколько дозволит финансовое и экономическое положение [428] страны, сформирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка без иностранной помощи.

III

В видах облегчения сообщений с Кореей, японское правительство сохранит управление телеграфными линиями, находящимися ныне в его руках.

России предоставляется установить телеграфное сообщение между Сеулом и ее собственной границей.

Эти линии могут быть выкуплены корейским правительством, когда оно будет располагать необходимыми для сего средствами.

IV

Если потребуется более точное и подробное определение вышеизложенного или возникнут иные вопросы, требующие переговоров, то на взаимных представителей обоих правительств будет возложено поручение придти по таковым предметам к полюбовному соглашению.

Учинен в Москве, 28 мая (9 июня) 1896 года.

(Подписано): Лобанов.

(Подписано): Ямагата.

Правительственное сообщение (касательно Кореи)

Печатаемые ныне соглашения между Россиею и Японией состоялись в Москве и Сеуле, вследствие желания нашего устранить всякое недоразумение с японским правительством по поводу корейских дел. Соглашения эти являются прямым последствием китайско-японской войны и созданного последнею в Корее положения. Ими вовсе не нарушается основное начало корейской независимости, высказанное в 1-й статье Симоносекского мирного договора, заключенного между Японией и Китаем. Корейское правительство сохраняет за собою полную свободу действий повеем вопросам как внутренней, так и внешней политики. Россия и Япония в подписанных ими соглашениях свидетельствуют только о своей взаимной готовности содействовать корейскому королю в деле прочного обеспечения порядка, временно нарушенного вследствие сотрясений, вызванных китайско-японским столкновением. Единственным верным средством для достижения этой цели может служить сформирование туземных войск и полиции, упомянутых в протоколе 28-го мая (9-го июня) и коих не существует в стране.

С другой стороны, меморандум, подписанный в Сеуле нашим поверенным в делах, действительным статским советником Вебером и японским представителем г-ном Комура, хотя по времени он несколько предшествовал [429] вышесказанному протоколу, является, однако, необходимым дополнением сего последнего. Меморандум этот ясно указывает на общую щель, которая преследуется обеими договаривающимися сторонами, а именно: очищение Кореи от всякого, хотя бы даже незначительного по

численности войск, иноземного занятия в ближайшем по возможности времени.{677}

8. Ответные пункты корейскому послу{678}

I. Король, во время пребывания своего в русской миссии, охраняется русскою стражею. Он может оставаться в миссии, сколько сам сочтет нужным и удобным; если же воспоследует возвращение короля в свой дворец, то русское правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность. Русский отряд, находящийся ныне в миссии, останется там в распоряжении русского посланника, и, в случае надобности, может даже быть усилен.

II. Для решения вопроса об инструкторах, в Сеул будет отправлен в ближайшем времени высокопоставленный и опытный русский офицер, [430] которому русское правительство поручит вступить в переговоры с корейским по сему предмету; сказанному офицеру будет, прежде всего, поручено заняться вопросом о сформировании отряда телохранителей короля. Такое же опытное лицо будет командировано из России для изучения экономического положения Кореи и для выяснения необходимых финансовых мер.

III. Вопрос о присылке русских советников, для оказания содействия? корейскому правительству, разрешается предшествующим пунктом. Подобными советниками, очевидно, будут служить, под руководством русского посланника, упомянутые выше доверенные лица по военной и финансовой частям.

IV. Заключение займа корейским правительством будет иметься в виду, как скоро выяснится экономическое положение страны и потребности правительства.

V. Русское правительство соглашается на соединение своих сухопутных телеграфных линий с корейскими и окажет этому делу зависящее от него содействие.

9. Контракт на постройку и эксплоатацию Китайской Восточной железной дороги{679}

между нижеподписавшимися, его превосходительством Сюй-Цзин-Ченом, полномочным министром его величества императора китайского, в С.-Петербурге, действующим на основании Императорского указа от 22 года, 2 месяца 20-го дня царствования Гуан-Сюй (16/28 августа 1896), с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, было установлено нижеследующее:

Китайское правительство внесет сумму 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей в Русско-Китайский банк и будет участвовать, пропорционально этому вкладу, в прибылях и убытках банка, на условиях, предусмотренных особым договором.

Китайское правительство, решив построить железнодорожную линию., устанавливающую прямое сообщение между городом Читой и русской Южно-Уссурийской железной дорогой, вверяет постройку и эксплоатацию. этой линии Русско-Китайскому банку на следующих условиях:

1

Русско-Китайский банк учреждает для постройки и эксплоатации означенной железнодорожной линии компанию под названием: «Общество Китайской Восточной железной дороги». [431]

Печать, которой это Общество будет пользоваться, будет дана ему китайским правительством. Устав общества будет согласован с русскими уставами железнодорожных обществ. Акции Общества могут быть приобретаемы только китайскими или русскими подданными. Председатель этого Общества будет назначаться китайским правительством, но получать содержание от Общества. Он может иметь местопребывание в Пекине.

Председателю вменяется в особую обязанность наблюдать за строгим исполнением обязательств Банка и Общества железной дороги по отношению к китайскому правительству; независимо от сего, на него возлагаются сношения Банка и Общества железной дороги с китайским правительством и центральными и местными властями.

На председателе Общества Китайской Восточной железной дороги будет, равным образом, лежать обязанность по проверке всех расчетов, китайского правительства с Русско-Китайским банком.

Для облегчения всех переговоров на месте Русско-Китайский банк, будет содержать агента в Пекине.

2

Направление линии будет установлено представителями председателя Общества, назначенного китайским правительством, по взаимному соглашению с инженерами Общества и местными властями. При трассировке этой линии, кладбища, могилы, равно как города и деревни, должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне.

3

Общество обязано начать работы в течение 12-месячного срока, считая со дня санкционирования настоящего контракта императорским указом, и вести их таким образом, чтобы вся линия была окончена в течение 6-ти лет с того дня, когда направление линии будет окончательно установлено и необходимые земли будут отведены Обществу. Ширина колеи должна быть та же, как и на русских железных дорогах (5 русских футов соответствуют приблизительно 4 китайским футам и 2 1/2 дюймам).

4

Китайское правительство даст приказания местным властям о содействии Обществу, всеми мерами, в получении, по существующим ценам, потребных для постройки железной дороги материалов, равно как рабочих, средств для водной и сухопутной перевозки, необходимого продовольствия для людей и лошадей и пр.

Китайское правительство обязуется, по мере надобности, принимать меры к облегчению этих перевозок. [432]

5

Китайское правительство примет меры к обеспечению безопасности железной дороги и состоящих на ее службе лиц от всякого нападения.

Общество будет иметь право нанимать, по своему выбору, иностранцев или туземцев, как оно признает необходимым в интересах управления и т. п.

Преступления, процессы и пр. на территории железной дороги должны быть урегулируемы местными властями на основании постановлений трактатов.

6

Земли, действительно необходимые для постройки, эксплоатации и охраны линии, равно как и земли в окрестностях линии, потребные для добычи песку, камня, извести и пр., будут переданы Обществу бесплатно, если эти земли составляют собственность государства, если же они принадлежат частным лицам, то они будут отведены Обществу за единовременное вознаграждение или ежегодную наемную плату владельцам по существующим ценам.

Земли, принадлежащие Обществу, будут свободны от всяких поземельных налогов.

Обществу предоставляется право безусловного и исключительного управления своими землями.

Общество будет иметь право воздвигать на этих землях всевозможные постройки, а также соорудить и эксплоатировать телеграф для нужд линии.

Точно также доходы Общества, все его поступления и тарифы для перевозки пассажиров и товаров, телеграфы и т. д. освобождаются от всяких пошлин и налогов. Исключением являются копи, относительно которых последует особое соглашение.

7

Все предметы и материалы, необходимые для сооружения, эксплоатации и ремонта линии, освобождаются от оплаты всякими таможенными пошлинами и сборами, а равно всякими внутренними пошлинами и налогами.

8

Общество ответственно за то, чтобы войска и русские военные материалы, отправляемые транзитом по этой линии, направлялись прямо с одной русской станции на другую, без остановки в пути под каким бы то ни было предлогом дольше, чем это вызывается крайней необходимостью. [433]

9

Пассажиры, не состоящие в китайском подданстве, в случае желания проехать за пределы территории дороги, должны быть снабжены китайскими паспортами. Общество ответственно за то, чтобы пассажиры, не китайские подданные, не оставляли территории железной дороги, если у них нет китайских паспортов.

10

Багаж пассажиров, равно товары, перевозимые транзитом от одной русской станции до другой, не будут подлежать таможенным пошлинам; равным образом они будут освобождены от всяких внутренних налогов и сборов. Общество обязуется отправлять эти товары, за исключением пассажирского багажа, в специальных вагонах, которые, по прибытии на китайскую границу, опечатываются китайской таможней и могут оставить китайскую территорию лишь после того, как таможня установит целость печатей; если будет доказано, что эти вагоны открывались без разрешения в пути, то товары конфискуются.

Товары, ввозимые из России в Китай по означенной железной дороге, а также вывозимые из Китая в Россию тем же путем, будут уплачивать соответственно ввозную или вывозную пошлину в размере на одну треть меньше пошлины, взимаемой в китайских морских таможнях. Если товары отправляются внутрь страны, то они подлежат, кроме того, оплате транзитною пошлиною, равною половине взысканной с них ввозной пошлины, что освобождает их от всякого дополнительного обложения.

Товары, за которые не будет уплачено транзитной пошлины, будут подлежать оплате всеми установленными внутри страны заставными и лицзинными пошлинами.

Китайское правительство обязано учредить в двух пограничных пунктах линии свои таможни.

11

Тарифы на перевозку пассажиров, товаров, а также на нагрузку и выгрузку товаров, устанавливаются Обществом. Но оно обязано перевозить бесплатно китайскую официальную почтовую корреспонденцию и за половину платы — китайские сухопутные и морские войска, а также китайские военные материалы.

12

Китайское правительство передает Обществу полное и исключительное право эксплоатации линии за его собственный счет и риск, с тем, что китайское правительство ни в коем случае не является ответственным за какой-либо дефицит Общества, на время постройки и затем еще в течение 80 лет с того времени, когда линия будет окончена и по ней [434] будет открыто движение. По прошествии этого срока линия со всем относящимся к ней перейдет бесплатно к китайскому правительству.

По прошествии 36 лет со времени окончания сооружения всей линии и открытия по ней движения, китайское правительство имеет право выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с наросшими процентами.

Если чистая прибыль превысит дивиденд, назначенный акционерам, и часть означенных капиталов и т. д. будет погашена, то на эту часть будет уменьшена выкупная стоимость.

Ни в коем случае китайское правительство не может вступить во владение этой линией ранее, чем соответствующая сумма будет внесена в Русский Государственный банк.

По окончании сооружения дороги и по открытии по ней движения Общество внесет китайскому правительству сумму в размере 5 000 000 (пять миллионов) купин-таэлей.

Царствования Гуан Сюя 22-й год 2-й день 8-го месяца (подписал) Сюй.

Берлин

27 августа /8 сентября 1896

Русско-Китайский банк (подписал) Ротштейн.

Князь Ухтомский.

В РУССКО-КИТАЙСКИЙ БАНК

Милостивые государи!

При обсуждении §6 подписанного сегодня контракта вы обратили мое внимание на вопрос об угле. Я принял к сведению те замечания, которые вы мне сделали по этому поводу, и не премину представить Цаун-ли-ямыню доклад по сему предмету, подчеркнув важность предоставления Обществу наиболее благоприятных условий для эксплоатации угольных копей, которые могли бы находиться близ линии Восточной железной дороги.

Примите, милостивые государи, уверение в совершенном моем почтении.

(Подписал) Сюй.

Берлин

8 сентября 1895 г.

10. Конвенция, заключенные между Россиею и Китаем 15 (27) марта 1898 года{680}

Его величество император и самодержец всероссийский и его величество император китайский, желая еще более скрепить существующие [435] между обеими империями дружеские отношения и взаимно обеспечить средства для оказания обоюдной поддержки, назначили для соглашения по этому предмету своими уполномоченными:

Его величество император всероссийский — своего поверенного в делах при правительстве его величества императора китайского, камер-юнкера высочайшего двора, Александра Павлова, и его величество император китайский — члена министерства иностранных дел, старшего наставника наследника престола, канцлера графа Ли и члена министерства иностранных дел, в звании министра, товарища министра финансов Чжана.

Означенные уполномоченные, снабженные полномочиями, найденными достаточными, постановили нижеследующие условия:

Статья I

В видах обеспечения для русских военно-морских сил вполне надежной опоры на побережье Северного Китая, его величество император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люгаунь-коу) и Та-лянь-вань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством. Арендою этою, однако, никоим образом не нарушаются верховные права его величества императора китайского на вышесказанную территорию.

Статья II

Граница предоставляемого на означенном основании в арендное пользование участка пройдет к северу от бухты Та-лянь-вань на расстоянии, необходимом для должной обороны сказанного участка со стороны суши. Точная демаркационная линия и другие подробности, касающиеся постановлений настоящей конвенции, будут установлены отдельным протоколом, который имеет быть заключен в С.-Петербурге с сановником Сюй-цзин-чэном безотлагательно по подписании настоящей конвенции. По установлении этой демаркационной линии, вся ограниченная ею площадь арендуемой территории, вместе с прилегающим к этой площади водным пространством, поступает в полное и исключительное пользование русского правительства.

Статья III

Срок аренды устанавливается в двадцать пять лет со дня подписания настоящего соглашения и может быть затем продолжен по обоюдному соглашению между обоими правительствами.

Статья IV

В течение означенного срока, на арендуемой русским правительством территории и на прилегающем к оной водном пространстве, все военное [436] командование сухопутными и морскими силами, а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям и будет сосредоточено в руках одного лица, но без присвоения ему звания губернатора или генерал-губернатора. Никакие китайские военно-сухопутные силы на означенной территории не будут допущены. Китайским жителям предоставляется, по их желанию, выселиться из пределов арендуемой Россиею территории, или же остаться в оной, без препятствия со стороны русских властей. В случае совершения китайским подданным преступления в пределах арендуемой территории, виновный будет препровождаем ближайшим китайским властям для суда и наказания по китайским законам, как сказано в восьмой статье Пекинского договора 1860 года.

Статья V

К северу от обозначенной выше границы арендуемого участка устанавливается нейтральная зона. Границы этой зоны будут установлены сановником Сюй-цзин-чэном с министерством иностранных дел в С.-Петербурге. На пространстве означенной нейтральной зоны гражданское управление будет всецело в руках китайских властей; китайские же войска будут допускаться только по согласию с русскими властями.

Статья VI

Оба правительства соглашаются, что Порт-Артур, как исключительно военный порт, будет предоставлен в пользование только русским и китайским судам. Для военных и коммерческих судов других государств он будет считаться закрытым портом. Что касается до Та-лянь-ван'я, то кроме одной из внутренних бухт, которая, наравне с Порт-Артуром, будет назначена исключительно для нужд русского и китайского военных флотов, остальное пространство этого порта будет считаться открытым для иностранной торговли, и свободный доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Статья VII

Русское правительство принимает на себя, на свой собственный счет и своими средствами возвести на уступленной ему в арендное пользование площади и, в частности, в портах Артуре и Та-лянь-ван'е все необходимые для флота и сухопутных сил сооружения, возвести укрепления, содержать в них гарнизон и вообще принять все необходимые меры для действительной обороны означенной местности от неприятельского нападения. Равным образом, русское правительство обязуется на свой счет поставить и содержать маяки и другие предохранительные знаки, необходимые для безопасности мореплавания. [437]

Статья VIII

Китайское правительство соглашается дарованную им в 1896 году Обществу Китайской Восточной железной дороги концессию ныне же, со дня

подписания настоящего соглашения, распространить на соединительную ветвь, имеющую быть построенною от одной из станций магистральной линии до Та-лянь-ван'я, а также, если в том окажется необходимость, от той же магистральной линии до другого более удобного пункта на побережье Ляодунского полуострова между городом Ин-цзы и устьем реки Ялу. К этим дополнительным ветвям должны быть точно применены все постановления контракта, заключенного китайским правительством с Русско-Китайским банком 27-го августа 1896 года. Направление и пункты, через которые пройдут упомянутые линии, будут установлены сановником Сюй-цзин-чэном с управлением Китайской Восточной железной дороги. Согласие на постройку железной дороги на изложенных выше основаниях никогда и ни под каким видом не должно служить предлогом для захвата китайской территории или для посягательства на верховные права Китая.

Статья IX

Настоящая конвенция войдет в законную силу со дня размена экземпляров ее уполномоченными того и другого государства.

Размен ратификаций последует в С.-Петербурге в возможно непродолжительном времени.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные обеих сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра настоящего договора на русском и китайском языках. Из двух текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководящим при толковании договора будет служить русский текст.

Составлено в двух экземплярах в Пекине, марта пятнадцатого дня тысяча восемьсот девяносто восьмого года, а по китайскому летосчислению, в двадцать четвертый год правления Гуан-сюй, третьей луны в шестой день.

(М. П.) (Подписал): А. Павлов.

(М. П.) (Подписал): Ли-чжан.

(М. П. Цзун-ли-ямыня).

Правительственное сообщение по поводу уступки Китаем России в арендное содержание Порт-Артура и Та-Лянь-Ван'я 17 (29) марта 1898 года{681}

15-го текущего марта в Пекине состоялось подписание уполномоченными России и Китая особого соглашения, в силу коего императорскому [438] правительству уступлены в пользование на 25-летний срок, который, по обоюдному согласию, может быть затем продолжен, — порты Артур и Талянь-вань с соответствующими территориею и водным пространством; а равно предоставлена постройка железнодорожной ветви на соединение этих портов с великою сибирскою магистралью.

Соглашение это является прямым и естественным последствием установившихся дружественных отношений между обширными соседними империями, все усилия коих должны быть направлены к охранению спокойствия на всем огромном пространстве их пограничных владений на обоюдную пользу подвластных им народов.

Обусловленное дипломатическим актом 15-го марта мирное занятие русскою военно-морскою силою портов и территории дружественного

государства, как нельзя лучше свидетельствует, что правительство Богдыхана вполне верно оценило значение состоявшегося между ними соглашения.

Обеспечивая неприкосновенность верховных прав Китая и удовлетворяя насущным потребностям России, как соседней великой морской державы, соглашение это отнюдь не нарушает интересов какого-либо иностранного государства; напротив того, оно дает всем нациям мира возможность в недалеком будущем войти в общение с этим замкнутым доселе краем на побережье Желтого моря; открытие же коммерческим флотам всех иностранных держав порта Та-лянь-ван'я создает в Тихом океане новый обширный центр для торговых и промышленных предприятий этих держав, при посредстве великого сибирского сооружения, призванного отныне, благодаря дружественному уговору между Россиею и Китаем, соединить крайние пределы двух материков Старого Света.

Таким образом подписанное в Пекине соглашение имеет для России глубокое историческое значение и должно быть радостно приветствуемо всеми, кому дороги блага мира и успехи на почве взаимного общения народов.

11. Дополнительный протокол к пекинской конвенции 15 III — 1898 г., подписанный 25 апреля/7 мая 1898 г.-

Ст. 1. Северная граница предоставленного, на основании 2 статьи соглашения 15 марта 1898 года, в пользование русскому правительству земельного участка на Ляодунском полуострове с портами Артуром и Далянванем простирается: начиная от северной части бухты Адамс, на [439] западном берегу Ляодуна, через Адамс Пик, со включением этого пика в русские владения, до северной оконечности бухты у местечка Бицзыво на восточном берегу Ляодуна, причем в пользование России поступает и все прилегающее к арендуемому участку водное пространство со всеми окружающими материк островами. Оба правительства назначат особых комиссаров для более точного определения граничной черты арендуемой территории на месте.

Ст. 2. От описанной в 1 ст. северной границы арендуемого Россией участка к северу простирается условленная в 5 статье Пекинского соглашения 15 марта 1898 года нейтральная зона, крайние северные пределы коей простираются до линии, идущей от устья реки Гай-чжоу-хэ на западном берегу Ляодунского полуострова, оставляя на юге Сю-янь, до реки Да-ян-хэ и следуя по левому берегу этой реки до ее устья, которое войдет в состав нейтральной зоны.

Ст. 3. Императорское российское правительство соглашается, чтобы конечными пунктами железнодорожной линии, долженствующей соединить сибирскую магистраль с Ляодунским полуостровом, служили порты Артур и Далянвань, а не какой-либо пункт на побережье означенного полуострова. При этом, по взаимному уговору, во всем районе, имеющем быть обслуживаемым проектированной железной дорогой, не будет предоставлено иностранцам никаких железнодорожных концессий. Российское императорское правительство соглашается лишь не препятствовать сооружению продолжения Шанхай-Гуаньской железной дороги до ближайшего пункта новой ветви, упомянутой выше, если бы китайское правительство пожелало построить эту линию на свои средства.

Ст. 4. Российское императорское правительство, во внимание к просьбе его величества богдыхана, соглашается предоставить находящемуся на арендуемой Россией территории городу Цзинь-чжоу-тин автономное муниципальное управление с необходимым количеством чинов городской полиции. Само собой разумеется, что китайские войска очистят Цзинь-чжоу-тин и будут заменены русскими войсками. Жители означенного города будут иметь право пользоваться путями сообщения между Цзинь-чжоу-тин'ом и северной границей уступленной территории. Они могут пользоваться прилежащим к городу и отошедшим к России водным пространством для обыденных надобностей, но отнюдь не будут иметь каких-либо прав на береговую полосу.

Ст. 5. Правительство богдыхана обязуется:

1. не уступать ни одного участка земли нейтральной зоны в пользование иностранцев без согласия России;

2. не открывать для иностранной торговли ни одного из портов, находящихся на восточном и западном берегах нейтральной зоны;

3. не предоставлять на всем пространстве нейтральной зоны без согласия русских властей каких бы то ни было концессий на постройку [440] железных дорог, разработку минеральных богатств и всяких промышленных предприятий.

12. Правительственное сообщение от 29 апреля (11 мая) 1898 года о независимости Кореи{682}

Со времени окончания китайско-японской войны, все стремления императорского правительства направлены были к ограждению неприкосновенности и полной независимости Кореи.

На первых порах для водворения прочного порядка в области как военной, так и финансовой политики, юное государство естественно не могло обойтись без посторонней поддержки, вследствие чего в 1893 году корейский король обратился к государю императору с настоятельного просьбой о командировании в Сеул русских инструкторов и финансового советника. Благодаря своевременно оказанной Россиею помощи Корея вступила ныне на путь вполне самостоятельного государственного управления.

Обстоятельство это открыло для России и Японии возможность приступить к дружескому обмену мыслей в видах ясного и точного определения обоюдных отношений этих государств к вновь созданному порядку вещей на Корейском полуострове.

Результатом этих переговоров явилось нижеследующее, по высочайшему повелению подписанное нашим посланником в Токио, соглашение, составляющее продолжение московского протокола 1896 года.

Основным положением состоявшегося соглашения оба государства окончательно подтверждают признание державных прав и полной независимости Корейской империи при взаимном обязательстве воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны. На случай же, если бы Корея встретила надобность в поддержке одного из договаривающихся государств, то Россия и Япония обязуются не приступать в

Корее ни к каким мероприятиям без предварительного между собою соглашения.

Протокол

Действительный статский советник и камергер барон Розен, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора всероссийского, и барон Нисси, министр иностранных дел его величества императора Японии, на основании IV статьи протокола, подписанного в Москве, 28-го мая (9-го июня) 1896 года, статс-секретарем князем Лобановым и маршалом маркизом Ямагата, и надлежаще к сему уполномоченные, согласились о нижеследующих статьях: [441]

Статья I

Российское и японское императорские правительства окончательно признают державные права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства во внутренние дела этой страны.

Статья II

Желая избежать всякого повода к недоразумениям в будущем, российское и японское императорские правительства взаимно обязуются, в случае, если Корея обратится за советами и помощью либо к России, либо к Японии, не принимать никаких мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников, без предварительного между собою соглашения по сему предмету.

Статья III

Ввиду широкого развития торговых и промышленных предприятий Японии в Корее и значительного числа японско-подданых, проживающих в этой стране, российское императорское правительство не будет препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореею.

Составлен в Токио в двух экземплярах, 13-го (25-го) апреля 1898 года.

(Подписал): Розен.

(Подписал): Нисси.

13. Нота российского министра иностранных дел к великобританскому послу в С.-Петербурге, от 16 (28) апреля 1899 г.{683}

Нижеподписавшийся российский министр иностранных дел, надлежаще на сие уполномоченный, имеет честь сообщить его превосходительству сэру Чарльзу Скотту, великобританскому послу в С.-Петербурге, нижеследующее:

Россия и Великобритания, будучи одушевлены искренним желанием избегать в Китае всяких поводов к столкновениям по вопросам, в коих их интересы приходят в соприкосновение, и принимая во внимание существующее в некоторых частях названной империи экономическое и географическое к ним тяготение, согласились о нижеследующем:

1) Россия обязуется не домогаться, за свой счет или в пользу русских подданных или иных, каких-либо железнодорожных концессий в бассейне Янцзы, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия [442] в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемых великобританским правительством.

2) Великобритания, со своей стороны, обязуется не домогаться, за свой счет или в пользу британских подданных или иных, каких-либо железнодорожных концессий на север от Великой Китайской Стены, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия в этой области ходатайствам о железнодорожных концессиях, поддерживаемым российским правительством.

Обе договаривающиеся стороны, отнюдь не имея в виду какого-либо нарушения верховных прав Китая, а также существующих трактатов, не преминут довести до сведения китайского правительства о настоящем соглашении, которое, устраняя всякий повод к недоразумениям между ними, может лишь служить к упрочению мира на Дальнем Востоке и соответствовать первостепенным интересам самого Китая.

(Подписал): Граф Муравьев.

С.-Петербург, 16 (28) апреля 1899 года.{684}

Дополнительная нота великобританского посла в С.-Петербурге российскому министру иностранных дел от 28 (16) апреля 1899 года{685}

В дополнение к обмененным сего дня нотам касательно распределения сфер концессий на сооружение и эксплоатацию железных дорог в Китае, условлено изложить в настоящей дополнительной ноте соглашение, состоявшееся относительно линии Шань-хай-гуань — Ню-чжуан, для постройки коей китайское правительство уже заключило заем у Шанхай-Гонконгского банка, действующего от имени «Британско-Китайского общества».

Общее соглашение, установленное вышеупомянутыми нотами, ни в чем не нарушит прав, приобретенных в силу контракта означенного займа, и китайскому правительству будет предоставлено назначить как английского инженера, так и бухгалтера-европейца для наблюдения за сооружением названной железнодорожной линии и за расходованием сумм, для сего назначенных.

Но само собой разумеется, что сие обстоятельство не должно создавать права собственности и иностранного контроля и что помянутая линия должна оставаться китайскою, подлежащею контролю китайского правительства, и не может служить обеспечением или быть отчуждена какому-либо не китайскому обществу. [443]

Что же касается ветви, направляющейся от Сяо-хей-шаня к Синь-минь-тину, то, помимо вышеприведенных оговорок, условлено, что ветвь эта будет сооружена самим Китаем, который может допускать европейских инженеров, необязательно английских, для периодического осмотра оной, проверки и засвидетельствования правильного исполнения работ.

Настоящее особое соглашение, естественно, никоим образом не умаляет права русского правительства поддерживать — если оно признает это нужным — ходатайства русских подданных и учреждений о концессиях на железные дороги, кои, исходя от главной маньчжурской линии, и, направляясь к юго-западу, пройдут по области, где будет построена китайская линия, примыкающая к Синь-минь-тину и Ню-чжуану.

(Подписал): Чарльз С. Скотт.

С.-Петербург, 16 апреля 1899 года.{686}

14. Проект русско-китайского сепаратного соглашения о Маньчжурии, принятый на совещании в русском министерстве иностранных дел 26 января 1901 г.{687}

Ст. 1. Е. п. в. император всероссийский, *желая явить новое доказательство своего миролюбия и дружественных чувств богдыхану, не взирая на то, что с пограничных пунктов Маньчжурии сделаны были первые нападения на мирные русские поселения,* соглашается на восстановление власти китайского правительства в названной области, которая остается составной частью китайской империи и сохраняет то же административное устройство и тот же порядок управления, которые существовали до занятия оной русскими войсками.

Ст. 2. Согласно ст. 6 контракта, заключенного 27 августа 1896 г. между китайским правительством и Русско-Китайским банком о сооружении и эксплоатации Китайской Восточной ж. д., Общество названной дороги имеет право самостоятельного управления землями, отведенными под названную дорогу, а следовательно и содержания с этою целью стражи. *Принимая во внимание, однако, что при настоящем неупрочившемся еще порядке вещей в Маньчжурии, названная стража не в состоянии обеспечить дальнейшее сооружение Китайской Восточной ж. д.,*{688} Российское [444] правительство *временно* оставляет в Маньчжурии часть своих войск впредь до водворения спокойствия *в названной области и выполнения с. в. китайским императором постановлении, заключающихся в 9, 10, 11, 12, 13 и 14 статьях настоящего соглашения.*{689}

Ст. 3. *Русские войска в течение всего времени пребывания своего в пределах Маньчжурии будут оказывать, в случае необходимости, полное содействие китайским властям в деле поддержания в области порядка и спокойствия.*

Ст. 4. Ввиду того, что китайские войска, расположенные в Маньчжурии, принимали самое деятельное участие в враждебных действиях по отношению к России,{690} правительство богдыхана, желая дать гарантию сохранения на будущее время мира в Маньчжурии, обязуется не содержать там войск *до тех пор, пока не закончится сооружение Китайской Восточной ж. д. и установление на ней правильной эксплоатации.*{691} *Вслед затем численность китайских войск, содержимых в Маньчжурии, будет определяться соглашением с российским правительством.* Ввоз оружия и военных припасов в Маньчжурию воспрещается.

Ст. 5. *В видах поддержания спокойствия и правильного порядка вящей в сопредельной с Россией Маньчжурии, правительство богдыхана обязуется сменять по представлению русского правительства тех цзян-цзюней и других, назначаемых центральным правительством, высших административных чипов, деятельность коих не будет соответствовать установившимся дружественным отношениям между обеими империями.*{692} [445]

Для полицейской службы и поддержания внутреннего порядка в Маньчжурии, вне земель, отведенных Обществу Китайской Восточной ж. д., при местных губернаторах (цзян-цзюнях) образуется пешая и конная полицейская стража, численность которой определяется по соглашению с русским

правительством. В вооружении полицейской стражи орудия не допускаются, и в ней не могут служить иностранные подданные.

Ст. 6. *В согласии с неоднократно данными им торжественными заверениями, китайское правительство обязуется не допускать иностранных инструкторов ни в ряды армии, ни в состав флота северного Китая.*

Ст. 7. *В видах обеспечения более прочного порядка и спокойствия с. установленной статьею 5 конвенции 15 марта 1898 г. нейтральной зоны к северу от арендуемой Россией Квантунской области, обе договаривающиеся стороны предоставляют подлежащим властям своим на месте войти между собою по сему предмету в соглашение. В тех же видах отменяется предоставленное 4-ю статьею дополнительного протокола 25 апрели 1898 г. городу Цзинь-чжоу-тин право на автономное управление.*{693}

Ст. 8. Китайское правительство не будет предоставлять на всем пространстве областей Китая, сопредельных с Россией, а именно: Маньчжурии и Монголии, а равно на пространстве *Тарбогатайского, Кульджинского (Илийского),* Кашгарского, Яркендского, Хотанского и Кэрийского округов пограничной с Россией области Ганьсу — Синь-цзянь, никаких концессий на постройку ж. д., разработку рудных месторождений и какие бы то ни было промышленные предприятия иностранным державам или их подданным без согласия на то русского правительства. Китайское правительство на всем пространстве поименованных областей без согласия русского правительства не будет строить ж. д. собственными средствами и не будет предоставлять земельных участков в пользование иностранцев, за исключением открытого порта Нючжуан.

Ст. 9. Правительство е. в. императора китайского возместит российскому правительству издержки, понесенные вследствие волнений в Китае в сумме, соразмерной с действительным расходом русского правительства [446] и с вознаграждением других держав. Размер вознаграждения русского правительства, а равно сроки и гарантии уплаты сего вознаграждения имеют быть определены совместным обсуждением сего дела с заинтересованными державами.{694}

Ст. 10. Китайское правительство войдет в соглашение с правлением Общества Китайской Восточной ж. д. о вознаграждении названного Общества за понесенные им убытки, вследствие уничтожения значительной части жел. дор., разграбления имущества Общества и его служащих и. замедления постройки дороги.

Ст. 11. Означенное *в предыдущей статье* вознаграждение Общества Китайской Восточной ж. д. может быть, по соглашению между китайским правительством и Обществом, в части или полностью, произведено предоставлением Обществу некоторых льгот, изменением существующей концессии *или выдачею новых концессий.*{695}

Ст. 12. Правительство богдыхана обязуется выдать Обществу Китайской Восточной ж. д. концессию на сооружение и эксплоатацию жел. дор. линии от одного из пунктов Китайской Восточной ж. д. или Южно-Маньчжурской ее ветви до Китайской стены, по направлению к Пекину, на одинаковых условиях с концессией Китайской Восточной ж. д., на каковое требование было уже изъявлено принципиальное согласие китайского правительства в 1899 г.{696}

Ст. 13. Китайское правительство войдет в соглашение с Русско-Китайским банком о возмещении убытков банка, вызванных уничтожением имущества сего учреждения и его служащих, а равно приостановкой операций банка.

Ст. 14. Претензии русских подданых и русских частных учреждений и предприятий по вознаграждению за убытки, причиненные волнениями в Китае, китайское правительство обязуется уплачивать по мере того как они будут рассматриваться русскою миссиею в Пекине и передаваться сему правительству. [447]

15. Сводный текст проектов соглашения о Корее, предложенных маркизом Ито и гр. Ламздорфом в ноябре 1901 г.{697}

1. Взаимная гарантия независимости Кореи.

2. Взаимное обязательство *(или Япония обязуется)*{698} не пользоваться никакой частью корейской территории в стратегических целях <*друг против друга*>.

3. Взаимное обязательство *(или Япония обязуется)*{699} не делать на корейских берегах никаких военных приготовлений, угрожающих свободному проходу через Корейский залив.

4. Признание Россией свободы действий Японии в Корее в <*политическом*> промышленном и коммерческом отношении, равно как и *преимущественного* <*исключительного*> права Японии приходить, *по соглашению с Россией, но единолично,* на помощь Корее советами <*и делом*>, направленными к содействию ей в исполнении обязанностей, падающих на всякое благоустроенное правительство, включая сюда и военную помощь, насколько она *окажется* необходима для подавления, восстаний и всякого рода беспорядков, способных подвергнуть опасности мирные отношения Японии и Кореи.

5. *В случае, предусмотренном в предшествующей статье, Япония обязывается посылать в Корею лишь безусловно необходимое количество войск и отзывать войска, как только назначение их будет выполнено. Условлено, вместе с тем, что японские войска никогда не перейдут границы области, наперед точно определенной и расположенной вдоль и вблизи русской границы.*{700}

6. *С своей стороны, Япония признает преимущественные права России* в *областях китайской империи, соприкасающихся с русской границей, и обязуется ни в чем не стеснять свободы действий России в этих областях.*

7. Настоящее соглашение заменяет собою <*все*> прежние соглашения. [448]

16. Соглашение между Великобританией и Японией, подписанное в Лондоне 17/30 января 1902 года{701}

Правительства Великобритании и Японии, движимые исключительно желанием поддержать status quo и общий мир на Дальнем Востоке и будучи кроме того особенно заинтересованы в поддержании независимости и территориальной неприкосновенности Китайской империи и Корейской империи и в обеспечении равных условий в этих странах для торговли и промышленности всех народов, сим соглашаются о нижеследующем:

Статья I

Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят какие бы то ни было агрессивные стремления в той или другой стране. Имея в виду, однако, свои особые интересы, из коих интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована в политическом, равно как и в торговом и промышленном отношениях, в Корее, высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой Державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных.

Статья II

В случае, если Великобритания или Япония, в защиту своих обоюдных интересов, как то выше указано, будет вовлечена в войну с другой державою, то другая высокая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

Статья III

Если, при вышесказанных обстоятельствах, какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая высокая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир в взаимном с нею согласии. [449]

Статья IV

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другою, в отдельное соглашение с другою державою в ущерб вышеописанным интересам.

Статья V

Когда, по мнению Великобритании или Японии, вышеназванным интересам будет угрожать опасность, оба правительства сообщат о том друг другу с полнотою и откровенностью.

Статья VI

Настоящее соглашение войдет в силу немедленно со дня его подписания и останется в силе в течение пяти лет с этого дня.

В случае, если бы ни та ни другая из высоких договаривающихся сторон не заявила за двенадцать месяцев до истечения сказанных пяти лет о намерении прекратить его, оно останется в силе до истечения одного года со дня отказа от него той или другой из высоких договаривающихся сторон. Но, если, когда наступит срок, назначенный для прекращения его действия, одна из союзниц будет уже находиться в войне, то союз, ipso facto, останется в силе до заключения мира.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими обоюдными правительствами, подписали сие соглашение и приложили к нему свои печати.

Учинено в двух экземплярах в Лондоне 30 января 1902 года.

(М. П.) (Подписал): Лэнсдоун, его британского величества главный статс-секретарь по иностранным делам.

(М. П.) (Подписал): Хаяши, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества императора Японии при С. Джемском Дворе.{702} [450]

17. Официальное сообщение. С.-Петербург, 7 (20) марта 1902 г.{703}

Договор, заключенный в минувшем январе между Англиею и Япониею, возбудил самые противоречивые толкования и разнообразные догадки, особливо ввиду того, что этим актом две из одиннадцати держав, еще недавно подписавших Пекинский протокол при завершении их совокупных действий в Китае, как будто отделялись от других и становились в особые отношения к поднебесной империи, где общими усилиями водворен исконный порядок вещей и ныне восстановлена законная центральная власть.

Императорское правительство, оценив дружественные сообщения, сделанные России по этому поводу как японским, так и великобританским правительством, отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного договора. Начала, руководившие русскою политикой с самого возникновения смуты в Китае, оставались и остаются неизменными: Россия требует независимости и неприкосновенности соседнего дружественного Китая, а равно и Кореи; Россия желает сохранения нынешнего положения вещей и полного умиротворения на Крайнем Востоке. Постройкою великого сибирского пути с ветвью, направленною к незамерзающему порту, через Маньчжурию, Россия содействует распространению всемирной торговли и промышленности в этих областях. В ее ли интересах всему этому ныне создавать препятствия?

Изъявленное Англиею и Япониею намерение способствовать достижению тех же самых целей, неукоснительно преследуемых Россиею, могло лишь вызвать искреннее ее сочувствие, вопреки толкам некоторых политических сфер и органов иностранной печати, стремившихся представить в совершенно ином свете невозмутимое отношение императорского правительства к дипломатическому акту, в его глазах нисколько не изменившему положения вещей на политическом горизонте.

Ныне, ввиду непрекращающейся агитации по поводу англо-японского договора, союзные дружественные правительства России и Франции сочли необходимым в нижеследующей тождественной декларации вполне определенно [451] заявить державам, представители коих вместе с русским и французским уполномоченными подписали Пекинский протокол 25-го августа (7-го сентября) 1901 года, о взгляде их на означенный договор.

Тождественная декларация от 3-го (16-го) марта 1902 года, одновременно врученная представителями России и Франции правительствам австро-венгерскому, бельгийскому, великобританскому, германскому, испанскому, итальянскому, китайскому, нидерландскому, северо-американскому и японскому

Союзные правительства России и Франции, получив сообщение об англо-японском договоре 17-го (30-го) января 1902 г., заключенном как в видах обеспечения status quo и общего мира на Крайнем Востоке, так равно и с целью

охранения независимости Китая и Кореи, долженствующих оставаться открытыми для торговли и промышленности всех наций, — с полным удовольствием усматривают в нем подтверждение существенных начал, кои, согласно неоднократным заявлениям обеих держав, составляли и составляют основу их политики.

Оба правительства полагают, что поддержание этих начал является вместе с тем обеспечением их собственных интересов на Дальнем Востоке.

Вынужденные, однако, с своей стороны, не терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целость и свободное развитие Поднебесной Империи в ущерб их взаимным интересам, — оба союзные правительства предоставляют себе в таком случае озаботиться принятием соответствующих мер к охранению этих интересов.

С.-Петербург, 3-го (16-го) марта 1902 года.

18. Официальное сообщение. С.-Петербург, 30 марта (12 апреля) 1902 года{704}

Внезапно возникшие в 1900 г. во всем Китае тяжкие внутренние потрясения, подвергшие опасности императорскую миссию и русскоподданных, вынудили Россию принять решительные меры для ограждения своих государственных интересов. С этой целью, как известно, императорским правительством командирован был значительной силы военный отряд по направлению к Пекину, покинутому богдыханом и правительственными властями, и введены российские войска в пограничную Маньчжурию, куда из Бэй-чжилийской провинции быстро распространились, беспорядки, выразившиеся в нападении мятежных шаек и войск на русские пределы, с формальным объявлением местными китайскими властями войны России. [452]

Тем не менее императорское правительство предупредило правительство богдыхана, что принятие Россиею таковых мер отнюдь не имеет враждебных целей против Китая, независимость и неприкосновенность коего положены были в основу русской политики на Крайнем Востоке.

Верная этим началам, Россия, как только миновала непосредственная опасность, грозившая императорской миссии и русскоподданным, ранее всех прочих держав отозвала отряд свой из Бэй-чжи-ли и, при первых же признаках восстановления спокойствия в Маньчжурии, заявила о готовности особым соглашением с Китаем установить способ и ближайшие сроки эвакуации этой провинции, конечно, с некоторыми гарантиями временного характера, которых требовало смутное положение дел в упомянутой области.

Заключение такового соглашения затянулось на многие месяцы, вследствие тяжелых условий, в кои поставлены были высшие китайские сановники, не решавшиеся за отсутствием двора, действовать, как подобает представителям вполне независимого государства.

За последнее время, однако, умиротворение Китая сделало значительные успехи. Вслед за подписанием протокола 25 августа (7 сентября) 1901 года, богдыханский двор возвратился в столицу; центральная законная власть вступила в свои права; во многих частях империи восстановлены местные административные органы. На первом приеме дипломатического корпуса в

Пекине китайская императрица, выразив иностранным представителям благодарность за оказанное державами содействие в подавлении смут, заверила их в непоколебимом решении принять все меры к водворению в стране существовавшего до восстания нормального порядка вещей.

В сущности, этим достигалась главная задача, которую Россия поставила себе с минуты возникновения беспорядков в соседней империи.

Не преследуя никаких завоевательных целей, императорское правительство настаивало на том, чтобы и другие державы не нарушали независимости и неприкосновенности Китая; чтобы законное правительство, с которым Россия заключила многообразные соглашения, было восстановлено, и таким образом, по окончании смут, явилась бы возможность продолжения искони дружественных отношений с Китаем.

Имея в виду, что лишь с этими целями посланы были российские войска в пределы Поднебесной Империи и что принятыми Китаем письменными обязательствами обеспечивается как сохранение порядка в стране, так и полное возмещение России материальных затрат, вызванных военными действиями в Китае, Императорское правительство отныне не видит более надобности к дальнейшему оставлению своих вооруженных сил в пределах соседней территории. Вследствие сего, по высочайшему государя императора повелению, 26 сего марта российским посланником в Пекине, действительным статским советником Лессаром, [453] совместно с китайскими уполномоченными подписано было следующее соглашение об условиях отозвания русских войск из Маньчжурии.

Соглашение между Россией и Китаем относительно Маньчжурии

Его величество император и самодержец всея России и его величество император китайский, в целях восстановления и укрепления добрых соседственных отношений, нарушенных происшедшим в 1900 году восстанием в Поднебесной Империи, — назначили своих уполномоченных для соглашения по некоторым вопросам, касающимся Маньчжурии:

его величество император всероссийский — своего чрезвычайного посланника и полномочного министра при его величестве императоре Китая Павла Лессара, действительного статского советника,

и его величество император китайский — его высочество И-гуана, князя первой степени Цина, председателя министерства иностранных дел. и его превосходительство Вань-вэнь-шао, члена государственного совета, статс-секретаря залы Вэнь-юань, вице-председателя министерства иностранных дел.

Означенные уполномоченные, снабженные полномочиями, найденными достаточными, постановили нижеследующее:

Статья I

Его императорское величество император всероссийский, желая явить новое доказательство своего миролюбия и дружественных чувств к его величеству богдыхану, не взирая на то, что с пограничных пунктов Маньчжурии сделаны были первые нападения на мирные русские поселения, соглашается на восстановление власти китайского правительства в названной области, которая остается составной частью Китайской империи, и возвращает китайскому правительству право осуществлять там правительственную и

административную власть, как это было до занятия означенной области русскими войсками.

Статья II

Приступая к осуществлению правительственной и административной власти в Маньчжурии, китайское правительство подтверждает, как относительно срока, так и относительно всех прочих статей, обязательство строго исполнять постановления контракта, заключенного с Русско-Китайским банком 27 августа 1896 года, и принимает на себя (по силе 5-й статьи помянутого контракта) обязательство всеми мерами охранять железную дорогу и находящихся на ее службе лиц, а равно обязуется оградить безопасность в пределах Маньчжурии всех вообще находящихся нам русских подданных и учреждаемых ими предприятий.

Русское же правительство, ввиду такого, принимаемого на себя правительством его величества богдыхана обязательства, с своей стороны соглашается, буде не возникнет смут и образ действий других держав [454] тому не воспрепятствует, вывести постепенно все свои войска из пределов Маньчжурии с таким расчетом, чтобы:

а) в течение шести месяцев по подписании соглашения очистить от русских войск юго-западную часть Мукденской провинции до реки Ляохэ с передачею Китаю железных дорог;

б) в течение последующих шести месяцев очистить остальную часть Мукденской провинции и провинцию Гирин от императорских войск;

в) в течение следующих шести месяцев вывести остальные русские императорские войска, находящиеся в провинции Хей-лун-цзян.

Статья III

Ввиду необходимости предотвратить на будущее время возможность повторения беспорядков минувшего года, в коих принимали участие китайские войска, расположенные в пограничных с Россией провинциях, императорское и богдыханское правительства озаботятся предписать русским военным властям и цзян-цзюням совместно условиться относительно численности и определения мест расположения китайских войск в Маньчжурии в течение того времени, пока не выведены русские войска. При этом китайское правительство обязуется сверх установленного русскими военными властями и цзян-цзюнями количества войск, каковое должно быть достаточным для уничтожения разбойников и усмирения страны, не формировать других войск. По окончании полной эвакуации русских войск, китайскому правительству предоставляется право обсудить численность находящихся в Маньчжурии войск, подлежащую увеличению или уменьшению при своевременном о сем оповещении русского правительства, ибо само собою разумеется, что содержание таковых в названной области в излишнем количестве неминуемо повело бы к усилению русских военных частей в соседних округах и таким образом вызвало бы крайне невыгодное для обоих государств увеличение расходов на военные надобности.

Для полицейской же службы и поддержания внутреннего порядка в сей стране вне земель, отведенных обществу Китайской Восточной железной дороги, при местных губернаторах (цзян-цзюнях) образуется исключительно

из подданных его величества богдыхана китайская конная и пешая полицейская стража.

Статья IV

Русское правительство соглашается возвратить собственникам занятые и охраняемые с конца сентября 1900 года русскими войсками железнодорожные линии Шань-хай-гуань — Ин-коу — Синь-минь-тин. Ввиду сего правительство его величества богдыхана обязуется:

1) что, если понадобится охрана названных железнодорожных линий, то эта обязанность будет возложена лишь на китайское правительство, [455] причем не должно приглашать другие державы участвовать в охране, постройке и эксплоатации их или позволять иностранным державам занимать возвращенную русскими территорию;

2) что означенные железнодорожные линии будут достраиваться и эксплоатироваться на точном основании как соглашения между Россиею и Англиею от 16 апреля 1899 года, так и состоявшегося 28 сентября 1898 года договора с частною компаниею относительно займа на постройку означенных линий, и кроме того при соблюдении обязательств, принятых на себя этою компанией, а именно не вступать во владение или каким бы то ни было образом распоряжаться линиею Шань-хай-гуань — Ин-коу — Синь-минь-тин;

3) что, если впоследствии будет приступлено к продолжению железнодорожных линий в южной Маньчжурии или прокладке к ним ветвей, равно и к сооружению в Ин-коу моста или переносу существующего здесь конечного пункта железной дороги, то по этим вопросам надлежит вступить в предварительное взаимное соглашение между русским и китайским правительствами;

4) вследствие того, что затраты, произведенные русским правительством на восстановление и эксплоатацию возвращаемых железных дорог Шань-хай-гуань — Ин-коу — Синь-минь-тин, не были внесены в общую сумму убытков, — китайскому правительству надлежит возместить таковые, по обсуждении с российским правительством суммы, подлежащей возвращению.

Постановления всех прежних договоров между Россиею и Китаем, не измененные настоящим соглашением, остаются в полной силе.

Соглашение войдет в законную силу со дня подписания его уполномоченными того и другого государств.

Размен ратификаций последует в С.-Петербурге в течение трех месяцев со дня подписания соглашения.

В удостоверение чего уполномоченные обеих договаривающихся сторон подписали и скрепили своими печатями два экземпляра соглашения на русском, французском и китайском языках. Из трех текстов, по сличении оказавшихся согласными, руководствующим при толковании соглашения будет считаться французский текст.

Совершено в Пекине в двух экземплярах 26 марта 1902 года, что соответствует первому дню 3-й луны, 28 года царствования Гуан-сюй.

(М. П.) (Подписал): Лессар.

(М. П.) (Подписал): Цин.

(М. П.) (Подписал): Вань-вэнь-шао.

Из вышеизложенного явствует, что императорское правительство, строго придерживаясь неоднократно сделанных заявлений, приступает к [456] постепенной эвакуации Маньчжурии с тем, чтобы завершить ее в укапанных условиях, если тому не воспрепятствуют какие-либо неожиданные действия других держав или самого Китая; что передача гражданского управления в Ню-чжуане в руки китайской администрации состоится согласно переданному правительству богдыхана письменному заявлению, лишь когда из названного порта удалены будут иностранные отряды и десанты и если к тому же времени окончательно решен будет вопрос о возвраении китайцам Тянь-цзиня.

Китайское правительство, с своей стороны, подтверждает все ранее принятые им по отношению к России обязательства, а стало быть и постановления договора 1896 года, долженствовавшего служить основанием взаимных дружественных отношений соседних империй. Этим оборонительным соглашением уже в 1896 году Россия обязалась поддерживать начало независимости и неприкосновенности Китая, который, в свою очередь, предоставил ей право постройки магистрали чрез Маньчжурию и пользование существенными преимуществами, находящимися в прямой связи с означенным предприятием.

После поучительных событий минувших двух лет, представляется возможным надеяться на полное умиротворение Дальнего Востока и дальнейшее развитие дружественных соседских отношений с Китаем в интересах обеих империй. Но нет сомнения, что если бы китайское правительство, вопреки данным им положительным заверениям, по той или другой причине нарушило какое-либо из вышеупомянутых условий, — то императорское правительство не считало бы себя более связанным ни постановлениями Маньчжурского соглашения, ни предшествующими по сему предмету заявлениями и вынуждено было бы сложить с себя ответственность за все могущие возникнуть последствия.

19. Справка о доходах и расходах (российской) казны на Дальнем Востоке{705}

Годы	Доходы	Расходы	Разница	Средний годовой дефицит
1897	9 601 322	92 726 073	83 124 751	143.9 млн руб.
1898	12 573 550	123 952 316	111 378 766	
1899	15 753 201	201 030 426	185 277 225	
1900	21 914 523	263 592 269	241 677 746	
1901	29 846 505	247 647 796	217 801 291	
1902	196 885 609	220 816 797	23 931 188	

Всего	286 574 710	1 140 765 677	863 190 967	[457]

<В частности же по одному Обществу Китайской Восточной жел. дор. за те же годы «справка» давала след. расходы>:

Годы	Жел. дорога	Морское пароходство	Порт Дальний	Город Дальний	Всего
1897	5000000	—	—	—	5 000 000
1898	26 300 000	—	—	—	26 300 000
1899	62 700 000	3 500 000	3 000 000	—	69 200 000
1900	76 160 000	4 340 000	2 150 000	1850000	84 500 000
1901	64 111 750	3 547 430	3 827 970	1 624 430	73 111 580–
1902	67 975 000	942 979	500 000	—	69 417 979
Всего	302 246 750	12 330 409	9 477 970	3 474 430	327 529 559

20. Записка Николая II Ламздорфу (20 окт. 1904 г.){706}

Только сегодня получил письмо с проектом «Соглашения» от имп. Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трех единственных, статей более всего касается Франции. Срок договора — длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это — частное дело обоих государств.

Я ответил сегодня императору Вильгельму телеграммою, что необходимо ознакомиться с присланным проектом и что ответ последует через несколько дней.

Ввиду этого прошу вас, граф, приехать ко мне в пятницу, в 12 ч.. Нужно обсудить это дело всесторонне и составить желательный для нас контрпроект.

При этом, как всегда, необходимо соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны.

Николай.

Доклад Ламздорфа Николаю{707}

Проект предложений	Изменения
Их величества император всероссийский и император германский, чтобы локализировать, насколько возможно, русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза:	[458]

Статья I	
В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы будут действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.	Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.
Статья II	
Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.	Высокие договаривающиеся стороны и т. д., и т. д.
Статья III	
Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.	Высокие договаривающиеся стороны согласились действовать сообща и в том случае, ее ли бы действия, совершенные во время войны одной из них, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных. Их соглашение должно остаться в силе также в случае затруднений, какие могли бы возникнуть во время переговоров о мире между Россией и Японией.

21. Русско-германский союзный договор 1905 г.{708}

Бьорке 24/11 июля 1905.

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи оборонительного союза: [459]

Статья I

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными, и морскими силами.

Статья II

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Статья IV

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Вильгельм I. R.

фон Чиршский и Бёгендорф

Николай

А. Бирилев

22. Условия мира, предложенные японскими уполномоченными 28 июля/10 августа 1905 г. в Портсмуте{709}

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не чинить препятствий или не вмешиваться ни в какие меры по руководству, защите (protection) и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее.

2. Обязательство со стороны России полностью эвакуировать Маньчжурию в срок, который имеет быть определен, и отказаться от всех территориальных преимуществ и преференциальных и исключительных концессий и привилегий в этой области, нарушающих китайский суверенитет или несовместимых с принципом равных возможностей (equal opportunity).

3. Япония обязуется вернуть Китаю, если будет дана гарантия, что [460] будет реформировано и улучшено управление, все те части Маньчжурии, которые ею оккупированы, за исключением только районов, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не противиться никаким: общим мерам, касающимся всех стран, какие Китай может принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. Сахалин и все острова, к нему принадлежащие, и все государственные предприятия и собственность уступаются Японии.

6. Аренда Порт-Артура, Талиена и прилежащих к ним территорий и территориальных вод, включая все права, привилегии, концессии и льготы, приобретенные Россией у Китая, в связи с арендой или как часть ее, и все государственные предприятия и собственность должны быть, переданы Японии.

7. Россия обязуется передать Японии железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром свободною от всяких претензий и обязательств, а также все ее ветви, включая все права, привилегии и собственность, сюда принадлежащие, и все угольные копи, принадлежащие железной дороге или ею эксплоатируемые.

8. Россия сохраняет за собой и эксплоатирует Транс-Маньчжурскую железную дорогу, на точном основании концессии на ее постройку и при! условии, что она будет использоваться исключительно в торговых и промышленных целях.

9. Россия возмещает Японии действительные расходы войны. Сумма, равно как время и способ такого возмещения, будут согласованы.

10. Все русские военные корабли, которые вследствие повреждений, полученных в бою, искали убежища в нейтральных портах и были там интернированы, должны быть переданы Японии, как законный приз.

11. Россия обязуется ограничить ее морские силы в водах Дальнего Востока.

12. Россия предоставит японским подданым неограниченные (full) права на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах в реках, находящихся в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.{710} [461]

Ответ русских уполномоченных 12 августа/30 июля 1905 г. на мирные условия, предложенные Японией{711}

1. Первый пункт не вызывает возражений. Императорское правительство, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, готова дать обязательство не чинить препятствий и не вмешиваться в то, что касается мер по руководству, защите и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее. Само собою разумеется, что Россия и русские подданные будут пользоваться всеми правами, которые принадлежат или будут принадлежать другим иностранным державам и их подданным. Условлено равным образом, что приведение в действие Японией вышеуказанных мер не нарушит суверенных прав корейского императора. Что касается в частности военных мер, то Япония, во избежание всякого повода к недоразумению, воздержится от принятия мер, которые могли бы угрожать безопасности русской территории, граничащей с Кореей.

2. Императорское правительство готово принять первую часть этого пункта и согласно вывести свои войска из Маньчжурии одновременно с эвакуацией японских войск; детали и сроки эвакуации могли бы быть определены впоследствии. Что касается последней части этого пункта, императорское правительство готово заявить, что оно не претендует ни на какие территориальные привилегии, концессии или исключительные льготы, способные угрожать суверенным правам Китайской империи и несовместимые с принципом равноправия. Императорское правительство готово дать по этому предмету необходимые гарантии. Установив этот принцип, русские уполномоченные предлагают уполномоченным Японии уточнить желания японского правительства относительно этой части пункта 2-го, и заявляют, что императорское правительство расположено избежать всего, что могло бы нанести ущерб интересам Японии или других держав.

Единственное частное русское предприятие в Маньчжурии, имеющее государственный характер, — это китайская восточная железная дорога; рассмотрение вопросов, относящихся к этой железной дороге, будет, впрочем, специальным предметом дальнейших пунктов.

3. Императорское правительство готово принять этот пункт, но разумеется само собою, что Россия, и русские подданные сохранят в этих частях Маньчжурии все права, которые принадлежат или будут принадлежать другим иностранным державам и их подданным. Что касается областей, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова, Россия расположена уступить Японии свои права на сказанные области. Однако, принимая во внимание суверенные права Китая на эти области [462] и договоры,

заключенные по этому предмету с китайским правительством, подобная уступка не могла бы быть сделана иначе, как в силу соглашения с последним.

4. Полностью присоединяясь к принципам, изложенным в этом пункте, императорское правительство заявляет, что если бы это требование не было бы включено в предложенные условия Японией, Россия почла бы долгом предложить его сама.

5. Давние права России на остров Сахалин уже существовали в эпоху, когда Япония не обладала или по крайней мере не пользовалась никакими правами собственности на большую часть этого острова. С другой стороны, Сахалин является только естественным продолжением русских владений в Азии, поскольку этот остров отделен от континента проливом очень малой глубины и шириной в 7 верст. В силу этих соображений Россия не может согласиться на уступку этого острова, но она в то же время расположена признать за Японией право широкой эксплоатации морских рыбных ловель и других коммерческих предприятий на этом острове. Условия подобной эксплоатации могли бы стать предметом особого соглашения.

6. Императорское правительство не возражало бы против этого пункта, но, принимая во внимание суверенные права Китая на перечисленные территории, Россия не может уступить Японии свои права без предварительного соглашения с Китаем. Само собою разумеется, что права частных лиц во всей области, на которую распространяется договор аренды, заключенный между Россией и Китаем, должны будут остаться неприкосновенными.

7. Императорское правительство принимает в принципе этот пункт, при условии, однако, что оно может отказаться только от той части железной дороги, которая теперь действительно занята японскими войсками. Конечная станция дороги, подлежащей уступке, в этих условиях должна быть установлена с общего согласия. Необходимо, однако, иметь в виду, что концессия на постройку и эксплоатацию линии была предоставлена Китаем частной компании, что Китай сохраняет на нее суверенные права и что военная оккупация не должна нанести никакого ущерба правам этой компании.

Императорское правительство готово взять на себя войти в соглашение с сказанной компанией относительно предоставления Китаю теперь же воспользоваться правом выкупа этой линии. Сумма выкупа, причитающаяся компании, будет уступлена Японии.{712} [463]

8. Этот пункт не вызовет возражений. Железнодорожная компания будет строго придерживаться — в том, что касается эксплоатации маньчжурской магистрали, равно как и части южноманьчжурской ветви, которая останется в ее обладании — условий концессионного акта от 27 августа (8 сентября), § 8 которого требует, чтобы войска и русские военные материалы, перевозимые по дороге, не делали остановок на китайской территории.

9. Россия не может согласиться с условиями этого пункта. Только побежденные страны возмещают военные издержки, но Россия не побеждена. Никакая страна не может признать себя таковой, когда ее территория была едва атакована врагом. Даже если бы Япония овладела всей Приморской областью (province Maritime de 1'Amour), жизненные силы России не понесли бы от этого никакого ущерба, и она продолжала бы борьбу. Только в том случае,

если бы победоносные японские армии вторглись внутрь России, нация могла бы понять, почему поднят вопрос о возмещении военных издержек. Русские уполномоченные считают долгом привлечь внимание японских уполномоченных к тому факту, что даже на Парижском конгрессе, имевшем место после взятия Севастополя, союзники не сочли возможным поднять вопрос о возмещении военных издержек. Эти последние возмещались только странами, которые не имели более средств продолжать войну, что ни в коей мере не относится к России в данный момент.

Но, отказываясь возместить военные издержки, императорское правительство сочтет справедливым возместить Японии те расходы, которые она произвела не на самое войну и не во вред России, но для блага тех русских людей, которые пострадали от самого факта войны. Таковы расходы по содержанию военно-пленных, по попечению о больных и другие.

10. Россия не может согласиться на это требование. Представляется затруднительным найти в практике международных отношений прецеденты, которые могли бы послужить опорой подобному требованию. Сверх того это требование не согласуется с мирными намерениями, которые должны бы воодушевлять обе договаривающиеся стороны. Материальные выгоды, которые приобрела бы Япония, если бы русские корабли, находящиеся в нейтральных портах, были ей переданы, были бы сравнительно незначительны, но согласие на подобное условие было бы несовместимо с достоинством России.

11. Россия не может согласиться на такое обязательство, навязанное иностранной державой, потому что это было бы равным образом несовместимо с ее достоинством. Императорское правительство считает, тем [464] не менее, возможным заявить, что в его виды не входит в близком будущем содержать в тихоокеанских водах значительные морские силы.

12. Россия готова войти в соглашение с Японией относительно предоставления японским подданным прав рыбной ловли на берегах Японского, Охотского и Берингова морей. Эти права, могут, однако, простираться только на собственно морские берега, не касаясь бухт и рек. Само собою разумеется, что права, уже принадлежащие в этой области как русским, так и иностранным подданным, должны остаться в силе.

23. Мирный договор между Россиею и Япониею, заключенный в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года{713}

Статья I

Мир и дружба пребудут отныне между их величествами императором всероссийским и императором Японии, равно как между их государствами и обоюдными подданными.

Статья II

Российское императорское правительство, признавая за Япониею в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимым принять в Корее.

Условлено, что русско-подданые в Корее будут пользоваться совершенно таким же положением, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что, во избежание всякого повода к недоразумениям, обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории.

Статья III

Россия и Япония взаимно обязуются:

1) эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I статьи, приложенной к сему договору, и [465]

2) возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории.

Российское императорское правительство объявляет, что оно не обладает в Маньчжурии земельными преимуществами либо преференциальными или исключительными концессиями, могущими затронуть верховные права Китая или не совместимыми с принципом равноправности.

Статья IV

Россия и Япония взаимно обязуются не ставить никаких препятствий общим мерам, которые применяются равно ко всем народам и которые Китай мог бы принять в видах развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

Статья V

Российское императорское правительство уступает императорскому лионскому правительству, с согласия китайского правительства, аренду Порт-Артура, Талиена и прилегающих территорий и территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, связанные с этою арендою или составляющие ее часть, и уступает равным образом императорскому японскому правительству все общественные сооружения и имущества на территории, на которую распространяется вышеупомянутая аренда.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в вышеуказанном постановлении согласия китайского правительства.

Императорское японское правительство заверяет со своей стороны, что права собственности русско-подданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены..

Статья VI

Российское императорское правительство обязуется уступить императорскому японскому правительству, без вознаграждения, с согласия китайского правительства, железную дорогу между Чан-чунь (Куан-чен-цзы) и Порт-Артуром и все ее разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом в этой местности, а также все каменноугольные

копи в названной местности, принадлежащие означенной железной дороге или разрабатываемые в ее пользу.

Обе высокие договаривающиеся стороны взаимно обязуются достигнуть упоминаемого в приведенном постановлении согласия китайского правительства. [466]

Статья VII

Россия и Япония обязуются эксплоатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических.

Установлено, что это ограничение не касается железных дорог на территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова.

Статья VIII

Императорские правительства российское и японское, в видах поощрения и облегчения сношений и торговли, заключат, в скорейшем по возможности времени, отдельную конвенцию, для определения условий обслуживания соединенных железнодорожных линий в Маньчжурии.

Статья IX

Российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полнее владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной II статьи, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском.

Статья X

Русским подданным, жителям уступленной Японии территории, предоставляется продавать свое недвижимое имущество и удаляться в свою страну, но, если они предпочтут остаться в пределах уступленной территории, за ними будут сохранены и обеспечены покровительством, в полной мере, их промышленная деятельность и права собственности, при условии подчинения японским законам и юрисдикции. Япония будет вполне свободна лишить права пребывания в этой территории всех жителей, не обладающих политической или административной правоспособностью, или же выселить их из этой территории. Она обязуется, однако, вполне обеспечить за этими жителями их имущественные права. [467]

Статья XI

Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом.

Условлено, что таковое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях.

Статья XII

Так как действие договора о торговле и мореплавании между Россиею и Япониею упразднено было войною, императорские правительства российское и японское обязуются принять в основание своих коммерческих сношений, впредь до заключения нового договора о торговле и мореплавании на началах договора, действовавшего перед настоящей войной, систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного государства в пределах другого.

Статья XIII

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего договора, нее военнопленные будут взаимно возвращены. Императорские правительства российское и японское назначат каждое со своей стороны особого комиссара, который примет на свое попечение пленных. Все пленные, находящиеся во власти одного из правительств, будут переданы комиссару другого правительства или его представителю, надлежащим образом на то уполномоченному, который примет их в том числе и в тех удобных портах передающего государства, кои будут заблаговременно указаны последним комиссару принимающего государства.

Российское и японское правительства представят друг другу, в скорейшем по возможности времени, после окончания передачи пленных, документами оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения. Россия обязуется возместить Японии, в возможно скорейший срок по обмене этих счетов, как выше установлено, разницу между действительным размером произведенных таким образом Японией расходов и действительным размером равным образом произведенных Россиею издержек.

Статья XIV

Настоящий договор будет ратификован их величествами императором всероссийским и императором Японии. О таковой ратификации, в [468] возможно короткий срок и во всяком случае не позднее, как через пятьдесят дней со дня подписания договора, будет взаимно сообщено императорским правительствам российскому и японскому через посредство посла Американских Соединенных Штатов в С.-Петербурге и французского посланника в Токио, и со дня последнего из таковых оповещений этот договор вступит, во всех своих частях, в полную силу.

Формальный размен ратификаций последует в Вашингтоне в возможно скорейшем времени.

Статья XV

Настоящий договор будет подписан в двух экземплярах на французском и английском языках. Оба текста совершенно сходны; но в случае разногласия в толковании, французский текст будет обязательным.

В удостоверение чего, обоюдные уполномоченные подписали настоящий мирный договор и приложили к нему свои печати.

Учинено в Портсмуте (Ньюгэмпшир) двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

(М. П.) Подписал: Ютаро Комура.

(М. П.) Подписал: Сергей Витте.

(М. П.) Подписал: К. Такахира.

(М. П.) Подписал: Розен.

Дополнительные статьи

Согласно постановлениям статей III и IX мирного договора между Россией и Японией от сего числа, нижеподписавшиеся уполномоченные постановили следующие дополнительные статьи:

I. К статье III

Императорские правительства российское и японское взаимно обязуются начать вывод своих военных сил из территории Маньчжурии одновременно и немедленно по введении в действие мирного договора; и в течение восемнадцати месяцев с того дня войска обеих держав будут совершенно выведены из Маньчжурии, за исключением арендной территории Ляодунского полуострова.

Войска обеих держав, занимающие фронтальные позиции, будут отведены первыми.

Высокие договаривающиеся стороны предоставляют себе право сохранить стражу для охраны своих железнодорожных линий в Маньчжурии. Количество этой стражи не будет превышать пятнадцати человек на километр; и, в пределах этого максимального количества, командующие русскими и японскими войсками установят, по обоюдному соглашению, число стражников, которые будут назначены, в возможно меньшем количестве, согласно действительным потребностям. [469]

Командующие русскими и японскими войсками в Маньчжурии условятся обо всех подробностях, относительно выполнения эвакуации, согласно вышеуказанным началам и примут, по обоюдному соглашению, меры, необходимые для осуществления эвакуации, в возможно скорейший срок и во всяком случае не позднее как в течение восемнадцати месяцев.

К статье IX

В возможно скорейший срок по введении в действие настоящего договора, Разграничительная комиссия, составленная из равного числа членов, назначенных каждою из высоких договаривающихся сторон, обозначит на месте постоянными знаками точную линию между владениями русскими и японскими на острове Сахалине. Комиссия будет обязана, поскольку топографические условия позволят, придерживаться 50-ой параллели северной широты для проведения разграничительной линии и, в случае, если отклонения от таковой линии на некоторых пунктах будут найдены необходимыми, должные компенсации будут установлены соответственными отклонениями в других местах. Упомянутая комиссия обязана будет также изготовить перечень и описание прилегающих островов, входящих в состав уступленного, а в заключение комиссия изготовит и подпишет карты, устанавливающие пределы уступленной территории. Работы комиссии будут представлены на утверждение высоких договаривающихся сторон.

Вышеупомянутые дополнительные статьи будут считаться ратифицированными путем ратификации мирного договора, к коему они приложены.

Портсмут, двадцать третьего августа (пятого сентября) тысяча девятьсот пятого года, что соответствует пятому дню девятого месяца тридцать восьмого года Мейджи.

(Подписал): Ютаро Комура.

(Подписал): Сергей Витте.

(Подписал): К. Такахира.

(Подписал): Розен.

24. Русско-французские военные конвенции 1892{714} и 1906 гг.

I

Франция и Россия, одушевленные одним желанием сохранить мир я не имея другой целя, кроме подготовки мероприятий, необходимых [470] для оборонительной войны, могущей быть вызванной нападением сил Тройственного Союза, договорились о нижеследующем:

1) Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия нападает на Германию всеми находящимися в ее распоряжении силами.

Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, Франция употребит все находящиеся в ее распоряжении силы для борьбы с Германией.

2) В случае мобилизации сил Тройственного Союза или одной из входящих в его состав держав. Франция и Россия, при первом известии об этом событии и без предварительного о том соглашения, немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и сосредоточат их возможно ближе к своим границам.

3) Силы, долженствующие быть выставленными против Германии, составляют со стороны Франции 1300 000 человек, а со стороны России — от 700000 до 800000 чел.

Силы эти будут введены в действие полностью и возможно скорее, чтобы Германия была принуждена бороться одновременно на востоке и на западе.

4) Генеральные штабы обеих стран будут сговариваться во всякое время для подготовки и облегчения приведения в исполнение изложенных выше мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все имеющиеся у них и получаемые впредь сведения о войсках Тройственного Союза.

5) Франция и Россия не заключат сепаратного мира.

6) Срок настоящей конвенции будет тот же, что и Тройственного Союза.

7) Все вышеприведенные постановления будут храниться в строгой тайне.

II. Протокол совещания 8–11 апреля 1908 г. между начальниками генеральных штабов русской и французской армий{715}

Между начальниками генеральных штабов было условлено, что нижеследующий документ примет обязательный для них характер только с того момента, когда он будет санкционирован должным образом засвидетельствованным одобрением их правительств.

Глава I

1. При чтении военной конвенции 1892 г. генерал Палицын настаивает на том, что существенной целью этого документа, составляющего [471] основу соглашений между обоими штабами, является — гарантировать обоим союзникам взаимную поддержку против агрессии Германии, по отношению к которой Австрия и Италия явятся только возможными сателлитами. Генерал Брэн заявляет, что таковой и была всегда точка зрения французского штаба. Германская армия является главным объектом, против которого оба штаба должны начать и продолжать борьбу со всей энергией и всеми доступными им средствами.

2. Относительно статьи 2 конвенции 1892 г. оба начальника генеральных штабов полагают, что мобилизация германской армии обязывает Россию и Францию мобилизовать немедленно и одновременно все их силы при первом известии о происшедшем и без предварительного соглашения, но что в случае частичной или общей мобилизации одних только Австрии или Италии это предварительное соглашение представляется им необходимым. Они соглашаются просить свои правительства соблаговолить уточнить этот пункт, который уже привлек к себе внимание их предшественников.

Глава II

1. Генерал Брэн сообщает средства быстрых сношений с Россией, которыми будет располагать французский штаб в случае войны. Он прибавляет, что было бы полезно, чтобы меньше привлекать внимание, располагать сверх того шифрованным словарем, составленным из условных фраз на нескольких языках и в стиле биржевых, коммерческих, семейных и т. д. дел. Генерал Палицын находит это предложение очень практичным и просит французский штаб заняться как можно скорее редактированием этого словаря. Он обязуется с своей стороны приступить к постройке новой железнодорожной линии, предназначенной дополнить те, которые предусмотрел французский штаб.

2. Оба начальника штабов полагают, что обмен информацией о противнике будет иметь особо важное значение в течение первых семи дней. Генерал Брэн в общих чертах сообщает о приготовлениях, которые рассчитывает предпринять французский штаб, чтобы обеспечить себе эту информацию. Генерал Палицын постарается, чтобы в России приняты были аналогичные меры.

Глава III

1. Оба начальника генеральных штабов обмениваются вкратце той информацией, которой они располагают относительно сил, коими будет располагать Германия в случае войны, и констатируют почти полное тождество своих взглядов на этот счет.

Что касается начального распределения германских сил между восточным и западным театрами, то оба штаба могут делать только более или менее вероятные предположения. Тем не менее оба начальника штабов [472] согласно полагают, что Германия по всей вероятности вначале направит свои главные усилия против Франции, не исключая впрочем и обратного предположения.

2. Генерал Палицын и генерал Брэн менее, чем их предшественники, уверены в том, что германский штаб прибегнет в большом масштабе к переброскам с одного театра на другой, по крайней мере до тех пор, пока германская армия не достигнет решающего успеха на одном из них. Хотя немцы располагают, в виде своих железных дорог, материальным инструментом, позволяющим им осуществить подобный маневр, он был бы сопряжен, однако, с очень серьезными трудностями и стоял бы, как, заметил генерал Палицын, в противоречии с духом германской стратегии, состоящим в том, чтобы набрасываться (s'acharner) на одного противника до тех пор, пока он не будет побежден.

3. Генерал Брэн перечисляет в общих чертах распоряжения, какие имеет в виду французский штаб, для сосредоточения армии на границе, которое приготовлено для того, чтобы позволить наступление.

4. Генерал Палицын, с своей стороны, заявляет, что касается русского контингента, что он не может сейчас ничего сказать определенного относительно времени и зоны сосредоточения, точно так же как и относительно способа действия, каковые, впрочем, будут зависеть отчасти от образа действий противника. Но он обязуется, никогда не теряя из виду, что поражение Германии является главной стратегической целью, использовать в общих интересах все ресурсы, какими он может располагать.

Начальник русского генерального штаба прибавляет:

1. что в материальном отношении русская армия пострадала от маньчжурской кампании менее, чем предполагали;

2. что в настоящее время эта армия в состоянии мобилизоваться, хотя и в более значительный срок;

3. что к концу августа с. г. все войска будут эвакуированы на родину;

4. что с апреля 1907 г. войска восстановят свои кадры, реорганизуют свою мобилизацию, возобновят свое нормальное обучение и будут в состоянии сражаться, как солидный комбатант, но не обладая еще всеми необходимыми средствами, чтобы быть действительно тем, что немцы называют «operationsfahig».{716}

Глава IV

Что касается предполагаемой войны, которую русское и французское правительство могли бы решить предпринять сообща с целью воспротивиться расширению Германии за счет австро-венгерской монархии, оба [473] начальника штабов не имеют, в данный момент, ничего полезного прибавить к обмену взглядов их предшественников.

Глава V

По поводу тех пунктов протоколов 1900 и 1901 гг., в которых заключался намек на поддержку, которую Россия и Франция могли бы оказать друг другу в случае войны с Англией, генерал Палицын категорически спрашивает генерала Брэн, может ли он рассчитывать, что в подобном случае французский штаб приведет в исполнение меры, изложенные в протоколах. Он прибавляет, что он придает большое значение положительному ответу на этот вопрос.

Генерал Брэн отвечает, что по точному смыслу протоколов 1900 и 1901 гг. предусмотренные меры могут быть приведены в исполнение только в силу

соглашения обоих правительств и что ни о каком подобном соглашении французский штаб не осведомлен.

Глава VI

Считаясь с настоящим положением вещей, оба начальника генеральных штабов убеждены, что было бы желательно и полезно иметь новую встречу в 1907 г.

Подписано: Нач. генерального штаба французской армии Брэн

Нач. генерального штаба русской армии Палицын

25. Русско-японское общеполитическое соглашение, подписанное в Петербурге 17/30 июля 1907 года{717}

I. Договор опубликованный

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его величества императора Японии, желая упрочить мирные и добрососедские отношения, столь счастливо восстановившиеся между Россией и Японией, и устранить всякие поводы к недоразумениям в будущем в сношениях между двумя империями, согласились на следующие условия:

Ст. 1. Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется уважать существующую территориальную целость другой и все права, вытекающие для той и другой стороны из действующих трактатов между ними и Китаем, копии которых были обменены между договаривающимися сторонами, поскольку эти права совместимы с принципом общего равноправия, из Портсмутского договора 5 сентября — 23 августа 1905 года, [474] а равно из специальных соглашений, заключенных между Россией и Японией.

Ст. 2. Обе высокие договаривающиеся стороны признают независимость и целость территории Китайской империи и принцип общего равноправия (opportunite egale) по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи и обязуются поддерживать и защищать сохранение status quo и означенный принцип всеми мирными средствами, имеющимися в их распоряжении.

II. Договор секретный

Правительство его величества императора всероссийского и правительство его величества императора Японии, желая устранить на будущее время всякие причины трений или недоразумений касательно некоторых вопросов, относящихся до Маньчжурии, Кореи и Монголии, согласились в следующих положениях.

Ст. 1. Принимая во внимание естественное тяготение интересов политической и экономической деятельности в Маньчжурии и желая избегуть всяких осложнений, которые могли бы возникнуть из соревнования, Япония обязывается не искать за свой счет или в пользу японских или иных подданных никакой железнодорожной или телеграфной концессии в Маньчжурии к северу от линии, установленной дополнительной статьей к настоящей конвенции, и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия, поддержанные российским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе; и Россия, с своей стороны, руководимая тем же миролюбивым побуждением, обязывается не искать за свой счет или в пользу российских или иных подданных никакой железнодорожной или телеграфной

концессии к югу от вышеназванной линии и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия, поддержанные японским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе.

При сем твердо разумеется, что все права и привилегии, принадлежащие Обществу К. В. ж. д. в силу договоров о сооружении этой железной дороги от 16/28 августа 1896 и от 13/25 июня 1898 гг., останутся в силе на части этой железной дороги, расположенной к югу от демаркационной линии, установленной дополнительной статьей.

Ст. 2. Россия, признавая отношения политической солидарности между Японией и Кореей, вытекающие из конвенций и соглашений, ныне имеющих силу между ними, копии коих были сообщены российскому правительству японским правительством, обязывается не вмешиваться и не чинить препятствий дальнейшему развитию этих отношений; и Япония, со своей стороны, обязывается распространить на правительство, консульских агентов, подданных, торговлю, промышленность и мореплавание [475] России в Корее во всех отношениях права наиболее благоприятствуемой нации впредь до заключения окончательного договора.

Ст. 3. Императорское японское правительство, признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывается воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам.

Ст. 4. Настоящая конвенция будет строго конфиденциальной между двумя высокими договаривающимися сторонами...

Дополнительная статья

Демаркационная линия между Сев. и Южн. Маньчжурией, упомянутая в ст. 1 настоящей конвенции, устанавливается следующим образом:

Исходя из сев.-зап. пункта русско-корейской границы и представляя совокупность прямых линий, линия идет, проходя через Хунчун и крайний северный пункт озера Пиртанг на Сюшуйган; оттуда она следует по Сунгари до устья Наньцзяня и подымается оттуда вверх по течению этой реки до устья реки Толахо. Начиная от этого пункта, линия следует по течению этой реки до пересечения ее с 122 меридианом к вост. от Гринвича. [476]

Именной указатель

Абаза А. А. 77
Абаза А. М. 77, 213, 230, 275, 292, 351, 352
Абдул Гамид II 374
Азеф 103
Александр III 20, 26, 27, 52, 53, 97, 100–102, 165, 166, 217, 221
Александр Баттенбергский 26
Александр Михайлович, в. кн. 76, 282, 316, 350
Александр Петрович, принц Ольденбургский 316
Александра Петровна, в. кн. 101
Александра Федоровна, имп-ца 51, 167
Алексеев Е. И. 9, 10, 215, 216, 229–232, 241–245, 253, 254, 256, 260, 265, 277, 281, 285, 286, 291, 292, 302, 321, 324, 331, 337–340, 351, 352, 363
Алексеев К. А. 176
Алексей Александрович, в. кн. 33, 76, 284
Альвенслебен 250
Амфитеатров А. В. 168
Аоки 354
Арман (Harmand) 242, 260
Арсеньев К. К. 316
Балашов И. П. 77, 78, 231, 283, 286
Баллин 355
Балмашов С. В. 166, 196
Бальфур 381
Баррер 279
Баррингтон 378
Бегендорф 459
Безобразов А. М. 78, 79, 102, 111, 114, 171, 189, 191, 196, 200, 209, 215, 216, 220, 229–231, 254, 259, 265, 282, 283, 291–293, 300, 316, 351
Бенкендорф А. К. 222–224, 239, 253–255, 257, 270–272, 279, 280, 285, 336
Бернсторф 250
Бирилев А. А., адм. 459
Бисмарк Отто 302
Блиох И. С. 101
Бобриков Н. И. 75
Бобринский В., гр. 99
Боголепов Н. П. 113
Бомпар 214, 215, 222–224, 244, 317, 337
Брэн (Bran) 471–473
Бутирон 152, 244
Бухвостов 354
Бюлов Бернгард 132, 163, 310, 312, 343, 352, 368, 375, 376, 392, 396
Вальдерзее 95, 96, 109
Ванновский П. С. 59
Вань-вэнь-шао 453, 455
Вебер К. 425, 429

Верстрат 177, 178 [477]
Вильгельм II 52, 55, 57, 63, 85, 86, 95, 133, 134, 162, 164, 169, 170, 171, 193, 231, 239, 256, 264, 275, 310–312, 325, 341, 342, 347, 352, 354, 356, 357, 368, 370–377, 379, 384, 386, 393, 406, 407, 457, 459
Виренюс 334
Вирт 15
Витгефт 346
Витте С. Ю. 23, 28, 33, 40, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 53, 57–72, 77, 79, 81, 89, 90, 91, 94–108, 110, 111, 113, 114, 122, 123, 137–139, 144–147, 151, 153–155, 164, 165, 171, 174–180, 182, 184–191, 193–205, 207–209, 211, 213–216, 221, 222, 229, 243, 259, 263, 266, 267, 282, 283, 285–297, 300, 302–305, 307–309, 325, 337, 339, 343–345, 349, 351, 368, 375–380, 386–388, 392, 395, 398, 419, 421, 425, 427, 468, 469
Витте Ю. 99
Вогак К. И. 211, 216, 254, 351
Вонлярлярский В. М. 76, 78, 79, 316
Воронцов-Дашков И. И. 76, 78, 99
Вышнеградский И. А. 48, 49, 98, 101, 217
Гамильтон Ян 348
Ганото (Hanotaux) 173, 177
Гацфельдт 129, 132
Гаяси И, 129, 130, 135, 139–144, 148, 151, 159, 160, 225, 226, 233, 234, 236–238. 244, 260–262, 264, 265, 270, 276, 279, 280, 345, 346, 424, 449
Гвиннер 304
Гендриков В. А., граф 77
Генрих, принц прусский 163, 406, 407
Гиббс 259
Глинский Б. Б. 58, 296, 297
Голицын Г. С. 75
Голыитейн 311, 312
Горемыкин И. Л. 89, 102, 196
Горький Максим 167
Готтингер 174, 178
Грингмут 315
Гриппенберг О. К. 363, 364
Грот В. Ю. 174, 179
Грубе 199
Грэй 395
Гэй (Hay) 111, 156
Делькассэ 142, 149, 150, 177, 178, 222, 224, 226, 227, 238, 239, 251–253, 255–258, 260, 263, 268–278, 311, 338, 342, 366, 372
Дервиз 89
Дурново И. Н. 71
Дурново П. Н. 103
Духов ской С. М. 42
Дюбайль 149
Елизавета Федоровна, в. кн. 314
Засулич М. И. 336

Зубатов С. 166
Извольский А. П. 133, 147, 148, 150, 158, 244, 396, 404–406
Иноуэ 35, 234, 236
Ито 15, 83, 117, 122, 123–128, 135, 139, 142–144, 147–155, 212, 227, 234–236, 243, 264, 265, 267, 387, 417, 419
Камбон П. 161, 223, 237, 239, 250–252, 257, 270, 271, 274, 275, 278–281, 336, 342
Канеко 239
Капнист Д. А. 42
Кассини А. П. 239, 351
Катков М. Н. 27
Като 125, 133
Каульбарс А. В. 363 [478]
Кацура 116, 117, 125, 127, 135, 139, 143, 155, 234, 236, 267
Квецинский 234
Кербедз С. М. 174
Клемансо 366
Кодама 388
Козловский В. И., кн. 74
Коковцов В. Н. 283, 287, 303, 335, 337, 351, 358, 362, 363, 365, 367, 371, 389, 392–394
Комура 141, 142, 146–148, 150, 208, 226, 227, 242, 243, 247, 248, 251, 252, 260, 264, 268, 277, 379, 380, 399, 425, 468, 469
Коноэ 15, 118
Константин Константинович, в. кн. 351
Кох А. Ф. 176
Коцебу П. Е., граф 99
Крэнборн 218, 224, 227
Крупп 355
Курино 155, 225, 228. 238, 240, 243, 257, 259, 265–268, 270, 277, 295
Куроки 336, 347, 348
Куропаткин А. Н. 10, 59, 66–68, 70, 88, 90, 95–97, 101, 106, 108, 136–138, 145, 156. 165, 171, 179, 193, 198, 200, 208, 211, 214, 216, 229, 284–286, 295, 297, 302, 314, 315, 317, 318, 321–325, 331–333, 335, 336, 338–340, 346, 347, 349, 351–353, 360, 363–365, 373, 381
Ламсдорф В. Н. 10, 51, 63, 93–96, 105, 110–112, 127, 128, 133, 134, 136, 137, 144, 146, 150–155, 162–164, 171, 195, 196, 205, 207, 211, 213, 215, 216, 222, 223, 225, 228–232, 240–244, 251, 253–259, 262, 265, 266, 269–278, 281, 284, 286, 295, 297, 306, 309, 344, 357, 358, 376, 396, 457
Левицкий Н. А. 5
Ленин В. И. 14, 15, 17, 24. 28, 47, 54, 71, 72, 88, 97, 104. 105, 120, 165, 180, 182, 183, 185, 196, 221, 293, 296, 298, 313, 328, 359, 360, 361, 362, 367, 371, 374
Лессар П. М. 212, 213, 452, 453
Линевич Н. П. 363–365, 373
Ли-цзын-фын 418, 419
Ли Хунчжан 45, 46, 60, 61, 64, 84, 94, 108. 109, 111, 112, 144–147, 174, 417, 419, 424, 425, 427, 435, 437

Лобанов-Ростовский А. Б. 31, 32, 40, 46, 419, 421, 425, 427, 428, 440
Лопухин А. В. 103
Лорис-Мелнков М. Т. 99
Луццати 251
Лэнсдоун 129, 130, 132, 133, 139–142, 159–161, 223–226, 239, 249–255, 257–264, 267, 269–272, 274–281, 285, 336, 378, 379, 381, 449
Лэсцельс (Lascelles), 130, 134
Мадритов 234
Макаров С. О. 10, 335
Макдональд 63, 141–143, 227, 228, 244, 252, 258
Мамонтов 89
Мансуров В. 49
Матюнин Н. Г. 76, 189, 205, 230
Мацуката 234
Менделеев Д. И. 69
Мендельсон-Бартольди 343, 344, 356, 369, 386
Мещерский В. П. 315
Миллер 306
Миура 46
Михаил Александрович, в. кн. 103, 352, 368, 376
Мольтке 302
Монсон 130
Морган Пирпонт 393 [479]
Морган Причард 60
Мотоно 238, 251–253, 263, 268–277, 404
Мулэн (Moulin) 290, 291, 333–335
Муравьев М. Н. 55, 58, 60, 61, 63, 67, 68, 70, 88, 91–93, 107, 196, 442
Муравьев Н. В. 198, 240, 325
Мутсу Мунемитсу 417, 419
Мэринг Фр. 401
Небогатов Н. И. 368, 369
Нелидов А. И. 53
Нерпин А. И. 175
Нецлин 174, 177, 178
Николай II 10, 11, 31, 32, 40, 46, 51–53, 57, 63, 68–71, 78–81, 85, 90, 92, 93, 95, 98, 102, 103, 114, 162–171, 189, 191, 193, 195–200, 205, 209–213, 215, 219, 221, 229–232, 240, 242, 244, 254–256, 259, 260, 273, 275, 277, 281–297, 300–304, 307, 311–313, 315, 321, 325, 332, 336, 338–341, 343, 346, 347, 350, 351, 354–358, 365–377, 384, 385, 393, 396, 405, 406, 457, 459, 460
Николай, кн. Черногорский 217
Нисси 440, 441
Нобель 366
Ноги 340, 346, 361, 364
Нодзу 340, 347
Ностиц Г. И., граф 77
Нотгафт Ф. К, 176
Озаки 123

О'Коннор 63
Оку 340, 347
Окума 121, 123, 234
Орлов-Давыдов, граф 77
Ояма 347, 348, 353, 361, 364, 365
Павлов А. 435, 437
Шлицын Д. 470, 471, 472, 473
Пендезек 162
Пишон 112
Плансон Г. А. 207
Плеве В. К. 71, 97, 171, 199, 217, 229, 230, 282, 292, 293, 303, 315, 316, 325, 344, 345, 349
Победоносцев К. П. 49, 97, 165–168
Покотилов Д. Д. 175, 176
Покровский М. Н. 6, 58, 288, 289, 296, 297
Половцов А. А. 69, 72, 91, 102, 165
Поляков С. 26
Радолин 377
Распутин 166
Редигер 320, 322
Родзянко М. В. 77
Рождественский З. П. 343, 354–356, 361, 368–370
Розен Р. Р. 212–214, 244, 247, 255, 256, 258, 277, 440, 441, 468, 469
Рокхиль 404
Романов П. М. 174, 176
Ротшильды 58, 311, 392, 398
Ротштейн А. Ю. 58–60, 77, 110, 174–176, 179, 180, 186, 190, 434
Рувье 392
Рузвельт Теодор 239, 306, 307, 351, 367, 371, 372, 378–385, 387, 400
Рут 403
Сазонов Егор 344
Сайонзи 422
Сатсума 17
Свенторжецкий 354
Святополк-Мирский Д. 350
Серафим Саровский 167, 168
Сергей Александрович, в. кн. 166
Сильвестр, ген. 341
Сипягин Д. С. 90, 97, 102, 113, 114, 166–168, 196–198
Скотт Чарльз 142, 255, 267, 270, 277, 441, 443
Слуневский, ген. 290 [480]
Смирнов, ген. 360
Смит 405
Солсбэри 62, 63, 135, 139
Спринг-Райс 307, 382
Стааль Е. Е. 161
Сталин И. В. 3, 293, 329

Стасюлевич М. М. 316
Стессель 360
Стишинский 71
Столыпин П. А. 396
Струве П. Б. 316, 350
Сузуки 153
Сумароков-Эльстон, граф 77
Сюй Цзинчэн 174, 434, 435
Такахира 239, 381, 383, 468, 469
Танака 15
Теяишев 167
Теттау 349
Тирпиц 352
Титтони 279
Того 9, 280
Толстой Лев 167 168
Тыртов 170
Уайтхэд 141
Уольслэй 107
Уриу 9
Урусов 240
Ухтомский Э. Э. 60, 94, 174–176, 314, 434
Уцида Риохэй 117, 213
Филипп 165
Филипьев Н. И. 175
Фор Феликс 308
Хикс Бич 62
Цзы-Си 84
Пиглер Э. К. 174
Цин 453, 455
Чемберлен Джозеф 223, 381
Чинда 115, 128, 133
Чиршки 459
Шабриэр 174
Шебеко 370
Шипов И. П. 392
Шлиффен 325
Штакельберг, ген. 339–342
Шу 419, 421
Щербатов П. Б., кн. 77
Эдуард VII 141, 271, 278, 336, 342, 345, 379
Экардштейн 132, 262, 264, 265, 311
Юсупов, кн. 77
Ямагата 39, 116, 117, 123–125, 127, 135, 234, 236, 267, 297, 298, 427, 428, 440
Ямамото 125, 297, 388 [481]

Предметно-географический указатель{718}

«Аврора» (газета) 366
Австрия 15, 66, 67, 395, 471, 472
Академия Наук 167
Акционерные компании и товарищества:
Восточноазиатская промышленная компания 77, 80, 189, 196, 282, 283
Маньчжурское горнопромышленное товарищество 190, 191, 201, 283, 388
Монголор 178, 179, 186, 190
Персидское страховое и транспортное общество 87, 199
Российское золотопромышленное общество (Золоросс) 43, 173–175, 191
Русское лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке 191, 283, 388, 405
Русско-персидское горнопромышленное общество 87
Синдикат для исследования рудных богатств Китая 175, 178
Алжезирасская конференция 394, 395
Амур 208, 229
Амурская область 20
Амурская жел. дорога 405
Англия 7, 11, 21, 22,24–27,31,33,38, 43, 55, 56, 62–65, 81, 85–88, 90, 93, 111, 112, 128–132, 134, 135, 142, 143, 145, 147, 157–162, 176, 178, 206, 218–221, 223–226, 237–239, 247, 250–252, 255, 257, 260, 275, 277, 294, 299, 300, 304, 306, 308–312, 316, 336, 338, 355–357, 374–378, 380, 381, 384, 385, 387, 389, 395, 396, 399, 400, 449, 450, 457, 473
Антанта 7, 221, 335, 393, 396
Артиллерия 322, 325, 341, 347, 360, 373
Архипелаг 16
«Аскольд» 9
Афганистан 86, 95, 294, 311
Афганское разграничение 26
Африка 85, 86, 308
Балканский полуостров 220. 316
Балтийская эскадра 169, 341, 343, [482] 345, 347, 350–356, 360, 361, 369, 370
Банки:
Гонконг-Шанхайский 176
Государственный (русский) 28, 89, 190, 392, 393
Государственный (японский) 119
Индо-Китайский 45, 178
Иокогама Спэши банк 119
Лионский кредит 356

Мендельсона 356, 369
Немецко-Азиатский 81
Парижские банки 45, 365
Русско-Азиатский 390
Русско-Китайский 44, 45, 47, 58, 60, 64, 68, 74, 79, 80, 94, 107, 145, 146, 151, 154, 173–179, 186, 188–191, 201, 205, 209, 225, 234, 241, 254, 283, 306, 314, 315, 389, 402, 406, 453, 462
Русско-Корейский 47, 60, 75, 77, 175
С.-Петербургский международный 43, 45, 173–176, 178, 190
С.-Петербургский учетный и ссудный 44, 173
Северный 390
Учетный и ссудный банк Персии 50
Шахиншахский 50
Безобразовская «шайка» (безобразовцы) 75, 80, 81, 84, 86, 96, 145, 156, 171, 173, 186, 189, 191, 193, 199, 200, 205, 216, 229, 234, 243, 254, 281, 282, 285, 286. 288, 290–293, 296, 300, 301, 303, 309, 315, 344
Берингово море 460, 464, 467
Берлин 264, 268, 304
«Биржевые ведомости» 49
Бицзыво 337
Благовещенск 40, 229
Боксерское «вознаграждение» 105
Боксерское восстание 73, 81, 83, 92, 93, 95, 116, 119, 189, 452
Болгария 26
Борки 100
Босфор 53, 87, 90, 370
Буржуазия:
германская ИЗ, 363
европейская 328, 343, 361, 362, 367, 391, 396, 400
русская 6, 7, 22, 72, 97, 98, 101, 104, 122, 197, 198, 200, 288, 289, 293, 294, 296–299, 304, 313, 314, 316, 343–345, 349, 350, 366, 367, 371. 374, 392, 396, 397
французская 313, 358, 362, 363, 366, 374
японская 16, 121, 122, 125, 361, 398, 401
Бьорке, см. свидания
«Варяг» 9
Вафангоу 339
Бафандяньские копи 74
Вашингтон 206, 239, 268, 468
Великая Стена 64, 65, 109, 148
«Вестник Европы» 316

Висбаден, см. свидания
Владивосток 18, 20, 22, 23, 33, 42, 45, 56, 73, 152, 262, 266, 323, 337, 346, 352, 354, 364, 370, 372, 379, 385, 390
Владивостокский крейсерский отряд 341, 342, 346, 403
Войны 106, 107
русско-турецкая 1877–1878 г. 26
японо-китайская 1894–1895 г. 13, 17, 29, 35, 39, 56, 59, 122
англо-бурская 1899–1902 гг. 85, 88, 90, 91, 149, 250 [483]
«китайская» 1900–1901 гг. 94, 105, 125
русско-японская 1904–1905 гг. 5–8, 10–13, 15, 18, 32, 34, 35, 39, 57, 58, 75, 91, 107, 108, 115, 117, 120, 124, 127–133, 136–138, 149, 152, 155, 158–161, 166, 170, 171, 191, 198–200, 207, 210–212, 217, 227, 228, 232, 236, 237, 240, 242, 244, 250, 252–254, 256–259, 261, 262, 265, 270, 276, 278, 279, 281, 286, 288, 290, 292–297, 299, 301–305,309–316, 325, 327, 330, 331, 333, 334, 338, 344, 346, 349–352, 354, 356–358, 360, 363, 367–369, 371, 372, 374, 380, 382, 384–386, 390, 396–401, 457
«Волгарь» 48
Волчьи горы 344
Вооруженное восстание в Москве 1905 г. 103, 392
Вооруженные силы
морские:
американские 383
английские 21, 129, 170, 259, 356, 368, 450
германские 169, 220, 368, 383, 459
русские 10, 11, 20, 24, 32, 53, 59, 61, 65, 67, 95, 157, 169, 210, 211, 219, 241, 257, 262, 277, 301, 324, 329, 331, 332, 337, 339, 340, 360, 369, 372, 460
французские 120, 132, 159
японские 9, 10, 17, 36. 38, 39, 135, 210, 211, 233, 237, 241, 242, 262, 331, 342, 354, 355, 369, 450
сухопутные:
английские 85
германские 337, 384, 459
китайские 14, 83, 93,110,169, 454
корейские 20, 61, 247, 402
русские 27, 50, 53, 107, 108, 111, 136, 137, 204, 208, 210, 214–216, 241, 302, 309, 315, 317, 318, 319–323, 325–327, 329, 330, 341, 346–348, 352, 353, 355, 360, 363, 368, 371, 373, 381, 382, 384, 400, 451–454, 459
японские 14, 16,18,36,39,113, 116, 117, 125, 135, 210, 233, 237, 246, 262, 298, 336, 337, 341, 360, 361, 363, 373, 382, 400, 403
«Вперед» 360, 361

Вывоз капитала 16, 87, 172, 181, 185, 186
Высокая гора 357
Вэй-хай-вэй 31, 82, 416, 418
Гаагская конференция 1899 г. 67
Гайчжоу 339
Гансу 63
Гамбург — Америка Лайн 355
Гвардия (в России) 317, 319
Генералитет (в России) 319. 321, 327
Генро 121, 142, 143, 151, 234, 267, 387
«Георгий Победоносец» 374
Германия 7, 11, 14, 17, 21, 23, 31, 32, 40, 43, 55–57, 61, 63, 67, 81, 85, 87, 93, 109, 111, 112, 129–133, 155, 157, 158, 163, 219, 221, 250, 264, 265, 275, 300, 304. 307–310, 312, 313, 337, 343–345, 352, 355, 357, 358, 363, 368, 375, 377, 378, 380, 381, 393–395, 406, 470–472
Гирин 74, 202, 454
Голландия 358, 395
Голодные годы в России 28, 89, 162 [484]
Государственная Дума 103, 325, 396, 397
Государственный Совет 49, 50, 52, 71, 77, 103, 320
«Гражданин» 41, 315
«Громобой» 346
Гуандун 42
Гуанси 42
Гуаньчжоувань 82
Гулльский инцидент 250. 309, 356
Гурия 329
Дагушань 206, 340
Дальний 65, 73, 210, 286, 339, 397, 457
Далянвань 62, 64, 460
Данциг, см. свидания
Дармштадт, см. свидания
Дворянство (русское), см. помещики
Дзиюто 121, 123
«Диана» 9
Дипломатические акты (и их проекты):
Японо-китайский договор о Корее 1885 Г. 21, 29
Франко-русские соглашения 1891–1892 гг. 28, 469
Русско-германский торговый договор 1894 г. 102

Японо-китайский мирный договор, подписанный в Симоносеки 5/17 апреля 1895 г. 14, 15, 31, 34, 41, 44, 60, 152, 413–419

Франко-китайские соглашения 8/20 июня 1895 г. 42

Декларация о заключении китайского займа 24 июня/6 июля 1895 г. 44, 419–420

Обмен нот и конвенция о возвращении Китаю Ляодуна в 1895 г. 33, 421–424

Сеульский меморандум (русско-
японский) 2/14 мая 1896 г. 46, 424

Московский союзный русско-китайский договор 22 мая 1896 г. 45, 56, 156, 425

Московский протокол (русско-японский) 28 мая/9 июня 1896 г. 46, 427

Ответные пункты корейскому послу, июнь 1896 г. 46, 429

Русско-китайская конвенция об аренде Ляодуна 15/27 марта 1898 г. 63, 434

Русско-китайский дополнительный протокол 25 апреля/7 мая 1898 г. 438

Русско-японский протокол 13/25 апреля 1898 г. 80, 440

Русско-английское соглашение 16/28 апреля 1899 г. 64, 69, 441

Русско-китайское соглашение о жел.-дорожной линии к Пекину 20 мая/5 июня 1899 г. 65

Русско-американский обмен нот об «открытой двери» в Китае сентября — декабря 1899 г. 65

Англо-германское соглашение о Янцзы 3/16 октября 1900 г. 132

Заключительный протокол 25 августа/7 сентября 1901 г. 104, 105, 450–452

Русско-китайское «сепаратное»
соглашение о Маньчжурии
(проекты 1901 г.), 115, 129, 145, 148, 163, 169, 443

То же (проект банковского соглашения 1901 г.) 145, 146, 154–156, 192

Русско-японское соглашение по маньчжурскому и корейскому [485] вопросам (проекты 1901
и 1902 гг.) 145, 149, 151, 153, 203, 204, 447

Англо-японский союзный договор 17/30 января 1902 г. 116, 130, 132, 135, 136, 139–146, 151, 152, 154, 155, 157–161, 163, 169, 189, 194, 202, 226, 227, 236, 252, 289, 309, 311, 448

Нота США 3 февраля 1902 г. по поводу проекта русско-китайского соглашения 154–156

Русско-германская декларация по поводу англо-японского союзного договора (проект 1902 г.) 162, 163

Франко-русская декларация 3/16 марта 1902 г. 169, 170, 450, 451

Русско-китайский договор 26 марта/8 апреля 1902 г. 155–157, 169, 170, 194, 195, 198, 202, 206, 208–210, 228, 229, 243, 247, 285, 451–456

Англо-китайский торговый договор 23 августа 1902 г., 203, 206

Русская нота Китаю о гарантиях 5 апреля 1903 г. 213, 215

Торговые договоры США и Японии с Китаем 8 октября 1903 Г. 206, 247, 270, 305

Русские декларации о трактатных правах держав в Китае (29 июня/11 июля 1903 г.) 224, 248; (проекты октября-декабря 1903 г.) 249, 257; (8 января 1904 Г.) 262, 271, 272, 274, 285; (дальнейшие январские проекты) 273, 276, 278, 281

Проекты русско-японского соглашения 1903–1904 гг. (японский 12 августа 1903 г.) 228, 240, 245; (русский 5 октября 1903 г.) 245; (японский 30 октября) 255; (русский 14 декабря) 257, 258; (японский 23 декабря) 258, 259, 260; (русский 6 января 1904 г.) 262, 263; (японский 13 января) 263, 267, 274, 275, 311; (русский 3 февраля) 274, 275, 207

Японо-корейский договор 23 февраля 1904 Г. 402

Англо-французское соглашение 8 апреля 1904 г. 157, 164, 203, 222, 226, 251, 281, 303, 335, 378, 396

Русско-германский торговый договор 15 июля 1904 г. 335, 342, 343

Германская нота о русском займе 15 июля 1904 г. 293, 345

Русско-германский союзный договор (проект 30 октября 1904 г.) 356, 357, 457

Русская нота 29 ноября/12 декабря 1904 г. о гарантии Германии в связи с поставкой угля 357

Бьоркский договор 11/24 июля 1905 Г. 375–377, 393, 458, 459

Англо-японский союзный договор 12 августа 1905 г. 377

Портсмутский мирный договор 23 августа/5 сентября 1905 г. 7, 376, 380, 385, 387–389, 391, 398, 399, 401, 459, 464, 468, 473

Японо-корейский договор 17 ноября 1905 г. 402 [486]

Франко-русская военная конвенция 8 апреля 1906 г. 395, 470

Франко-японское соглашение 10 июня 1907 г. 396

Русско-японское политическое соглашение 17 июля 1907 г. 391, 396, 473

Англо-русское соглашение 18 августа 1907 г. 377, 378, 391, 396

Японо-корейский договор 24 декабря 1907 г. 402

Русско-японское соглашение 21 июня 1910 г. 406

Европа 15, 16, 23, 24, 55, 67, 69, 108, 132, 157, 158, 298, 311, 383–385, 390, 397, 459

Египет 44

Екатеринослав 329

Железные дороги:

Аннамские 42
Багдадская 86, 87
Болгарские 26
Бобр-Наревская (проект) 215
Закавказские 87
Закаспийская 26
Канадская Тихоокеанская 19, 23
Китайская Восточная, см. КВжд
Кругобайкальская 10
Куаньченцзы-Гириньская (проект) 201
Оренбург-Ташкентская 194
Пекин — Калган — Ургa — Кяхта
(проект) 179, 186
Пекин — Хунчунь (проект) 20
Пекинская ветвь КВжд, см. КВжд
Пермь — Котлас — Архангельск 25
Персидские 87
Седлец — Бологовская 162, 338
Сретенск — Мергень — Благовещенск 194
Сибирская 17–19, 22–25, 28, 29, 32, 33, 41, 43, 45, 62, 163, 172, 173, 181, 235, 262
Турецкие 87
Хамаданская 199
Шаньхайгуанъская 64, 209, 228, 246, 454, 455
Энзели-Тегеранская 199
Юго-западные 98
Японская в Корее (проект) 228, 246–248, 272, 281
Железо (в Маньчжурии) 189
Желтое море 56, 60, 63
Желтороссия 74, 75, 316
Забайкальская область 118
Займы:
Китаю 34, 36, 44, 61–64, 66, 31, 174, 304
Корее 175
России 162, 164, 302, 335, 337, 338, 344, 345, 357, 362, 363, 365, 367–369, 374, 376–378, 385, 391–395, 405
Японии 139, 149, 150, 153, 258, 261, 337, 338, 355, 369, 378, 379, 396, 398, 399
Запасные (русские) 321, 322, 329, 330, 341
Земские начальники 71

Земства (земское движение) 51, 96, 166, 167, 218, 316, 359, 374
Золотая валюта 49, 303, 392, 393
Золото 110, 189
Зубатовщина 166, 217
Имеретия 329
Империализм 6, 12, 15, 24, 53, 79, 82, 158, 181, 296, 293
американский 154, 290, 388, 400
английский 28, 87, 290, 400 [487]
германский 343
русский 11, 66, 72, 74, 75, 81, 86, 87, 94, 97, 162, 171, 178, 180–182, 185, 192, 193, 210, 213, 220, 282, 287, 289, 294, 296, 297, 300, 320, 327, 378, 389, 405
французский 28, 178, 290, 292
японский 11, 13, 15, 25, 39, 48, 83, 115, 122, 135, 289, 290, 294, 296, 297, 378, 397
Индийский океан 88, 223
Индия 16, 85, 95, 161, 259, 380
Инкоу 61, 111, 455
«Искра» 72, 104, 196, 361
Италия 21, 82, 111, 470, 471
Кабинет его величества 80, 191
Кавказ 45, 76, 99
Каменный уголь ПО, 189, 191, 306, 434
Камчатка 14
«Камчатка» (транспорт) 369
Капитал: 12, 21, 40, 62, 68, 91, 150, 301
американский 239, 283, 304, 305, 388, 390, 397, 403
английский 64, 181
бельгийский 178, 181, 389
германский 181
европейский 181, 185, 186, 212, 213, 217, 286, 294, 367, 388
русский 24, 26, 43, 59, 61, 63, 65, 81, 89, 156, 172, 182, 184, 187, 192, 199, 201, 210, 220
французский 181, 283, 291, 298, 303, 390
японский 119
Капитализм: 106
русский 22, 25, 28, 29, 43, 44, 48, 54, 70, 88. 173, 181, 182, 183, 287, 300, 328
японский 13, 15, 30, 118, 283
Капитализм «торговый» 288
Карталиния 329
Кашгар 108, 109

КВжд (Китайская восточная железная дорога):
Железнодорожная линия в целом 10, 36, 44–47, 56, 60, 65, 74, 95, 110, 131, 138, 152, 172, 192, 194, 204, 208–210, 228, 246, 248, 254, 286, 290, 304, 314, 333, 386, 389, 390, 403, 404, 453, 457, 460
Контракт 27 августа 1896 г. 194, 453
Общество КВжд 47, 58, 65, 74, 81, 105, 107, ПО, 138, 174, 175, 179, 180, 187, 189, 192, 229, 283, 406, 457, 474
Охранная стража 47, 74, 168, 201, 204, 208, 214, 221
Пароходство морское 65, 73
Южно-маньчжурская ветвь КВжд 63, 65, 74, 84, 88, 295, 305, 386, 388, 397, 460
Кенсейто 123, 124
Кенсейто хонто 123
Киев 100, 314
«Киевлянин» 314
Киль 342
Китай 5–7, 12–16, 20–24, 29–36, 40–45, 48, 56, 57, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 69, 74, 81, 83, 87, 93, 94, 96, 106–112, 116, 118, 128, 137, 138, 140, 146, 153, 154, 156, 159–161, 172, 176–179, 187, 188, 194, 195, 204, 205, 220, 223–225, 228, 232, 240, 247, 248, 249, 256, 259, 276, 278, 280, 285, 286, 294, 295, 298, 305, 306, 354, 381, 383, 384, 390, 397, 401, 403–406, 450–45.6, 461, 474
Кишиневский погром 217, 239
«Кокумин» 121, 399 [488]
Комиссия для пересмотра Положения 19 февраля 1861 г. 197, 193, 325
Комиссия по делам дворянского сословия 71
Константинополь 26, 53, 55, 100
Контрибуция 17, 34–36, 378, 379, 385–387, 399, 401, 460
Концессии 14, 27, 40, 43, 76, 77, 80, 82, 110, 145, 154, 188, 189, 191, 201, 202, 205, 212, 240, 242, 265, 281, 283, 293
Концессия на р. Ялу, см. Ялу
Корейский вопрос 149, 150, 152, 211
Корейский залив 10, 61
Корейский пролив 21, 246, 253, 346, 369
Кореец (канонерка) 9
Корея 5, 6, 9–14, 17, 21–23, 29–34, 40, 41, 45–47, 55, 56, 59–62, 75, 79, 80, 82, 109, 126, 127, 131, 135, 138, 140, 146, 148, 150–153, 159–161, 164, 171, 200–203, 214, 215, 223, 225, 227, 228, 242,244–247, 252, 253, 256, 258, 259, 265, 266, 269–274, 276, 282, 284, 293–295, 298, 301, 331, 332, 336, 339, 345, 381, 383, 386, 388, 391, 397, 401, 402, 407, 450, 451, 459, 461, 464, 474, 475
Крестьяне 70–72, 166, 183, 184, 197, 198, 294, 313, 321, 325, 328, 374

Кризис 1899 и следующих годов 88–91, ИЗ, 177, 181, 182, 187, 189, 199, 282, 291, 292, 294, 328
Круговая порука 71
Куаньченцзы 388, 390
Курильские острова 14
Курск 329
Кушка 25
Лаперузов пролив 466
Латифундии (в России) 52, 183, 184
Леса 111, 189, 190, 191, 205, 240, 254
Либава 343, 354
Лондон 129, 158, 239, 240, 248, 257, 258, 262, 265, 268, 278, 288, 342, 369
Ляодунский полуостров 14, 55, 56, 58, 61–63, 73, 82, 84, 132, 214, 335, 337, 388, 397, 460, 461, 464, 466, 468
Ляохэ 204, 454
Ляоян 301, 315, 323, 341, 347–349, 352, 353, 381
Мадагаскар 369
Малая Азия 16, 316
Малиновая книга 211
Маньчжурия 5, 6, 11, 13–15, 17, 19, 31–33, 40. 42, 43, 47, 55–57, 59–62, 64–56, 68, 73, 74, 78, 79, 91, 94–96, 104, 105, 107–113, 117, 125, 128, 129, 132, 133, 135–139, 144–146, 148, 151–157, 100, 164, 169, 171, 176, 179, 180, 185–187, 190–195, 200–203, 207–213, 223–230, 232, 237, 240, 242–248, 251–253, 256, 258–260, 262, 263, 270–274, 276, 278, 281, 282,284–288, 293–295, 298, 299, 301, 302, 305, 306, 311, 312, 314, 316, 321, 323, 331, 332, 336, 339–341, 345, 350, 351, 356, 358, 361, 381, 383, 386, 388–391, 397, 402–407, 450–453, 461, 464–466, 468, 469, 474, 475. — Коммерческая нейтрализация Маньчжурии, 390, 404
Маньчжурский вопрос 126, 133», 194, 202, 237, 245, 269, 284, 305, 311
Марокко 376, 393
Масампо 242
Меморандум Танака 15
Милитаризм (-сты, японск.) 116, 117, 125, 236, 290, 401
Микадо 301, 368 [489]
Миссионеры в Китае 61, 94
Мир (вопрос о нем) 342–345, 350, 351, 354, 356, 361, 365–368, 371, 372, 375, 379–382, 384, 386, 383, 399
Мицуи (в Фуцзяне) 84
Монголия 15, 61, 64, 108–110, 160, 179, 180, 391, 397, 474, 475
Монополии капиталистические 17, 58, 61, 62, 64, 65, 92, 145, 146, 154–156, 186, 188, 189, 192, 206, 282, 299, 405

Москва 217, 314, 366, 392
Московское вооруженное восстание, 103, 392
«Московские ведомости» 41, 315
Мукден 65, 74, 191, 206, 234, 254, 318, 322, 337, 339, 341, 348, 352–354, 363–365, 368, 373, 382–385
Наместничество на Дальнем Востоке 216, 230, 231, 243, 255
Наньцзянь 475
Нагасаки 277
Национальный союз (японский) 15, 118
Национальный союз физической подготовки (японский) 117
Незамерзающий порт на Тихом океане 20, 31–33, 41, 42
Нейтральная зона в Корее 246, 247, 255, 259, 263, 265, 269–275, 281
Нейтралитет 129, 308, 309, 312
Неприкосновенность Китая 40, 82, 112, 118, 132, 140, 214, 245, 247, 248, 252, 255, 263, 269–276, 278, 452, 456
Нефть 110, 189, 305, 306
Нижегородская ярмарка 22, 48
Никель 110, 189
Никольск Уссурийский 73
«Новик» 9
«Новое время» 41, ИЗ, 315, 371
«Новости» 41
«Новый курс» (в политике России) 209, 210, 215, 216, 219, 225, 229, 235–237, 240, 241, 243, 245, 254, 256, 282, 285, 293
Нью-Йорк 338, 369
Нючжуан 73, 74, 205, 210, 225, 306, 456
Обоз (в русской армии) 323, 340
Обуховская оборона 113
Общества тайные в Японии 117
Община крестьянская 72, 100, 325
Одесса 329
«Омниум» 182
«Освобождение» 207, 218, 316, 349, 366
Особый комитет по делам Дальнего Востока 77, 230
Отработки 183
«Открытая дверь» в Китай 65, 109, 112, 126, 209, 213, 241, 271, 272, 281, 294, 305, 381, 383, 390
Офицерство:
русское 317–319, 321, 322, 329, 348
японское 382

Охотское море 460, 464, 467
«Паллада» 9
Панамский канал 23
Париж 28, 55, 238, 251, 252, 254, 257, 262, 268, 304, 340, 393, 394
Парижский конгресс 1856 г. 463
Парламент японский 15, 116, 118, 120, 121, 125, 234, 257
Пекин 14, 21, 31, 34, 42, 45, 56, 57, 61, 64, 68, 83, 84, 92, 95, 96, 115, 145–147, 176, 177, 179, 188, 244, 451
Пенза 329, 330
Перемирие в 1905 г. 379, 385, 386
Персидский залив 88 [490]
Персия 26, 87, 88, 161, 180, 199, 223, 224, 294, 311, 316, 389
Пескадорские острова 14, 82
Петербург 147, 148, 238, 240, 243, 202, 351, 362, 373, 391, 392
«Петропавловск» 335
Печилийский залив 50, 63, 73
Пиртанг 475
Податная инспекция 71
«Полтава» 9
Помещики (дворяне):
русские 6, 48, 51, 68–70, 77, 97, 99–101, 104, 184, 198, 200, 288, 293, 298, 299, 313, 314, 316, 317, 328, 344, 374, 396, 397
японские, см. самураи
Порт-Артур 9, 13, 31, 56–59, 61–65, 73–75, 77, 78, 80, 83, 88, 91, 92, 152, 157, 169, 194, 195, 210, 215, 229, 231, 237, 241, 245, 262, 268, 277, 280, 285, 286, 295, 311, 316, 323, 329, 331, 332, 335,337–340, 342, 344–346, 348, 350, 352–355, 357–364, 368, 381–383, 385, 397, 460, 465
Порт-Артурская эскадра 335, 310, 342, 346, 350, 352, 357
Портсмут 5, 7, 9, 376, 380, 385, 387, 390, 391, 399, 459, 468, 473
Post-bellum programme (японская) 34, 36, 39, 128
«Потемкин» 374
Потсдам 85
Приамурский край 118, 137, 403
Приморская область 20, 22, 118, 403, 405, 406, 462, 463
Пропаганда в русской армии 324
Пруссия 15, 298
Пулеметы (в русской армии) 322, 364
Рабочее движение (рабочие) в России 113, 166, 328, 329, 361, 362, 391
«Развитие капитализма в России» 72
Ревель, см. свидания

Революционное движение в России 7, 89, 103, 163, 165, 166, 171, 183, 195, 196, 199, 288, 292–294, 297, 313, 315, 322, 324, 327, 328, 346, 359, 361, 363, 366, 367, 371, 374, 376, 385, 389, 391, 395; (9 января 1905 г.) 362
Реставрация Мэйджи 16. 121, 124, 297
«Ретвизан» 9
Рим 231
Роминтен, см. свидания
Россия 3, 5–8, 10–14, 16, 17, 21, 23–27, 30–33, 36, 40, 41, 43, 46, 48, 53, 55–59, 62, 63, 66, 69, 71, 84, 85, 87, 92. 93, 96, 102, 105, 106, 108–112, 122. 125, 127, 128, 130–136, 144, 145, 147–150, 152–163, 165, 168, 169, 176, 178–184, 187, 188, 194. 201–203, 206–209, 211, 212, 214, 215, 218–228, 230, 233–235, 237, 239, 242, 245–249, 251–253, 255–259, 201–264, 266, 270, 271, 274, 275, 277, 278, 280, 288–290, 296–311, 316, 317, 319, 322, 323, 325, 327–329, 333, 334, 336, 342–346, 349, 350, 352, 356–359, 363, 366, 367, 372–375, 377–388, 390–392, 394–396, 401, 403–406, 410, 411, 419, 421, 424–428, 433, 434, 436–441, 444, 445, 447, 450–456,458–471, 473–475
«Россия» 168, 346
Румыния 374
«Русская мысль» 41
«Русские ведомости» 41, 42
«Рюрик» 346 [491]
Самоа 86
Самодержавие 8, 13, 18, 20, 26–28, 32, 44, 48, 51–53, 55, 69, 70, 89, 95, 96, 102, 103, 157, 166, 167, 172, 180, 184, 185, 199, 201, 217, 218, 282, 287, 292–294, 298, 300, 303, 308, 313, 315, 329, 330, 336, 350, 358, 360–362, 367, 371, 374, 391, 395
Самураи 16–18, 21, 117, 120, 122, 234, 239, 298
Сандепу 364
Санмунь 82
Сатсума 17
Сахалин 14, 378, 385, 386, 388, 398, 460, 462, 466, 469
Сахарный Синдикат 182
«Свет» 41
Свидания политические:
Данциг (1901 г.) 162, 163
Спала (1901 г.) 163, 164
Ревель (1902 г.) 164, 165, 169, 170, 193, 194, 219
Висбаден (1903 г.) 231, 256
Дармштадт (1903 г.) 231, 251, 255
Киль (1901 г.) 342

Бьорке (1905 г.) 374–377
Роминтен (1905 г.) 377
Священная дружина 76, 78, 99
Севастополь 324
Северное море 356
Седан 348, 365
Сеттльменты (в Манчжурии) 212, 225, 259, 263, 269–272, 274–276, 282
Сеул 9, 21, 30, 150, 243, 402
Сибирь 14, 19, 24, 25, 41, 44, 118, 173, 214, 266, 285
Симоносеки 342
Сити (лондонское) 238, 250, 305, 309, 342
Скерневицы 232, 256
Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 197, 198
Совещания петербургские:
1 мая 1903 г. 209, 215
1 августа 1903 г. 228
15/28 декабря 1903 г. 259, 231
15/28 января 1904 г. 275
24 мая 1905 г. 372, 373
Соединенные Штаты Америки 7, 21, 38, 93, 108, 109, 111, 112, 123, 128, 145, 154, 155, 164, 184, 206, 226, 239, 247, 264, 265, 270, 275, 279, 294, 299, 305–307, 310, 316, 338, 375, 376, 381, 385–387, 390, 391, 394, 395, 399, 401, 404
Солдат:
русский 317, 320, 321, 324, 325, 329, 330, 348, 349, 373
японский 383, 400
Социализм 67, 220, 361
Социал-демократы 324; (большевики) 328, 362; (меньшевики) 328, 361
Союз борьбы за освобождение рабочего класса 54
Союз Освобождения 218
Союзы:
англо-японский 116, 130, 132, 135, 136, 139–146, 151, 152, 154, 155, 157–161, 163, 169, 189, 194, 202, 226, 227, 236, 252, 289, 309, 311, 377
антанта 393, 396
двойственный (франко-русский) 157, 170, 171, 176, 203, 221, 222, 251, 304, 308–310, 312, 356, 358, 362, 376, 377, 394, 395
тройственный (итало-австро-германский) 219
франко-русско-японский (проект 1901 г.) 145, 149, 153, 308
русско-германский (проекты [492] 1902–1905 гг.) 157, 163, 309, 356, 357, 375–377, 393, 457, 453
русско-японский (его эвентуальность после 1905 т.) 383–385, 404

четверная антанта (ее эвентуальность после 1905 г.) 378, 333, 396
Спала, см. свидания
«С.-Петербургские ведомости» 314
Средняя Азия 16, 106
Сретенск 40
«Стратегические цели» в Корее 246, 247, 255, 259, 263, 272, 274, 276
Сунгари 73, 208, 229, 475
Суэц 23
«Сферы влияния» 14, 40, 64, 65, 112, 176, 397, 398
Сыпингай 325, 365, 373
«Сьэкль» 366
Сэйюкай 120, 124, 235
Сюшуйган 475
Тавризская дорога 199
«Таймс» 218, 365, 367, 374, 387
Таможенный тариф 1891 г. 181, 338
«Temps» 292, 394
Татарский пролив 466
Ташичао 343, 347
Телин 365
Тибетская экспедиция 258, 294, 311
Тихий океан 7, 23, 65, 86, 169, 222, 305, 306, 331, 371
Тоадубун 83
Толахо 475
Токио 118, 243, 244, 264, 265, 277, 399
Трактатные права иностранцев в Китае 206, 244, 249, 253, 255, 257–259, 263, 270, 271, 273, 275
«Триумвират» (Витте, Куропаткин,
Ламсдорф) 96, 193, 199, 200–202, 204, 228, 229, 323, 282
Турция 44, 53, 63, 87, 220, 316
Тюренчэн 336, 339
Тяньцзинь 92, 95, 456
Урал 27, 45, 76
фабричная инспекция 90
Фашода 86
Филиппопольский переворот в Болгарии 26
Финляндия 75
Формоза 14, 82, 84, 208
Франция 7, 14, 17, 21, 27, 31, 32, 40, 43, 55, 67, 105, 112, 129–132, 145, 148–150, 157, 160, 162–164, 170, 171, 220, 221, 224, 230, 232, 242, 250, 257, 263, 275,

279, 304, 307–313, 316, 337, 343, 356–358, 362, 363, 365, 366, 375–378, 393–396, 405, 450, 451, 457, 470–473
Фузан 34
Фуцзянь 84
Фушуньские копи 191, 388, 389, 405
Хайчен 347
Ханькоу 45
Харбин 73, 74, 331, 364, 372, 385, 388
Ходынка 52, 54
Хуньчунь 228, 475
Царизм 7, 11, 22, 25, 28, 40, 44, 47, 49–51, 54, 65, 66, 68,72,73,90–92, 96, 97, 105, 127, 156, 157, 164, 170, 172–174, 180, 181, 185, 190, 193, 196, 199, 217, 221, 227, 228, 289, 291–296, 298–300, 302, 304, 305, 308, 309, 312, 313, 315, 325, 327, 328, 333, 335, 337, 343–345, 348, 350, 358–362, 367, 369, 391, 394, 397, 401–403
«Цесаревич» 9
Шинчжоутин 339, 439
Цзяочжоу 56, 57, 61
Цзяошэцзюй 74 [493]
Циньвандао 111
Цицикар 229
Цусима 325, 369–373, 380
Цусимский пролив 153
Чакбар 88
Chartered Company 76
Челябинск 19, 20
Чемульпо 9, 10, 30, 257
Черноморский флот 277, 370
Черное море 86
«Черный дракон» 117
«Черный океан» 21, 118
Чжилийская провинция 63
Чукотский полуостров 76
Шанхай 23, 45, 178, 399
Шаньдун 56, 57, 61, 82, 84
Шаньси 63
Шаньхайгуань 125
Шахэ 322–324, 353, 354, 356, 363, 382
Шеньси 63
Шимпото 121

Эвакуация Маньчжурии 112, 113, 133, 134, 137, 144, 145, 155–157, 202, 204, 205, 207, 210, 214, 228, 229, 232, 234, 242–244, 285, 286, 295, 452, 454, 456
Экстерриториальность 116, 117
Электрический синдикат 182
«Эко де Пари» 366
Эльзас-Лотарингия 220
«Юманитэ» 366
Юнкерские училища 317, 318
Юньнань 42
Ялу 61, 77, 111, 189, 190, 191, 205, 240, 242, 254, 265, 272, 281, 293, 323, 336, 337
Янцзы 63, 64, 68, 223, 381
Яньтайские копи 74, 353
Япония 5–18, 21–23, 30–33,40–46, 62, 83, 108, 111, 112, 116, 122, 123, 128–135, 138, 140–142, 147, 149, 152, 153, 158, 159, 161, 201, 203, 204, 206, 210, 211, 214, 225, 242, 244, 247, 248, 251, 261, 270, 279, 294, 295, 299, 301, 304–307, 309–312, 314–316, 325, 337, 339, 340, 342, 344, 345, 349, 350, 352, 354, 367, 369, 372, 375, 378–381, 383, 385, 388–391, 397–404, 407, 449, 450, 460
Японское море 22, 56, 64, 167, 460
Ясуда 117

Примечания

{1} Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938.

{2} Хотя бы — в Японии — и с примесью черт «империализма германского типа» (История дипломатии, т. II, М., 1945, стр. 3).

{3} Краткий курс истории ВКП(б), стр. 52.

{4} Там же, стр. 52.

{5} Там же, стр. 52.

{6} Обращение товарища И. В. Сталина к народу. «Правда», 3 сентября 1945 г.

{7} *Ленин,* Соч., т. VII, стр. 49 и 48.

{8} Красный архив, т. 41–42, стр. 163.

{9} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 109 (запись 26 января 1904 г.).

{10} Русско-японская война. Изд. Центрархива, М., 1925, стр. 52 и 45.

{11} Кр. архив, т. 2, стр. 95 и 105 (записи 15 декабря 1903 г. и 15 января 1904 г.).

{12} Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Изд. Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока, СПб., 1904, стр. 215, № 38.

{13} *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928, стр. 442 (Донесение русск. морск. агента в Японии капитана Русина от 20 августа 1903 г.). В дальнейшем цитируется: Россия в Маньчжурии.

{14} Die Grosse Politik der Enropüischen Kabinette, т. 19, ч. I, № 5931.

{15} История дипломатии, т. II. М., 1945, стр. 5.

{16} Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока. 1895–1905, изд. МИД, СПб., 1906, стр. 1–13. — См. приложение 1.

{17} *Ленин,* Соч., т. IV, стр. 165. — См. приложения 3 и 4.

{18} *W. W. Mc Laren.* A political history of Japan during the Meiji-Eia, 1867–1912. London — New York, 1916, pp. 229–230.

{19} Ленинский сборник, т. XXVIII, стр. 259.

{20} Изв. Советов Депутатов Трудящихся СССР, 1 августа, 1938 г., № 177, стр. 3.

{21} Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока, стр. 6 (ст. VI/I Симоносекского договора). — См. приложение 1.

{22} На 35 млн населения тогдашней Японии количество самураев определялось в 2% млн. Заметим, что в России, по переписи 1897 г., на 130 млн населения приходилось немногим более 1 млн потомственных дворян.

{23} *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 309–310.

{24} *Mc Laren,* цит. соч., стр. 231 и 233. — *U. Iwasaki,* The working forces in Japanese Politics. A brief Account of Political Conflicts, 1867–1920. New York, 1921, стр. 61 сл.

{25} *Giichi Ono.* War and Armament expenditures of Japan. New York, 1922, стр. 29, 32, 41, 44, 133, 171.

{26} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 33 и 39. — Сиб. ж. д. в ее прошлом и настоящем, под ред. А. Куломзина. СПб., 1903, стр. 107. — Министерство финансов 1802–1902, ч. 2-я, СПб., 1902, стр. 642–643.

{27} Россия в Маньчжурии, стр. 53–54 и стр. 474, прим. — Сиб. ж. д. с ее прошлом и настоящем, стр. 140–143. — Наша железно дорожная политика по документам архива Комитета министров, т. III. СПб., 1902, стр. 244.

{28} Сиб. ж. д. в ее прошлом и настоящем, стр. 68 сл. — *O. Franke.* Die Grossmächte in Ost-Asien von 1894 bis 1914. Braunschweig und Homburg, 1923, стр. 25–27. — *H. B. Morse.* The international relations of the Chinepe Empire. London, 1918, III, стр. 6–19. — Россия в Маньчжурии, стр. 8, 52 сл.

{29} Описание Кореи. Изд. Канцелярии министерства финансов, ч. III, приложение, СПб., 1900, стр. 176–179. — *Е. Жуков.* История Японии. М., 1939, стр. 127.

{30} *В. Н. Ламсдорф.* Дневник 1891–1892. М. — Л., 1934, стр. 215–216 (отзыв Александра III о японцах в 1891 г.: «обезьяны, играющие в европейцев»).

{31} Борьба классов, № 1–2, Л., 1924, стр. 342. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{32} Россия в Маньчжурии, стр. 57–60 (из всеподданнейшего доклада Витте 1892 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{33} Россия в Маньчжурии, стр. 57–60 (из всеподданнейшего доклада Витте 1892 г.).

{34} *Ленин,* Соч., т. III, стр. 465; т. XIX, стр. 135.

{35} *А. Снесарев.* Афганистан. М., 1921, стр. 235–236.

{36} *Dèbidour.* Histoire diplomatique de 1'Europe, I, стр. 102–104. — Авантюры русского царизма в Болгарии. Сб. документов, М.. 1935, стр. XIII сл. и 3–38. — К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, т. I, полутом 2-й, ГИЗ, 1923, стр. 576 сл., 654, 733, 809. — Ср.: Дневник В. Н. Ламсдорфа. 1886–1890. ГИЗ, 1926, стр. 351–353 (о предлагавшейся покупке 88 000 железнодорожных турецких акций в 1890 г. Александр III выразился, что он находит «весьма странным пускаться нам в такие рискованные и дурные предприятия»). — История дипломатии, т. 2, М., 1945, стр. 76 сл. (где впервые в русской литературе документально освещены болгарские события 1885–1886 гг.).

{37} *М. Л. Томара.* Экономическое положение Персии. СПб., 1895, стр. 149 и 171. — К. П. Победоносцев и его корреспонденты, 1, 2-й полутом, стр. 734, 694–696, 706, 844, 845. — Кр. архив, т. 56. стр. 35 сл. — Дневник К В. Н. Ламсдорфа. 1886–1890. ГИЗ, 1926, стр. 72, 109, 151, 169, 210, 221, 337.

{38} Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров, т. III. СПб., 1902, стр. 245. — *А. В. Богданович.* Три последних самодержца. Л., 1924, стр. 115. — Дневник В. Н. Ламсдорфа, I, стр. 28, 223. — *Е. М. Феоктистов.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929, стр. 253 сл.

{39} История дипломатии, II, стр. 113.

{40} Россия в Маньчжурии, стр. 65. — Кр. архив, т. 50–51, «Из эпохи японо-китайской войны 1894–1895 гг.» (где собрана переписка русского министерства ин. дел). — Ср.: *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 147 (где цитируется следующее сообщение C. A. W. Pownall из «Nineteenth Century and After», March, 1904: «что контроль над Китаем... был издавна целью японцев, доказывается существованием детально разработанной карты, охватывающей весь район Кореи, Маньчжурии и берега Печилийского залива, с отметкой всех дорог, контуров холмов, и всех деталей, карты, которая должна была вызвать тайные съемочные работы самой пытливой расы земного шара за много лет до того, как эта карта была использована японским штабом в войне 1895 г. Копия этой карты была получена пишущим эти строки в то время и находится теперь в его обладании. Она сама по себе является доказательством давно лелеемого намерения вторгнуться в Китай...»

{41} Описание Кореи. Изд. Канцелярии министерства финансов, ч. III, приложение, СПб., 1900, стр. 176–179. — Кр. архив, т. 50–51, стр. 11, 34, 48, 51. — *F. A. McKenzie.* The tragedy of Korea. London, 1908, стр. 49 и 46.

{42} Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке. Кр. архив, т. 52. — Россия в Маньчжурии, стр. 66 сл. — *Mc Kenzie.* The Tragedy of Korea. London, 1908, стр. 44.

{43} *O. Franke.* Die Grossmächte in Ost-Asien. Braunschweig und Hornburg, 1923, стр. 66 сл.

{44} Кр. архив., т. 52, стр. 76–77.

{45} Там же, стр. 71–79. — *Bumme*, Воспоминания, т. I, стр, 35 сл. — Соответствующие документы: Кр. архив, т. 52.

{46} «Имеется значительная вероятность предполагать, что дело не дойдет до войны, когда Япония, а равно и другие державы убедятся, что мы действительно готовы... действовать энергично» (заявление Витте на совещании 30 марта 1895 г.). — *Mc Laren.* A political history of Japan, стр. 241 сл.

{47} The North China Herald, 7/19 апреля 1895 г.

{48} *Giichi Ono.* War and Armament expenditures of Japan. New York, 1922, стр. 116. — Финансы Японии после войны с Китаем. Изд. минист. финансов, СПб., 1899, стр. 3. — *A. Andréadas.* Les finances de 1'Empire Japonais et leur évolution. Paris, 1932, стр. 51.

{49} *Giichi Ono,* цит. соч., стр. 142, 136. — Граф Иноуэ, один из лидеров политической и финансовой жизни тогдашней Японии, так и говорил: «до этой контрибуции в финансовом управлении Японии не было даже и помину о сотнях миллионов иен. Доход достигал только 80 млн иен. И потому мысль о приливе в страну 350 млн иен вызвала и в правительственных кругах, и у частных лиц ощущение безграничного богатства» (*К. И. Попов.* Экономика Японии. М., 1936, стр. 23).

{50} Подробнее об этом см.: Россия в Маньчжурии, стр. 85 сл., 191 сл.

{51} *Giichi Ono,* цит. соч., стр. 63, 68. — Финансы Японии, СПб., 1899, стр. 3, 6, 7 и 11.

{52} *Giichi Ono,* цит. соч., стр. 61, 66, 143, 144.

{53} *A. Andréadas.* цит. соч., стр. 63 (цитата из статьи д-ра Шигэки в японском журнале «Гацо»).

{54} *U. Iwasaki,* цит. соч., стр. 36 сл.

{55} 1895–1900 гг. обычно трактуются как период «борьбы за концессии», период «политики сфер влияния» и т. п. (см., напр.: *О. Franke,* цит. соч., стр. 105–145. — *M. Baw.* The foreign relations of China, стр. 37–62.

{56} Заимствуем эти выдержки из обзора печати, приведенного А. Л. Поповым в «Красном архиве», т. 52 (Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке).

{57} *Фр. Энгельс.* Внешняя политика русского царизма (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. И, стр. 36).

{58} Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока, стр. 14 сл. — *О. Franke,* цит. соч., стр. 109–110.

{59} Записка Духовского в «Красном архиве» (т. 52), записка Капниста и ответ Витте: Россия в Маньчжурии, стр. 97 сл. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{60} Россия в Маньчжурии, стр. 482 и 591 сл.

{61} Как немцы, так и французы предполагали условием займа учреждение администрации китайского долга, по образцу турецкого, с выделением в управление этой «администрации» соответствующих доходов китайской казны. Вмешательство России избавляло Китай от этой перспективы, заменяя «администрацию» русской гарантией. См. Россия в Маньчжурии, стр. 86 сл. — См. приложение 2.

{62} Россия в Маньчжурии, стр. 90–92, 215 сл., 484 сл.

{63} Там же, стр. 111 сл. — См. приложение 6.

{64} Там же, стр. 139–144. — Текст русско-японского договора («Сеульский меморандум») — в «Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока» (стр. 146 сл.). Ср.: *Me Kenzie.* The Tragedy of Korea, 1908, стр. 49–77 (о хозяйничанье в Корее в 1895 г. японского генерала Миура, организовавшего зверское убийство королевы). — Ср.: Documents diplomatiques francais, I, № 399 (депеша Дюбайля от 16 сентября 1901 г.) — См. приложение 5 и 7.

{65} Текст соглашения с Кореей («ответные пункты корейскому послу» 16 июня 1896 г.) см.: Россия в Маньчжурии, стр. 144 сл. — *В. Аварин* (Империализм в Маньчжурии, т. I. 2-е изд., ГИД 1934, стр. 33) утверждает, что Николай согласился принять Корею под протекторат России «частным образом (без ведома министров)», — ссылаясь на воспоминания русского дипломата Р. Розена, выпущенные им в глубокой старости в американском издании (*R. Rosen.* Forty years of diplomacy, I, New York, 1922, стр. 125–126). Но в деле № 20 3-го Отд. Канц. министра финансов имеется текст «ответных пунктов», присланный к Витте при письме министра иностранных дел Лобанова от 16 июня 1896 г. с сообщением, что они «высочайше одобрены». Это лишний раз показывает,

насколько можно верить памяти Розена и как не следует полагаться на его сообщения без проверки. — См. приложение 8.

{66} Россия в Маньчжурии, стр. 151–152.

{67} Там же, стр. 44–45 и 119–121. — См. приложение 9. — Состав правлений см. ниже в гл. восьмой.

{68} За 1886–1890 гг. из России было вывезено 413.7 млн пудов хлеба на сумму 322 млн руб., за пятилетие 1891–1895 гг. вывезено 441 млн пудов на сумму 296 млн руб. (цифры П. Лященко в его статье о народном хозяйстве России во второй половине XIX — нач. XX ст., в Энциклопед. словаре Граната, т. 36, ч. IV). — По поводу учреждения в составе министерства финансов департамента железнодорожных дел, куда передавалось железнодорожно-тарифное дело в 1889 г., член Государственного Совета В. Мансуров писал в дружеском письме Победоносцеву: «С удовольствием не буду в понедельник в общем собрании. Тарифное дело смущает: подумай, что все дело русского сельского хозяйства всецело отдается в руки В<ышноградского> и ведомства, смотрящего на все с точки зрения ныне купеческой... Поневоле пугаешься» (Победоносцев и его корреспонденты, т. I, 2-й полутом, стр. 922).

{69} Дневник Половцова. Кр. архив, т. 46, стр. 111 (запись 21 апреля 1895 г.) — *А. В. Богданович.* Три последних самодержца. Л., 1924, стр. 206. — Дневник А. С. Суворина. М. — Пгр., 1923, стр. 136.

{70} Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Изд. Канцелярии Комитета министров. СПб., 1902, т. IV, стр. 119.

{71} Цитату берем у Б. Грановского (Монополистический капитализм в России. Изд. «Прибой», 1929, стр. 19–20).

{72} Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1894–1895 г., стр. 701 (вклады в сбер. кассах 1880 г. — 9 млн руб., 1890 г. — 147 млн руб., 1893 г. — 298 млн руб.). — Наша железнодорожная политика, т. III, стр. 183. — Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1894–1895 г., стр. 545 (первый результат винной монополии в опытном районе — 75000 руб. в месяц излишка против акциза). — Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны. Кр. архив, т. 53, стр. 4, 15, 16 и 17.

{73} Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1896–1897 г., стр. 366–367.

{74} Николай занял престол 21 октября ст. ст. 1894 г.

{75} Дневник В. Н. Ламсдорфа за 1895 г. Кр. Архив, т. 46.

{76} *А. В. Богданович.* Три последних самодержца, стр. 194–193. — *А. А. Лопухин,* Отрывки из воспоминаний. ГИЗ, 1923, стр. 20 сл. — *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 58 сл. — *А. Н. Крылов.* Мои воспоминания. М., 1945, стр. 45.

{77} Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1896–1897 г., стр. 358, прим.

{78} Документы по вопросу о проекте захвата Босфора в 1896 и 1897 гг. опубликованы в «Красном архиве», т. 47–48, стр. 51, 53, 64–66; — там же, т. 1, стр. 153–162. — Ср.: *Витте* Воспоминания, т. 1, стр. 80–85.

{79} Кр. архив, т. 47–48. Доклад Муравьева о его заграничном путешествии, стр. 77, 79, 84, 87, 89.

{80} Россия в Маньчжурии, стр. 180–186.

{81} Ст. I союзного русско-китайского договора 22 мая 1896 г. содержала взаимное обязательство обоюдной поддержки «всеми сухопутными и морскими силами» в случае «всякой агрессии» Японии, направленной на русскую территорию в Восточной Азии и на территории Китая я Кореи. — См. приложение 6.

{82} *Витте.* Воспоминания, т. I, стр. 107 сл. — *Б. Б. Глинский.* Пролог русско-японской войны. Пгр., 1916, стр. 42 сл. — *А. Л. Попов.* Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке. Кр. архив, т. 52.

{83} Россия в Маньчжурии, стр. 180–186.

{84} Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. ГИЗ, 1923, стр. 6–12. — Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914, T. 14, №Ns 3654, 3655, 3659, 3663, 3664, 3666, 3668, 3672.

{85} Эта легенда и теоретически достаточно дезавуируется ленинским анализом империализма. Пущенная в свое время Витте и обставленная, по его указаниям, громадным документальным материалом (в «Прологе русско-японской войны», Пгр., 1916, Б. Б. Глинского) теория «мирного», «нормального» и т. п. империализма, как явления только внешней политики, перекликалась с каутскианством, которое «отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала» (*Ленин*. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. XIX, стр. 145–140: «Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике»). Эта теория лила воду на мельницу тех, кому «*выгодно* казаться столь наивным и «всерьез» говорить о мире при империализме» (там же, стр. 161). Эта теория, подавляя единственным в своем роде по масштабам «подбором» документов (у Глинского), в дальнейшем у Покровского, нашла себе развитие в концепции русско-японской войны, как войны не империалистической, в ленинском смысле слова «империализм» (*А. Л. Сидоров.* Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны. Историк-марксист, 1937, № 3, стр. 114 сл.).

{86} Документы, относящиеся к занятию Порт-Артура, полностью не изданы. Русская публикация: Кр. архив, т. 58, стр. 150 сл.; т. 2, стр. 287–293; германская: Die Grosse Politik, т. 14, ч. I; английская: British documents on the origins of the War, т. I, стр. 1–42. — Ряд документов пространно пересказан у Глинского (Пролог русско-японской войны Пгр., 1916, стр. 42–63); рассказ Витте — в «Воспоминаниях» (т. Т, стр. 107–121.) — Подробный анализ фактической стороны дела на основании и неизданных документов дан нами: Россия в Маньчжурии, стр. 129–209. — Ср. также: *В. Аварин.* Империализм в Маньчжурии, I, М. — Л., 1934, стр. 33–37. — Кр. архив, т. 46, стр. 125 (отзыв Ванновского, предшественника Куропаткина по военному министерству: в Порт-Артуре «нельзя удержаться, потому что его нельзя укрепить со стороны материка, а в случае войны флот наш будет там заперт без возможности выйти в море»).

{87} Россия в Маньчжурии, стр. 139–160.

{88} Там же, стр. 160–177.

{89} Там же, стр. 206–207; тем временем и военное министерство взяло в свои руки организацию корейской армии через русских военных инструкторов (*Б. Б. Глинский,* цит. соч., стр. 69; British documents on the origins of the War, I, 26).

{90} Россия в Маньчжурии, стр. 180–191.

{91} На пространстве всей береговой линии от порта Инкоу (к западу от Ляодунского полуострова) до устья Ялу на границе Кореи по благоусмотрению русского правительства.

{92} Россия в Маньчжурии, стр. 191–203, в частности, стр. 200, прим.: у германского посла в Лондоне сложилось впечатление, что в Лондона-хорошо понимали, что дело было для России вовсе не в Порт-Артуре и Сиб. ж. д., а в том, чтобы «наложить руку на весьма значительную часть-Китайской империи и выключить ее совсем из мирового торгового оборота», а английский канцлер казначейства Хикс-Бич заявил в парламенте: «правительство твердо решило любой ценой и, если нужно, силою удержать китайский рынок открытым для себя», образ же действий России относительно Порт-Артура Сольсбэри находил «до сих пор» (т. е. уже после ввода туда русских судов) «корректным».

{93} Россия в Маньчжурии, стр. 201–208. — См. приложение 10, 11 и 12.

{94} Там же, стр. 205, прим., и 209, прим. — Для Германии центр тяжести здесь был в том, что, как выразился Вильгельм в письме к Николаю, «мы вдвоем будем хорошими стражами при входе в Печилийский залив», что он и поспешил еще в конце декабря запечатлеть в посланном Николаю собственноручно набросанном для него рисунке, «представляющем символические фигуры России и Германии, стоящие на отражена берегу Желтого моря для проповеди евангелия, истины и света на Востоке» (Переписка Вильгельма II с Николаем П. ГИЗ, 1923, стр. 22–23, письма от 4 I и 28 III 1898 г. — Ср. также: Кр. архив, т. 58, стр. 152). — После входа русских судов в Порт-Артур английское правительство, вступив в решительную борьбу за китайский заем в самом конце декабря 1897 г. и поведя ее в Пекине, выступило в Петербурге с предложением широкого общего соглашения с Россией по всем вопросам, связанным с их интересами в Китае и в Турции в начале января ст. ст. 1898 г., причем распорядилось нащупать почву прежде всего у Витте, предложив ему на первых порах «далеко идущее содействие русским коммерческим предприятием на севере Китая» (British documents, I., стр. 5, телеграмма Сольсбэри 17 января 1898 г.). Разговор английского посла О'Конора с Витте состоялся 23 января, когда Витте «не оставил еще надежды на то, что Китай откажется от английского займа и вернется к русскому предложению займа».

Витте приветствовал «союз» с Англией и готов был «поддерживать» англичан в долине Янцзы, если Англия не будет препятствовать русским притязаниям «на севере», в Гансу, Шаньси, Шенси и Чжилийской провинции. Витте при этом впервые перед англичанином поставил вопрос, «что скажет Англия, если русская оккупация Порт-Артура окажется перманентной», и «хотел выведать, как далеко пойдет английское правительство с Россией» (там же, стр. 7). Развивая дальше переговоры об общем соглашении с Муравьевым, Ламсдорфом и царем через О. Конора, Сольсбэри через Макдональда в Пекине продолжал энергичный натиск на Ли Хунчжана ради заключения займа на условии признания ряда новых привилегий Англии в Китае и неотчуждения долины Янцзы, и поставил русскую сторону перед совершившимся фактом заключения займа в тот момент, когда она готовилась дать формальный ответ на оформленное к тому времени в специальном меморандуме широкое предложение Англии (там же, стр. 12, меморандум 12 февраля, и стр. 16, телеграмма О'Конора от 3 марта 1898 г. о «великом разочаровании» царя по поводу известия о состоявшемся английском займе). Так как русская сторона уже была официально посвящена в условия этих англо-китайских переговоров и уже готова была отступиться от своей большой программы монополий в Маньчжурии и Монголии, то в ответ на упомянутый общий меморандум, в качестве контртребования она и предъявила притязание на аренду портов Артура и Даляньваня, что для английской стороны не могло быть неожиданностью, после того как даже сам Витте с самого начала переговоров поднял этот вопрос. Английское правительство прибегло к этому грубому приему, чтобы отрезать всякую возможность поворота в Петербурге в сторону большой программы, и не могло не сознавать, что после этого афронта никакие силы не удержат царскую дипломатию от этого контртребования.

{95} Кр. архив, т. 54–55, стр. 65. — Россия в Маньчжурии, стр. 209–39. — См. приложение 13.

{96} Россия в Маньчжурии, стр. 242–245.

{97} Изв. мин. иностр. дел, 1914, кн. IV, прил. стр. 62. — Письмо Витте Муравьеву от 6 мая 1899 г. в деле № 10 3 отд. Канц. мин. фин. Центр. Гос. ист. архив в Ленинграде). (В дальнейшем указываются только номера архивных дел).

{98} Там же, стр. 80 (помета Витте на докладе Куропаткина 1900 г.).

{99} Кр. архив, т. 54–55, стр. 55 сл. и 60.

{100} Там же, т. 46, стр. 122 (отзыв Половцова). — Ср.: Кр. архив, т. 3;. стр. 109: когда Муравьева спросили «относительно причины его задумчивости», он ответил, что «размышляет о том, чем мог бы рассмешить государя на завтрашнем докладе».

{101} Там же, т. 54–55, стр. 56, 64, т. 50–51, стр. 74.

{102} Кр. архив, т. 46, стр. 121 (о Гаагской конференции). — Письмо Куропаткина к Витте от 27 декабря 1898 г.: Россия в Маньчжурии, стр. 226.

{103} Кр. архив, т. 54–55, стр. 65.

{104} Кр. архив, т. 46, стр. 120 сл. — За 1891–1900 гг. в России образовалось 191 акционерное общество на иностранном капитале в 634 млн руб. (*П. Лященко.* Экономическое развитие России в XIX — XX вв., Энцикл. словарь Граната, т. 36, ч. IV).

{105} Дневник Половцова, Кр. архив, т. 46, стр. 120 сл. (где изложена записка Витте).

{106} Там же, запись 16 марта 1899 г. (Витте согласился на разделение сфер в Китае 26 февраля 1899 г., см.: Россия в Маньчжурии, стр. 231).

{107} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр.429–434. — Кр. архив, т. 46, стр. 118.

{108} Отчет по делопроизводству Гос. Совета за сессию 1898–99 г., стр. 450 сл.

{109} Дневник Половцова. Кр. архив, т. 46, стр. 128 (запись 14 апреля 1900 г.).

{110} Китайская восточная ж. д. Исторический очерк, сост. канцелярией правления Общества КВжд, т. I, стр. 72, 73, 75, 58, 163, 299, 59–63, 131–134, 297, 43–45, 67. — Известия министерства ин. дел. 1916 г., кн. III и IV, стр. 21 сл. и 26 сл. — К началу 1901 г. общий расход по Ляодунскому полуострову исчислялся более, чем в 20 млн руб. (письмо Витте к Ламсдорфу от 23 июля 1901 г. в д. № 75. ч. 4, Канцелярии министра финансов).

{111} Материал документальный для характеристики безобразовцев имеется в следующих изданиях: 1) Русско-японская война. Изд. Центрархива, Л., 1925, стр. 134 с.; 2) *Б. Б. Глинский,* пит.

соч., стр 247 сл., 268 сл., 292 сл.; 3) Кр. архив, т. 17 и 18, переписка безобразовцев между собой в 1904 г. и переписка Витте с Сипягиным 1900–1901 гг.; 4) Кр. архив, т. 2, дневник Куропаткина за 1902–1903 гг.; 5) *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 141 сл. и 195 сл. — Ср.: Россия в Маньчжурии, стр. 384 сл., 427 сл.; также мои работы: Концессия на Ялу, сб. «Русское прошлое», Пгр., 1923, стр. 87–108; Витте накануне русско-японской войны, сб. «Россия и Запад», Пгр., 1922; *Р. Аварин.* Империализм в Маньчжурии, I, стр. 61 сл.

{112} Тайной охранно-шпионской организации для борьбы с революционерами после 1 марта 1881 г.

{113} Телеграмма Безобразова Вогану от 25 октября 1903 г. в деле № 119/3 Канц. Особ. Комитета Дальнего Востока (Центр. Гос. ист. арх. в Ленинграде).

{114} Россия в Маньчжурии, стр. 383 сл.

{115} Там же, стр. 388 сл.

{116} Там же, стр. 390–392.

{117} Из справки, составленной в министерстве финансов (дело № 120).

{118} *Б. Б. Глинский,* цит. соч., стр. 90 сл.

{119} Там же, стр. 87 сл.

{120} Там же, стр. 94.

{121} Кр. архив, т. 63, стр. 125 сл. (письмо Николая к сестре 21 октября 1899 г.).

{122} Кр. архив, т. 18, стр. 4 сл. (доклад Муравьева 25 января 1900 г.) — *М. Л. Томара.* Экономическое положение Персии, стр. 102. — Цит. статья П. Лященко в Энцикл. словаре Граната. Вывоз хлопчатобумажных тканей туда составлял к 1900 г. 44%, тогда как в Китай вывозилось всего 30°/о из общей цифры русского вывоза в 324 тыс. пудов.

{123} Вскоре наметился и тот порт «на Индийском океане», к которому устремился русский империализм в Персии — Чакбар (Documents diplomatiques francais, III, № 410, депеша Бомпара 28 VIII 1903). — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 36: Куропаткин в 1903 г. возражал против затеи с Чакбаром, что это будет «повторением» истории с Порт-Артуром.

{124} Кр. архив, т. 18, стр. 28 (доклад Муравьева 29 февраля 1900 г.).

{125} *Ленин*, Соч., т. II. стр. 186.

{126} *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 164.

{127} *А. В. Богданович.* Три последних самодержца. Л., 1924, стр. 219.

{128} *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 4. — Уже в 1900 г. сберегательные кассы потерпели убыток в 11 млн. руб. ввиду необходимости переоценки портфеля ценных бумаг, повлекшей за собой списание со счетов 12.8 млн руб. Вследствие этого, напр., запасный капитал сберкасс снизился сразу с 21 млн. руб. до 9 млн. руб. (Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1902–1903 гг. т. I, стр. 520).

{129} Отчет по делопроизводству Гос. Совета за сессию 1898–1899 г., сгр. 660 сл.

{130} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 135 сл. — Кр. архив, т. 18, письма Витте к Сипягину. — *А. В. Богданович*, цит. соч., стр. 248. — Кр. архив, т. 3, стр. 109 и 88: Сипягин «глупец», «не любит общих вопросов» (отзыв Половцова).

{131} Кр. архив, т. 3, стр. 136.

{132} Кр. архив, т. 18, стр. 22 (письмо Витте Муравьеву от 10 февраля 1900 г.). — Кр. архив, т. 46, стр. 122 и 127.

{133} Доклад Муравьева 4 июня 1900 г.: Кр. архив, т. 14, стр. 14 сл. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{134} Кр. архив, т. 14, стр. 31.

{135} Россия в Маньчжурии, стр. 249–260.

{136} Кр. архив, т. 18, стр. 37.

{137} Россия в Маньчжурии, стр. 255.

{138} Там же, стр. 259–260.

{139} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 26, 68, 11.

{140} Ленин (Соч., т. XIX, стр. 272) называл русский империализм здесь «военно-бюрократическим».

{141} *Ленин*, Соч., т. I, стр. 186, прим. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{142} *Ленин*, Соч., т. V, стр. 356.

{143} *Ленин*, Соч., т. XV, стр. 304.

{144} *А. В. Богданович.* Три последних самодержца, стр. 102 и 160.

{145} *Витте*. Воспоминания, т. III (охватывающий период от детства до смерти Александра III).

{146} По предложению министра путей сообщения гр. Бобринского, Витте в шесть месяцев прошел, не задерживаясь и для проформы, ряд мелких должностей, вместо экзамена на инженера, получая по 200 руб. в месяц.

{147} Борьба классов. Л., 1924, стр. 340. — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 26.

{148} Безобразов жаловался Николаю 31 января 1901 г.: «никакая борьба с Витте, создавшим себе доминирующее положение в среде своих коллег на почве служебной эквилибристики, невозможна» (*Б. А. Романов.* Концессия на р. Ялу. Русское прошлое, Пгр. 1923, № 1, стр. 103).

{149} Кр. архив, т. 3, стр. 139. — Ср. почти стенографический отчет Бюлова о беседах с Витте в июле 1904 г., поразительных по своей откровенности со стороны Витте. Витте высказался здесь против резкого перехода в России от «ретроградного» образа правления к «чрезмерным либеральным уступкам»: «теперь можно было бы парализовать недовольство в России, если бы проявить больше терпимости по отношению к нерусским народностям и иноверцам, менее грубо третировать учащуюся молодежь, предоставить некоторую свободу печати и во внутреннем управлении заменить далеко идущую бюрократическую опеку хотя бы скромным самоуправлением. Если же под влиянием террористических актов верховная власть придет к мысли дать России конституцию, — это был бы конец России. Россия не вынесет конституции в европейском смысле слова. Конституция с гарантиями, парламентом и всеобщими выборами повела бы к анархии и взорвала бы Россию» (Die Grosse Politik, т. 19, ч. 1, № 6043).

{150} *А. А. Лопухин.* Отрывки из воспоминаний. ГИЗ, 1923, стр. 73.

{151} «Заем для окончательного подавления революционного движения» — так назвал русский заем 1906 г. Бюлов, см.: Кр. архив, т. 41–42, стр. 26. — Документы, относящиеся к заключению этого займа: Кр. архив, тт. 10 и 44; также в сб. «Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг.», изд. Центрархива, М., 1926, 269–321. — Ср.: *Витте*. Воспоминания, т. II, стр. 175 сл. и 272.

{152} *Витте*. Воспоминания, т. II, стр. 306–307.

{153} *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 186.

{154} Ленинский сборник, т. XXVI, стр. 93.

{155} *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 63.

{156} Заключительный протокол 25 августа (7 сентября) 1901 г. см. в «Сборнике дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока», стр. 459 сл. — *Б. Б. Глинский,* цит. соч., стр. 122 сл. — Кр. архив, т. 14, документы о боксерском восстании.

{157} Выплата была рассрочена на 39 лет и, следовательно, закончилась бы лишь в 1940 г. Советское правительство отказалось от причитающейся доли по этому «боксерскому вознаграждению».

{158} Заем в 159 млн руб. был заключен в апреле 1901 г. с большим трудом и пошел на выдачу ссуд частным железным дорогам (результат кризиса), для «реализации же причитающегося России от Китая вознаграждения» удалось заключить заем в Берлине лишь в 1902 г. в сумме 182

млн. руб. (Министерство финансов 1802–1902, ч. 2-я. СПб., 1902, стр. 391–392). — Россия в Маньчжурии, стр. 262.

{159} Дневник Половцова, Кр. архив, т. 46, стр. 118–122: т. 3, стр. 84. — Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1899–1900 гг., т. II, стр. 670.

{160} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 186.

{161} Телеграмма Сталя из Лондона 12 января 1898 г. в деле № 116; там же письмо Витте к Муравьеву от 15 января; письмо Витте к, Воронцову от 9 мая 1903 г. в деле № 120. Разрядка моя, — *Б. Р.*

{162} Письмо Куропаткина Ламсдорфу от 30 июля 1001 г. в деле № 75, ч. IV.

{163} Россия в Маньчжурии, стр. 263 сл., 273 сл., 276–277.

{164} Там же, стр. 278, 283.

{165} Там же, стр. 294–295.

{166} Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. Изд. министерства иностр. дел., СПб., 1906, стр. 66. — *Morse*. International relations of the Chinese Empire, III, стр. 228–229. — Кр. архив, т. 63, стр. 111.

{167} Текст предъявленных Китаю требований опубликован нами: Россия в Маньчжурии, стр. 296 сл.

{168} Там же, стр. 285 сл. — См. приложение 14.

{169} Там же, стр. 301–305 и 307–310. — Ср.: Documents diplomatiques francais (1871–1914), 2-e série, I, № 130, стр. 168 (телеграмма французского посланника в Пекине к Делькассэ от 8 марта 1901 г.). Сообщая о протестах против русского проекта сепаратного соглашения со стороны Америки, Японии, Англии и Германии, Пишоп сознавался, что и сам не ожидал такого масштаба русских требований, хотя и заявил Ли Хунчжану, благодарившему его за неприсоединение к протестам других держав, что Франция, как союзница России «никогда не стала бы мешать Китаю урегулировать свои отношения с петербургским правительством». Пишон, при этом, подчеркнул, что и в этом случае, *«как и всегда», «не следует полагаться на искренность Ли Хунчжана, который исподтишка старается вызвать протесты против русских претензий».*

{170} Русские финансы и европейская биржа. М., 1926, док, N» 39, приложение; всеподданнейший доклад Ламсдорфа от 4 августа 1901 г. в деле № 75, ч. IV.

{171} Кр. архив, т. 18, стр. 45–46 (письмо Витте Сипягину 12 июля 1901 г.).

{172} Телеграмма Ч. Скотта Лэнсдоуну от 26 марта 1901 г., в «Английской синей книге» (Маньчжурия и Корея. Изд. Канц. Особого комитета Дальнего Востока, СПб., 1904, стр. 28). — *Е. Жуков.* История Японии. М., 1939, стр. 127 сл. — Documents diplomatiques francais, 2-e série, I, № 133, стр. 171.

{173} Как-то, «когда политические партии требовали, чтобы Ямагата уступил власть, которой он владел, по их мнению, вопреки конституции, Ямагата ответил: «мы завоевали нашу власть мечом и только мечом вы можете взять ее у нас» (*Iwasaki*. The working forces in Japanese Politics. New York, 1921, стр. 66). Точно так же, когда во время англояпонских переговоров о союзе английский посол заметил Кацуре, что «может быть хорошо, что ни в Англии, ни в Японии сейчас не заседает парламент», Кацура ответил, что он «не очень-то заботится о том, что может сказать или сделать японский парламент» (British documents, II, № 118, приложение). — Ср.: *К. И. Попов*. Экономика Японии. М., 1936, стр. 11–12.

{174} Русско-японская война 1904–1905 гг., работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны, т. I, СПб., 1910, стр. 427–430, 387, 459. — Кр. архив, т. 14, стр. 17. — *McLaren,* цит. соч., стр. 235 сл. — Русский договор с Японией, устанавливавший отмену экстерриториальности, заключен 27 мая 1895 с тем, что вступит в силу в 1899 г., что и состоялось 5/17 июля 1899 г. (см. «Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока», стр. 27 сл.). — Кабинет Кацуры, ставленника Ямагаты, был образован в июне 1901 г., просуществовал до войны и вел ее (*Mc Laren*, цит. соч., стр. 277 сл. и 283).

{175} *Н. А. Левицкий.* Русско-японская война. М., 1938, стр. 33–34. Кр. архив, т. 63, стр. 7 сл. — *McLaren,* цит. соч., стр. 270.

{176} *McLaren*, соч., стр. 261. — *Е. Жуков,* цит. соч., стр. 141–142. — Финансы Японии после войны с Китаем. СПб., 1899, стр. 50.

{177} *К. И. Попов,* цит. соч., стр. 24.

{178} *Ленин,* Соч., т. IV, стр. 165.

{179} *В. Аварин,* цит. соч., I, стр. 82; — *Н. А Левицкий,* цит соч., стр. 19. — Финансы Японии после войны с Китаем. СПб., 1899, стр. 50. — *Giichi On o.* War and Armaments Expenditures. New York, 1922, стр. 239–240. — *Е. Жуков,* цит. соч., стр. 141 и 140.

{180} *Хаяма*. Япония. ГИЗ, М., 1936, стр. 52–55. — *Mc Laren,* цит. соч., стр. 246 сл. — *Е. Жуков,* цит. соч., стр. 126, 136.

{181} *Mc Laren,* цит. соч., стр. 246 сл., 256.

{182} Там же, стр. 257 сл.; стр. 263 сл. (программа Ито).

{183} Там же, стр. 261 и 271 и 274 сл.

{184} Уже в сентябре 1904 г. японец Шигеока в американской печати открыто высказал, что «Япония поставила себя в крайне деликатное положение, когда она заявила всему свету, что она стоит за независимость и неприкосновенность Кореи. Она обязана была сделать столь нелогичную декларацию, чтобы *оправдать* свое дело в глазах держав» (цитата из «Review of Reviews», New York, Sept., 1904, приведенная: *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 116).

{185} Кр. архив, т. 63, стр. 7 сл., в частности, 27 (донесения Извольского из Токио в 1901 г.) — *Iwasaki*. The working forces in Japanese Politics, стр. 60. — Ср.: Documents diplomatiques francais, 2-e série, I, № 133 и 202 (донесения из Токио от 10 марта и 21 апреля 1901 г., выдвигающие роль Англии в поддержке японских «джингоистов»).

{186} Там же, I, № 310 (депеша из Пекина от 1 августа 1901 г.)

{187} Японский посланник в Петербурге.

{188} Разрядка моя, — *Е. Р.*

{189} Die Grosse Politik, T. 16, №№ 4008, 4812, 4813, 4817, 4826, 4821, 4820, 4829. — British documents on the origins of the War, II, №№ 49, 50, 51.

{190} Разрядка моя, — *Б. Р.*

{191} British documents, II, № 54, меморандум Фр. Берти 11 марта 1901 г.

{192} *O. Franke.* Die Grossmächte in Ost-Asien, 172–179. — Кр. архик. т. 63, стр. 18, прим. 2-е. — British documents, II, № 61, телеграмма Макдональда из Токио от 22 III 1901 — Английская синяя книга. Маньчжурия и Корея. Изд. Особ. комитета Дальнего Востока. СПб., 1904, стр. 29, № 35. — Кр. архив, т. 63, стр. 20 (донесение Извольского из Токио от 12 марта ст. ст. 1901 г.). Извольский «думал, что война неминуема» и. готовился к отъезду; см. Documents diplomatiques francais, I, № 202 (депеша Дюбайля из Токио 21 апреля 1901 г.) — Ламсдорф, официально отклонив протест Чинды, тогда же заявил о готовности дать любые разъяснения Японии по поводу соглашения, когда оно будет действительно заключено, и запрашивал затем мнение Токио о своем ответе (Кр. архив, т. 63, стр. 22–23. — British documents, II, № 71).

{193} Английская синяя книга. Маньчжурия и Корея. Изд. Особ. комитета Дальнего Востока, стр. 28 и 31 сл., № 34 и прилож. к № 37. — British documents, II, № 72 (депеша Лэсцельса из Берлина 11 апреля 1901 г.) и № 74 (то же от 12 апреля).

{194} Генералом Кацура.

{195} *O. Franke*. Die Grossmächte in Ost-Asien, 184 сл. — British documents, II, № 104, стр. 92–94.

{196} Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906. М., 1926, док. № 39, приложение. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{197} Кр. архив, т. 63, стр. 31.

{198} Ср. высказывания Ленина (Соч., т. IV, стр. 275 и 280) по поводу сипягинских распоряжений о «борьбе с голодающими» и «каторжных правил» об общественных работах от 17 августа и 15 сентября 1901 г.

{199} Письма Витте к Ламсдорфу от 24 и 28 мая 1901 г. в деле №68. ч. IV и № 12.

{200} Журнал особого совещания 28 июня 1901 г. в деле № 81.

{201} Die Grosse Politik, т. 17, №№ 5040 и 5041.

{202} Записки Гаяси в «Изв. министерства иностр. дел», 1913, кн. V, стр. 324–325. — Ср.: *O. Franke.* Die Grossmächte in Ost-Asien, стр. 192–194. — British documents, II, стр. 91 (секретное письмо Лэнсдоуна Уайтхэду в Токио от 31 июля 1901 г.).

{203} British documents, II, стр. 91, 92–96.

{204} Ясное изложение этих разногласий см.: *Исии*. Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 37–41. — Среди высших государственных установлений в Японии (император — глава государства, две палаты, кабинет, не ответственный перед законодательным собранием, тайный совет, зависящий только от императора), по определению Ивасаки, «наиболее влиятельным из всех было внеконституционное учреждение, совет Генро, или старейших государственных деятелей, которое господствовало над всем». Самое слово «генро» значит «старый выдающийся государственный муж» (см.: *Iwasaki*, цит. соч.. стр. 31).

{205} British documents, II, стр. 91 и сл. — Ср.: *Исии*. Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 38 сл.

{206} Россия в Маньчжурии, стр. 315 и 317.

{207} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 183 сл, — *Морской*. Разочарования в честном маклерстве. Т. Рузвельт и Портсмутские совещания. М., 1911, стр. 12. — *Б. Б. Глинский.* Пролог русско-японской войны, стр. 189.

{208} Россия в Маньчжурии, стр. 320–321.

{209} Телеграмма К. Алексеева из Иокогамы от 2 сентября 1902 г. в деле № 12. — Кр. архив, т. 63, стр. 37 и 41.

{210} Россия в Маньчжурии, стр. 325–329.

{211} Разрядка моя, — *Б. Р.*

{212} Кр. архив, т. 63, стр. 37 сл. (депеша Извольского из Токио от 6 октября 1901 г.).

{213} Documents diplomatiques francais, 2-e série, I, № 310 (депеша из Пекина 1 июля 1901, и № 399 депеша. Дюбайля из Токио 16 сентября 1901 г.).

{214} Там же, № 447 (телеграмма Бутирона из Петербурга 21 октября 1901 г.) и № 545 (депеша Делькассэ от 30 ноября 1901 г.).

{215} Там же, № 500 (телеграмма Бутирона из Петербурга от 11 и 12 ноября 1901 г.).

{216} Documents diplomatiques, I, № 527 (телеграмма Делькассэ Бутирону в Петербург от 21 ноября 1901 г.).

{217} Die Grosse Politik, т. 17, стр. 144–145 (донесение германского посла в Петербурге от 4 декабря 1901 г.). — Россия в Маньчжурии, стр. 333. — Таково же было впечатление об «очень милостивом» приеме Ито и у французского посла, см.: Documents diplomatiques, I, 648 сл. — То же и у Исии: Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 39.

{218} Россия в Маньчжурии, стр. 333–340 (ответное письмо Ито Ламсдорфу из Берлина датировано 10 декабря нов. ст.). — Изв. министерства иностр. дел, 1913, кн. V, СПб., стр. 329. — Ср.: *Исии*, цит. соч., стр. 39.

{219} Россия в Маньчжурии, стр. 326 (договор с Русско-Китайским банком от 26 сентября 1901 г.).

{220} Documents diplomatiques francais, I, № 548 (депеша Бутирона от 3 декабря 1901 г.). — Ито изъяснялся на «плохом» английском языке, который Ламсдорф «едва понимал», а Ламсдорф говорил на плохом немецком, с которого для Ито переводил на японский его секретарь Сузуки. — Ср.: *Исии*, цит. соч.. стр. 39: «русские деятели» «заявляли, что кроме независимости этой страны

<Кореи>, их единственным политическим интересом в отношении Кореи был свободный проход через Цусимский пролив». — История дипломатии, II, стр. 156: «в обмен требовалось признание русского преобладания в Маньчжурии и в других областях Китая, примыкающих к русской границе. Точнее говоря, русские настаивали, чтобы японцы отказались от всякого вмешательства в эти вопросы, всецело предоставив их урегулирование России и Китаю».

{221} Россия в Маньчжурии, стр. 335–337. — См. приложение 15.

{222} Россия в Маньчжурии, стр. 339–344. — Письмо Ито в «Обзоре сношений с Японией по корейским делам», стр. 74. — Ср.: Documents diplomatiques francais, II, № 4 (письмо русского посла в Париже к Делькассэ от 4 января 1902 г. по поводу, якобы, предстоящего приезда Ито из Лондона в Париж для обсуждения соглашения России и Японии).

{223} Россия в Маньчжурии, стр. 345–346. — Меморандум США относительно Маньчжурии от 1 февраля нов. ст. 1902 г. на ту же тему опубликован в «Documents diplomatiques francais», II, № 93.

{224} British documents, II, № 118, приложение — интервью Кацуры от 6 декабря 1901 г. — Ср.: История дипломатии, II, стр. 156, «Ямагата и Кацура, начиная переговоры с Петербургом, вовсе не стремились довести их до конца».

{225} British documents, II, № 118, приложение (интервью с Кацурой от 6 декабря 1901 г.). — Секретность англо-японских переговоров была такова, что еще накануне предъявления договора в Петербурге, «никому, кроме Курино и английского посла, и в голову не приходила мысль о существовании подобного проекта» (Documents diplomatiques francais, II, № 84, депеша Монтебелло от 13 февраля нов. ст. 1902 г.). Раньше других, 3 февраля 1902 г., договор был сообщен Германии (British documents, II, стр. 122–123). Витте теперь взял назад все свои возражения против просимых китайцами уступок в редакции договора об эвакуации, лишь бы избежать «нового препятствия в виде обиды нашего национального самолюбия», в случае вмешательства держав (письмо его Ламсфорфу 20 февраля 1902 г., дело № 75, часть 5, Канц. министра финансов). Перед японским посланником Витте опровергал слух, будто он «отказался от оппозиции усилению военного положения России на Дальнем Востоке», и даже «конфиденциально» свалил на военного и морского министров обвинение в «дискредитировании политики Ламсдорфа» и в стремлении «удержать Маньчжурию». Ламсдорф с своей стороны заверил английского посла, что «он вручит свою отставку» царю, «если будет сделано малейшее отступление от политики» его, Ламсдорфа (British documents, II, Ма 143, телеграмма английского посла в Петербурге от 5 марта 1902 г.). — Гэй, государственный секретарь США, был «целиком на стороне Лондона и Токио» и высказал французскому послу в Вашингтоне, что был «совершенно спокоен за договор, подготовляемый Россией с Китаем относительно эвакуации Маньчжурии; но мы ничего не знали об этом втором и таинственном договоре, подготовлявшемся с Русско-Китайским банком, который имел целью отдать все экономические интересы в Маньчжурии в руки России». Несомненно, англо-японский договор «остановит Китай перед западней, куда его хотели завлечь» (Documents diplomatiques francais, II, № 90 — депеша Камбона из Вашингтона 14 февраля 1902 г.). А газета Гэя «Ивенинг стар», указала 21 февраля 1902 г., что нота США от 1 февраля 1902 г. «на деле означает вхождение США в англо-японский союз» (там же, № 105).

{226} Россия в Маньчжурии, стр. 347–348. — См. приложение 13.

{227} Documents diplomatiques francais, V, № 113 (депеша д'Амада из Лондона 9 мая 1904 г.: «с самого начала здесь заявляли, что кто бы ни победил, Россия будет надолго ослаблена и не в состоянии быть угрозой в Европе и на индийской границе»). — Там же, № 122 (депеша Бомпара из Петербурга 12 мая 1904 г.: «русская дипломатия франко-английским соглашением была поставлена перед дилеммой: она должна или следовать за нами, идя на сближение с Англией, или гарантировать себя сближением с Германией»). — Die Grosse Politik, т. 19, ч. I, №6052 (телеграмма Бернсторфа из Лондона 6 сентября 1904 г.: «даже те органы печати, которые пишут крайне резко против России, делают это с задней мыслью, что ослабленная империя царя легче может быть приведена к уступчивости в острых вопросах и, следовательно, к твердому ограничению ее азиатских интересов — посредством угроз, чем посредством любезности». — *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. 1925, стр. 62 (цит. из «Fortnightly Review», Febr. 1, 1904; «если вы думаете, что Германия, раньше или позже, должна оказаться горазда более ужасным врагом, чем вы когда-нибудь имели, вы должны задуваться над вопросом, в какой мере вы можете желать ослабления России»).

{228} Россия в Маньчжурии, стр. 354–350 (депеша Извольского из Токио от 5 мая 1902 г.).

{229} Текст англо-японского договора см. ниже, приложение 16.

{230} Разрядка моя, — *Б. Р.*

{231} British documents, II, № 116.

{232} Разрядка, моя, — *Б. Р.*

{233} British documents, II, №№ 117, 122, 123. — Разрядка моя, — *В. Р.* — См. приложение 16.

{234} Documents diplomatiques: II, № 81 (депеша Камбона из Лондона 12 февраля 1902 г.), и I. № 493 (депеша Жофруа из Лондона 9 ноября 1901 г.) — Ср.: История дипломатии, II, стр. 127 и 158, об английских предложениях широкого соглашения с русским правительством 1898 и 1902 гг., оба раза отвергнутых в Петербурге.

{235} Ср. *Бюлов*. Воспоминания, М. — Л., 1935, стр. 176, «когда Ламсдорф вступил в должность, он очень благоволил к нам по своим политическим взглядам».

{236} Die Grosse Politik, т. 18. ч. I.;№№ 5384–5386, 5395, 5399, 5402, 5893, 5894.

{237} России в Маньчжурии, стр. 358–360.

{238} Кр. архив; т. 46, стр. 121. — Там: же, т. 2, стр. 58–59. — Дневник Суворина/М. — П., 1.923, стр. 243.

{239} *Ленин*, Соч., т. XXX, стр. 347: «Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах, она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным». — Победоносцев и его корреспонденты, т. I, 2-я половина, стр. 647: получив через Победоносцева икону от одной игуменьи, Александр III написал на письме Победоносцева: «очень благодарю за икону, которая доставила мне большое удовольствие и. прелестно написана, а вдобавок я страсть как люблю получать образа». — *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 215 сл. — Дневник Половцова. Кр. архив, т. 3, стр. 152 сл.

{240} Кр. Архив, т. 3, стр. 153 и 90 (запись 30 апреля 1901 г. о пометке Николая в журнале Государственного Совета против мимоходом высказанного мнения о необходимости отмены телесного наказания для крестьян: «это будет тогда, когда я этого захочу»). — Дневник Куропаткина, там же, т. 2, стр. 49.

{241} Кр. Архив, т. 3, стр. 122, 131, 133, 134, 138–139, 155. — О крестьянском движении 1902 г. см. статью И. Ф. Цызырева в «Архиве истории труда в России», кн. 2.

{242} Кр. архив, т. 3, стр. 108–109.

{243} Дневник А. С. Суворина, стр. 280–281, 291. — *А. В. Богданович.* Три последних самодержца, стр. 266. — «Злым гением России» называл Л. Н. Толстого Николай Бюлову (Die Grosse Politik, т. 18, ч. I, № 5416).

{244} Дневник Половцова. Кр. архив, т. 3, стр. 157. — *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 220 сл. — Серафим Саровский Николаю достался тоже по наследству от эпохи отца (см.: Победоносцев и его корреспонденты, т. I, 1-я половина, стр. 358, письмо Виноградова, начальника московских женских гимназий, Победоносцеву от 27 января 1883 г., в котором он, исходя из мысли, что «в настоящее тяжелое время, среди врагов, неутомимых в своей злобе, среди мятежа мыслей... и государю и отечеству нашему нужны молитвенники на небесах», предлагал «ознаменовать начала царствования перед священным коронованием государя императора, открытием мощей» Серафима).

{245} Фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы» в газете «Россия» от 13 января 1902 т. — Ср.: Кр. архив, т. 3, стр. 111. — Дневник А. С. Суворина, стр.. 273 сл. — Под именем «Ника милуша» выведен Николай II в фельетоне Амфитеатрова.

{246} Die. Grosse Politik, т. 18, ч. I, № 5416.

{247} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 43. — Die Grosse Politik, т. 18, ч. I, № 5118. — Франко-русская декларация 3/16 марта 1902 г. приведена в приложении 17.

{248} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 184–185. — Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 53 сл. (подпись «Вилли, адмирал Атлантического океана» появляется в письмах и телеграммах Вильгельма с января 1004 г.). — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 15 и 29.

{249} На этот период падает и поворот Ито в сторону поддержки кабинета Кацуры, в частности, именно проведения морской программы (*Mc Laren,* цит. соч., стр. 283–284).

{250} Die Grosse Politik, 18/I, № 5422.

{251} Кр. архив, т. 2, стр. 86. Эта концепция легла в основу всего, что писали по вопросу Витте и Куропаткин. Единственная попытка сорвать японский план дипломатического развязывания агрессивной (со стороны Японии) войны в 1903 г. была сделана только Витте, посоветовавшим тогда принять первую же редакцию японских требований от 12 августа и. ст. — попытка, оставшаяся никем не поддержанной (Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 98). См. ниже, главу десятую, § 5. — *Примечание редакции:* Редакция считает нужным отметить, что автор недооценивает степени различия политики группы Витте от политики группы Безобразова, в руках которой оказалось руководство внешней политикой России в 1903 г.

{252} Статистические сведения о торговле России с Китаем. Труды Статистического отделения департамента таможенных сборов. СПб., 1909, стр. 15 сл. — Россия в Маньчжурии, стр. 57 сл.

{253} *Е. Грановский.* Монополистический капитализм в России. Прибой, 1929, стр. 11 сл. — Кр. архив, т. 47–48, стр. 84 (доклад Муравьева 23 января/4 февраля 1897 г.: французский министр иностранных дел Ганото просил его «о даровании некоторых льгот французской промышленности в Маньчжурии и Корее»).

{254} Записка 26 февраля 1898 г., представленная Вонлярлярским Николаю II, в деле № 278.

{255} Россия в Маньчжурии, стр. 482 и 591 сл.

{256} Там же, стр. 89, 91, 94, 108, 110, 116, 117, 120, 121, 134, 155–153 и т. д. по указателю.

{257} Там же, стр. 599 сл.

{258} Так как «при всей готовности итти навстречу» желанию Витте, г-н не мог «игнорировать интересы акционеров Русско-Китайского банка».

{259} Россия в Маньчжурии, стр. 156 сл., 168 сл., 177 сл.

{260} Там же, стр. 237 сл.

{261} Там же, стр. 484 сл. и 235–236.

{262} Там же, стр. 485–487.

{263} Ленинский сборник, т. XXVIII, стр. 393. — Россия в Маньчжурии, стр. 599.

{264} Там же, стр. 600 сл.

{265} Там же, стр. 600 прим. — Ср.: Documents cliplomatiques, I, депеша Бутирона из Петербурга 22 ноября 1901 г. Витте говорил по поводу окончания вчерне постройки КВжд, что русское правительство стремившееся иметь легкое сообщение с Порт-Артуром и *линию на Пекин,* достигло цели: у него есть железная дорога, которая может привести его в столицу Китая.

{266} *Ленин*, Соч., т. XVIII, стр. 198.

{267} *П. Лященко.* Экономическое развитие России в XIX — XX вв. Энцикл. словарь Граната, т. 36, ч. IV, стб. 134, 135, 141.

{268} *Б. Грановский.* Монополистический капитализм в России, стр. 12 сл.

{269} Там же, стр. 17, 28–40. *П. Лященко,* цит. соч., стб. 138, 149. 125, 130.

{270} *Ленин*, Соч., т. XX, стр. 298.

{271} *Ленин*, Соч., т. XIX, стр. 136.

{272} *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 124.

{273} *Ленин*. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Энцикл. словарь Граната, т. 36, ч. IV, стб. 181–184.

{274} *Ленин*, там же, стб. 184, 226–227, 194, 195.

{275} *Ленин*, там же, стб. 229, 237, 201, 203.

{276} *П. Лященко,* там же. стб. 111.

{277} *Ленин*, там же, стб. 241, 182

{278} Напр., падение цен на железо (1899 г. — 2 1/2; руб., 1900 г. — 1.25 руб., 1902 г. — 1.10 руб.), уголь (1900 г. — 12 коп., 1902 г. — 7 коп.), нефть 1900 г. — 17 коп., 1902 г. — 4 коп.), на акции Международного банка — с 597 руб. на 323, Русского для внешней торговли — с 450 руб. на 267, Брянцовских заводов — с 511 руб. на 240, Донецко-Юрьевских — с 680 на 210; то же по чугуну на юге России: в 1899 г. — 177 млн пуд., 48 доменных печей, 64 рудника, в 1903 г. — 149 млн пуд., 23 домны, 40 рудников.

{279} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 60. — Россия в Маньчжурии, стр. 398 сл. и 446.

{280} Там же, стр. 476–477.

{281} Там же, стр. 377.

{282} Там же, стр. 376 и 326.

{283} Письмо Витте к Ламсдорфу от 5 декабря 1900 г. в деле № 75, ч. I. — Кр. архив, т. 18, стр. 45, письмо Витте Сипягину от 12 июля 1901 г.

{284} Россия в Маньчжурии, стр. 125, 326, 368, 372.

{285} Там же. стр. 369 сл.

{286} Там же, стр. 383 сл. Ср. выше стр. 80.

{287} Там же, стр. 369.

{288} Там же, стр. 377 и 396, прим. 3.

{289} Там же, стр. 380–383 и 593.

{290} Там же, стр. 401–402.

{291} Там же, стр. 404, 449 сл.

{292} Там же, стр. 451, 548.

{293} См. приложение 19. На деле к концу 1914 г. в КВжд было вложено 733294212 руб. бюджетных народных денег (Россия в Маньчжурии, стр. 124).

{294} Телеграмма Покотилова от 15 февраля 1902 г. в деле № 98. — Кр. архив, т. 17, стр. 79.

{295} «Возражения на брошюру «Маньчжурский вопрос» в деле № 105.

{296} *Ленин*, Соч., т. V, стр. 145.

{297} *Ленин*, Соч., т. V, стр. 174.

{298} *Ленин*, Соч., т. V, стр. 55 и 56.

{299} Всеподданейшие доклады Безобразова 20 и 31 января 1902 г. в деле № 278.

{300} Дневник Половцова. Кр. архив, т. 3, стр. 115–116.

{301} Кр. архив, т. 2, стр. 84. — *И. П. Белоконский.* Земское движение. М., 1914, стр. 113–114.

{302} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 95 и 35.

{303} Кр. архив, т. 56, стр. 56. — Ср. там же, стр. 49 сл. — О «чудесных подрывных работах» русской дипломатии в Персии, железнодорожных и телеграфных проектах там, об успехах русской торговли и т. п. доносил в Париж Бутирон 14 сентября 1901 г. (Documents diplomatiques, I, № 396). Цифры даем в итоге на 1905 г.: Учетно-ссудного банка (21 млн руб.), Энзели-Тегеранской и Хамаданской дорог и Энзелийского порта (10 млн руб.), Тавризской дороги (2 млн. руб.), Страхового и Транспортного общества (200 тыс. руб.), не говоря уже о займах и ссудах шаху (ок. 34 млн руб.), «почти вся сумма» которых находилась в «солидных руках» «императора и императорской фамилии» (по показанию Грубе, финансового агента в Персии).

{304} Россия в Маньчжурии, стр. 345.

{305} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 58.

{306} Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр 148–159.

{307} Пролог русско-японской войны, стр. 214 и 216 (всеподданнейший доклад Витте в 1902 г.). — Россия в Маньчжурии, стр. 412 (письмо Витте к Воронцову от 9 мая 1903 г.).

{308} Кр. архив, т. 2, стр. 39. — Россия в Маньчжурии, стр. 417 сл.

{309} Там же, стр. 412–414. — Documents diplomatiques, II, № 465 (депеша Бутирона в Париж 30 октября 1902 г.): кроме экономического мотива, у Витте сыграло тут роль и то, что «русское дело отныне скомпрометировано, миллионы истрачены впустую, русский престиж в Азии в высшей степени ослаблен — чего бы не хотел Витте», и потому он «рассуждает, что будет ли Корея русской или нет, Маньчжурия должна быть русской». Когда он торопил покончить с маньчжурским вопросом и заключить договор 26 марта 1902 г., он был под впечатлением англо-японского союза; теперь он считает, что есть «другая тактика, которой нужно следовать», чтобы остаться господином в Маньчжурии.

{310} Телеграммы Покотилова из Пекина от 9 и 15 февраля 1902 г. в деле № 98.

{311} Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока, стр. 609 (англо-китайский договор 23 августа/5 сентября 1902 г.).

{312} Обзор сношений по корейским делам. Изд. министерства иностр. дел., стр. 87.

{313} Die Grosse Politik, т. 17, № 5186, телеграмма Меттерниха из Лондона от 17/30 января 1902 г.

{314} Там же, стр. 418.

{315} Телеграмма Плансона из Пекина от 5 апреля 1903 г. в деле К» 107, ч. I. — Еще в конце 1901 г. когда впервые прошел поезд по КВжд, а сдача дороги в эксплоатацию была отложена до конца 1903 г., французский представитель в Петербурге обращал внимание на то, что «эта отсрочка на 2 года совпадает с намеченными сроками эвакуации Маньчжурии: русское правительство хочет быть свободным, независимым от всякого иностранного надзора в течение этого времени» (Documents diplomatiques, I, № 532).

{316} Там же, стр. 420 прим. — *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 126: ввоз в Ньючжуан американский на 7–8 млн таэлей, английский — на 5 млн и японский — на 2 млн таэлей.

{317} Депеша Кассини от 23 апреля 1903 г. в деле № 107, ч. I.

{318} Россия в Маньчжурии, стр. 422. — Ср.: Английская синяя книга. Маньчжурия и Корея. Материалы по Дальнему Востоку. Изд. Комитета Дальнего Востока, стр. 74 сл.

{319} *Глинский*. Пролог русско-японской войны, стр. 276. — Английская синяя книга, №№ 79–82, 87, 88. — Documents diplomatigues, III, № 206 (телеграмма Дюбайля в Париж из Пекина 29 апреля 1903 г.).

{320} Английская синяя книга, №№ 91, 92, 97 и депеша Кассини из Вашингтона от 23 октября 1903 г. в деле № 107, ч. I.

{321} Documents diplomafiques, III, № 222 (депеша Армана из Токио 5 мая 1903 г.).

{322} Письмо К. Алексеева к Витте от 11 мая 1903 г. в деле № 107, ч. I.

{323} Письмо Витте к Ламсдорфу от 11 апреля 1903 г. в деле № 107, ч. I, стр. 425, прим. — Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909, стр. 173 сл. — Кр. архив, т. 2, стр. 90, 99.

{324} Из записки генерала Вогака, зачитанной на совещании 7 мая (Россия в Маньчжурии, стр. 409–412). — *Куропаткин*. Пролог маньчжурской трагедии. Русско-японская война. Изд. Центрархива, М., 1925. стр. 24.

{325} Россия в Маньчжурии, стр. 366–367, стр. 412 прим. (Вогак писал: «необходимо дать понять Китаю и державам, что, очищая Маньчжурию, согласно договору 26 марта 1902 г., Россия не намерена, однако, уступать там кому-либо своего места и что мы готовы поддержать это решение с оружием в руках. Но готовность эта должна быть действительной... На первом месте надо поставить возможность избежать нежелательной войны, на которую никто не решится, раз достаточная боевая готовность России на Дальнем Востоке станет для всех очевидной»). — *Куропаткин*. Пролог маньчжурской трагедии. Русско-японская война. Изд.

Центрархива, 1925, стр. 14–16 и 20: «очевидно, в полгода подготовить Маньчжурию к войне с Японией мы не могли», «доставить... еще 90 батальонов... с мая по декабрь было невозможно. Японцам надо было пользоваться временем, пропусти они год, мы при новом курсе стали бы много сильнее». — Выше приведены соотношения флотов по русскому исчислению. Японцы в декабре 1901 г. в переговорах с Англией оперировали почти такими же: японский флот 200 тыс. тонн, английский 170 тыс. тонн, русский 120 тыс. тонн, французский 80 тыс. тонн (British documents, II, № 116).

{326} Documents diplomatiques, III, № 369 (депеша Бомпара 24 июля 1903 г.) — Малиновая книга (так называемая «Малиновая книга» издана Канцелярией Особого комитета Дальнего Востока «на правах рукописи» под заглавием: Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока), док. № 1. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 26 и 41 (телеграмма Куропаткина из Киото 4 июня 1903 г. и телеграмма Вогака из Порт-Артура 10 июня 1903 г.). Даже по тексту телеграммы Куропаткина видно, что эту мысль внушил ему выпущенный для того, как всегда в нужных случаях, Ито).

{327} Россия в Маньчжурии, стр. 433–436.

{328} Там же, стр. 437. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 147.

{329} Отпуск всеподданнейшего доклада Витте от 27 июня 1903 г. в деле № 107, ч. II.

{330} Documents diplomatiques, III, № 308 (депеша Бомпара 17 июня 1903 г.).

{331} Россия в Маньчжурии, стр. 429. — Когда Безобразов насел все же на Витте, тот предложил перевод кредита в 22 млн руб., назначенного на Бобр-Наревскую ж. д., на усиление войск на Д. Востоке (Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 139). — Бомпар сообщал Делькассэ 28 августа 1903 г.: «обе эти дипломатии («официальная» и «параллельная», — *Б. Р.)* различаются в этом отношении (в отношении к Корее, — *Б. Р.*), только степенью терпения: тогда как вновь пришедшая не боялась бы форсировать события, чтобы разрешить в одном соглашении вопросы маньчжурский и корейский, официальная считает предпочтительным разрешать эта вопросы в очередь и готова войти с Японией в соглашение о Корее и подписать с ней временный протокол о незаинтересованности» (Documents diplomatiques, III, № 410).

{332} Кр. архив, т. 17 стр. 79. — Ср. отзыв Бомпара о Николае (Documents diplomatiques, V: № 323): «ревнивый к своей власти и неспособный ее применить»; или отзыв Вильгельма II (Die Grosse Politik, 19/I, № 6088): «на ответ ему нужно, как обычно, 2 месяца»; или Рузвельта в мае 1905 г.: царь — это «нелепое незначительное существо, как автократ 150-миллионного народа. Он был неспособен вести войну, а теперь он неспособен заключить мир» (*T. Dennett,* цит. соч., стр. 188).

{333} Россия в Маньчжурии, стр. 409 сл.

{334} Там же.

{335} Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 137, 142, 143.

{336} Кр. архив, т. 2, стр. 41. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 88 сл. — Documents diplomatiques, III, № 291 (донесение французского военного атташе Мулэна 10 июня 1903 г.). Мулэн «по существу» был согласен с принятым решением об усилении гарнизона, но подчеркивал «способ функционирования автократии, когда жалкие дворцовые влияния одерживают верх в голове слабого монарха».

{337} Кр. архив, т. 2, стр. 44–47, сл. 83. — Россия в Маньчжурии стр. 427–465, особенно 461, прим. и 465, прим. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 144. — Documents diplomatiques, IV, № 301 (донесение военного атташе Мулэна из Петербурга 20 февраля 1904 г.: Николай «конспирировал против своих собственных министров»).

{338} *А. В. Богданович.* Три последних самодержца. Л., 1924, стр. 98.

{339} Письмо Рафаловича из Парижа министру финансов от 9 августа 1903 г. в деле № 3 1903 г. Секретарской части Канцелярии министра финансов. — Documents diplomatiques, III, № 313.

{340} Цитируем по переводу отрывка парламентского отчета 11 июля 1903 г. в деле № 107, ч. I.

{341} Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 150–152 (записка Безобразова 20 июля 1903 г.).

{342} *Ленин*, т. XIX, стр. 280–281.

{343} Documents diplomatiques, III, № 416 (депеша Бомпара 2 сентября 1903 г.).

{344} Быстрота и решимость, проявленные Ламсдорфом, повидимому, объясняются недоразумением, начало которому положил в Лондоне Чемберлен. Он «поразил» Делькассэ, сказав, что «Англия не против идеи соглашения с Россией, но что подобное соглашение оказалось трудным ввиду способа, каким Россия оказывала нам оппозицию в долине Янцзы» <British documents, т. II, № 213, депеша Лэнсдоуна Ч. Скотту в Петербург 29 июля 1903 г.; а в «Английской синей книге» (China, № 2, 1904) это место в передаче разговора Лэнсдоуна с Бенкендорфом опущено, и инициатива сюжета о Янцзы оказывалась принадлежащей Бенкендорфу>. 7 июля Делькассэ тотчас передал это Бенкендорфу, для которого этот разговор «был что освежительный напиток в политической Сахаре, где мечутся в поисках сюжета для депеши», тот телеграфировал Лаысдорфу, и уже 9 июля Ламсдорф выражал Бомпару свое удовлетворение (Documents diplomatiques, III, № 397). — Речь Крэнборна 11/24 июля побудила Ламсдорфа дать инструкцию Бенкендорфу начать разговор с Лэнсдоуном о Янцзы: в конце июля — начале августа нов. от. Бенкендорф в дорожном костюме «влетел как ветер» в кабинет Камбона, сказал, что получил только что депеши из Петербурга, что там довольны результатом поездки Делькассэ в Лондон и сближением Англии и Франции и что там «думают, что вы можете нам помочь здесь». И так же быстро уехал в деревню (там же, № 393, депеша Камбона 6 августа 1903 г.). В результате еще 28 августа Бомпар не знал, «разделяет ли русское правительство настроения английского правительства» (там же, № 410, депеша Бомпара 28 августа 1903 г.; здесь же любопытный обзор Бомпара о программе русского правительства в Персии и других частях Азии). — Ср.: История дипломатии, II, стр. 158.

{345} Английская синяя книга № 2, 1904, № 139. Материалы по Дальнему Востоку. Маньчжурия и Корея. Изд. Комит. Дальнего Востока.

{346} Там же, № 142. — Documents diplomatiques, III, № 350 (телеграмма Армана из Токио 14 июля 1903 г.); ср. №№ 352, 369 и 386 (сообщения о ликовании печати США по поводу этого заявления как победы дипломатии Гэя и о возражениях в английской печати).

{347} Там же, № 386 (депеша Бомпара 1 августа 1903 г.).

{348} British documents, II, № 237.

{349} British documents, II, №№ 238, 239, 240. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{350} Там же, № 246.

{351} Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Изд. Особ. комитета Дальнего Востока, стр. 170, 172 и 177. — Россия в Маньчжурии, стр. 426–427.

{352} Журнал совещания 1 августа 1903 г. в деле № 107, ч. II.

{353} Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 157.

{354} Кр. архив, т. 2, стр. 48, 49, 54, 58, 83. — Documents diplomatiques, III. №№ 442 и 402.

{355} Кр. архив, т. 2, стр. 98.

{356} Дневник Плансона. Кр. архив, т. 41–42, стр. 157 сл.

{357} Россия в Маньчжурии, стр. 454–458.

{358} British documents, II, стр. 213, № 244 (телеграмма английского посла в Петербурге Лэнсдоуну от 27 августа 1903 г.: «видел вчера гр. Ламсдорфа. Его совещания с императором, повидимому, вполне удовлетворили его в том отношении, что действительное намерение императора состоит не в том, чтобы урезать ответственность министра иностранных дел за политику на Дальнем Востоке, а в том, чтобы упростить дело созданием одного агента для ведения ее там, устранив вмешательство других ведомств. Слова императора, по Ламсдорфу, имели такой смысл: «высшая власть остается за мной, а в отношении к внешней политике вы и я неразделимы»).

{359} Кр. архив, т. II, стр. 75, 76, 79, 85. — Японская белая книга, №№ 27, 28, 29. Маньчжурия и Корея. Изд. Особ, комитета по дедам Дальнего Востока, СПб., 1904.

{360} Алексеев предъявил Китаю 5 требований, из них три повторяла то, что решено было еще 1 августа «триумвиратом» (см. выше стр. 233), причем опущено было требование об «исключении Сев. Китая из ведения иностранцев» (Россия в Маньчжурии, стр. 430, 442, 447). — Кр. архив, т. 2, стр. 83: Плеве говорил Куропаткину (7 ноября 1903), что и ему «неизвестно, куда же мы идем». —

Documents diplomatiques, III, № 206: в январе 1904 г. Франция, по просьбе Ламсдорфа, побуждала Китай возобновить переговоры, но получила ответ, что это возможно только после эвакуации Маньчжурии.

{361} Documents diplomatiques, III, № 339 (депеша Армана из Токио 8 июля 1903 г.).

{362} Донесения морского агента в Японии кап. Русина от 5 июня, 8 и 20 августа 1903 г. и донесение финансового агента в Японии Распопова от 28 августа 1903 г. в деле № 79, ч. II.

{363} Documents diplomatiques, III, № 339 (депеша Армана из Токио 8 июля 1903 г.). — British documents, II, № 248 (письмо Макдональда из Токио 1 октября 1903 г.). — Ср. также: *Исии*. Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 40.

{364} Documents diplomatiques, III, № 369 (депеша Бомпара от 24 июля 1903 г.).

{365} Россия в Маньчжурии, стр. 480–481, прим. (донесение русского финансового агента в Японии Распопова 8/21 марта 1903 г).

{366} British documents, II, № 120 (Лэнсдоун Макдональду о свидании о Ито в Лондоне 7 января 1902 г.); № 284 (Лэнсдоун ему же о беседе с Гаяси 29 января 1904 г.).

{367} Еще в мае 1903 г. Комура говорил о том Макдональду (British documents, II, № 248). — Ср.: Documents diplomatiques, IV, № 29 (депеша Армана из Токио 21 октября 1903 г.).

{368} Documents diplomatiques, IV, № 293 (депеша Камбона из Лондона. 19 февраля 1904 г.).

{369} *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 35. — British documents, II, № 281, приложение.

{370} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 83. — Documents diplomatiques, III, № 393 (депеша Камбона 6 августа 1903 г.). — Die Grosse Politik, 19/I № 5953.

{371} Японская белая книга. Маньчжурия и Корея. Изд. Особ. ком. Д. Востока, СПб., 1904, стр. 177 и 180, №№ 6 и 11.

{372} Россия в Маньчжурии, стр. 450 сл. — Дело совсем лопнуло к концу октября.

{373} Разрядка моя, — *Б. Р.* — Documents diplomatiques, IV, № 25 (донесение французского военного атташе Мулэна 20 октября 1903 г.). Ср. там же № 33, депешу Бутирона из Петербурга 23 октября 1903 г.: ему то же говорили в обоих министерствах («приняли все меры и думаем, что готовы ко всякой случайности и ждем»); в Порт-Артуре в данный момент на 90 судовых единиц было 6 броненосцев I ранга, к которым через 6 недель должно было прибавиться еще 2; у японцев их было уже 8, и «более сильных», да у англичан их было 4. В те же дни у французского посланника в Токио Армана (там же, 47, депеша 29 октября 1903 г.) были сведения, что при не готовом еще Порт-Артуре русские сухопутные силы не превышают 110000 чел. на 200000 японских войск, готовых к отправке; флот же, по тоннажу почти равный японскому, уступал ему в средствах снабжения и снаряжении.

{374} Documents diplomatiques, III, № 448 (донесения военного атташе Мулэна 30 сентября и 3 октября 1903 г.); IV, № 29 (депеша Армана из Токио 21 октября 1903 г.); № 66 (депеша Бутирона из Петербурга 7 ноября 1903 г.); № 85 (то же от 14 ноября 1903 г.); № 156 (депеша Фонтеней из Сеула, 6 января 1904 г.); № 226 (то же, 30 января 1904 г.) и № 235 (то же от 2 февраля 1904 г.) — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 77, 78, 93. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, М., 1925, стр. 51.

{375} Documents diplomatiques, IV, №№ 29 и 156.

{376} Японская белая книга, №№ 7–14.

{377} British documents, II, № 248 (письмо Макдональда Лэнсдоуну из Токио, 1 октября 1903 г.).

{378} Японская белая книга, № 15 (телеграмма Курино Комуре 9 сентября 1903 г.). — Documents diplomatiques, III, № 442 (депеша Бутирона 25 сентября 1903 г.).

{379} Японская белая книга, №№ 3, 16 и 17.

{380} Там же, №№ 19, 20 (телеграмма Комуры Курино 16 и 22 октября 1903 г.) — British documents, II, № 249 (телеграмма Макдональда из Токио 22 октября 1903 г.).

{381} Там же, № 251 (телеграмма Лэнсдоуна в Токио 26 октября 1903 г.), № 252 (телеграмма Макдональда из Токио 27 октября), № 253 (телеграмма Лэнсдоуна в Токио 28 октября).

{382} Die Grosse Politik, 19/II, стр. 355 (из «Vanity Fair» от 17 ноября 1904 г.).

{383} Там же, № 5926 (Бернсторф Бюлову из Лондона 13 октября 1903 г.).

{384} Documents diplomatiques, IV, № 246 (депеша Камбона из Лондона 8 февраля 1904 г.); там же, V, № 398 (телеграмма Камбона из Лондона 28 октября 1904 г.).

{385} Die Grosse Politik, 19/I, № 5929 (Альвенслебен Бюлову из Петербурга 20 сентября 1903 г.).

{386} Там же, № 5936 (Бюлов Вильгельму II, 12 января 1904 г.). — Documents diplomatiques, IV, № 246 (депеша Камбона из Лондона, 8 февраля 1904 г.).

{387} Die Grosse Politik, 19/I, №№ 5929 и 5925 (12 и 20 октября).

{388} British documents, II, № 254 (письмо Макдональда из Токио 29 октября 1903 г.).

{389} Там же, № 257 (Лэнсдоун Монсону в Париж 4 ноября 1903 г.) — Documents diplomatiques, IV, № 44 (депеша Камбона из Лондона 27 октября 1903 г.) и № 45 (записка департамента в Париже 28 октября). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{390} Там же, № 56 (телеграмма Делькассэ Бутирону, 4 ноября 1903 г.). В эти октябрьские дни Николай из Дармштадта «послал через Ламсдорфа Алексееву цука́ за излишне воинственный пыл» и «несколько раз говорил, что он войны не хочет и не допустит» (Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 87); и в Берлине это «сообщение» — «что адм. Алексеев возбудил подозрение у царя, что он работает на войну, и был поэтому приведен в спокойное состояние лаконической телеграммой: Я не хочу войны», — явилось «из русских высоких кругов» 24 октября нов. ст. (Die Grosse Politik, 19/I, № 5926, телеграмма Бюлова в Токио 25 октября 1903 г.).

{391} Россия в Маньчжурии, стр. 450–459. — British documents, II, № 257 (4 ноября 1903 г.). — Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 94.

{392} British documents, II, № 258 (Лэнсдоун Спринг — Райсу в Петербург 7 ноября 1903 г.) и № 262 (Ч. Скотт Лэнсдоуну из Петербурга 22 декабря 1903 г.).

{393} Японская белая книга, №№ 22–34. — Die Grosse Politik, 19/I, № 5422. — Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 93, 94 (Вильгельм «все спрашивает, цел ли еще Безобразов»). — Documents diplomatiques, IV, № 103 (телеграмма Бутирона из Петербурга, 25 ноября 1903 г.) и № 118 (телеграмма Делькассэ Бомпару 8 декабря 1903 г.).

{394} Разрядка моя, *Б. Р.* — British documents, II, № 259 (Лэнсдоун Монсону в Париж 11 декабря 1903 г.). — Documents diplomatiques, IV, № 121 (депеша Камбона из Лондона 11 декабря 1903 г.).

{395} Там же, № 127 (телеграмма Бомпара 18 декабря 1903 г.).

{396} British documents, II, №№ 260 261. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{397} Documents diplomatiques, № 130 (телеграмма Армана из Токио 20 декабря 1903 г.); там же, № 133 (телеграмма Делькассэ 21 декабря 1903 г.). — British documents, II (телеграмма Ч. Скотта из Петербурга 22 декабря 1903 г.: «вчера» «тревожные сообщения прессы» и т. д.).

{398} Японская белая книга, стр. 210–212, №№ 35 и 36 (телеграммы Комуры к Курино от 21 и 23 декабря 1903 г.). — Японские поправки по Корее в основном сводились опять к устранению первой части 5-го русского пункта о неиспользовании Кореи «в стратегических целях» и целиком всего 6-го пункта о «зоне».

{399} Documents diplomatiques, IV, № 147 (депеша Камбона 29 декабри 1903 г.) и № 150 (телеграмма Баррэра из Рима 3 января 1904 г. о том, что сообщения из Токио предвещают «близкий разрыв»).

{400} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 95, — Японская белая книга, стр. 215, № 38. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{401} Разрядка моя, — *Б. Р.* — Documents diplomatiques, IV, № 146 (телеграмма Армана из Токио 29 декабря 1903 г.); ср. №№ 155 и 157 (телеграмма Делькассэ Бомпару 6 января и Бомпара Делькассэ 7 января 1904 г.): Мотоно напирал на вопрос о корейской «нейтральной зоне» и сделал

вид, что соглашается с Делькассэ о невозможности для России «договариваться с Японией о Маньчжурии».

{402} British documents, II, № 265 (телеграмма Лэнсдоуна Макдональду 30 декабря 1903 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{403} Там же, № 268 (телеграмма Лэнсдоуна Макдональду 5 января 1904 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{404} Die Grosse Politik, 19/I, № 5945 (где приведен меморандум Гаяси Лэнсдоуну от 21 декабря, сообщенный Гаяси Экардштейну: «число броненосцев и крейсеров почти одинаково, но японские корабли, почти все английской постройки, гораздо лучше, чем русские, Россия посылает с максимальной быстротой суда на Дальний Восток, и в Токио известно, что в течение 2 месяцев по крайней мере 5 или 6 броненосцев и еще одна дивизия миноносцев прибудут в Порт-Артур. Согласно сведениям разведывательного департамента военного министерства в Токио, у России теперь 240000 человек к востоку от Байкала. Около 95000 из них в Маньчжурии, около 30000 в Порт-Артуре, несколько тысяч во Владивостоке, остальные заняты на охране Сибирской ж. д. У Японии теперь в полной готовности 230000 хорошо обученных солдат и может быть в случае необходимости призвано по крайней мере еще 240 000 резерва»).

{405} British documents, II, № 169 (Лэнсдоун Макдональду 6 января 1904 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{406} Documents diplomatiques, IV, № 163. Здесь текст несколько отличается от опубликованного в «Английской синей книге», № 162 (Маньчжурия и Корея. Изд. Особ. Ком. Дальнего Востока, стр. 165).

{407} Documents diplomatiques, IV, №№ 169, 171 (телеграммы Бомпара от 12 января 1904 г.) и № 172 (телеграмма Делькассэ Бомпару 13 января 1904 г.).

{408} Японская белая книга. № 39 (телеграмма Комуры Курино 13 января 1904 г.) — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{409} British documents, II, № 275 (письмо Лэнсдоуна Макдональду 14 января 1904 г.). — Разрядка моя, — *В. Р.*

{410} Die Grosse Politik, 19/I, № 5931 (помета Вильгельма на телеграмме Меттерниха из Лондона 8 января 1904 г.).

{411} Там же, № 5931 (телеграмма Меттерниха из Лондона 8 января 1904 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{412} *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 27, примеч.

{413} British documents, II, № 269 (письмо Лэнсдоуна Макдональду 6 января 1904 г.).

{414} Разрядка всюду моя, — *Б. Р.*

{415} Там же, № 281 (письмо Ч. Скотта из Петербурга 20 января 1904 г. с приложением «меморандума» Курино от 12 января). Известил Курино Ч. Скотта о свидании с Витте 11 числа; можно думать, что свидание состоялось или 11 или 10-го. Ч. Скотт не переслал меморандума телеграфом потому, что Витте поставил Курино условием не пользоваться телеграфом, так как «секретный кабинет почти всегда может дешифрировать телеграмму иностранных представителей» и «он, Витте, может попасть в беду (get into trouble), если станет известно, что он дал сообщение японскому посольству». Курино, составивший свой меморандум, судя по дате, по просьбе английского посла после устного рассказа, не посмел бы в эти считанные дни ограничиться передачей своего разговора с Витте в Токио только дипломатической почтой, на что потребовалось бы не менее 2 недель, а то и больше. В Лондон почта шла 5 дней (20–25 января нов. ст.). — Именно теперь, после ультиматума, Экардштейн в Лондоне узнал из «достоверного источника», что Ито и Иноуэ покинули «свою колеблющуюся; позицию» (Die Grosse Politik, 19/I, № 5945, 17 января).

{416} Documents diplomatiques, IV, № 220 (телеграмма Делькассэ Барреру в Рим, 27 января 1904 г.). — Беседы с Мотоно там же: № 172 (13 января 1904 г.); № 181 (15 января); № 186 (16 января); № 190 (17 января); № 203 (21 января); № 208 (23 января).

{417} Там же, № 187, 194, 202, 207.

{418} Там же, № 220 (телеграмма Делькассэ Бирреру 27 января 1904 г.); № 210 (телеграмма Бомпара 24 января 1904 г.); № 215 (телеграмма Делькассэ Бомпару 25 января 1904 г.).

{419} Там же, № 181 (телеграмма Делькассэ Бомпару 15 января).

{420} Там же, № 186 (телеграмма Делькассэ Бомпару 16 января); там же, стр. 262, примеч. (телеграмма Бутирона из Петербурга 16 января). — Die Grosse Politik, 19/I, № 5945 (записка Экардштейна 17 января 1904 г.).

{421} British documents, II, № 278 (телеграмма Лэнсдоуна Макдональду 16 января 1904 г.); № 279 (то же, 17 января); № 276 (Лэнсдоун Ч. Скотту в Петербург, 15 января 1904 г.); № 280 (телеграмма Лэнсдоуна Ч. Скотту 19 января). — Documents diplomatiques, IV, № 195. (телеграмма Камбона Делькассэ из Лондона 18 января).

{422} Documents diplomatiques, IV, № 187 (телеграмма Бомпара Делькассэ из Петербурга 16 января); № 190 (телеграмма Делькассэ Бомпару 17 января).

{423} Разрядка моя, — *Б. Р.* — Там же, № 203 (телеграмма Делькассэ Бомпару 21 января); № 204 (то же, 21 января). — Английская синяя книга. Маньчжурия и Корея, Изд. Особ, комитета по делам Дальнего Востока, СПб., 1904, стр. 165, № 162, меморандум Бенкендорфа 26 декабря/ января: «indépendemment des conditions que dans 1'avenir détermineront la nature des rapports avec la Manchourie...» Ср. текст декларации в «Documents diplomatiques» (IV, № 163): «Sans préjuger l'avenir quant à l'établissement définitif de la situation à l'égard de cette province...»; английский текст (British documents, II, № 276): without prejudice to the conditions which would determine in the future the nature of her relations with Manchuria...».

{424} Documents diplomatiques, IV, № 191 (телеграмма Бомпара 17 января); № 197 (телеграмма Делькассэ Бомпару, 19 января); № 202, (телеграмма Бомпара 20 января); № 207 (то же, 22 января 1904 г.).

{425} Там же, № 208 (телеграмма Делькассэ Бомпару 23 января 1904 г.).

{426} Там же, № 210 (телеграмма Бомпара 24 января).

{427} Там же, № 211 (телеграмма Камбона из Лондона 24 января); №215 (телеграмма Делькассэ Бомпару 25 января 1904 г.).

{428} British documents, II, № 283 (письмо Лэнсдоуна Монсону в Париж 27 января).

{429} Die Grosse Politik, 19/I, № 5953 (телеграмма Альвенслебена из Петербурга 27 января 1904 г.). — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 103.

{430} British documents, II, № 284 (письмо Лэнсдоуна Макдональду 29 января 1904 г.) и № 285 (телеграмма Лэнсдоуна Ч. Скотту 30 января, 1904 г.).

{431} Японская белая книга. Маньчжурия и Корея Изд. Особ, комитета по делам Дальнего Востока, стр. 218–225, №№ 40–47. — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 106. — Малиновая книга, № 34, стр. 46. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 51. — Обзор сношений с Японией по корейским делам о 1895 г. Изд. министерства иностр. дел, СПб., 1906, стр. 32–33 и 82–86.

{432} Document diplomatiques, IV, № 239 (телеграмма Камбона 4 февраля 1904 г.).

{433} British documents, II, № 289 (письмо Лэнсдоуна Макдональду, 5 февраля 1904 г.); № 288 (письмо Лэнсдоуна Дюрану в Вашингтон, 5 февраля 1904 г.); № 291 (письмо Лэнсдоуна Гаяси, 6 февраля 1904 г.) — Documents diplomatiques, IV, № 229 (телеграмма Баррера из Рима. 31 января 1904 г.).

{434} British documents, II, № 293 (телеграмма Лэнсдоуна Макдональду, 7 февраля 1904 г.); № 294 (письмо Лэнсдоуна Макдональду 7 февраля 1904 г.); № 295 (письмо Лэнсдоуна Ч. Скотту в Петербург 8 февраля 1904 г.).

{435} Documents diplomatiques, IV, № 246 (депеша Камбона Делькассэ, из Лондона, 8 февраля 1904 г.). — Die Grosse Politik, 19/I, № 5959 (телеграмма Экардштейна Швабаху из Лондона 10 февраля 1904 г.).

{436} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 94. — Ср. выше, стр. 254.

{437} Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 14 (цитата из записки Вогака). — British documents, II, № 282 (письмо Ч. Скотта из Петербурга 21 января 1904 г.).

{438} Кр. архив, т. 2, стр. 60. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, 1925, стр. 152–153 и 158 (докладная записка Безобразова 23 июля 1903 г. и письмо его же к Николаю 4 августа 1903 г.).

{439} Россия в Маньчжурии, стр. 460–465, и 455 сл.

{440} *В. Аварин.* Империализм в Маньчжурии, т. I, М., 1934, стр. 76. — Россия в Маньчжурии, стр. 463.

{441} Die Grosse Politik, 19/I, № 5930 (записка Лихновского 8 января 1904 г.).

{442} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 95. — Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 159.

{443} Дневник Куропаткина, Кр. архив, т. 2, стр. 95–96.

{444} Там же, стр. 102.

{445} Россия в Маньчжурии, стр. 430 и 437.

{446} Там же, стр. 457.

{447} Там же, стр. 459, 464. — Кр. архив, т. 2, стр. 91 и 93.

{448} Сб. «Против исторической концепции Покровского», ч. I. Изд. АН СССР, М., 1939, стр. 480.

{449} *Покровский*. Очерки русского революционного движения XIX — XX ст., 1924, стр. 117.

{450} *Он же.* Русская история в самом сжатом очерке, III, вып. 1, М., 1923, стр. 82 и 81. — *Он же.* Японская война. Сб. «1905 год», т. 1, стр. 606.

{451} *Он же.* Русская история в самом сжатом очерке, III, вып. 1, стр. 92.

{452} «Поступок японцев, допускавшийся международным правом, которое вовсе не требует непременного торжественного объявления войны перед началом военных действий, много прямее и искреннее проектов Безобразова — занять русскими войсками ту самую Северную Корею, нейтрализации которой требовала Россия от Японии» (там же, стр. 93).

{453} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 68, стр. 89.

{454} Documents diplomatiques, IV, № 301 (донесение военного атташе в Петербурге Мулэна 20 февраля 1904 г.).

{455} Le Temps, № 16201 от 28 октября 1905 г.

{456} Письма Рафаловича к министру финансов от 9 августа и 10 октября 1903 г. в деле № 3, 1903 г. Секретарской части Канцелярии министра финансов.

{457} *Б. А. Романов.* Николай II и концессия на Ялу. Русское прошлое, Пгр., 1923, кн. I, стр. 88–89.

{458} Хотя бы для Англии «узел» ее «противоречий» с Россией и не заключался в Маньчжурии, которая являлась предметом дипломатического обмена в борьбе за «пояс буферных территорий, подчиненных английскому контролю» (Тибет, Персия, Афганистан). Поскольку и до тех пор, пока царская дипломатия не шла на соглашение об этом «поясе», Англия крепко держала единый фронт с Японией и США в вопросе об «открытой двери» в Маньчжурии (История дипломатии, II, стр. 158).

{459} Записки Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909, стр. 173–174.

{460} Дневник Куропаткина. Кр. Архив, т. 2, стр. 98. — *Б. Б. Глинский,* цит. соч., стр. 343.

{461} *Б. Б. Глинский.* Пролог русско-японской войны. Материалы из архива гр. Витте, Пгр., 1916 (ранее печаталось в «Историч. вестнике» за 1915 г. За границей издано под псевдонимом: *Pierre Marc.* Quelques années de politique internationale. Antécédents de la guerre russo-japonaise. Leipzig, 1914. — *Б. А. Романов.* Витте и концессия на р. Ялу. Сб. статей, посв. С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 442.

{462} *Витте*. Вынужденные разъяснения по поводу отчета Куропаткина о войне с Японией, М., 1911

{463} *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1940, стр. 5.

{464} *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 61–62.

{465} *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. 11-е изд., стр. 5

{466} Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, (запись 10 апреля 1903 г. перед поездкой в Японию): «относительно Японии государь сказал мне с насмешкой, что я в императоре увижу довольно странную фигуру, с которою можно будет говорить только с переводчиком. Костюм увижу странный и странные будут жесты. Государь сделал при этом довольна презрительную гримасу». — Ср. очередное словечко генерала М. И. Драгомирова: «макаки ведут войну с коекаками» (Кр. архив, т. 41–42. стр. 182, 11 мая 1904 г.). — Вопрос о присоединении Маньчжурии Николай поставил в письме к Алексееву 18 сентября 1904 г. (Россия в Маньчжурии, стр. 497, прим. и стр. 460). — Die Grosse Politik, 19/I. №6055 (телеграмма Бюлова Вильгельму 27 сентября 1904 г. об уходе на Дальний Восток «всех 5 русских артиллерийских дивизионов», и телеграмма Вильгельма Бюлову 25 сентября 1904 г.: «это цель, к которой стремились старик Мольтке и Бисмарк»).

{467} *Витте*. Вынужденные разъяснения... М., 1911, стр. 48. — *Дементьев*. Во что обошлась нашему государственному казначейству война с Японией. Статистическое исследование, составленное по отчетам Государственного Контроля и по сведениям министерства финансов, Пгр., 1917, стр. 34. — Кр. архив, т. 2 стр. 33 и 39; т. 3, стр. 87 и. 103. — Россия в Маньчжурии, стр. 466, прим.

{468} К началу войны «свободная наличность» казначейства исчислялась в 157 млн. руб. — Русские финансы и европейская биржа, М., 1926, докум. №№ 40 и 1–2.

{469} Это, конечно, была не единственная причина, побудившая кончить войну.

{470} Русские финансы и европейская биржа, №№ 3, 4 и 43, 44.

{471} Россия в Маньчжурии, стр. 470 сл.

{472} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 32–33.

{473} И, например, покупки русским правительством рублей в Берлине только за шесть месяцев предвоенного кризиса (август 1903 — февраль 1904) достигли суммы в 4 млн руб.

{474} Русские финансы и европейская биржа, № 3. — Гвиннер, директор Германского банка, исчислял, что во французских руках было тогда русских государственных бумаг на 9 млрд франков, в германских — 5 млрд (Documents diplomatiques, IV, № 252, стр. 334).

{475} Россия в Маньчжурии стр. 102 сл., 211 сл., 242 сл.

{476} Die Grosse Politik, 19/II, № 6288 (депеша Штернбурга Бюлову из Вашингтона 10 февраля 1905 г.).

{477} *В. Теплов.* Англия и США в русско-японском конфликте. СПб., 1904, гл. XIII (донесения Миллера опубликованы были в официальном сборнике «Commercial China»).

{478} *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925, стр. 32, 47, 119. — Die Grosse Politik, 19/II, №6331 (телеграмма из Нью-Йорка 29 августа 1905 г.).

{479} *T. Dennett,* цит. соч., стр. 2. — Die Grosse Politik, 19/II, №№ 5922 и 5978. — *А. Канторович.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935, стр. 163 сл. — Die Grosse Politik, 19/I, № 5944 (записка Гольштейна 16 января 1904 г.). — Дневник Куропаткина. Кр. архив, т. 2, стр. 93.

{480} Письма Рафаловича министру финансов от 9 августа и 10 сентября 1903 г. в деле № 3, 1903 г., Секретарской части Канцелярии министра финансов и от 14 октября, там же, №2. — Ср.: Кр. архив, т. 54–55, стр. 71 (доклад Муравьева 17/30 октября 1898 г. Французский президент Феликс Фор. говорил ему, что «как Англия является в Африке повсюду врагом Франции, таким же врагом является она по отношению к России на Дальнем Востоке»).

{481} *А. М. Зайончковский.* Франко-русские отношения до войны 1914 г. Сб. «Кто должник», М., 1926, стр. 51.

{482} Documents diplomatiques, V, №393 (телеграмма Камбона Делькассэ 28 октября 1904 г.).

{483} *Витте*. Воспоминания, т. I, стр. 100. — Die Grosse Politik, 19/I, № 5955 (телеграмма Бюлова графу Арко в Токио, 2 февраля 1904 г.).

{484} Die Grosse Politik, 19/I, №№ 5920, 5923, 5927, 5943, 5950, 5951; 18/I, №№ 5421, 5422; 18/II, 5917; 19/I, №№ 5924, 5943.

{485} Die Grosse Politik, 19/I, №№ 5925, 5933, 5936, 5941, 5942, 5945.

{486} Там же, № 5961 (записка Бюлова 14 февраля 1904 г.).

{487} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 59, 72 и др. — Кр. архив, т. 9, стр. 60.

{488} Кр. архив, т. 5, стр. 15 (письмо Ламсдорфа от 28 октября 1904 г.)

{489} *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 159; т. VII, стр. 78.

{490} *Ленин*, Соч., т. VIII, стр. 95.

{491} Кр. архив, т. 2, стр. 92.

{492} Киевлянин, № 355, от 24 декабря 1903 г. и № 4 от 4 января 1904 г. (цитируем по «Листку освобождения», № 54 от 19 августа 1904 г.).

{493} Освобождение, № 17/41, от 5 февраля 1904 г. (статья «Предпринимательская политика», разговор кн. Э. Э. Ухтомского с корреспондентов «Франкфуртер Цайтунг», стр. 301).

{494} Кр. архив, т. 2, стр. 90. — *Апушкин*. Русско-японская война. СПб., 1910, стр. 98 (доклад Куропаткина от конца июля 1904 г.: «у нас нет воодушевления вследствие неясности целей войны»). — Кр. архив, т. 69–70, стр. 102.

{495} Кр. архив, т. 2, стр. 44. — Освобождение, № 3/27 от 19 июля 1903 г. (передовая). — Листок Освобождения, № 5, от 10 апреля 1904 г., стр.) (цитата из «Московских ведомостей» от 10 января 1904 г.). — Кр. архив, т. 2, стр. 91, 93, 94.

{496} Освобождение, № 3/27 от 19 июля 1903 г. (передовая): «пожар восточноазиатский может надолго ослабить значение России на Ближнем Востоке и окончательно переместить решающее влияние на нем в руки западных держав, которые, взяв на себя дело турецких реформ, отнимут у России эту естественную сферу ее культурного, политического и экономического влияния». — Листок Освобождения, от 18 февраля 1904 г., стр. 1. — Там же, от 11 февраля 1904 г., стр. 3.

{497} Кр. архив, т. 2, стр. 24 (2 апреля 1903 г. был принят и закон об учреждении дворянских кадетских школ: Отчет по делопроизводству Государственного Совета за сессию 1902–1903 г., т. I, стр. 27 сл.).

{498} *Мартынов*. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906, стр. 29–32.

{499} Записки ген. Куропаткина. Итоги войны. Берлин, 1909, стр, 346.

{500} *Мартынов*, цит. соч., стр. 32–38.

{501} Там же.

{502} Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 г., СПб., 1912, стр. 17.

{503} Кр. архив, т. 45, стр. 92, 94.

{504} *Мартынов*, цит. соч., стр. 72.

{505} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 47.

{506} Кр. архив, т. 68, стр. 71.

{507} Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909, стр. 249–254, 406, 418. — Кр. архив, Т. 45, стр. 92.

{508} *Теттау*. 18 месяцев в Маньчжурии с русскими войсками, II. СПб., 1908, стр. 364–365 (цит. по: Сказания иностранцев о русской армии. СПб., 1912, стр. 191).

{509} Кр. архив, т. 69–70, стр. 101. — Там же, т. 41–42, стр. 170. — *Апушкин*, Русско-японская война. СПб., 1910, стр. 87.

{510} *Н. А. Левицкий.* Русско-японская война, М., 1938, стр. 29, 17–171. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 42. — Русско-японская война. Изд, Центрархива, стр. 173.

{511} Кр. архив, т. 68, стр. 72.

{512} Там же, т. 68, стр. 74, 91; т. 69–70, стр. 120. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 143: после Шахэ, когда начались морозы, обнаружился недостаток полушубков, на роту в 140–150 чел. приходилось 25–35 пар валенок, не было никакого культурного обслуживания, бродяжничество охватило весь район до Харбина.

{513} Кр. архив, т. 41–42, стр. 162, 172, 195. — Но уже и в мае Алексеев высказывал, что «война встряхнет весь наш внутренний строй, у нас столько неумелости, халатности, недоделанности, что мы не можем далее так существовать... Японцы опередили нас во всем... Мы совсем тиной покрылись» (там же, стр. 184).

{514} Кр. архив, т. 43, стр. 168 сл. — *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 22. — Русско-японская война. Работа Военно-исторической комиссии, т. I, СПб., 1910, стр. 462–463. — Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909, стр. 245–246. — Кр. архив, т. 69–70. стр. 109–110. — Там же, т. 2, стр. 52.

{515} Кр. архив, т. 2, стр. 98.

{516} Die Grosse Politik, 19/II 1905, № 6195. — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{517} Краткий курс истории ВКП(б), 1938, стр. 53.

{518} Там же, стр. 53.

{519} Там же, стр. 54.

{520} Там же, с. 53.

{521} *Е. Ярославский.* Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939, стр. 28 сл.

{522} *И. В. Сталин,* Соч., т. I, стр. 74–75.

{523} В этой и последующих главах мы касаемся событий, происходивших на театре войны, лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения дипломатической истории русско-японской войны.

{524} Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909, стр. 371 сл. 378.

{525} *В. Черемисов.* Русско-японская война. Киев, 1907, стр. 12, 14. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 34–35.

{526} Русско-японская война. Работа Военно-исторической комиссии, т. I, СПб., 1910, стр. 277. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 45.

{527} Записки ген. Куропаткина. Берлин, 1909, стр. 197, 222, 226, 233.

{528} Documents diplomatiques, IV, № 301 (донесение военному министру Андрэ 20 февраля 1904 г.).

{529} Русские финансы и европейская биржа, №№ 1, 2, 34, 5, 14.

{530} Documents diplomatiques, V, №№ 73, 107 и 155 (28 апреля — 20 мая 1004 г.).

{531} *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 71–72. — Против 30 тыс. японцев фактически введено было в действие только 8 тыс. русских (из 20 тыс.). — Die Grosse Politik, 19/II № 6345 (Бернсторф из Лондона Бюлову, 17 мая 1904 г.).

{532} Русские финансы и европейская биржа, №№ 20–22 и 46. Кр. архив, т. 41–42, стр. 176 сл. — По французским сведениям, 2/3 заграничных русских заказов приходилось на долю Германии, 1/3 — на долю Франции. К ноябрю 1904 г. французские заказы исчислялись в 40 млн (постройка 11 контрминоносцев, 1 крейсера и поставка ручных гранат). — Documents diplomatiques, V, № 443 (депеша Бутирона из Петербурга 11 ноября 1904 г.).

{533} Documents diplomatiques, V, №№ 97, 102, 135 (от 5–16 мая нов. от. 1904 г.).

{534} *А. Канторович.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935, стр. 165. — Documents diplomatiques, V, № 130 (телеграмма Камбона из Лондона 14 мая 1904 г.). — В Лондоне подписка на заем была 28-кратная (Die Grosse Politik, 19/II, № 6345 — Бернсторф Бюлову 17 мая 1904 г.).

{535} Того самого генерала с отдельным поездом, женой и коровой, который прославился своим изречением: «не мое дело разбирать раненых от мертвых», и не уступил места у платформы санитарному поезду для такого разбора. — Кр. архив, т. 41–42, стр. 185. — Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 61.

{536} *Апушкин*, цит. соч., стр. 74 (слова адъютанта Куропаткина). Куропаткин исходил из мысли, что «Порт-Артур хорошо укреплен и снабжен запасами на 16 месяцев» (Кр. архив, т. 68, стр. 78). А Алексеев теперь заявлял, «что Порт-Артур продержится всего 2–3 месяца», тогда как еще 12 февраля признавал желательным, «чтобы японцы напали на Порт-Артур, ибо эта крепость надолго задержит японцев» (там же, стр. 81–82).

{537} Кр. архив, т. 2, стр. 28.

{538} Там же, т. 68, стр. 81–83. — Ср.: Кр. архив, т. 41–42, стр. 181–183.

{539} Documents diplomatiques, V, № 227.

{540} Русские финансы и европейская биржа. Изд. Центрархива, М., 1926, № 23 (телеграмма русского финансового агента в Париже Коковцову от 19 июня 1904 г.).

{541} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 62. — *Апушкин*, дат. соч., стр. 101–102.

{542} Die Grosse Politik, 19/I, № 6038 (записка Бюлова 26 июня 1904 г.). — Documents diplomatiques, V, № 266 (депеша Камбона 11 июля 1904 г.).

{543} Россия в Маньчжурии, стр. 495. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 87.

{544} Die Grosse Politik, 19/II. № 6167.

{545} Die Grosse Politik, 19/II, №№ 6166, 6167, 6271, 6168.

{546} Так между собой называли безобразовцы Николая.

{547} Россия в Маньчжурии, стр. 495 прим. — Кр. архив, т. 17, стр. 72. — *Апушкин*, цит. соч., стр. 101. — *Витте*. Воспоминания, т. I. стр. 261. — Ср.: Кр. архив, т. 6 (телеграмма Рутковского из Лондона, подтверждающая версию о мирном демарше Гаяси). — Documents diplomatiques, V, № 291 (депеша Биура из Берлина 30 июля 1904 г.: Остен-Сакен Биуру и Витте Бюлову подчеркивали, что Германия, угождая своим аграриям, «подготовляет новый прогресс русской промышленности посредством увеличения существующего тарифа»).

{548} Die Grosse Politik, 19/I, № 6043 (записка Бюлова Вильгельму II 15 июля 1904 г.).

{549} Кр. архив, Т. 69–70, стр. 102.

{550} Переписка Вильгельма II и Николая II, стр. 63–65 (письмо от 19 августа нов. ст. 1904 г.).

{551} Кр. архив, т. 68. стр. 92 и 95.

{552} *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 157 и 154.

{553} *Гамильтон*. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны, т. II, стр. 31; — *Герч*. О русско-японской войне, стр. 84–85 (цитирую по: *Абамелек-Лазарев.* Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 г. СПб., 1912, стр. 106–107). Имеется также в новом издании: *Я. Гамильтон.* Записная книжка, штабного офицера 1904–1905 гг. Воениздат, М., 1940.

{554} *Гамильтон*, цит. соч., т. II, стр. 125 (*Абамелек-Лазарев,* цит. соч., стр. 144).

{555} Кр. архив, Т. 69–70, стр. 109–110.

{556} *Гамильтон*. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны, т. I, стр. 121 (цит. по: *Абамелек-Лазарев,* цит. соч., стр. 143).

{557} *Теттау*. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Перевод с немецкого, I, СПб., 1908, стр. 319 (цит. по: *Абамалек-Лазарев,* цит. соч., ср. 143).

{558} Кр. архив, т. 19, стр. 71.

{559} Освобождение, № 50, от 25 июня 1904 г., стр. 13.

{560} Там же, № 54 от 19 августа 1904 г. (статья за подписью «П. С.» «Государственная возможность немедленного прекращения войны»).

{561} Дневник К. Романова. Кр. архив, т. 43, стр. 94 (-запись 10 августа) и 96 (запись 18 сентября). — Die Grosse Politik, 19/II, № 6311 (телеграмма Штернбурга из Вашингтона 2 июня 1905 г.: Кассини «горевал, что Россия не последовала тогда совету президента»).

{562} *Апушкин*, цит. соч., стр. 138. — Ср.: Кр. архив, т. 69–70, стр. 106, 108. — Еще 1/14 сентября, повидимому, в Берлине считали вопрос о посылке балтийской эскадры, как и о германских поставках угля, нерешенным (Die Grosse Politik, 19/I, № 6077, записка Клеме 14 сентября).

{563} Текст этого замечательного письма Абазы к Алексееву опубликован нами полностью: Россия в Маньчжурии, стр. 497 прим. — Ср.: Дневник Плансона, Кр. архив, т. 41–42, стр. 195. — Кр. архив, т. 6, стр. 4 (телеграммы Коковцова Витте в Сочи, со слов в. кн. Михаила Александровича).

{564} Кр. архив, т. 69–70, стр. 110–111. — Die Grosse Politik, 19/I, № 6055 (телеграмма Бюлова Вильгельму от 27 сентября нов. ст. 1904 г.) и № 6081 (телеграмма Вильгельма Бюлову от 25 сентября); № 6053 и 6054 (записка Бюлова 9 сентября и ответ Тирпица 15 сентября).

{565} Кр. архив, т. 69–70, стр. 107–108. — *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 148 и 153.

{566} *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 168.

{567} Там же, стр. 158, 213, 215,216. Под Ляояном японцы потеряли 24 тыс. чел., на Шахэ — 20 тыс., русские — 17 и 42 тыс. — Россия в Маньчжурии, стр. 473, — *А. Канторович.* Америка в борьбе за Китай, стр. 166–167.

{568} Кр. архив, т. 67, письмо старшего флаг-офицера походного штаба Рождественского, Свенторжецкого, от 21 января 1905 г. — Ср.: *Мартынов*. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906, стр. 28 (слова Бухвостова, командира броненосца «Александр», на прощальном обеде: «Мы растеряем половину эскадры по пути, а если этого не случится, то нас разобьют японцы»).

{569} Die Grosse Politik, 19/I, №6087 (депеша Тиля из Токио 13 ноября 1904 г.).

{570} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 68–69.

{571} Die Grosse Politik, 19/I, № 6080 (Бюлов Рихтхофену 23 сентября 1904 г.). — Да и японцы смотрели потом на вопрос о поставке угля «относительно спокойно»: «мы получаем от вас военный материал и были бы поставлены в большое затруднение, если бы этот источник для нас закрылся», — говорили в Токио немцам (там же, № 6087, депеша Тиля из Токио 13 ноября 1904 г.).

{572} Documents diplomatiques, V, № 471 (письмо Коковцова Бомпару 9 декабря 1904 г.).

{573} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 69. — Телеграмма Николая II Вильгельму II от 10 октября 1904 г. (*Е. В. Тарле.* Запад и Россия. Пгр. 1918, стр. 204).

{574} Россия в Маньчжурии, стр. 499–501.

{575} Там же, стр. 501–507. — Documents diplomatiques, V, №№ 386–390, 395, 397–399, 404, 405 (25–28 октября нов. ст.). — Die Grosse Politik, 19/I, №6146 (Вильгельм Бюлову 28 декабря 1904 г.). — См. приложение 20.

{576} Русские финансы и европейская биржа, док. №№ 39–41 (доклад Коковцова 19 ноября и письмо Ламсдорфа 28 ноября 1904 г.).

{577} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 44.

{578} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 18–19.

{579} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 33–34.

{580} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 45.

{581} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 48–49.

{582} Россия в Маньчжурии стр. 510, прим. (Телеграмма Петрококино).

{583} Там же, стр. 510–511.

{584} Красная летопись, 1925, № 1.

{585} *Н. А. Левицкий,* цит. соч. стр. 238–239. — Японцы с прибытием армии Ноги из-под Порт-Артура имели 270000 чел. при 1062 орудиях. — Листок освобождения, № 25, от 28 января 1905 г. (сообщение «Echo de Paris»; в телеграмме из СПб., от 19 января: «28 января (по нов. ст.) японцы разбросали по русским траншеям листки, извещавшие о том, что война прекращается, так как в России революция»).

{586} Русские финансы и европейская биржа, стр. 337.

{587} Дневник Линевича. Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 65 и 63. — *Куропаткин*. Итоги войны, Берлин, 1909, стр. 392.

{588} Дневник Линевича, там же, стр. 71, 73 («все настаивают на скорейшем наступлении... но Куропаткин все медлит и медлит»; «он ожидает, вероятно, когда японцы получат свои резервы, и тогда сунется вперед, и тоже, как и всегда, его отобьют»), 74, 75 (6 февраля «вообще все заседание не дало того материала, который послужил бы данными для наступления»), 83, 84, 85, 89, 90.

{589} *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 289–290. — The Times, weekly ed., №1472, 13 марта 1905 г.

{590} Русские финансы и европейская биржа, №№ 44, 53.

{591} Освобождение, № 68, от 2 апреля 1906 г., стр. 300 сл.

{592} L'Humanité, № 329 (12 марта) и № 332 (15 марта 1905 г.).

{593} The Times, weekly ed., № 1474 (28 марта 1905 г.). — Die Grosse Politik, 19/II, № 6294 (телеграмма Штернбурга из Вашингтона 18 марта 1905 г.).

{594} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 175, 179, 180.

{595} Россия в Маньчжурии, стр. 513.

{596} Там же, стр. 514. — Die Grosse Politik, 19/II, №№ 6187, 6189, 6191, 6295, 6296 и 6156 (помета Вильгельма II на стр. 374).

{597} Кр. архив, т. 67, стр. 196–198 (письмо Свенторжецкого, старшего флаг-офицера походного штаба Рождественского от 21 января 1905 г.). — Мысль о присоединении к эскадре Рождественского трех черноморских броненосцев возникала не раз в русском морском министерстве и обсуждалась в печати. Однако министерство иностранных дел решительно восстало против этого по политическим соображениям (см. «Записку по поводу отправления на Дальний Восток судов черноморского флота», изданную минист. иностр. дел на правах рукописи). — Вильгельм, наоборот, сразу поддержал этот проект, лишь бы «это случилось внезапно и совершенно неожиданно и застало весь мир врасплох» (Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 68, письмо от 10 октября 1904 г.). Вильгельму сообщил о «намерении» Николая русский военный агент в Берлине Шебеко, с просьбой высказать свое мнение, — очевидно, по прямому поручению Николая.

{598} Соотношение русских и японских сил было: по числу выстрелов в минуту 134:360, по весу металла в минуту 20000:53600, по весу взрывчатого вещества 500 : 7500, по максимальной скорости хода в бою 11:15 *(Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 300–309. — Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга седьмая. Тсусимская операция. Пгр., 1917, стр. 87–88).

{599} На броненосцы принималось угля вместо 1100–2800 тонн (Кр. архив, т. 67, стр. 196, письмо Свенторжецкого 21 января 1905 г.). — *Черемисов*. Русско-японская война, стр. 281–286.

{600} Выражение это употребил (в кавычках) Коковцов в одном своем всеподданнейшем докладе в 1909 г.

{601} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 336.

{602} Рабочий вопрос в комиссии Коковцова. Изд. Центрархива, М., 1926, стр. XI — XII и 235 сл.

{603} Die Grosse Politik, 19/II, № 6306 (телеграмма Бюлова Штернбургу в Вашингтон 16 мая 1905) и № 6310 (телеграмма Штернбурга в Берлин 24 мая).

{604} Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 102 сл. — Die Grosse Politik, 19/II, стр. 425 и 424. — *T. Dennett.* Roosevelt and the Russo-Japanese War, стр. 215 (телеграмма Комуры Такахире 31 мая нов. ст.).

{605} Решение совещания сформулировал в. кн. Владимир: «если условия мира будут неприемлемы для нас по совести, тогда, конечно, продолжать войну». Кр. архив, т. 28.

{606} Русско-японская война. Изд. Центрархива, стр. 96: «наша армия находится в отличном состоянии, но только не укомплектована. К нам в настоящее время идет укомплектование — 135 тысяч молодых солдат... с прибытием означенного укомплектования мы будем иметь ок. 420 тысяч и тогда можно будет попытаться перейти в наступление... после прибытия молодых солдат к нам придут еще 4 корпуса, при помощи которых я предполагал бы охватить японцев с обоих флангов» (Дневник Линевича, 29 июня 1905 г.). — Там же, стр. 163 (речь Куропаткину к офицерам 1-й армии). — *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 291.

{607} Письма Бенкендорфа Ламсдорфу 29 июня и 18 июля ст. ст. 1905 г.. (Русские финансы и европейская биржа, №№ 58 и 60).

{608} *Ленин*, Соч., т. VII, стр. 388.

{609} Die Grosse Politik, 19/II, №№ 6207, 6223, 6208.

{610} Die Grosse Politik, 19/II, № 6218 (Чиршки Бюлову 24 июля 1905 г.). — См. приложение 21.

{611} Кр. архив, т. V, стр. 30, 35, 43. — *Bumme*. Воспоминания, т. I, стр. 390 сл.

{612} Кр. архив, т. V, стр. 39 — Die Grosse Politik, 19/II, стр. 427.

{613} Там же, № 6241 (Радолин Бюлову 23 сентября 1905 г.).

{614} Там же, № 6246 (письмо Вильгельма Бюлову 27 сентября 1905 г.).

{615} Там же, № 6340 (депеша Бернсторфа Бюлову 8 сентября 1905 г.).

{616} Заем заключен Японией 11 июля 1905 г. из 4 12% (*Giichi Ono.* War and Armament Expenditures, стр. 100). — The Times, weekly ed., № 1485 (13 июня 1905 г.): «предположение, будто вслед за назначением уполномоченных должно обязательно следовать перемирие, столько же необоснованно, как и предположение, будто Россия может отмахнуться от уплаты Японии контрибуции...» «Путь прегражден англо-японским союзом... В течение всей кампании мы не выходили из круга и будем держаться его всеми силами». — *T. Dennett,* цит. соч., стр. 212. — Die Grosse Politik, 19/II, № 6336 (Ведель Бюлову 23 сентября 1905 г. о беседе Эдуарда VII «незадолго» до Портсмутского мира).

{617} *T. Dennett,* цит. соч., стр. 210–211.

{618} British documents, II, № 117 (Лэнсдоун Макдональду 19 декабря 1901 г.).

{619} *T. Dennett,* цит. соч., стр. 165 (замечание Рузвельта, 16, июня 1905 г.).

{620} Die Grosse Politik, 19/I, № 5994 (Штернбург Бюлову из Вашингтона 9 мая 1904 г.).

{621} Там же, 19/II, № 6263 (Штернбург Бюлову 17 августа 1904 г.); № 6264 (Бюлов Вильгельму 31 августа 1904 г.).

{622} Там же, 19/II, № 6266 (Штернбург из Вашингтона 27 сентября 1904 г.).

{623} Documents diplomatiques, V, № 380 (депеша Жюссерана Делькассэ, 18 октября 1904 г.).

{624} *T. Dennett,* цит. соч., стр. 48.

{625} Die Grosse Politik, 19/II, № 6274 (приложение, промемория Штернбурга 24 декабря 1904 г.). — Штернбург, германский посол в Вашингтоне, приехал в Берлин 24 декабря, чтобы наладить «дружественные отношения Германии с Америкой».

{626} Там же, №№ 6276, 6278, 6279, 6282 (январь — февраль).

{627} Там же, №6288 (депеша Штернбурга 10 февраля 1905 г.)

{628} Разрядка моя, — *Б. Р.*

{629} Там же, стр. 582, № 6295 (Штернбург из Вашингтона 21 марта 1905 г.), № 6296 (Бюлов Штернбургу 22 марта), № 6297 (Бюлов Штернбургу 23 марта) и № 6298 (Штернбург Бюлову 31 марта 1905 г.).

{630} Die Grosse Politik, 19/II, № 6285. — *T. Dennett,* цит. соч., стр. 188. — Die Grosse Politik, 19/II, № 6301 (Штернбург Бюлову 2 апреля 1905 г.); № 6318 (то же, телеграмма 5 июля 1905 г.).

{631} Протоколы Портсмутской мирной конференции. Изд. министерства иностр. дел., СПб., 1906, стр. 96. — *Н. А. Левицкий,* цит. соч., стр. 314 сл.

{632} Die Grosse Politik. 19/II, № 6210 (записка Бюлова 23 июля 1905 г.).

{633} См приложение 22.

{634} *Tatsuji Takeushi.* War and Diplomacy in the Japanese Empire. New York, 1935, стр. 153–154, — *Исии*. Дипломатические комментарии. М., 1942, стр. 58–59.

{635} Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россиею и Японией о заключении мирного договора. СПб., 1906, стр. 127 и 137.

{636} Протоколы Портсмутской мирной конференции. Изд. мин. иностр. дел, СПб., 1906, стр. 6 и 97 сл., — *Коростовец.* Мирные переговоры в Портсмуте. Былое, I — II, 1938 т., стр. 58 сл. — Кр. архив, т. 6, стр. 37 сл. — The Times, weekly ed., № 1496 (30 августа 1905 г.) — См. приложения 22 и 23.

{637} Россия в Маньчжурии, стр. 546–555. — *В. Аварин.* Империализм в Маньчжурии, I, стр. 108.

{638} Кр. архив, т. 56, стр. 60 сл. (журнал совещания по персидским делам 7 сентября 1906 г.). Теперь и относительно Персии, северная часть которой, в силу намечавшегося соглашения с Англией, плыла в руки русскому империализму сама, Коковцов предлагал «приступить к эксплоатации наших прав при содействии капиталов мелких нейтральных государств, напр, бельгийцев». — Россия в Маньчжурии, стр. 557, прим., и 558, прим.

{639} Россия в Маньчжурии, стр. 557 сл. — *В. Аварин,* цит. соч., стр. 103 сл. — *А. Канторович.* Америка в борьбе за Китай, стр. 170 сл.

{640} *В. Аварин*, цит. соч., стр. 110 сл. — *Э. Д. Гримм.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927, стр. 170 сл. — Текст соглашения см. приложение 25.

{641} *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 382.

{642} Письмо Коковцова делегатам консорциума от 18 октября 1905 г. (Русские финансы и европейская биржа, № 88).

{643} *Витте*. Воспоминания, т. II, стр. 180. — Кр. архив, т. 44 (Дневник К. Романова, запись 3 декабря о заседании Комитета финансов, где министр финансов И. П. Шипов докладывал о положении, в частности о том, что капиталисты «сбывают деньги за границу», а Витте при этом сам заявил, что перевел туда свои деньги). — Ср.: Le Temps, № 16238. (от 5 декабря), стр. 4 и № 16259 (от 25 декабря), стр. 4.

{644} Россия в Маньчжурии, стр. 528–530.

{645} Русские финансы и европейская биржа, № 131 и № 171 (отчет Коковцова о поездке в Париж и телеграмма Нецлина к Витте от 22 марта 1906 г.

{646} Le Temps, № 16266 (1 января 1906 г.). — Разрядка моя, — *Б. Р.*

{647} Россия в Маньчжурии, стр. 533–535. — Кр. архив, т. 44 (новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1905 г.).

{648} Русские финансы и европейская биржа, стр. 209–321 и 378.

{649} *А. М. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926, стр. 117–124. — Россия в Маньчжурии, стр. 534 сл. — Франко-русские конвенции см. приложение 24.

{650} *A. Gérard.* Ma mission au Japon (1907–1914). Paris. 1919, стр. 13.

{651} Помета Николая II на телеграмме Покотилова 29 апреля 1906 г. (Архив внешней политики, Всеподданнейшие доклады 1906 г.).

{652} *В. Аварин,* цит. соч., стр. 104–105. — Сб. дог. и дипл. док. по делам Дальнего Востока. Изд. министерства иностр. дел, СПб., стр. 754 сл., (японо-китайский договор 9/22 декабря 1905 г.).

{653} *A. Andréadas.* Les finances de FEmpire Japonais et leur évolution. Paris, 1932, стр. 67.

{654} *Mc Laren.* A political history of Japan, стр. 294, 296, 302, 305, 308, 310. — *А. Канторович.* Америка в борьбе за Китай, стр. 165, 166, 221–222. — *В. Аварин,* цит. соч., стр. 103. — *Giichi Ono,* цит. соч., стр. 100 и 116. — Die Grosse Politik, 19/II, № 6330 (телеграмма из Нью Йорка 25 августа 1905 г.).

{655} Кр. архив, т. 7 (телеграмма Распопова Коковцову из Шанхая 27 августа 1905 г.).

{656} *Н. А. Левицкий.* Русско-японская война, стр. 291–292.

{657} *T. Dennett,* цит. соч., стр. 283 и 287 (письма Рузвельта к Кеннану 15 октября 1905 г. и редактору «Outlook» 16 октября 1905 г.).

{658} Die Neue Zeit, 1904–1905, № 50, 9 сентября 1905 г., стр. 745 сл. (статья Франца Меринга «Вопросы о мире и конституции»).

{659} О хозяйничанье японцев в Корее с момента вступления туда армии Куроки см.: *Mc Kenzie.* The tragedy of Korea. London, 1908. — Фактически захватывая в свои руки управление страной, Япония оформляла этот захват одним за другим договорами с корейским императором. Договор 23 февраля 1904 г. гарантировал еще независимость и территориальную неприкосновенность Кореи, при условии принятия японских «советов по улучшению управления» (стр. 306). Августовский договор того же года вводил уже японского суперинтенданта корейских финансов и советника для улучшения иностранных сношений, с отзывом корейских посланников и консулов за границей и с удалением иностранных посланников из Сеула; корейская армия, кроме 1000 чел., распускалась (стр. 307). После Портсмутского мира 17 ноября 1905 г. заключен третий договор, по которому иностранные сношения всецело переходили в руки Японии, при корейском императоре учреждался генеральный резидент (пост этот занял Ито) с правом иметь «частную» аудиенцию у короля и осуществлять свою власть через местных резидентов, назначаемых в города в любом количестве. Наконец, договором 24 декабря 1907 г. все управление и законодательство Кореи отдавалось в руки генерального резидента (стр. 310).

{660} *В. Аварин*, цит. соч., 106 сл. — *А. Канторович,* цит. соч., стр. 172.

{661} *В. Аварин,* цит. соч., стр. 108.

{662} Рапорт русского военного агента в Японии от 9 октября 1909 г. и депеша Сомова из Сеула от 29 августа 1909 г. (в деле № 178 канц. Совета министров); донесение фон-Гойера от 19 августа 1908 г. (в деле №. 178).

{663} Телеграмма Сомова из Сеула от 29 августа 1909 г. (Архив внешней политики, всеп. докл. 1909 г.).

{664} Всеподданнейший доклад Извольского 8 ноября 1909 г. (там же). — В. Аварин, цит. соч., стр. 114–130. — *А. Канторович,* цит. соч., стр. 177 сл.

{665} Россия в Маньчжурии, стр. 567 (помета на докладе Извольского о посещении двух послов). — Ср. замечания В. Аварина о колебаниях в этом вопросе Николая, будто бы из-за «надежды получить для Кабинета в случае утверждения американцев в Маньчжурии уплату за бывшие концессии Лесопромышленной компании согласно контракту со Смитом». Едва ли это так. Условный контракт со Смитом был заключен на продажу ему только Фушуньских копей всего за 2 млн руб. — ничто в сравнении с несколькими сотнями миллионов руб., которые были бы получены Россией за КВжд (Россия в Маньчжурии, стр. 552 и 124, прим.: в 1914 г. задолженность Общества КВжд правительству равнялась 733 млн руб., а это и была бы выкупная сумма, которую через Китай пришлось бы внести американцам в российскую казну). Но, как видим, и эти сотни миллионов не остановили Николая в выборе между двумя курсами, не откладывая, в тот же момент, как они были предъявлены ему Извольским в виде альтернативы: с одной стороны — «совместной русско-японской опеки над Маньчжурией и даже над всем Китаем», и, с другой стороны, — «опасности», что Япония, «потеряв под давлением извне свое преимущественное положение в южной Маньчжурии, будет искать вознаградить себя на наш счет в Приморской области». Первому известию о том, что в американских кругах пришли к мысли о «необходимости

сговориться с Россией ввиду угроз Японии самостоятельности Китая вопреки соглашениям» (телеграмма от 29 августа 1909 г.), Николай был, разумеется, весьма рад, что и вырвалось у него в помете на телеграмме: «наконец» (Россия в Маньчжурии, стр. 566). Ибо это ставило его дипломатию на Дальнем Востоке в положение, до известной степени, «третьего радующегося». А ситуация, создавшаяся для него 8 ноября 1909 г., явилась тому и реальным подтверждением. Что Вильгельм потом утверждал (на чем и основывает свое замечание В. Аварин, цит. соч., стр. 118), что Николай был «склонен» к принятию американского предложения, — неудивительно уже по одному тому, что «желание есть отец мысли», и Вильгельм не мог не понимать, что здесь был шанс ослабить одно из звеньев английского окружения Германии. Не мог не понимать этого и Николай. Не исключено, что он и позолотил как-нибудь ожидавшую Вильгельма пилюлю, и, может быть, намек на это мы имеем в письме Вильгельма к Николаю от 11 января 1910 г. (Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 158): «Генрих в точности повторил мне все, что ты поручил передать мне. Я вполне разделяю твои взгляды. Вполне понимаю, что твое внимание поглощено ходом событий на Дальнем Востоке». Судя по тому, что привлекшие внимание В. Аварина пометы Вильгельма о «склонности» Николая к американскому проекту сделаны им на письме Пурталеса к Бетману от *25 января 1910 г.*, можно думать, что они делались под свежим впечатлением от устного сообщения принца Генриха, на которое Вильгельм ответил полным «разделением взглядов» в письме к царю всего за 2 недели до этих своих помет.

{666} Печатаемые в приложениях документы были в свое время опубликованы. Но они разбросаны в разных изданиях, которые не легко было бы в настоящее время читателю достать. В тексте книги эти документы упоминаются лишь мимоходом или цитируются скупо. Между тем предметы, которых они касаются, настолько актуальны для современного читателя, а интерес его к деталям подлинного дипломатического документа настолько возрос, что мне представилось необходимым пойти навстречу этому интересу и снабдить книгу предлагаемыми документальными иллюстрациями.

{667} Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906, стр. 1–13. — Начальная клаузула обмена полномочий опускается.

{668} Сб. дог. и дипл. док., стр. 56–60.

{669} Подобные же ноты обменены были между японским министром иностранных дел и французским и германским посланниками в Токио (примеч. изд.).

{670} Сб. дог. и дипл. док., стр. 63–64.

{671} От 11 сентября 1895 г. (примеч. изд.).

{672} Сб. дог. и дипл. док., стр. 66–67. Идентичная нота российского посланника в Токио от 6/18 октября 1895 г. опускается.

{673} Сб. дог. и дипл. док., стр. 89–92. — Клаузула обмена полномочий опускается.

{674} Сб. дог. и дипл. док., стр. 146–148.

{675} Перевод с французской копии, снятой И. П. Шиповым, в деле № 20 3 отд. Канц. министра финансов (Борьба классов, № 1–2, Л., 1924. стр. 102–104).

{676} Сб. дог. и дипл. док., стр. 159–162.

{677} Секретные статьи приведенного протокола, опубликованные у Б. Э. Нольде (Внешняя политика, Пгр., 1915, стр. 247, прим.), гласят (в переводе Б. Э. Нольде):

«I. Если спокойствие и порядок в Корее были бы нарушены или подверглись серьезной опасности вследствие какой-нибудь внутренней шли внешней причины и если русское и японское правительства, по взаимному соглашению, сочли бы необходимым притти на помощь местным властям посредством посылки войск, сверх того количества, которое необходимо для безопасности их подданных и для охраны телеграфных линий, то оба императорских правительства, желая предотвратить всякое столкновение между их военными силами, определят район действий, назначенный для каждого так, чтобы между войсками обоих правительств оставалось пространство, свободное от всякой оккупации.

II. До сформирования в Корее нужных войск, упомянутых в ст. II гласных постановлений сего протокола, предварительное соглашение, подписанное д. с. с. Вебером и г. Комура касательно права России и Японии содержать равное количество войск в королевстве, остается в силе; что касается личной безопасности короля, то установленный для этой цели порядок будет равным

образом сохранен, впредь до сформирования отряда туземных войск, специально предназначенного для этой службы».

{678} *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии. Л., 1928, стр. 144–145. — Текст «ответных пунктов» доставлен был министром иностранных дел Лобановым министру финансов Витте 16 июня 1896 г. с пояснением, что они «высочайше одобрены».

{679} Печатный экземпляр «перевода» контракта (в деле № 7, ч. 1, 3 отд. Канцелярии министра финансов).

{680} Сб. дог. и дипл. док.. стр. 331–337.

{681} Сб. дог. и дипл. док., стр. 338–339.

{682} *Mac Murray,* Treaties und agreements with and concerning China, v. I, New York, 1921, стр. 127–128. Перевод с англ.: *Э. Д. Гримм.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, М., 1927, стр. 120–121.

{683} Сб. дог. и дипл. док., стр. 345–348.

{684} Сб. дог. и дипл. док., стр. 358–359.

{685} Идентичная нота великобританского посла в С.-Петербурге от того же числа опускается.

{686} Сб. дог. и дипл. док., стр. 361–362.

{687} Идентичная дополнительная нота российского министра иностранных дел от того же числа опускается.

{688} *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 296–299. На совещании присутствовали Ламсдорф, Витте и Куропаткин. В основу этого проекта был положен проект Витте. — Курсивом набраны изменения, внесенные в проект Витте Ламсдорфом.

{689} В проекте Витте фраза, вместо этого, начиналась: «Независимо от охранной стражи...»

{690} Далее у Витте было: «по мере успокоения страны и окончания постройки Китайской Восточной ж. д. русское правительство будет постепенно сокращать численность расположенных в Маньчжурии войск. К этому сокращению уже приступлено. Если порядок не будет нарушен, то численность этих войск будет сокращаема в следующей постепенности: <по мере окончания постройки на участках: 1) от Харбина до Пограничной, 2) от Харбина до Порт-Артура и 3) от Харбина до ст. Маньчжурия>».

{691} В проекте Витте: «и Китайской Восточной ж. д.».

{692} В проекте Ламсдорфа от 16 января было: «пока не будут отозваны русские военные силы из названной провинции». Редакция окончательного проекта установлена по желанию Витте (см. письмо его к Ламсдорфу от 16 января в д. № 75, ч. I).

{693} В проекте Витте то же формулировано иначе: «На цзяи-цзюней Маньчжурии, фудутунов и всех местных должностных лиц возлагается ответственность за сохранение в стране порядка и спокойствия вообще и в особенности за то, что на Китайскую Восточную ж. д., ее предприятия и ее служащих не будет сделано нападений. Китайское правительство обязуется, по заявлению русского посланника в Китае о несоответствии указанному условию деятельности кого-либо из сих должностных лиц, до цзян-цзюней включительно, немедленно смещать это лицо».

{694} В проекте Витте было только: «Ввиду практических неудобств, затрудняющих применение ст. 4 СПб., дополнительного протокола 25 апреля/7 мая 1898 г., китайское правительство соглашается на отмену этой статьи».

{695} Далее опущено из проекта Витте о «готовности» русского правительства «всю имеющую причесться ему сумму или часть оной получать за счет китайского правительства с Общества Китайской Восточной ж. д.» и о присоединении Обществом «уплаченного им русскому правительству вознаграждения к сумме своих убытков».

{696} Далее опущена целиком ст. 10-я проекта Витте с перечислением концессий, предоставляемых Обществу Китайской Восточной ж. д.

{697} Далее опущено из проекта Витте: «о замене этой концессии — правом на достройку и эксплоатацию жел. дорог Шаньхайгуань — Инкоу — Синьминьтин, с ликвидацией существующих

ныне обязательств китайского правительства по этим линиям, может последовать между заинтересованными сторонами особое соглашение».

{698} «Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.». СПб., 1906, стр. 67 и 71. — В сведенном виде см.: *Б. А. Романов.* Россия в Маньчжурии, стр. 335–336. — Курсивом набраны русские поправки, разрядкой в прямых скобках — слова японского проекта, выпущенные в русском.

{699} Русский проект оставлял японцам на выбор обе формулировки: или взаимную, или одностороннюю.

{700} Очень возможно, что весь п. 5-й внесен был по указанию Витте: см. «Записки» Гаяси в «Изв. мин. иностр. дел» (1913, кн. V, стр. 330). 335–336.

{701} Сб. дог. и дипл. док., стр. 527–530.

{702} Впоследствии английским правительством была опубликована следующая «дополнительная к соглашению дипломатическая нота»: «В отношении соглашения, заключенного нами сегодня от имени наших правительств, я имею честь сообщить Вам, что британское/японское правительство признает, что морские силы Великобритани/Японии должны, в меру возможности, действовать в согласии с морскими силами Японии/Великобритании во время мира, и соглашается, что должны быть предоставлены взаимные облегчения по ремонту и снабжению углем морских судов одной стороны в портах другой, равно как и иные преимущества, способствующие благосостоянию и эффективности флотов обеих держав. В настоящий момент японское и великобританское правительства каждое содержит на Дальнем Востоке морские силы, превышающие силы любой третьей державы. Великобритания/Япония не имеет намерения оставлять свои усилия поддерживать, по мере возможности, готовые к концентрации в водах Дальнего Востока морские силы, превышающие силы любой третьей державы» (British documents on the Origins of the War, v. II, London, 1927, стр. 119).

{703} Сб. дог. и дипл. док., стр. 531–535.

{704} Сб. дог. и дипл. док., стр. 535–545.

{705} Дело № 129 Канцелярии министра финансов: «О доходах и расходах казны на Дальнем Востоке» (см.: Россия в Маньчжурии, стр. 44).

{706} Красный архив, т. 5, стр. 12 и 13.

{707} Перевод с французского. На подлиннике пометка рукой Ламздорфа: «Доложено и высочайше одобрено в Царском Селе 22 октября 1904 г.».

{708} Перевод (Красный архив, т. 5, стр. 25).

{709} Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россиею и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа/5 сентября 1905 г. СПб., 1906, стр. 5–6. — Японцы представили английский текст в сопровождении французского перевода. Здесь дается перевод с английского.

{710} Пункты 5, 7, 9, 10, 11 были отчеркнуты Николаем II на полях: целиком; пункт 8 отчеркнут начиная от слов: «при условии...». См.. телеграмму Витте к министру иностранных дел из Ньюкастля от 28 июля/10 августа 1905 г. — Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россиею и Японией о заключении мирного договора 24 мая — 3 октября 1905 года. СПб., 1906, стр. 108–109. Телеграмма эта была представлена Николаю II при записке от 29 июля. На ней помета Николая: *«Конечно эти условия неприемлемы, те, которые мною отчеркнуты».*

{711} Протоколы Портсмутской конференции, стр. 12–16. Текст русского ответа — на французском языке.

{712} В силу §11 акта от 27 августа/8 сентября 1896 г., разрешавшего Русско-Китайскому банку постройку железной дороги, акта, который был подтвержден конвенцией от 12/24 июня 1898 г. на постройку южноманьчжурской ветви, китайское правительство имеет право выкупить линию по истечении 36 лет со дня окончания постройки и открытия линии. (Примечание подлинника, — *Б. Р.).*

{713} Сб. дог. и дипл. док., стр. 741–752. — Клаузула обмена полномочий опускается.

{714} *А. М. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926, стр. *75* (в переводе министерства иностранных дел); стр. 343 (французский текст). Подписана Обручевым и Буадеффром 17 августа 1892 г.

{715} Перевод французского текста, опубликованного: *А. М. Зайончковский.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926, стр. 344–346.

{716} Готовыми ко всякому виду операций (примечание подлинника).

{717} Подписано Извольским и Мотоно. См.: *Э. Д. Гримм.* Сборник документов..., стр. 168–169.

{718} В указателе сделаны следующие отступления от алфавита: 1) названия акционерных обществ и товариществ объединены под словом «акционерные компании»; 2) названия банков — под словом «банки»; 3) войн — под словом «войны»; 4) названия дипломатических документов (договоры, ноты, соглашения и т. п.) под словом «дипломатические акты»; 5) названия железных дорог — под словом «железные дороги»; 6) названия союзов — под словом «союзы».